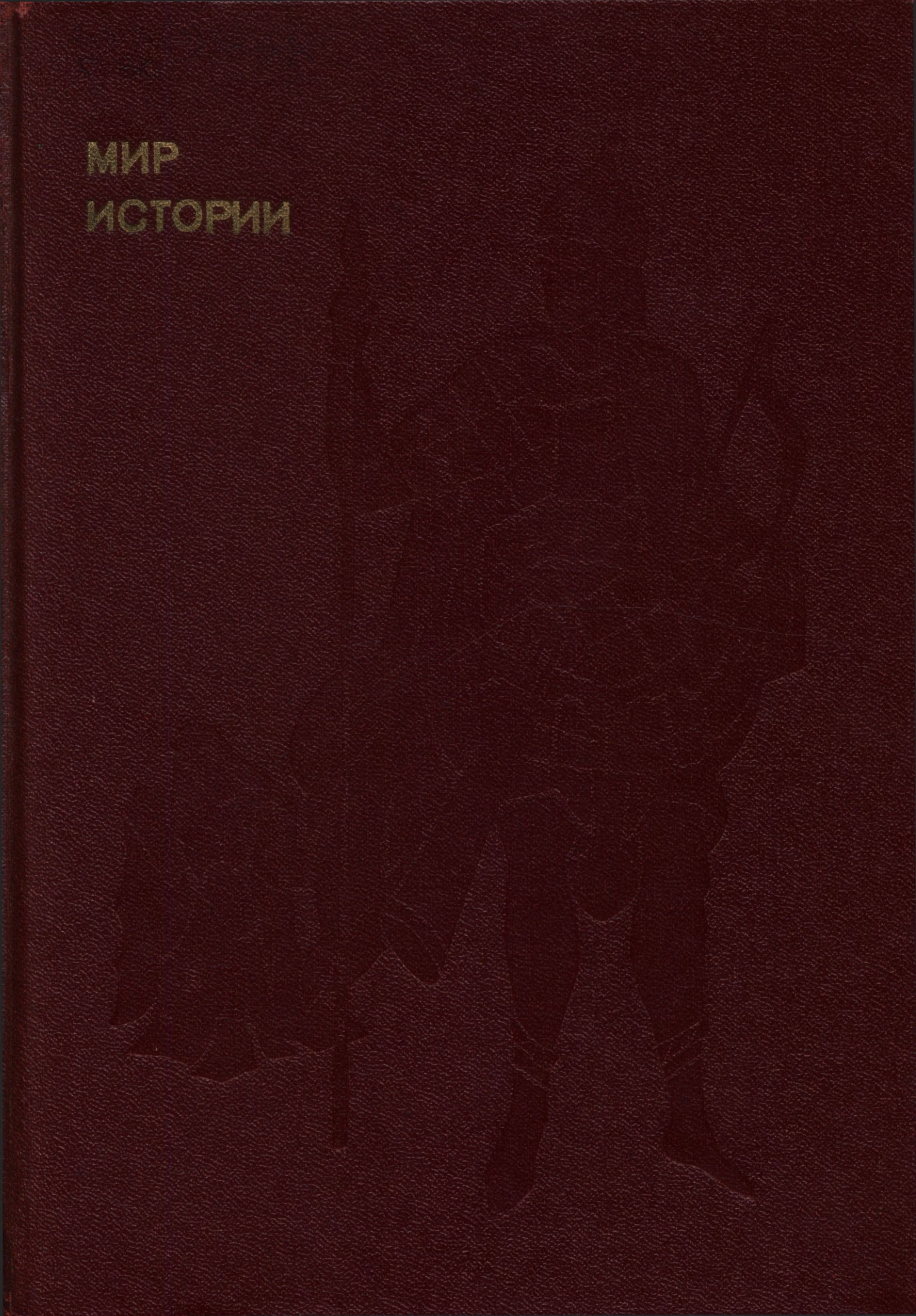

МИР
ИСТОРИИ

МИР ИСТОРИИ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»
1986

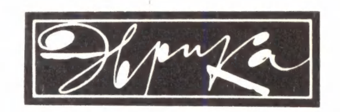
Игорь Борисович Греков — известный советский историк. Основная область его научных интересов — политическая история стран Восточной Европы периода феодализма. Он автор монографий «Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв.» и «Восточная Европа и упадок Золотой Орды» и нескольких десятков статей.

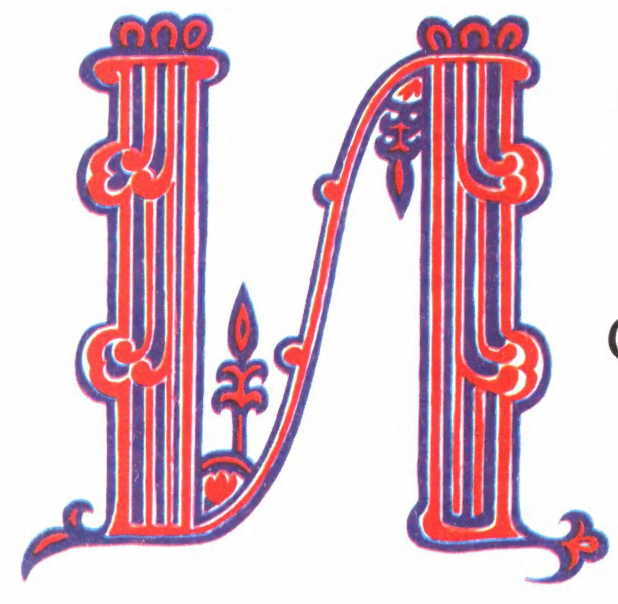
Федор Федорович Шахмагонов — известный советский писатель, автор романов «Тихие затоны», «Лихова пустынь», «Хранить вечно», многих повестей и рассказов. Он также автор исторического романа «Ликуя и скорбя», посвященного эпохе Куликовской битвы, и ряда исследований: «На Куликовом поле», «Кого предал рязанский князь Олег» и других.

Первую книгу, выпущенную в серии «Мир истории», — «Начальные века русской истории» написал академик Б. А. Рыбаков.

МИР

И. Б. ГРЕКОВ,
Ф. Ф. ШАХМАГОНОВ

СТОРИИ

*РУССКИЕ ЗЕМЛИ
В XIII—XV ВЕКАХ*

Художник
К. СОШИНСКАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Г $\frac{0505010000-140}{078(02)-86}$ 275—85

ОТ АВТОРОВ

Сложными и трудными были исторические судьбы русских земель в XIII—XV веках. Это была тяжкая эпоха ордынского владычества в Восточной Европе, но вместе с тем и время постепенно нараставшего противодействия русского народа этому владычеству, которое привело во второй половине XV века к крушению власти Орды в восточноевропейском регионе, к созданию Русского централизованного государства. Этой эпохе предшествовал длительный и очень важный период самостоятельного развития Русской земли, который обеспечил ей весьма видное место в системе европейских государств раннего средневековья и предопределил многое в ее последующей исторической жизни.

Последнее обстоятельство обязывает нас четко представлять себе главные линии исторического развития Руси в так называемый «домонгольский» период.

Первый и весьма значительный этап истории Русской земли этого периода был связан с созданием раннефеодального Древнерусского государства с центром в Киеве. Этот этап характеризовался подъемом производительных сил у восточных славян (прежде всего в земледелии, ремесле), складыванием феодальных отношений, формированием древнерусской народности с ее общей материальной и духовной культурой, единым языком и единым этносознанием. Киев как столица Древнерусского государства почти всегда на протяжении X—XI — начала XII века так или иначе подчинял себе все центры Русской земли, в том числе и второй по значимости город Древней Руси — Новгород, направляя обычно для этой цели на берега Волхова князя-наместника (чаще всего старшего сына великого киевского князя).

Второй этап ранней истории Руси был ознаменован утверждением феодальной раздробленности Русской земли; этап, порожденный дальнейшим развитием феодальных отношений, созданием нескольких независимых и полунезависимых земель-княжений, становлением рядом с Киевом и Новгородом других почти таких же крупных городов (ими были Чернигов, Полоцк, Смоленск, Галич, Суздаль, Владимир и др.). Они соперничали друг с другом за лидерство в системе русских княжеств, содействуя тем самым усилению борьбы центробежных и центростремительных сил в стране.

Одним из важных показателей утверждения этих новых

тенденций политической жизни Руси была возникшая после бурных новгородских событий 1136 года практика «приглашения» на берега Волхова князей-наместников не только из Киева, но также из других крупных центров Русской земли. Произошедшая тогда замена в Новгороде киевского князя-наместника представителем черниговского правящего дома стала нормой политической жизни Руси на длительное время. Осуществившаяся в 1136 году замена князей-эмиссаров на волховских берегах таким образом оказалась важным событием не только новгородского, но широкого общерусского значения, принципиально изменившим характер взаимоотношений Новгорода с различными княжескими домами Русской земли.

Если те или иные великие князья видели теперь в перспективе своего утверждения на берегах Волхова признание уже достигнутого ими перевеса над другими великими князьями, а также усматривали вероятность дальнейшего усиления в системе русских княжеств, то новгородцы, имея возможность «выбора» князей-наместников (или, вернее, оказываясь перед необходимостью их частой смены под нажимом тех или иных преуспевающих княжеских домов Русской земли), получали шанс не только ограничить в чем-то власть этих князей-наместников и тем самым несколько расширить политическую автономию Новгородской земли, но и упрочить экономические контакты Новгорода с тем великим княжением, которое направляло тогда своих князей-эмиссаров на волховские берега.

Третий важный этап «домонгольской» истории Руси был связан с усилением центростремительных тенденций в развитии отдельных русских земель на рубеже XII—XIII веков, однако лишь с усилением таких тенденций, но отнюдь не с их торжеством.

Симптомы усиления этих тенденций особенно четко проявились в политическом развитии Северо-Восточной Руси, а также в Галицко-Волынской Руси. Попытки консолидации Руси вокруг новых центров можно видеть в политике владимиро-суздальских князей. Такие попытки предпринимал князь Андрей Боголюбский (1157—1174), который добился подчинения Владимиру не только Рязани, Смоленска, Полоцка, Новгорода, но также некоторых центров Южной Руси (он организовал, как известно, поход на Киев в 1169 году, оставил своих наместников в Киеве и Переяславле Русском).

План консолидации русских земель вокруг Владимира выдвигал и другой хорошо известный владимирский князь, Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1176—1212), сумевший, несмотря на сохранявшиеся центробежные тенденции, широко раздвинуть границы своего политического влияния. Этому князю удалось в той или иной мере подчинить себе Рязань, Смоленск, Киев и Новгород. Не случайно именно в это время суздальские князья-наместники часто появлялись на берегах Волхова, не случайно в этот период стала ут-

верждаться и формула «великий князь Владимирский и Новгородский».

Претендентами на ведущую роль в политической жизни Русской земли в тот период были также Галичина и Волынь. Если в середине XII века перед угрозой феодальной экспансии со стороны Польши и Венгрии Галицкая Русь отстаивала свой статус составной части Русской земли, выступая лишь в качестве партнера одного из претендентов на гегемонию в общерусском масштабе, а именно суздальского князя Юрия Долгорукого, то позже, при князе Романе Мстиславиче (погиб в 1205 году), а также при князе Мстиславе Удалом роль Галицко-Волынской Руси в системе русских княжеств становилась все более активной и более самостоятельной. Видимо, не случайно они оба были князьями-наместниками в Новгородской земле (Роман Мстиславич еще в 1168—1170 году, Мстислав Удалой в 1210—1216 году). Показательно, что именно в союзе с новгородцами южный князь Мстислав Удалой нанес поражение суздальским войскам на реке Липице в 1216 году, явно рассчитывая при этом утвердить свое влияние не только в Новгороде, Суздале, но и во всей Русской земле.

Учитывая все сказанное, можно утверждать, что восточные славяне в так называемый «домонгольский» период своей истории прошли большой путь развития, добились многого как в сфере внутренней жизни страны, так и на международной арене. В частности, они добились значительных результатов в хозяйственном освоении Восточно-Европейской равнины, в социально-экономическом развитии страны, в строительстве городов, в формировании древнерусской народности, в утверждении раннефеодальной государственности, в установлении мирных контактов со многими оседлыми народами Восточной Европы.

«Сложение русской государственности,— подчеркивает академик Б. А. Рыбаков,— не сопровождалось оттеснением или истреблением тех лесных племен, с которыми соприкасались в своих походах за данью дружинники киевских князей тысячу лет назад: литовцы и карелы, мордва и латыши, эстонцы и чуваши — все они являются равноправными членами нашей советской семьи народов, и все они в свое время были вовлечены в важный процесс первичной феодализации в системе Киевской Руси».

Однако занятая сложными внутренними и социально-политическими процессами, Русь отнюдь не была свободна от необходимости вести вооруженную борьбу с некоторыми своими воинственными соседями. Поэтому ничего не было удивительного в том, что русский землепашец, склонный прежде всего к мирному труду, должен был одной рукой держаться за соху, а другой — за меч. К этому его вынуждала необходимость обороны от натиска беспокойных соседей, и прежде всего от натиска степняков-кочевников.

Одному из первых киевских князей, Святославу, пришлось совершить поход на Волгу и Дон, чтобы поразить

могущественный хазарский каганат, который не давал мира и спокойствия русским землям. Хазар сменили печенеги, едва Русь смирила печенегов, явились половцы...

Не зная угрозы вторжения кочевников, Западная Европа могла спокойно развиваться, поскольку между ее государствами и степью стоял надежный русский щит.

В начале XIII века на территории Восточной Европы нахлынула еще одна мощная волна кочевников, несметные полчища татаро-монгол, руководимые Чингисханом и его полководцами. Если первое их появление ограничилось разведкой и свелось к одной военной победе, одержанной над русскими дружинами на реке Калке в 1223 году, то вторжения армии Батыя в 1237 и 1240 годах привели к завоеванию сначала Северо-Восточной, а потом и Юго-Западной Руси.

В сущности, такой исход столкновения ордынских полчищ с русским войском был предрешен: он был прежде всего обусловлен разными стадиями развития феодализма в Монгольской империи и на Руси в начале XIII века. Империя Чингисхана была тогда огромным раннефеодальным, еще достаточно «централизованным» государством с сохранившимися пережитками эпохи «военной демократии» (в распоряжении ордынских правителей была большая, хорошо дисциплинированная и весьма боеспособная армия). Русская земля, расчлененная на отдельные княжества, не могла противопоставить этому противнику сколько-нибудь равноценный военный потенциал. Наметившиеся на рубеже XII—XIII веков в Северо-Восточной и Юго-Западной Руси центростремительные тенденции никак не могли изменить сложившееся тогда соотношение сил между консолидированной империей Чингисхана и политически раздробленной Русской землей, не могли предотвратить торжество завоевателей.

Немалая угроза нависла тогда и над странами Западной Европы: после покорения Владимирской Руси и Киевщины полчища Батыя двинулись в Польшу, Венгрию, к берегам Адриатики. Однако Батый сравнительно быстро покинул пределы Западной Европы, видимо, хорошо понимая невозможность ее завоевания, когда в тылу оставалась не до конца сломленная Русь. Таким образом Русская земля и на этот раз стала щитом для европейской цивилизации. А. С. Пушкин писал: «России определено было высокое предначертание: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь...»

И действительно, уже огромные размеры Русской земли создавали большие трудности для управления ею ордынскими властями. Но, кроме масштабности Русской земли, нужно было иметь в виду еще и большую сложность тогдашней политической обстановки в Восточной Европе, которую Орда не могла игнорировать, если хотела установить надеж-

ный политический контроль над Русью, а также иметь здесь гарантированный источник постоянных доходов (в виде «царева сбора», «ордынского выхода» и т. д.). А политическая обстановка в этом регионе характеризовалась тогда продолжавшейся борьбой центробежных и центростремительных сил, соперничеством многих земель-княжеств друг с другом, чем ордынские правители стали умело пользоваться, разумеется, в своих интересах.

На эту особенность ордынской политики на Руси обратил внимание еще К. Маркс. «Для того, чтобы поддержать рознь среди русских князей...— писал он,— монголы восстановили достоинство великого княжения».

Справедливость этого наблюдения подтверждается всей ордынской политикой XIII—XV веков в Восточной Европе, политикой единой в своих стратегических целях, но разной в тактических приемах ее осуществления.

Так, в 40—50-е годы XIII века, когда тенденция разделения Монгольской империи на отдельные улусы сдерживалась политическим сотрудничеством хана Батыя, а потом и хана Берке с тогдашними правителями Каракорума, ордынская дипломатия, действуя в широких масштабах всей Русской земли, восстановила два великих княжения, явно используя при этом «общерусскую» географию их размещения. На рубеже 40—50-х годов стали одновременно функционировать великое княжение во Владимире, переданное тогда князю Андрею Ярославичу, и великое княжение в Киеве, отданное Александру Ярославичу Невскому с предоставлением ему права распоряжаться судьбой Новгорода. Тогда же Орда организовывала походы на Галицкую Русь, чтобы включить ее в орбиту своего влияния.

Когда же в 60-е годы XIII века тенденция распада Монгольской империи восторжествовала, правители Каракорума перебрались в Пекин, а «улус Джучи», добившись независимости, сам оказался перед перспективой раздробления и, следовательно, значительного ослабления (в связи с созданием темником Ногаем самостоятельного «удела» в Северном Причерноморье), ханы Волжской Орды были вынуждены сократить на какое-то время размах своей политической активности в Восточной Европе.

Создавшаяся здесь новая расстановка сил привела к тому, что сфера политического влияния Орды несколько сократилась, а «география» княжений и городов, направлявших с согласия Орды своих князей-эмиссаров в Новгород, не стала выходить за пределы Северо-Восточной Руси. Теперь Волжская Орда давала ярлыки на Владимирское княжение и на Новгород обладателям таких мало значивших тогда центров этой части Русской земли, как Переяславль, Кострома, Городец, Москва, Тверь.

Политическая жизнь западнорусских земель в этот период протекала при том или ином участии темника Ногая, управлявшего на протяжении чуть ли не 40 лет созданным им татарским улусом в Северном Причерноморье (с 1265 по

1300 год). Правда, это участие долгое время маскировалось сохранявшейся формально зависимостью Ногая от Волжской Орды. Защищая автономию своего улуса от претензий Сарая, стараясь в то же время не допустить роста Владимирского княжения за счет Западной Руси, Ногай, видимо, поддерживал тенденцию консолидации западнорусских и литовских земель в едином государственном организме. Весьма показательно, что татарские походы второй половины XIII века в сторону Литвы, осуществлявшиеся при участии русских вассалов и, возможно, с санкции Ногая, в конечном счете не помешали установлению сотрудничества западнорусских и литовских феодалов, не задержали формирования Великого княжества Литовского и Русского, происходившего на рубеже XIII—XIV веков.

Общерусский характер восточноевропейской политики Орды стал возрождаться после ликвидации «удела» хана Ногая в 1300 году, после восстановления целостности «улуса Джучи», что произошло при хане Тохте (1290—1312) и хане Узбеке (1312—1342). Так, уже в 20—30-е годы XIV века правители Волжской Орды стали снова широко использовать противоборство центробежных и центростремительных сил в масштабах всей Русской земли, умело практикуя при этом сталкивание формировавшихся тогда в Восточной Европе двух великих княжений — Владимирского, сложившегося на землях Северо-Восточной Руси, и Великого княжества Литовского и Русского, образовавшегося на территории Западной Руси и Литвы.

Формирование в основном на древнерусских территориях этих двух великих княжений происходило в рамках тех же закономерных процессов восстановления целостности раннефеодальных государств X — начала XII века, которые, например, на польских землях почти полностью завершились к началу XIV века. На русских землях они были заторможены воздействием таких значительных внешнеполитических факторов, какими были Орда на востоке, Польша и Орден — на западе.

Ордынские правители поддерживали равновесие между этими княжениями, сталкивая их друг с другом и поощряя их претензии на общерусское лидерство, а также на закрепление за ними позиций в Новгороде.

Правители Польши и Ордена также поддерживали конфронтацию этих двух княжений, пытаясь в то же время расширить свои владения за счет Великого княжества Литовского и Русского (Орден — за счет Жемайтии, а Польша — за счет западнорусских земель, входивших в состав этого княжества). Характерно, что восточноевропейская политика Орды и восточная политика Польши иногда смыкались. Так, раздел Галицко-Волынской Руси в начале 50-х годов XIV века происходил при явном участии ордынской дипломатии.

Не исключено, что Орда, напуганная военно-политической активностью Владимирского княжения на рубеже 70—80-х годов XIV века, не возражала и против польско-

литовской династической унии 1385 года, наметившей включение Литовско-Русского княжества в состав Польского государства, а вместе с тем и усиления этого нового государственного образования в качестве более надежного противовеса Москве.

Поскольку в этом достигнутом тогда фактическом разделе Русской земли были кровно заинтересованы могущественные ее соседи — Орда и Польское государство,— обособленное существование русских земель становилось политической реальностью международной жизни региона на довольно длительное время.

В этих новых условиях западнорусские земли постепенно осваивались польскими феодалами и католической церковью, а ведущим и теперь единственным ядром консолидации Русской земли становилась Северо-Восточная Русь. Именно она стала оплотом борьбы с натиском внешних сил, а также основой формирования Русского централизованного государства.

Таковы главные линии сложного исторического развития русских земель в XIII—XV веках. Рассмотрение их — актуальная задача, поскольку именно в этом периоде лежит ключ к пониманию дальнейшей истории всего восточного славянства, к раскрытию взаимодействия тенденций обособления отдельных частей Русской земли с тенденциями сохранения ее единства. Именно в этом периоде истории Русской земли берут начало различные концепции ее дальнейшей исторической жизни, именно этот период оказался в фокусе полемики между идеологами разных направлений.

В сущности, споры о причинах обособления отдельных частей Русской земли, споры о реальной исторической значимости как их обособления, так и сохранения ими общерусских традиций начались уже в XIV—XV веках и не утихают до нашего времени.

Уже русские летописи XIV—XV веков, а также внелетописные произведения древнерусской литературы того времени доказывали необходимость восстановления целостности всей Русской земли, связывая осуществление этой задачи как с освобождением от ордынского ига, так и с ликвидацией польско-литовской династической унии. В то же время, начиная с польского хрониста Яна Длугоша, польские хроники различными историческими и религиозными «аргументами» пытались оправдать присоединение к католической Польше территорий литовцев-язычников и западно-русских земель православных «схизматиков».

Особенно обострился вопрос о судьбах русских земель XIII—XV веков в историографии второй половины XIX века, когда некоторые западные державы начали разрабатывать проекты передела Восточной Европы за счет отторжения от России Украины и Белоруссии.

Напряженная политическая борьба на Европейском континенте в середине и во второй половине XIX века, ход и результаты Крымской войны вызвали к жизни серию работ

польского историка Ф. Духинского, выступавшего с концепцией «турано-монгольского» происхождения «москалей» и польского происхождения украинцев и белорусов. Такое толкование этнической истории Восточной Европы должно было «теоретически» обосновать требования польских идеологов того времени и стоявших за ними правителей Франции и Англии — восстановить на территории Восточной Европы политические границы, возникшие в результате раздела Русской земли на рубеже XIV—XV веков и просуществовавшие вплоть до 1772 года.

Однако, несмотря на особую актуальность в глазах правителей ряда европейских стран, схема Духинского просуществовала недолго: она оказалась настолько несостоятельной в научном плане, что сравнительно быстро себя дискредитировала.

Тем не менее ее стержневая идея — идея «извечной» расщепленности восточного славянства на будто бы чуждые и враждебные друг другу этносы и «цивилизации» — отнюдь не была отброшена. Уже через несколько лет после первых публикаций Духинского на той же основе искажения общерусского исторического процесса стали возникать новые «разработки» этой проблемы.

Зерна, заложенные в построениях Духинского, а потом Свентицкого, дали бурные всходы в трудах лидера украинских буржуазных националистов М. Грушевского, развернувшего свою научно-публицистическую деятельность на рубеже XIX—XX веков в Австро-Венгрии.

Настаивая на извечности раздельного существования украинского, белорусского и русского народов, Грушевский обрушился и на сам термин «Русь», по существу, доказывавший единство происхождения всех трех народностей. Так, накануне первой мировой войны Грушевский призвал к отказу от использования таких терминов, как «Украина —Русь», «Русь» применительно к историческому прошлому Среднего Поднепровья, считая их «предательскими», вредными для намеченного им разобщения восточнославянских народов и в связи с этим непригодными «как для современной жизни (Восточной Европы.— Авт.), так и для прежних ее фазисов».

После окончания первой мировой войны ту же концепцию «извечности» границ 1385—1772 годов стали усиленно разрабатывать некоторые историки буржуазной Польши — М. Лимановский, О. Галецкий, Г. Пашкевич и др. На протяжении 20-х и начала 30-х годов в буржуазной Польше работал ученик М. Грушевского — Д. Дорошенко, который с 1933 до 1945 года находился в фашистской Германии, где и перешел на службу к германскому фашизму.

В послевоенный период восточноевропейская история продолжала разрабатываться под тем же углом зрения «извечной» обособленности трех братских восточнославянских народов не только в ФРГ, но также в Англии, Франции, Италии, Канаде и прежде всего в США, куда переместился глав-

ный центр тенденциозного «изучения» восточноевропейского исторического процесса.

Послевоенные фальсификаторы истории восточного славянства пытаются изобразить чуть ли не всю тысячелетнюю историю восточноевропейских стран под углом зрения борьбы «европейской» и «азиатской» цивилизаций.

Реакционные историки вынуждены подкреплять свои надуманные концепции созданием заведомо ложных представлений о Древнерусском государстве, видя в нем не единый фундамент будущей истории всех ветвей восточного славянства, а эфемерное политическое образование, за которым не было будто бы ни солидной социально-экономической и политической базы, ни широкой моноэтнической основы и которое возникло лишь в результате вмешательства внешних сил: либо норманнов-воинов, либо греков-церковников.

Отрицая существование обширного Древнерусского государства, древнерусской народности, фальсификаторы истории стремятся при этом «логически» доказать, что закономерный процесс восстановления целостности Русской земли (процесс, хорошо известный и другим странам средневековой Европы), политика собирания русских земель вокруг одного центра (им оказалась, как известно, Москва), программа воссоединения украинского, белорусского и русского народов в едином восточнославянском централизованном государстве — все это лишь проявление «традиционного московско-азиатского империализма». Естественным для историков этого круга было и объявление всенародного акта воссоединения Украины с Россией в 1654 году «агрессией» Москвы.

В то же время наступательную политику римско-католической церкви, немецкого Ордена, феодальной Польши на восточнославянских землях в эпоху феодализма они трактуют как проявление «закономерного» процесса интеграции Европы.

История русских земель в XIII—XV веках, естественно, изучалась и в отечественной историографии. Для исследования этого периода много сделали видные русские историки XIX — начала XX века: Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. К. Любавский, А. Е. Пресняков и другие. Правда, при всей значимости собранного ими фактического материала отдельные их положения и даже концепции были тенденциозны: в частности, некоторые историки переоценивали роль династического начала в истории Северо-Восточной Руси, многие из указанных исследователей не придавали должного значения происходившим в XV—XVII веках процессам формирования украинской и белорусской народностей.

Естественно, с иных позиций изучалась рассматриваемая эпоха истории восточнославянских земель в советское время. Продолжали исследовать данный период в 20-е годы М. К. Любавский, А. Е. Пресняков. Позднее много занимались

его разработкой советские историки М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, Б. А. Рыбаков, И. И. Смирнов, А. Н. Насонов, В. Л. Янин, Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, В. Т. Пашуто, М. Г. Сафаргалиев, Г. А. Федоров-Давыдов, В. Н. Каргалов, В. А. Кучкин, В. Л. Егоров и другие.

Труды этих исследователей значительно углубили наши представления об историческом развитии ведущих восточноевропейских государств в этот период, показали сложную роль Ордынской державы в тогдашних исторических судьбах стран Восточной Европы.

Авторы предлагаемой книги видели свою задачу в том, чтобы, используя труды многих своих предшественников, а также результаты собственных изысканий, создать научно-популярный очерк истории русских земель XIII—XV веков, в котором нашли бы место марксистское освещение основных проблем восточноевропейского исторического процесса в указанный период, а также критика попыток фальсификации этого процесса, которые предпринимались и предпринимаются враждебными нам идеологами буржуазного мира.

НАШЕСТВИЕ

РУССКИЕ ЗЕМЛИ В НАЧАЛЕ XIII ВЕКА

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА В НАЧАЛЕ XIII ВЕКА

Положим на стол две карты, опускающие мелкие подробности, с общими очертаниями Русской земли в границах государства Киевская Русь и в начале XIII века, в эпоху феодальной раздробленности.

Сразу же бросается в глаза, что Киевская Русь имела выходы на два моря: на Балтийское и Черное. В XIII веке выход к Черному морю был отсечен. Выходы к Балтийскому морю на Новгородской земле подвергались ударам крестоносцев.

Западные границы Киевской Руси и русских княжеств с соседними государствами остались почти без изменений. Далеко в северные пределы Чуди Заволоцкой распространились владения Новгорода и, охватив берега Белого моря, достигли Печоры. Земля Суздальская перешагнула за Волгу и распростерлась до слияния Сухоны и Юга, в устье Юга укрепилась городом Устюг. Расширилось на юг Рязанское княжество, со стороны южных степей и Причерноморья обложили Русь половецкие орды.

Самым обширным русским владением стала Новгородская земля, включавшая Старую Руссу, Великие Луки, Торжок, Ладогу и далекие земли Заволочья. Новгород господствовал на важнейших торговых путях. С Днепра по Ловати в озеро Ильмень, из озера Ильмень по Волхову в Ладожское озеро. Из Ладожского озера два пути: один по Неве в Балтийское море, другой по Свири в Онежское озеро, оттуда на Белое озеро и по Шексне на Волгу.

На пути из Днепра по Западной Двине (на западном торговом пути) стоял Полоцк — стольный город Полоцкого княжества, соединявшего в своем уделе Витебск и Минск. Из Полоцкого княжества на Припяти выделилось княжество Турово-Пинское, смыкавшееся на юге с Киевским княжеством.

В межкняжеских усобицах, в борьбе за киевский стол Киевское княжество оказалось расхватанным на куски. Переяславль стал самостоятельным княжеством. Княжество Черниговское раскинулось от берегов Днепра до берега Дона, в него «врубилось» Новгород-Северское княжество с городами Новгород-Северский, Курск и Путивль. На юго-западе на границу с Венгрией и Польшей выдвинулось в Карпаты княжество

Галицко-Волынское с городами Брест, Владимир-Волынский, Луцк, Перемышль, Теребовль, Каменец, Галич. У истоков Днепра, Десны, Западной Двины и Волги, в сердце русских земель, раскинулось Смоленское княжество с городами Смоленск, Вязьма, Торопец, Ржев, Можайск.

Владимиро-Суздальское княжество охватило междуречье Оки и Волги, на его территории лежал путь из Белого озера по Шексне на Волгу. Стало быть, связано оно было не только с торговлей новгородской, что уже немало значило, но с торговлей европейской, и по Волге с Каспием, Средней Азией, Поднебесной империей, с Византией. По Москве-реке вел путь в Коломну, по Оке на Волгу и по Клязьме также на Волгу. Выход на Сухону и Устюг открывал дорогу по Северной Двине в Студеное море, а оттуда не только в Карелу, но и в Скандинавские земли и в Англию.

Во второй половине XII века сформировались новые центры Русской земли. Одним из них стал стольный город Владимир. От Дикого поля, от половецких набегов Владимир и его города охраняли непроходимые леса, болота, реки и речушки и Рязанско-Муромское княжество.

Тринадцатый век начался княжением во Владимире, на Владимиро-Суздальской земле Всеволода Юрьевича. Не так-то легко далась ему власть над землей, которую его покойный брат Андрей Боголюбский начал рассматривать как семейную собственность княжеского дома Юрьевичей.

Андрей пал жертвой боярского заговора. Не суть важно, кто ворвался в его опочивальню с мечами и ножами. За убийцами стояло старое ростовское и суздальское боярство, коему не по нутру было единодержавие, которое вводил Андрей Юрьевич. Суздальские и ростовские бояре грозились: «Пожжем Владимир или пошлем туда посадника: то наши холопы каменщики» (Переяславско-Суздальская летопись). Той же ненавистью боярство пылало и к другим новым городам.

Бояре, опасаясь, что братья Андрея Юрьевича унаследуют от него рвение к единовластию и учинят суд над убийцами, искали князей, которые смотрели бы из боярских рук.

Суздальская земля при Юрии Долгоруком, при сыне его Андрее Боголюбском начала отвыкать от междоусобиц, старое боярство сеяло новую смуту. На первом этапе Михаил и Всеволод Юрьевичи были оттеснены пришельцами, боярство сумело организоваться быстрее «холопов каменщиков», точнее говоря, простых людей. Во Владимире сел княжить Ярополк, младший Ростиславич, в Ростове — Мстислав, внуки Владимира Мономаха.

Золотые ворота во Владимире. 1164 год.

С приходом новых князей начались новые поборы, ростовские и суздальские бояре клонили к разграблению владимирцев и переяславцев. Торговцам, ремесленникам, землепашцам наглядно показали, что такое боярское княжение, что такое потеря единовластия. Владимирцы рассуждали: «Мы приняли князей на всей нашей воле, они крест целовали, что не сделают никакого зла нашему городу, а теперь они точно не в своей волости княжат, точно не хотят долго сидеть у нас, грабят не только всю волость, но и церкви; так промышляйте, братья!» Призыв был обращен к противникам Ярополка и Мстислава — князьям Юрьевичам — Михаилу и Всеволоду, братьям погибшего Андрея.

Обычный порядок временного княжения, которым жила Русь после Ярослава Мудрого, не устраивал владимирцев, познавших княжение князя постоянного, князя-вотчинника, оберегающего волость для своего рода, а не для передачи неведомо кому. И владимирцы призвали к себе братьев князя Андрея, изгнанных Ростиславичами.

Летописец полон недоумения, как могло статься, что князья Михаил и Всеволод Юрьевичи с малой дружиной изгнали Ростиславичей с Суздальской земли, возводя все к божественному провидению, и, сам того не замечая, высказал истину: «Не сумели ростовцы и суздальцы правды божией исправить, думали, что они старшие, так и могут делать все по-своему, но люди новые, худые владимирские, уразумели, где правда, стали за нее крепко держаться...»

Михаил Юрьевич сел за старшего во Владимире, оставив его стольным городом, Всеволода посадил в Переяславле. Михаил Юрьевич умер в 1176 году. Ростовские бояре опять было поспешили зазвать к себе Ростиславичей, но владимирцы опередили их и целовали крест Всеволоду Юрьевичу. Началось княжение Всеволода Большое Гнездо, утверждение и развитие традиций княжеского самовластия, заложенных Андреем Боголюбским.

Как и старший брат, Всеволод прежде всего прогнал с Суздальской земли всех племянников, что пытались спорить с ним за власть. Опираясь на низшие сословия, разрушил могущество старого ростовского и суздальского боярства. Характер Всеволода резко отличался от характера Андрея. Он не бросался в бой, как Андрей, впереди своей дружины. Поспешности в бою, азарту боя он предпочитал ловкий маневр. Несколько кампаний выиграл простым ожиданием.

Отец его — Юрий Долгорукий — положил немало сил, чтобы овладеть Киевом. Ходил на Киев и Андрей Боголюбский в 1169 году, когда этот город еще считался главным центром Русской земли. Теперь наряду с Киевом выросли и другие влиятельные центры — Чернигов, Смоленск, Галич, наконец, сам Владимир-на-Клязьме. Киевское княжение оказалось низведенным до уровня рядового княжества, произошло его разделение на волости, какая-то часть населения Среднего Поднепровья мигрировала в междуречье Оки и Волги. Теперь киевский князь уже не смел выйти из воли князя Всеволода. После смерти князя Андрея рязанские князья помогали Ростиславичам, что послужило предлогом для Всеволода наказать их и взять Рязанское княжество под свою руку.

Как свидетельствуют летописи, Всеволод был нетороплив, но настойчив в достижении своих целей. Утвердив свое старшинство меж князьями, подавляя

Медальон в ожерелье из клада, найденного в 1851 году у деревни Исады. Серебро. XII—XIII века.

враждебные группировки, он, разумеется, не мог оставить вне поля зрения и Новгород.

Как мы знаем, после событий 1136 года Новгородская земля по сложившейся традиции принимала у себя князей-наместников из того княжеского дома, который в этот момент был наиболее влиятельным, самым могущественным. Поэтому неудивительно, что усиление суздальского князя Всеволода заставило боярскую олигархию Новгорода обратиться именно в Суздаль с просьбой прислать князя.

Всеволод не сразу отправил одного из своих сыновей в Новгород. Он подождал, пока утвердится его ведущее положение в системе русских княжеств и

Дробницы на саккосе митрополита Алексия. Начало XIII века.

определится перевес его сторонников в Новгороде. Только когда это произошло, Всеволод стал направлять своих сыновей в Новгород в качестве князей-наместников.

В результате Суздальская земля со всеми ее городами, Рязанское княжество, Новгородская земля с Заволочью — все встало под власть Всеволода. Уже этого достаточно, чтобы понять, какая сила сосредоточилась в его руках.

По Угре и по ее притокам в пределы Владимиро-Суздальского княжества вклинивалось княжество Смоленское. Мы знаем, что родственные отношения даже в одной княжеской ветви не препятствовали борьбе за власть и кровной вражде между князьями. Сын Мономаха Мстислав Великий, брат Юрия Долгорукого, сумел утвердить свое потомство на нескольких княжествах. В Смоленске обосновался клан его сына Ростислава Мстиславича. (Не путать с сыном Мономаха Ростиславом Владимировичем, чьи сыновья Мстислав и Ярополк боролись с Юрьевичами за Суздаль и Ростов.) Из клана Ростислава Мстиславича вышли три Мстислава. Мстислав Романович, внук Ростислава и правнук Мстислава Великого, княжил в Смоленске и ничем особенным не прославился.

О других двух Мстиславах, о сыне Ростислава и о его внуке, получивших одинаковое прозвище Храбрых, речь впереди.

Как в свое время черниговский клан Ольговичей соперничал с киевскими князьями, когда Ольговичам не удавалось сесть в Киеве, так и на переломе XII

и XIII веков черниговские князья, не имея возможности выдвинуться в объединители Русской земли, оставались в оппозиции центростремительным силам.

Мы уже говорили, что Всеволод не был охоч до разрешения споров оружием и, прежде чем пустить в ход это крайнее средство, искал пути более гибкие.

Всеволод вытребовал себе во владение Поросье, волость по реке Рось, ту полосу Русской земли, от которой, возможно, и произошло название Русь. Это города Торческ, Треполь, Корсунь, Богуслав. В Киеве в это время княжил Рюрик Ростиславич, тоже правнук Владимира Мономаха и внук Мстислава Великого. Взяв у него Поросье и лишив его тем самым опоры на черных клобуков, Всеволод искусной интригой посеял рознь между Рюриком и его сыном Ростиславом и отсек возможность союза южных Мономашичей с черниговскими Ольговичами против северных Мономаховичей.

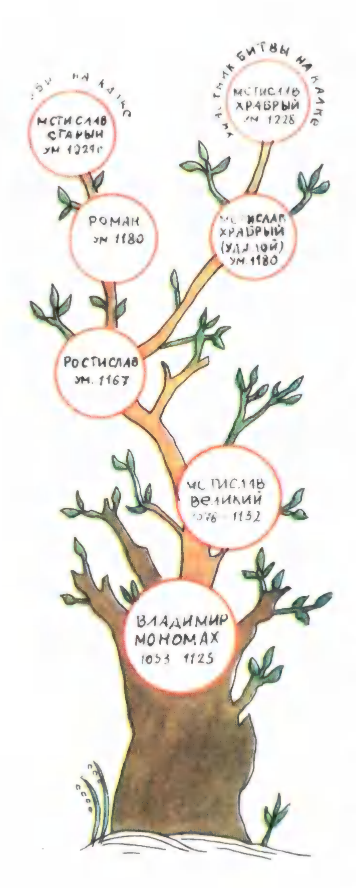
Упадок значения Киевского княжения был связан с усилением других центров Русской земли как на севере, так и на юге. Видимо, не случайно центр Южной Руси переместился из Киева и Чернигова на крайний юго-запад Русской земли, в Галицкую Русь.

Еще при Ярославе Осмомысле Галицкая Русь уже заявляла себя значительной силой. Автор «Слова о полку Игореве» восклицает: «Ярослав Осмомысл галицкий! Высоко сидишь ты на своем златокованом столе; ты подпер горы Венгерские своими железными полками, заступил путь королю венгерскому, затворил ворота к Дунаю, отворяешь ворота к Киеву».

Но сколь ни славен был Осмомысл, сколь ни потрудился над усилением Галицкого княжества, смерть его незамедлительно вызвала смуту между сыновьями. Умирая, Осмомысл завещал Галич младшему сыну Олегу, а не старшему — Владимиру. Галицкие бояре разделились. Одолели те, кто стоял за старшего. Владимир сел в Галиче. Олег убежал в Овруч и превратился в изгоя, но и Владимиру не удалось удержать Галицкое княжество за своим родом. Появился новый претендент на объединение Галицкой Руси, князь волынский Роман Мстиславич.

Ярослав Осмомысл происходил из рода Владимира Ярославича, одного из сыновей Ярослава Мудрого. Роман Мстиславич — это линия Всеволода и Владимира Мономаха через Мстислава Великого. По степени княжеского старшинства Владимир и Роман были равны. Владимир по ряду причин не устраивал галицких бояр, и, когда Роман Мстиславич предложил им себя в князья, они вступили с ним в сговор и согнали со стола Владимира. Он бежал в Венгрию.

Венгерский король Бела III увидел возможность

овладеть Галичем и двинул свои войска на Русь. Не имея под рукой ни войска, ни союзников, Роман Мстиславич вынужден был бежать. Бела вошел в Галич, но не отдал его князю Владимиру, а посадил княжить своего сына. Теперь Роман направился к польским князьям за подмогой.

Казалось бы, настало время вмешаться в распри южных князей властному и могучему северному князю. Роман Мстиславич был Мономашич, как и Всеволод Юрьевич. Всеволод не спешил. Поставив своей целью утвердить единовластие, но не имея силы подчинить весь юг, Всеволод ждал нужный для себя момент, чтобы остановить выбор на князе, который стал бы ему союзником. Галич еще был плодом незрелым, и вмешиваться силой оружия Всеволод по своему обычаю не торопился.

Пока Роман Мстиславич, находясь в Польше, метался в поисках помощи, а сын Осмомысла князь Владимир сидел в плену у венгерского короля, в Галиче назревал мятеж против иноземной власти.

Ратники королевича-князя, его окружение держали себя как завоеватели. Королевич и пришлые с ним были католиками. Римская курия возрадовалась проникновению католичества в Карпатскую Русь, ее проповедники возбуждали у захватчиков религиозный фанатизм. Католики оскорбляли православные храмы.

Галичане слали послов к Роману Мстиславичу звать его на княжеский стол, но Роман никак не мог собрать достаточных сил, чтобы изгнать королевича. В это время Владимир Ярославич сумел бежать из плена от короля Белы. Будто бы король поставил ему на башне, где его держали в заточении, шатер. Владимир изрезал шатер, свил веревку и спустился на землю. Его ждали, он бежал к императору Священной Римской империи Фридриху Барбароссе.

Изгнанный с княжения князь не находка для императора. Но этот князь был не только просителем своего наследственного удела, он приходился племянником по матери суздальскому Всеволоду, могучему русскому государю, в установлении связей с которым был заинтересован Фридрих Барбаросса, ибо политический вес Всеволода был тогда хорошо известен в Европе. Император имел и иные расчеты. Не станет ли племянник великого Всеволода, поставленный им на галицком столе, проводником политики императора на польских землях и одновременно пособником проникновения католической веры на Русь? К тому же Владимир обязался выплачивать императору по две тысячи гривен серебра ежегодно.

Фридрих предложил польскому князю Казимиру дать Владимиру войско. Галичане встретили сына Осмомысла восстанием против венгерского королевича.

Роман Мстиславич, Мономашич, не посчитал возможным обратиться к Всеволоду суздальскому за помощью, а Владимир поспешил послать к Всеволоду послов с изъявлением покорности: «Отец и господин! Удержи Галич подо мною, а я божий и твой со всем Галичем и в твоей воле всегда».

Галич с «подручным» князем был важным противовесом черниговскому гнезду и Киеву. Всеволод остановил свой выбор на Владимире. Покорный галицкому боярству, без устремлений к единодержавству, он был удобнее связанного с Польшей Романа Мстиславича, унаследовавшего от отца и деда и властность, и энергию, и стремление к неограниченной власти. Всеволод направил ко всем русским и польским князьям послов и взял с них подкрестную клятву не искать галицкого стола под Владимиром Ярославичем. А Романа Мстиславича оставил искателем Галича, дабы не успокаивалась усобица меж южными князьями и не вздумал бы князь Владимир выйти из «подручных».

В 1198 году Роману Мстиславичу все же удалось утвердиться в Галиче. Всеволод не ошибся в своей оценке Романа. Очень скоро галицкие бояре, открывшие ему путь в Галич, почувствовали над собой властную руку. «Не передавивши пчел, меду не есть!» — говорил Роман, имея в виду бояр. У него не расходились слова с делом, своих целей он привык добиваться, не слишком разбираясь в средствах. На севере единовластный князь суздальский, на западе — император Фридрих Барбаросса. Киевское княжество — яблоко раздора для южных князей. Роман имел возможность оценить преимущества сильной власти. И он принялся «давить пчел».

Галицкому боярству был нанесен ощутимый урон. И чем более слабело боярство, тем сильнее становился князь. Очень скоро Галич стал недоступен ни проискам соперничающих князей, ни половцев, ни западных соседей. О Романе слагались легенды и сказания. «Он стремился на поганых, как лев, сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, перелетал земли их, как орел, и храбр он был, как тур, ревновал деду своему Мономаху». Важно заметить, что, подобно Андрею Боголюбскому и Всеволоду Юрьевичу, Роман украшал свою землю, укреплял города, возводил крепости.

Итак, к началу XIII века определился перевес Владимиро-Суздальского и Галицкого княжеств надо всеми другими, наметился упадок значения срединных княжений. Киевским столом распоряжался Всеволод, все попытки черниговских Ольговичей выдвинуть свой род в первые ряды оканчивались неудачей. Центростремительные силы побеждали на крайнем севере Русской земли и на крайнем юге. Роман и Всеволод пока уживались, но скоро должно было стать тесно

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. XIII век.

двум медведям в одной берлоге. Оба, хотя и разными путями, стремились к усилению княжеской власти, к расширению сферы своего влияния на Руси. Всеволод уже смотрел на себя как на объединителя Русской земли.

Роман еще не смел говорить об этом открыто, несмотря на всю решительность и резкость своего характера. Однако планы такого рода у него были. Об

этом свидетельствовали его устремления на берега Волхова, где он уже побывал князем-наместником и где имел влиятельных сторонников.

Отодвинутые на вторые места, приведенные в «подручные» княжеские роды ждали своего часа, чтобы затеять дележ уделов по старому порядку. Во многих областях Руси (в Галиче, в Чернигове) волновалось боярство, неспокойно было и в Новгороде. Только у Всеволода на суздальских землях борьба с засильем боярства уже осталась позади.

Академик Б. А. Рыбаков раскрыл источники могущества Всеволода, указал на ту силу, которая много позже помогла московским князьям, потомкам Юрьевичей, создать централизованное государство. «К этому времени,— пишет Б. А. Рыбаков,— создается еще одна сила, являвшаяся опорой княжеской власти,— дворянство, то есть служилый, военный слой, зависевший лично от князя, получавший за службу или земли во временное владение, или денежно-натуральную плату, или право сбора каких-то княжеских доходов, часть которых предназначалась самим сборщикам. Единого термина еще не было, но в эту категорию младших членов дружины и княжеских министериалов мы должны включить «детских», «отроков», «гридей», «пасынков», «милостников», «мечников», «вирников», «биричей», «тиунов» и др. Одни из них были почти холопами, другие дослуживались до положения бояр; эта прослойка была многочисленной и разнообразной.

В судьбах этих людей многое зависело от их личных качеств, от случая, от щедрости или скупости князя. Они знали княжескую жизнь, несли дворцовую службу, воевали, судили, скакали гонцами в чужие земли, сопровождали посольства, объезжали далекие погосты за податями, закалывали из-за угла княжеских соперников, заковывали их в цепи, присутствовали на поединках, организовывали псовую и соколиную охоту, вели учет княжескому хозяйству, может быть, даже писали летописи. В мирное время им всем находилось дело в обширном княжестве, где государственное переплеталось с лично княжеским, домениальным, а во время войны они уже могли составить основное ядро княжеской рати, конницу «молоди».

Многое сделал в этом направлении и князь Роман. Он продолжал «давить пчел», правда, эту программу своей внутренней политики ему так и не удалось довести до конца.

С трудом утверждалась центростремительная тенденция развития Русской земли, с трудом, пробиваясь сквозь удельную усобицу, межгородскую рознь, восстанавливалось единство Руси. В условиях соперничества Романа и Всеволода движение к централизации переживало новый кризис. Можно ли было вообще объ-

единить тогда две равновеликие силы, действовавшие во имя схожих целей, но использовавшие притом разные средства? Видимо, никто не знал, как это сделать. Только смерть обоих князей могла в какой-то мере ослабить накал борьбы между двумя княжескими группировками, но не прекратить эту борьбу совсем.

Первым в 1205 году ушел из жизни Роман Мстиславич. Это незамедлительно ввергло Галицкую Русь в долголетнюю смуту, ибо удельный вес княжества определялся не только расстановкой политических сил, но и личностью князя, единовластие которого опиралось на его талант воителя и дружину; против боярской крамолы он хотя и боролся, но недостаточно успешно. Это обнаружилось сразу после его смерти.

Борьба центростремительных и центробежных сил продолжалась и после смерти князя Романа. Уже вскоре после этого события тенденцию централизации в русских землях рядом с князем Всеволодом стал представлять еще один влиятельный князь: выходец из смоленского княжеского дома Мстислав Удалой — сын смоленского князя Мстислава Ростиславича, правнук Мстислава Великого, князя киевского и новгородского. Участвуя в походах против половцев в 1193 и 1203 годах, успешно выполняя другие военные поручения смоленских князей, Мстислав Удалой рано приобрел репутацию искусного воителя, а вместе с тем и незаурядного политического деятеля.

Почувствовав поддержку антисуздальских сил в Русской земле, он смело стал претендовать на роль князя-наместника в Новгороде. При этом он явно рассчитывал использовать новгородцев для ослабления позиций суздальского князя Всеволода и усиления его политических противников в Русской земле.

В обстановке обострявшейся борьбы двух влиятельных княжеских домов — Всеволода и Мстислава — раскололось на два лагеря и новгородское боярство. Одна его часть ориентировалась по-прежнему на Всеволода (группировка посадника Михалки Степановича и его сына Твердислава), другая оказалась на стороне Мстислава Удалого (группировка всесильного тогда Дмитрия Мирошкинича). Неудивительно, что дальнейшее противоборство Всеволода и Мстислава тесно переплеталось с борьбой этих двух боярских группировок в Новгороде, со сменой князей-наместников на берегах Волхова.

Малолетний сын Всеволода Святослав, князь-наместник новгородский с 1199 года, видимо, не был реальным противовесом посаднику Дмитрию Мирошкиничу, в связи с чем Всеволод решил в 1205 году заменить Святослава девятнадцатилетним Константином. Отправляя старшего сына, Всеволод отмечал в особой декларации, что обладание Новгородом означает

«старейшинство иметь княженью во всей Русской земли» и что пребывание на берегах Волхова обеспечивает утверждение старейшинства Константина не только среди братьев, но и во всей Русской земле.

Но, направляя своего сына со столь широкими политическими задачами в Новгород, Всеволод одновременно позаботился и о том, чтобы убрать с берегов Волхова весьма влиятельного противника суздальского правящего дома — посадника Дмитрия Мирошкинича. Так, во время похода на Рязань 1207 года Всеволод призвал новгородцев «любить только тех, кто им добр», в то же время «казнить тех, кто к ним зол». Этот призыв сыграл свою роль: новгородские сторонники Всеволода в 1207 году разгромили группировку Дмитрия Мирошкинича.

Однако полного торжества не добились. Какая-то часть новгородского боярства, зная о растущей политической активности Мстислава Удалого, стала оказывать сопротивление сторонникам Всеволода. Уже вскоре после разгрома группировки посадника Дмитрия

Свинцовые печати новгородского тиуна Андрея (1), Великого Новгорода (2), Ивана Васильевича (3), Владычного наместника (4), Захарьина (5), князя Михаила Ярославича (6).

Мирошкинича Всеволод был вынужден заменить своего старшего сына Константина менее влиятельным (тринадцатилетним) князем Святославом, а в 1209 году оказался перед фактом полного крушения своих планов на волховских берегах. Именно тогда главный противник Всеволода Мстислав Удалой встал на путь открытой борьбы с суздальским княжеским домом.

Общая расстановка политических сил в Русской земле, а также и самом Новгороде оказалась весьма благоприятной для Мстислава Удалого: он оставался новгородским князем в течение шести-семи лет (с небольшими перерывами с 1209 по 1216 год).

В этой ситуации наметившегося спада суздальского влияния в системе русских княжеств умирает Всеволод Большое Гнездо. Правда, его смерть, последовавшая в 1212 году, радикально не изменила характера отношений между ведущими княжескими домами: они продолжали соперничать друг с другом, готовясь к решающим столкновениям.

Закрепившись на Новгородской земле, Мстислав Удалой встал на путь привлечения в свой лагерь новых союзников, на путь расширения антисуздальской коалиции князей. Так, в 1214 году Мстислав выступил с новгородскими и смоленскими войсками в поход против черниговского князя Всеволода Черемного, который закончился вокняжением в Киеве и Чернигове князя Ингваря Луцкого и князя Мстислава Романовича. Тогда же, в 1214 году, Мстислав Удалой обратил свои взоры на сложную политическую ситуацию в Галицкой Руси. Хорошо понимая, что его успех в соперничестве с суздальским княжеским домом, устойчивость его присутствия на берегах Волхова во многом зависят от прочности его позиций не только в Киеве и Чернигове, но и в Галицкой Руси, князь Мстислав направляет свои стопы в Галич и добивается здесь успеха. Правда, пока не очень прочного (его потеснили тогда венгеро-польские войска).

Одновременно Мстислав Удалой попытался найти союзников и среди самих суздальских князей. Такого оборота событий не мог предвидеть даже Всеволод Большое Гнездо.

Своими слабеющими руками Всеволод сам вложил меч вражды в руки своих сыновей, а их у него было шестеро. При анализе их взаимоотношений следует иметь в виду, что тогда еще на Руси не сложился тот политический порядок, при котором наследнику великокняжеского престола отдавалось все, остальным же — незначительные уделы, дабы перевес в силах неизменно оставался в одних руках.

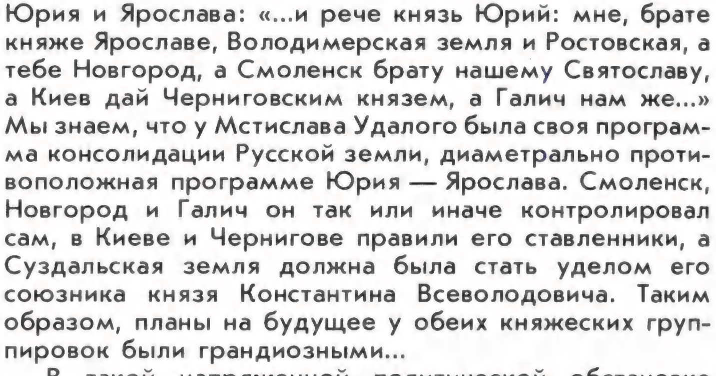
Всеволод замыслил отдать Владимир старшему сыну Константину, который в то время княжил в Ростове, Ростов же отдать второму сыну — Юрию. Но Констан-

тин недаром получил в народе прозвище Мудрого. Он первым из Юрьевичей догадался, что старейшинство в наследственном праве только тогда старейшинство, когда не дробится княжение. Он попросил у отца и Владимир и Ростов, предполагая соединить в одних руках и владимирских новых людей, и оппозиционное княжеской власти ростовское боярство. Владимир и Ростов в одних руках дали бы перевес Константину над всеми братьями. Всеволод не понял старшего сына, созвал на совет бояр, духовных лиц, чуть ли не на земский собор и передал старейшинство Юрию Всеволодовичу. Так все, что было достигнуто на Севере в единении земель при Юрии Долгоруком, Андрее Боголюбском и при Всеволоде, оказалось под угрозой разрушения. Этим обстоятельством не замедлил воспользоваться князь Мстислав Удалой.

В 1216 году он вернулся из Галича в Новгород. Споры между сыновьями суздальского князя Всеволода не прекращались, предметом их спора теперь стало отношение к Мстиславу Удалому. Князья Ярослав и Юрий выступили против Мстислава, а Константин решил перейти на его сторону. При этом возник принципиально новый вариант программы восстановления целостности Руси — вариант, связанный не с победой южных или северных князей, а с торжеством одной группировки южных и северных князей над другой.

Вариант этот настолько прочно овладел умами лидеров противостоявших друг другу княжеских коалиций, что вооруженное столкновение между ними становилось реальной перспективой ближайшего будущего. Ни Ярослав, ни Юрий не вняли опыту своего отца — не искать сражений. Они слишком рассчитывали на многочисленность своих полков, слишком близко к сердцу принимали рекомендации своих советников, которые, хотя и признавали факт создания самого широкого фронта русских князей, выступавших против Ярослава и Юрия, тем не менее утверждали, что их главная опора — Суздальская земля — всегда была и останется самым сильным, самым боеспособным княжеством в Русской земле: «Не было того,— говорили эти советники,— ни при прадедах, ни при дяде, ни при отце вашем, чтобы кто-нибудь вошел ратью в сильную землю Суздальскую и вышел из нее цел, хотя б тут (собралась) вся русская земля, и Галицкая и Киевская, и Смоленская, и Черниговская и Новгородская, и Рязанская, никак им не устоять против нашей силы».

Рекомендации возымели действие. Ярослав и Юрий стали готовиться к решающему сражению, Мстислав и Константин тоже. Любопытно, что обе стороны накануне сражения выдвигали политические требования друг к другу, отрабатывали варианты «перекройки» Русской земли. Летописи зафиксировали программу

Юрия и Ярослава: «...и рече князь Юрий: мне, брате княже Ярославе, Володимерская земля и Ростовская, а тебе Новгород, а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев дай Черниговским князем, а Галич нам же...» Мы знаем, что у Мстислава Удалого была своя программа консолидации Русской земли, диаметрально противоположная программе Юрия — Ярослава. Смоленск, Новгород и Галич он так или иначе контролировал сам, в Киеве и Чернигове правили его ставленники, а Суздальская земля должна была стать уделом его союзника князя Константина Всеволодовича. Таким образом, планы на будущее у обеих княжеских группировок были грандиозными...

В такой напряженной политической обстановке 21 апреля 1216 года при реке Липице произошла историческая битва. Это одна из многих битв времен княжеских междоусобиц. Однако она заслуживает особого внимания. Это событие заняло важное место не только в политической жизни Русской земли начала XIII века, но и в военной истории той эпохи. В битву были вовлечены весьма значительные воинские формирования, а ее общий ход раскрывал тактику русских войск того времени. Заметим, что всего через шесть лет произошла битва на Калке с монгольским войском.

Юрий, Ярослав, их меньшие братья расположили суздальские войска на горе Авдовой и укрепили там свой лагерь. На расположенной рядом Юрьевой горе разместились войска Мстислава Удалого, суздальского князя Константина, смоленского — Владимира Рюриковича и псковского — Владимира Мстиславича. Между этими горами по сильно заболоченной местности протекал ручей Тунег.

Перед началом сражения Мстислав и Константин предприняли попытку заключить мир или хотя бы перенести сражение на другое, более удобное место. Однако это предложение было отвергнуто князем Юрием. Тогда Мстислав решил начать бой.

Учитывая характер местности, новгородские и смоленские воины спешились, сняли тяжелые одежды и налегке, босиком бросились через болото на штурм горы Авдовой.

В разгар сражения на поле боя появились и основные силы Мстислава Удалого и его союзников. Как сообщает летопись, князь Мстислав храбро сражался в рукопашных схватках, умело действуя топором. Это обстоятельство, а также полководческое искусство Мстислава, видимо, повлияло на ход битвы: войска противника были деморализованы и начали беспорядочное отступление в сторону Переяславля, Юрьева-Польского и Владимира. Ярослав без всякой свиты бежал в Переяславль, князь Юрий во Владимир.

Победа Мстислава Удалого была полной. Однако

поражение суздальских князей обернулось самыми неожиданными последствиями не только для Юрия и Ярослава, но и для Мстислава Удалого. Из претендентов на общерусское лидерство князья Юрий и Ярослав превратились в скромных вассалов нового князя владимирского — Константина, а Мстислав Удалой — главный герой битвы на реке Липице — удовольствовался позицией князя-наместника в Новгороде, где он княжил и до этого сражения.

Таким образом, в главном выигрыше оказался князь Константин, ставший обладателем Владимира и Ростова, чего он добивался еще при жизни отца — Всеволода Большое Гнездо.

Сложившаяся после Липицкой битвы расстановка сил не позволила Мстиславу Удалому воспользоваться плодами своей победы. Коалиция Мстислава и Константина распалась. Мстислав не только потерял шанс стать общерусским лидером, но и в скором времени почувствовал ослабление своих позиций на берегах Волхова.

Резкое усиление Константина не могло не повлиять на настроения новгородского боярства, которое стало проявлять большее внимание к суздальскому князю, чем к Мстиславу Удалому.

Уже в 1217—1218 годах Мстислав вынужден был перебраться в древний Киев, куда, видимо не случайно, направился с ним и новгородский посадник Юрий Иванкович, глава одной из боярских группировок Новгорода.

Правда, место князя-наместника на берегах Волхова занимали пока представители не суздальского, а смоленского дома — сначала князь Святослав Мстиславич, а потом, с 1219 года, князь Всеволод Мстиславич, тем не менее позиции Мстислава Удалого в Новгороде, а вместе с тем и во Владимиро-Суздальской земле были окончательно подорваны, а политический вес Константина становился все более значительным.

Видимо, в связи с крахом всех своих планов на севере и северо-востоке Русской земли Мстислав перебрался в Галич, чтобы помочь своему зятю князю Даниилу в сложной политической борьбе не только против местного боярства, но и против внешних сил — венгерских и польских феодалов.

В 1219 году Мстислав Удалой стал галицким князем.

Положение на северо-востоке страны стабилизировалось. Суздальский князь Константин спокойно передал перед смертью владимирское княжение брату Юрию Всеволодовичу, а новгородским князем-наместником стал Ярослав Всеволодович.

Таким образом, центростремительные силы взяли верх на Северо-Востоке Руси, удельные князья под-

чинились государственному началу. Слава Владимирского княжения как государства богатого, с высокоразвитой культурой, земледелием и ремеслами вышла далеко за пределы Русской земли. Торговые караваны заходили по Клязьме во Владимир.

Константин Всеволодович был великий охотник до чтения книг, принимал участие в летописании, строительстве и украшении городов.

До нашего времени дошла очень интересная икона «Спас Златые Власы», которая хранится ныне в Успенском соборе Московского Кремля. Иконопись больших мастеров выражала идеалы той эпохи, в которой они творили. Роскошный золотой орнамент в сочетании с пронзительно зеленым фоном кричит о роскоши, о желании богато украсить своего бога. Лицо с тонкими чертами, с явным превалированием разума над силой. Умные глаза, брезгливая, полупрезрительная улыбка на губах разочарованного мыслителя. Не из времен ли Константина Всеволодовича, мудреца и летописца, пришла эта икона... Быть может, и из времен тонкого и лукавого политика Всеволода...

Казалось, после ухода Мстислава Удалого на юг никто уже не мог потревожить спокойствия Суздальской земли.

ВСТРЕЧА НА КАЛКЕ

В 1206 году на Владимиро-Суздальской земле княжил Всеволод Великий. В 1206 году Мстислав Мстиславич готовил отторжение Новгорода от суздальских князей...

В 1205 году умер Роман, князь галицкий.

Киев переходил из рук в руки...

В 1206 году далеко на востоке, на границе с Поднебесной империей, на реке Ононе, собрались вожди кочевых племен и на курултае провозгласили своим верховным кааном Темучина — одного из удачливых степных вожаков и нарекли его Чингисханом. Древняя Русь отстояла от реки Онон на многие тысячи километров, но этот курултай сыграл в ее истории трагическую роль.

Монгольские племена в конце XII века переживали распад первобытнообщинного строя, совершался переход от родового строя к раннефеодальному. Общеплеменные пастбища, земля, принадлежавшие всему племени, становились собственностью отдельных родов и их вождей — ханов. При первобытнообщинном строе единицей объединения кочевников был курень, кольцо. Кочевое племя занимало определенный участок для пастбища и располагало юрты по кругу: для обороны от соседей, для защиты скота от хищников. Раздел земли на собственные пастбища привел к распа-

ду рода на отдельные семейные кланы. Вместо куреня кочевой единицей стал аил, семья, владевшая землей — пастбищем.

(Относя создававшуюся у монгольских племен общественную структуру к феодальной, мы допускаем некую условность. Племена эти не были земледельческими.)

Кочевое скотоводство вызывает истощение пастбищ. Истощение пастбищ ведет к борьбе за новые пастбища. Эта внутриплеменная борьба превращает кочевников в военное сословие, выдвигает военачальников и зовет к захватам земель соседних племен. В этой обстановке может найтись личность, которая удачно и умело поведет войны с соседями. Такой личностью и оказался Темучин — Чингисхан. Силой он объединил под своей рукой всех монголов, некоторые соседние племена и на основе родового признака создал войско, которому в XII и XIII веках, в эпоху развитого феодализма, в среднеазиатских государствах, на Руси и в Европе не было равного.

Декоративная маска на фасаде дворца в Каракоруме. XIII век.

Рядовой единицей этого войска была десятка, семья, ближайшие родственники одной юрты, одного аила. Следующим объединением была сотня. И в сотню входили люди одного рода. Тысяча могла объединять и два и три аила, далее шла тьма — десятитысячный отряд.

Жестокостью, хитростью и личной храбростью превосходя других, Чингисхан добился полного повиновения всех родов, входящих в племя. Но и главы родов и семей, собственники пастбищ видели в этом объединении хозяйственный интерес, это облегчало кочевое скотоводство, а грабеж соседей обогащал родовых старейшин и рядовых членов рода.

Вспышки завоевательных устремлений кочевых народов история знала и задолго до появления Чингисхана. Так начинали свое движение из дальних пустынь Азии и хунну, и тюрки, и хазары, и печенеги, и половцы. Мрачную окраску монгольскому движению придала личность Чингисхана, особенности его воспитания, формирования его взглядов. Несомненно, что и хунну в своем движении, и тюрки, и многие иные кочевники-завоеватели были не менее жестоки, чем монголы, но те волны переселений кочевых народов происходили в далекой древности, на их путях не везде встречались государства, достигшие определенного уровня цивилизации.

Рим был разрушен вандалами, вандализм стал синонимом высшего проявления варварства. Но тогда только Римская империя возвышалась как государство над многими народами, которые переживали времена первобытнообщинного строя.

Фигура Чингисхана выплыла словно из темных времен дикости и варварства. На его пути стояли развитые цивилизации, которые он завоевывал не для того, чтобы воспользоваться их плодами, а уничтожал. Позже его внуки и правнуки стали приобщаться к цивилизации.

Чингисхан подобрал себе и соответствующих помощников. Однажды у противника Чингисхана спросили: «Кто эти, преследующие нас, как волки, когда они гонятся за стадом овец до самой овчарни?» Джамуха ответил: «Это четыре пса моего Темучжиня, вскормленные человеческим мясом; он привязал их на железную цепь; у этих псов медные лбы, высеченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плети у них кривые сабли. Они пьют росу, ездят по ветру; в боях пожирают человечье мясо. Теперь они спущены с цепи; у них текут слюни; они радуются. Эти четыре пса: Чжебе, Хубилай, Чжелме и Субэдей».

Быть может, сподвижники Чингисхана и не ели человечье мясо, но, что они были преданы своему вождю, что они пили росу, перенесли немало тягостей, прежде чем их вождь выдвинулся на первое место среди коче-

вых феодалов,— это верно. Чингисхан и его военачальники, а их Джамуха перечислил всех, ввели в своем войске жесточайший закон. Если в бою кто-то из десятки побежит от врага, то казнили всю десятку. Если в сотне побежит десятка — казнили всю сотню. Если в тысяче побежит сотня и откроет врагу брешь, казнили всю тысячу.

Десятка подбиралась строжайше. Это были либо люди одной юрты, либо в крайнем случае соседних. Они были родней, вместе росли, знали все друг о друге и чего можно ожидать от каждого в бою. Трусливый, нестойкий не попадал в десятку. Во время похода воинов, не попавших в десятку, посылали пасти скот.

Монгольский воин самой жизнью приуготовлялся к военному делу. С малолетства в седле, с малых лет в руках лук и стрелы, копье и меч. Охоты загоном приучали к взаимодействию, к дисциплине, трудности кочевой жизни закаляли. Войско было сильным, сильнейшим, но надо сказать, что главные свои завоевания Чингисхан совершил при очень благоприятных для него обстоятельствах.

Прежде всего он устремил свой взгляд на богатейшее государство хорезмшаха в Средней Азии. Целью Чингисхана было разграбление городов Бухары, Самарканда, Мерва, Ургенча и других. Это было феодальное государство с развитой торговлей и ремеслами, с высокопроизводительным земледелием, с крепостями, но его раздирали феодальные усобицы и межнациональная вражда.

Мы уже видели на примере Киевской Руси, как из раннефеодального централизованного объединения родилось множество удельных княжеств, как завязывался узел противоречий между ними в эпоху развитого феодализма. Позже этот процесс коснется и империи Чингисхана, но в начале XIII века родовые связи сковывали ряды завоевателей.

Хорезмшах Мухаммед, глава могучего государства, ослепленный властью, недооценил противника, считая, что кочевые племена не смогут ни противостоять его войскам, ни штурмовать крепости. Не смог даже организовать достаточно серьезного сопротивления.

Запутавшись во внутригосударственных противоречиях, хорезмшах не решился собрать воедино все свои войска, опасаясь больше своих феодалов, чем кочевников. Его войска были разбиты порознь, города взяты поодиночке, общего фронта сопротивления Чингисхан не встретил. Завоевание Средней Азии было завершено за три года — с 1219 по 1221 год.

Здесь, в Средней Азии, впервые проявилось и лицо завоевателя. Цветущие города сравнивались с землей, жители поголовно истреблялись. В Самарканде сын Чингисхана Джучи вывел из города и согнал в долине

всех женщин, велел вручить им оружие и избивать друг друга. Оставшихся дорезали его воины.

В плен брали молодых и здоровых, но не для рабского труда, а связывали веревками и посылали заваливать рвы возле крепостей своими телами, гнали на стены под кипящую смолу и стрелы. Войско оставляло за собой развалины, пепелища, горы трупов, над которыми кружилось воронье и сбегались со всех сторон шакалы. Многие годы, а в иных местах десятилетия и столетия не восстанавливалась цивилизация.

В погоню за хорезмшахом Мухаммедом Чингисхан отрядил войско под началом своих «цепных псов» Джебе и Субэдея. Перед ними стояла задача не только изловить Мухаммеда, но и разведать, какие государства лежат далее на пути. Кошун (объединение нескольких туменов) под водительством этих военачальников прошел огнем и мечом по Северному Ирану, вышел на Кавказ, разрушил несколько древних и богатых городов, разбил грузинские войска, проник через Ширванское ущелье на Северный Кавказ и вошел в соприкосновение с аланами и половцами.

Воинское умение у монгольских военачальников сочеталось не только с жестокостью, но и с коварством. Завоеватели избегали сражений с соединенными силами врага. Сначала вели действия, разъединяющие противника. Джебе и Субэдей сумели обмануть половцев, заявив, что пришли на алан, а их, дескать, берут в союз. Половцы покинули алан, и те были почти все истреблены; после этого Джебе и Субэдей выступили против половцев.

Половцы объединились под водительством хана Юрия Кончаковича. Но военная организация монголов во много раз превосходила военную организацию половцев, привыкших к внезапным набегам на русские города и селения и давно уже не имевших серьезных противников в степи. Половцы были разбиты и побежали к Днепру в пределы Русской земли.

Половецкий хан Котян состоял в близком родстве с Мстиславом Мстиславичем Храбрым (Удалым). Мстислав был женат на его дочери и не раз призывал половцев на помощь в своих военных предприятиях. С помощью половцев он изгнал в свое время венгров из Галича. Котян кинулся за помощью к Мстиславу, Мстислав выступил ходатаем перед русскими князьями за половцев. Половцы резонно заявляли: «Нашу землю ныне отняли татары, а вашу завтра возьмут, защитите нас; если же не поможете нам, то мы будем перебиты нынче, а вы — завтра» (Ипатьевская летопись).

Мстислав разослал гонцов во все земли. Юрий Всеволодович, памятуя о неприятностях, которые причинил Мстислав Суздальской земле, не поспешил на помощь. Откликнулись лишь южные князья. В Киеве со-

брались: киевский Мстислав Романович, из гнезда смоленских князей, правнук Мстислава Великого, праправнук Мономаха; Мстислав Святославич черниговский из рода Ольговичей, правнук Олега Святославича; Мстислав Ярославич Немой, тоже правнук Мстислава Великого; князь Пересопницкий, Всеволод Мстиславич, сын киевского князя; Михаил Всеволодович, племянник князя черниговского, и Даниил Романович, зять Мстислава Храброго, князь волынский. Не было там ни смоленского, ни полоцкого, ни рязанского князей, ни полков новгородских.

Судьба ворожила Чингисхану и его удачливым «псам». Безусловно, что одной из причин неполного сбора княжеских дружин была неутихающая межкняжеская борьба за первенство на Русской земле. Но сводить все лишь к феодальной раздробленности, к взаимной вражде и неприязни князей было бы неправильно, это исказило бы картину происшедшего. Можно полагать, основываясь на скудных летописных сведениях, что на Руси не очень-то и знали, какой враг появился в южных степях.

В Новгородской летописи читаем: «Том же лете по грехом нашим придоша языци незнаеми, их же добре никто ж не весть: кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их. А зовутся татары, а инии глаголють таурмены, а други печенези; инии же глаголют... яко... суть ис пустыни Етриевские... Бог един весть, кто суть и отколе изидоша; премудрии мужи ведять я добре, кто книгы разумееть; мы ж их не вемы, кто суть; но сде вписахом о них памяти ради русских князь и беды, яже бысть от них им: слышахом бо, яко много страны поплениша — ясы, обозы, касоги и половеч безбожных множество избиша...»

Запись многозначительна. Но если уж и не совсем не знали о новых завоевателях, как сей летописец, если хотя бы через купцов по Волге и могла дойти весть до Юрия Всеволодовича о разгроме государства хорезмшаха, если через тех же половцев и докатывались известия о погроме на Кавказе, то никто на Руси не отдавал себе отчета, с какой военной организацией придется столкнуться. А если бы и знали?

Мы видели, как в битве на Липице Мстислав Храбрый, или Удалой, как его еще называли, кинулся в рядах своих дружинников в гущу боя и рубил топором. В мужестве, смелости, искусстве владения оружием ни иным князьям, ни их дружинникам не откажешь.

Военная организация этой эпохи во многом уступала тому, что имел под рукой Святослав Игоревич, один из первых князей Киевской Руси. Распалось централизованное государство, распалось и всенародное ополчение. Главной военной силой эпохи феодальной

раздробленности стала княжеская дружина. Основной силой Святослава были «пешцы», пешие полки.

Княжеские дружины, как и рыцарское войско в Европе, были конными. Они были надежной «полицейской» силой для поддержания княжеской власти, каждый дружинник был профессиональным воином, землевладельцем или служилым у князя, ратным холопом самое меньшее.

Если внимательно вчитываться в летописи, то сначала возникнет недоумение: чем же занимались полных два столетия русские люди? Только и делали, что воевали по нескольку раз в году друг с другом. А кто же пахал, кто сеял, кто возводил монастыри и храмы, кто ставил города?

И начнет проступать сквозь скупые строчки летописей, что войны-то вели князья, дружина на дружину, что очень редко в этих войнах участвовали те, кто занимался созидательным трудом. В княжеские войны чаще всего вступало городское население. Это когда один князь осаждал другого в городе и город садился в осаду. А нередко бывало и так, что горожане, затворив город, объявляли князю: тебя, дескать, держать не будем, иди, тебе из города путь чист. Если горожане хотели защищать город, то очень редко удавалось осадившему его взять.

В иные походы князьям удавалось увлечь и ополчение из горожан и землепашцев. Случалось, правда, это довольно редко. Возвращаясь к битве на Липице, можно предположить, что суздальские князья привели со своими дружинами, профессиональными воинами, большое число селян и горожан. Вероятно, и Мстислав Удалой привел с собой новгородцев, не состоящих в военном сословии. Босы и поскидав порты, с топорами кинулись на суздальцев, конечно же, люди невоенные, и побежали перед ними суздальцы, не привычные к ратным делам.

Перевес суздальских князей Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, Всеволода Юрьевича, потом и Юрия Всеволодовича над другими князьями, над другими русскими княжествами объяснялся не воинственностью северян (южане были не менее привычны к битвам, хотя бы из-за близкого соседства с половцами), а прочной экономической опорой. Владимирское княжение, как мы уже упоминали, стало перевалочным центром всего Волжского торгового пути, который всегда превосходил торговый путь из греков в варяги. Суздальские князья имели возможность держать более крупные дружины, чем князья других княжеств, они имели на это большие средства.

Мстислав в голове дружины в бою на Липице, с топором, привязанным паворозой (ремнем) к руке,— ярчайший символ того, что являла собой тактика дру-

жинного боя. Удаль, смелость, умение владеть оружием. Каждый дружинник был витязем, необоримым в поединке с половцем, да и не с одним. Дружинники были отлично вооружены. Меч, топор, копье, лук, кольчуга и дощатые доспехи, конь в броне.

Средневековый бой до изобретения порохового оружия имел свои законы. Обычный численный перевес в средневековом конном бою ничего не давал. Тысяча норманнов, если верить французским хроникам, изрубила, как стадо баранов, сорокатысячное ополчение французских крестьян. Побеждал тот, кто был смелее, кто искуснее владел холодным оружием, кто привык сражаться в дружине плечом к плечу. Численный перевес начинал влиять, когда он соотносился один к десяти, а то и более. Во всяком случае, воин, профессионально владеющий мечом, свободно сопротивлялся, а то и мог разогнать десяток вооруженных непрофессионалов. Каждый его удар был неотразим, он же мог отражать удары, тотчас нанося ответные. Битвы между княжескими дружинами, профессионалов с профессионалами, сводились к большому числу поединков, в которых соблюдались рыцарские правила боя, ибо дружинник и младший и старший сегодня служил под стягом, скажем, черниговского князя, а завтра переходил к князю киевскому, или, наоборот, князь уходил на княжение в другую волость, а дружинник оставался в том княжестве, где владел землей.

К концу XII — началу XIII века ослабел натиск половцев. Многие половецкие ханы породнились с русскими князьями, ассимиляция захватывала и более широкие сословия. Между половецкими ханами шла своя

Портрет Оязийт-хана. XIII век.

Портрет Угедей-хана. XIII век.

усобица. Русские приглашали половцев для нападений на соседние княжества, половецкие ханы в своих междоусобных битвах звали на подмогу русских князей.

Никогда половецкие орды, даже в самом начале их нашествия на Русь, не обладали таким потенциалом, как войско Чингисхана, никогда они не были связаны столь жестокой военной дисциплиной, и тактика их резко отличалась от тактики монголо-татар. Быстрый наскок, осыпь стрелами и бегство, если встречали отпор закованных в железо дружинников. Победы одерживались только огромным, многократным численным превосходством. Весь пафос «Слова о полку Игореве» к тому и сводится, что поражение потерпел князь-одиночка и, если бы к нему пришли на подмогу другие князья, половцам победы не одержать. Так оно и было, когда Владимир Мономах поднимал на половцев соединенные силы княжеских дружин.

Но простого соединения княжеских дружин для отпора сильнейшему противнику мало. Вчерашние враги, вчерашние супротивники на поле боя должны были собраться в полки, подчиненные единой воле, забыв все распри, обиды и пролитую кровь. И даже если бы такое единение было достигнуто, нужно время, чтобы научиться взаимодействию в бою очень разным по подготовке, по тактике боевым единицам. Такому войску нужен был и единовластный полководец, признанный не только вождями дружин, но и всей массой дружинников из разных земель. Естественно, что в тот короткий срок, который был отпущен южным князьям

Портрет Дзамби, супруги Хубилай-хана. XIII век.

Портрет Ринчинбал-хана. XIII век.

для сбора войска против неожиданных захватчиков, перестроить тактику боя, свести дружины в единый военный механизм было невозможно. Невозможно было это сделать и в год и в десятилетие. Политический строй Русской земли должен был перемениться, чтобы русское войско могло противостоять войскам Чингисхана. Впрочем, в то время соединенным силам Чингисхана нечего было противопоставить не только на Русской земле, а и в Европе тоже.

К Днепру вслед за половцами двигалось не войско Чингисхана, а всего лишь один его кошун. Соединение дружин южных князей, которое вышло против Джебе и Субэдея, было достаточно могучим для прежних боев с половцами. Такой силой не обладал и Мономах, побеждая половцев. Но враг на этот раз был иным, иной была его выучка, иной была и тактика. Половцы дальше изматывания русских дружин осыпью стрел и наскоков не шли. Так же примерно действовали и печенеги, так скифы остановили продвижение войск Александра Македонского.

Чингисхан и его полководцы владели и тактикой изматывания, имели и легковооруженную конницу для наскоков, и тяжеловооруженных всадников для встречного боя. Войско Чингисхана делилось на три вида вооруженных сил: легковооруженные конники, тяжеловооруженная конница, воины, обслуживающие осадные орудия.

Задачей легковооруженного воина было завязать бой, осыпать противника стрелами. Обычно из легковооруженных всадников формировались авангарды. Воины авангарда имели на вооружении по два лука и по два колчана стрел. Лук для дальней стрельбы легкими стрелами, для стрельбы по воинам в доспехах, лук с тяжелыми стрелами с закаленными наконечниками. В каждом колчане не менее тридцати стрел, да еще тридцать железных наконечников в запасе. Все воины авангарда и других подразделений имели кривой меч, боевой топор, кожаные доспехи и арканы. Авангард выдвигал вперед летучие отряды. Они вели разведку, внезапно наезжали на противника, осыпая его стрелами. Воины этих отрядов копий не имели, ибо те могли выдать их присутствие в высокой степной траве. Воины главных сил авангарда были вооружены и легкими копьями.

За авангардом следовали правое и левое крылья войска. Они тоже имели свои авангарды. Строились правые и левые крылья обычно в несколько линий. Последние линии, как правило, состояли из воинов тяжеловооруженных.

Тяжеловооруженный всадник имел два лука: для дальнобойной стрельбы и для стрельбы на короткую дистанцию. Два колчана стрел, запасные наконечники,

Спас — Ярое Око.
1340-е годы. Москва.

два меча — кривой и прямой, длинное копье, боевой топор, кольчугу, железный шлем, иногда и пластинчатые доспехи, кожаные доспехи для коня.

Оба крыла, правое и левое, стягивались сзади главными силами войска, тяжеловооруженными всадниками и ханской гвардией. Таким образом получалось что-то похожее на полумесяц с тяжелым непробойным полукружьем у основания и с легким полукружьем впереди.

Авангард завязывал бой. В его задачу входило осыпать противника стрелами, изранить коней, расстроить плотный строй и обратиться в бегство. Противник, полагая, что одерживает верх, пускался в преследование и как бы проваливался в пустоту. Правое и левое крылья смыкались, и в полном окружении противник уничтожался. Этот строй Чингисхан заимствовал из порядка облавных степных охот на диких зверей.

Если противник был достаточно силен и не поддавался заманиванию авангарда, не терял строя, в атаку переходили левое и правое крылья. Левое крыло вело

бой на дистанции, осыпая противника стрелами, пробуя его прочность короткими рукопашными схватками. Правое крыло считалось крылом атаки, крылом главного удара. Оно начинало действовать, когда левое выпустило на противника сотни тысяч стрел. В задачу правого крыла входило обойти или прорвать центр противника, подрубить его знамя, схватить или убить военачальника. Лишь только центр противника оказывался прорванным, в бой вступали главные силы.

Ставка хана обычно располагалась за спиной главных сил. Ни о каких заездах хана в ряды противника во время боя и помыслить было нельзя. Даже темник и тот не считал особой доблестью сражаться в рядах воинов, его задача сводилась к организации боя. Да и тысячники редко принимали непосредственное участие в битве.

Ныне трудно определить, сколь многочислен был кошун Джебе и Субэдея. К цифрам численности войск русских и монголо-татарских, которые указываются в источниках, надо подходить с крайней осторожностью.

Марко Поло, совершивший путешествие в сердце империи Чингисхана, писал о сотнях тысяч воинов, которыми располагали монгольские военачальники. Однако передвижения столь огромных масс были не такто просты, даже при крайней нетребовательности монгольских воинов. Каждый монгольский воин должен был иметь не менее трех заводных лошадей. (Наказ Чингисхана требовал при каждом воине пять лошадей.) Передвижение войска в 300 тысяч воинов с миллионом голов лошадей, с повозками для оружия, с юртами и стадами для продовольствия войска создавало немало проблем. Очень сомнительно, чтобы Марко Поло и другие европейские путешественники, посещавшие империю Чингисхана, видели такое войско в походе. Им пришлось бы потратить много дней, чтобы на лошади объехать эту громаду. Писалось все со слов монгольских чиновников.

Сообщения современных арабских авторов не могли быть более достоверными, чем сообщения европейцев. Прежде всего их поразил успех Чингисова войска. Успех этот, его победы нужно было как-то объяснить. Первое, что приходило в таких случаях на ум, что не оскорбляло мусульманского самолюбия, это превосходящая численность неожиданного нашествия.

Русские летописцы находились в еще более трудном положении. Они не очень-то знали, что рассказать о новом и грозном враге после битвы на Калке, не прибавилось знаний о нем и после Батыева нашествия. Объяснение разгрома русского войска лишь междоусобицей князей, с точки зрения летописцев, было недостаточно, поэтому в их сообщениях возникали числа неимоверные.

Все расчеты последующих исследователей строились лишь на косвенных данных и на сообщениях летописцев, серьезного демографического анализа не проводилось, описание битв не привязывалось к местности, как это обязывает делать история военного искусства. Размеры поля, где происходили битвы, не принимались в расчет, не рассчитывалась возможность прокормить огромные людские массы, якобы участвовавшие в битвах. Принимая во внимание крайне лаконичные сообщения о ходе битвы на Калке и восстанавливая по летописным известиям ход всей кампании, мы можем предположить, что силы сторон были приблизительно равны. Неравны были тактика войск и их подготовка.

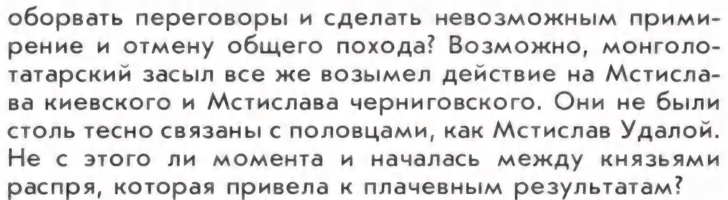
Князья на совещании в Киеве приняли аргументы Мстислава Удалого. Он говорил: «Если мы, братья, не поможем им (половцам), то они предадутся татарам, и тогда у них будет еще больше силы». Князья решили: «Лучше нам принять их (татар) на чужой земле, чем на своей» (Ипатьевская летопись).

Поход был начат в апреле при полном разливе рек. Часть русских войск шла на конях вдоль берега, часть плыла вниз по Днепру. К русским князьям пришли послы Джебе и Субэдея. «Се слышим, оже идете противу нас, послушавше половцев,— заявили послы,— а мы вашей земли не заяхом, ни город ваших, ни сел ваших, ни на вас придохом, но придохом богом пущени на холопы и на конюси свое на половче; а вы возьмите с нами мир; оже выбежать к вам, а бийти их оттоле, а товары емлите к себе; занеже слышахом, яко и вам много зла сотвориша; того же деля и мы бием» (Новгородская летопись, Лаврентьевская летопись).

Как видим, монголо-татары действовали по неизменной схеме: разделяй и бей поодиночке. Эта тактика оставалась неизменной на столетия, никогда они не забывали применить этот маневр. Многие их противники были обмануты таким образом. Русских князей на этот счет просветили половцы, которых точно так же провели перед схваткой монголо-татар с аланами.

Обычно неудачу похода русских князей навстречу Джебе и Субэдею приписывают несогласованности в действиях киевского князя и Мстислава Удалого, в разнице их взглядов на ведение боя и забывают о «мирном» предложении монголо-татар. Ипатьевская летопись сообщает, что князья не приняли предложения Джебе и Субэдея и перебили их послов.

Весьма неожиданное сообщение, и если уж принимать его на веру, то следовало бы как-то объяснить в общем-то необычный для русских князей поступок с послами. Не скрывается ли в этом акте, не согласованном с понятием посольских пересылок для русских княжеств XIII века, желание Мстислава Удалого грубо

оборвать переговоры и сделать невозможным примирение и отмену общего похода? Возможно, монголо-татарский засыл все же возымел действие на Мстислава киевского и Мстислава черниговского. Они не были столь тесно связаны с половцами, как Мстислав Удалой. Не с этого ли момента и началась между князьями распря, которая привела к плачевным результатам?

На семнадцатый день похода русское войско остановилось близ Олешья, по-видимому, где-то на берегу Роси. Там его нашло второе монголо-татарское посольство. На этот раз послов отпустили с миром, хотя они и упрекали князей за убийство первых послов и опять предлагали оставить половцев на произвол судьбы: «А есте послушали половеч, а послы наша есте избили, а идете противу нас; то вы поидите, а мы вас не заяли, да в сем бог».

Настало время переправляться через Днепр. По лодкам были наведены мосты, и все русское войско вышло в степь. Сразу же за Днепром завязалось дело.

Обычно Мстислава Удалого и его зятя Даниила галицкого, самого молодого и смелого князя, упрекают в поспешности, в желании первыми заслужить славу победителей. Но не связаны ли их поспешные действия со вторым монголо-татарским посольством? Не поторопился ли Мстислав завязать дело, чтобы лишить союзников предлога отвести свои войска?

Русские князья были совершенно незнакомы с монголо-татарской тактикой. Налет авангарда они восприняли как начало боя, а его отступление расценили как бегство противника, как свой успех.

Восемь дней двигалось войско степью в постоянных стычках с летучими отрядами противника. И казалось русским князьям и воеводам, что неведомые пришельцы бегут, устрашившись русской силы. Так от одной успешной схватки до другой, теряя по дороге убитых, раненых, запаленных лошадей и просто изнемогших от жары, на восьмой день вышли на берег Калки. Здесь пришельцы еще раз ввязались в бой с русскими дружинами и перебежали на другой берег.

Мстислав киевский все еще проявлял нерешительность в действиях. Ни одна из летописей не привела мотивов его медлительности, обвиняя князя лишь в равнодушии к сотоварищам, что вслед за летописцами делает и историография. Обвинения эти несостоятельны и когда князя упрекают в том, что он не перевел через Калку киевские полки, и когда, видя разгром своих союзников на противоположном берегу, не двинулся к переправам.

Летописец утверждает, что Мстислав Удалой из зависти вырвался вперед, дабы присвоить победу над пришельцами. Между тем логика военного дела требовала незамедлительной переправы, пока ее не пре-

градили главные силы противника. Мстислав Удалой не понял тактики пришельцев, не догадался, что те и не собирались отгораживаться водной переправой, а, наоборот, ждали русских на своем берегу для решительной битвы.

Можно предположить, что Мстислав киевский был просто осторожнее других, не хотел без разведки переходить реку и, конечно же, мог думать о мирном исходе дела.

Мстислава Удалого мирный исход не устраивал. Он перешел Калку, за ним поспешили Даниил Романович и Мстислав черниговский. Вперед Мстислав Удалой послал половецкую сторóжу под водительством своего старого сподвижника по походам и по Липицкой битве воеводы Яруна. Вслед и сам выехал взглянуть на противника, ибо тут же получил сообщение, что наконец-то вблизи видны пришельцы со всеми своими силами.

Между тем русские дружины заняли позиции. Дружина Мстислава Удалого сдвинулась вправо и заняла позицию вдоль реки, дружина Мстислава черниговского встала у переправы по оба берега Калки, дружина Даниила Романовича выдвинулась вперед как ударная сила. Мстислав киевский встал за переправой на каменистом кряже и обносил стан частоколом, ограживая его повозками.

Летописцы не раз упоминают, что не было ни на Русской земле, ни в соседних странах князя храбрее Мстислава Мстиславича Удалого-Храброго, не было человека более решительного и стремительного в бою. Можно понять его душевное состояние, когда он увидел врага не бегущего, а ожидающего нападения. И не столь многочисленного, как то расписывали половцы, и не такого-то могущественного, судя по вооружению. Не выдержать удара такому противнику не только всех соединенных сил русских князей, но и его кованой рати, которая взрежет этот строй тяжелыми копьями, подавит конями в железных доспехах. Невдомек было Мстиславу, что увидел он всего лишь авангард, легковооруженных всадников с короткими легкими копьями.

Мстислав тут же поднял в атаку половцев, дружину Даниила Романовича и свою дружину. Говорят, даже не посчитал нужным сообщить, что идет в атаку, ни Мстиславу черниговскому, ни Мстиславу киевскому.

Летописи писались монахами или княжескими книгочеями вдалеке от битв, очень редко очевидцами событий. Переписчики летописных сводов часто переиначивали тексты по-своему, под влиянием различных тенденций, а здесь и некого было спросить, ибо и Мстислав черниговский и Мстислав киевский погибли на Калке.

Мстислав Удалой никак не мог поднять свою дружину, половцев и дружину Даниила Романовича незаметно и тайно от своих союзников, как это утверждают летописцы. Дело это в боевой обстановке совершенно нереальное, и обсуждать его нет смысла. Вместе с тем вполне резонно было оставить часть войск как резерв и охрану переправы. У киевского Мстислава было много пеших воинов. Естественно, что для атаки конных войск они были непригодны, а оборону держать на случай превратностей боя могли. Черниговскому Мстиславу надлежало свою конницу поставить в резерв и беречь переправу. Отсутствие главнокомандующего, облеченного правом единовластно распоряжаться всеми силами, конечно же, лишило русское войско взаимодействия.

Учитывая превосходство военной организации монголо-татар над феодальной структурой княжеских дружин, можно полагать, что ввод в бой всех дружин, и киевской и черниговской, не привел бы к иному результату. Восемь дней заманивали пришельцы русское войско, за восемь дней их разведка боем составила полное представление о русских силах, их тактике и боеспособности. Полководцы Чингисхана по его заветам не смели начинать битвы, не имея подавляющего превосходства над противником как численного, так и в организации боя.

Монголо-татары имели возможность наблюдать все в русском войске, русские воеводы видели лишь силы авангарда. Разделение русских сил облегчило задачу Джебе и Субэдея, но несомненно, что готовились они к встрече со всеми силами, двигавшимися на них, и рассчитали свои силы, иначе отошли бы и от Калки.

По данным Лаврентьевской летописи, битва произошла 31 мая 1223 года. Первыми ударили половцы, за ними в ряды завоевателей врубилась дружина Даниила Романовича со своим князем во главе. Даниилу было 18 лет, и был он, по сообщениям летописца, «дерзок и храбр», «от головы и до ног его не бе в нем порока» (Ипатьевская летопись).

Авангард принял бой и после короткой схватки, в которой все же успели ранить Даниила, показал русским спину. Половцы во главе с Яруном, Даниилова дружина и Мстислав Удалой ринулись в преследование и оказались меж правым и левым крыльями монголотатар перед лицом железного строя главных сил. Правое и левое крылья начали окружение, а тяжеловооруженные всадники ударили встречь. Взгляду участников битвы открылись совсем не те силы, о которых они предполагали, и удар был крепок. Половцы побежали, сминая ряды Мстислава Удалого и внося замешательство на переправах в стане Мстислава черниговского. Даниилова дружина была почти полностью уничтоже-

на. Стиснутая с трех сторон, не могла отразить удара и дружина Мстислава Удалого.

И здесь опять же летописцы обвиняют Мстислава киевского, что стоял он на своей горе и равнодушно взирал, как гибнет русское войско. А что он мог сделать? Двинуть своих пеших воинов на переправу, разрушенную половцами, когда у них на спине, на пятках висела легкая конница противника? Подставить под верную смерть от кривых монгольских мечей пешую рать? Ему не оставалось ничего иного, как замкнуть кольцо обороны.

Странно другое. Даниила, раненного, дружинники умчали в степь. Но Мстислав Удалой, несмотря на всю свою славу, кинулся в бега и даже не попытался укрыться с остатками дружины в стане Мстислава киевского. Виновен был он перед киевским князем своей поспешностью, а не киевский князь своей осторожностью.

Все войско Джебе и Субэдея три дня штурмовало лагерь киевлян и взять не могло. Несколько минут боя в открытом поле дали им победу над большей частью русского войска, и три дня штурма не принесли победы над полками киевлян. Это была первая зарница победы русских над завоевателями в далеком будущем, прорисовка тактики, превосходящей тактику монголо-татар.

Станом киевлян монголо-татары овладели предательством. С. М. Соловьев называет предателей «варварской сбродной толпой». Назывались они «бродниками». Б. Д. Греков в своей работе «Золотая Орда и Русь» пишет: «К татарам присоединились «бродники» (по всем признакам славяне, жившие на берегах Азовского моря и по Дону). Это воинственное население, прототип позднейшего казачества, находилось во враждебных отношениях с князьями черниговским и киевским. Совместное выступление их с татарами против русских княжеских дружин может быть объяснено желанием «бродников» нанести удар соседним черниговским князьям и боярам, успешно осваивавшим на своей территории землю и энергично подчинявшим своей сеньориальной власти непосредственных производителей — земледельцев. За отсутствием каких бы то ни было источников говорить по этому предмету что-либо более уверенно невозможно». Продолжая предположения академика Б. Д. Грекова, следовало бы задуматься и над тем, не были ли поставлены «бродники» в безвыходное положение и под страхом гибели не пошли ли на ложное крестоцелование, что монголо-татары не причинят вреда киевским дружинам, если те сложат оружие. Когда киевляне, поверив «бродникам», сложили оружие и вышли из лагеря, монголо-татары набросились на них в степи и всех изрубили. Схва-

тили Мстислава киевского и других князей, положили на них доски, сели на доски и, задавив побежденных, пили за победу.

Князь Василько ростовский, посланный Юрием Всеволодовичем с подмогой южным князьям, дошел только до Чернигова. Узнав о разгроме южных дружин, вернулся в Суздальскую землю.

Ответственность за неудачный поход, конечно же, падает прежде всего на Мстислава Удалого, человека беспокойного, воинственного, блестящего представителя русского рыцарства всей эпохи феодальных войн и бессмысленных дележей земли между княжескими родами. Вместе с тем его участие в битве на Калке показало, что ни удальством, ни рыцарскими отрядами, ни смелостью монголо-татар не победить, что понадобятся десятилетия на полную перестройку не только военной, но и социальной структуры, прежде чем из феодальной усобицы родится государственное начало: оно и даст те силы, которые положат предел господству завоевателей.

НАКАНУНЕ ОРДЫНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ

Войско Джебе и Субэдея, разгромив на Калке ополчение южных русских князей, вошло в Черниговскую землю и дошло до Новгорода-Северского. От Новгорода-Северского повернуло назад. Жители городов и сел выходили навстречу пришельцам с крестами, молили о пощаде, но бесполезно. Пришельцы уничтожали жителей, города и села сжигали. Кошун двигался, к счастью, узкой полосой, там, где он прошел, оставались пепелища, слеталось воронье. Как явились внезапно, так внезапно же и исчезли. Из далекой грозовой тучи откололось и налетело облако, ударила молния, громыхнул гром, и облако растаяло, но туча громоздилась над бескрайними степями востока. Внять бы всей Русской земле, всем русским людям грозовому предупреждению, понять бы, что битва на Калке — это предвестие неисчислимых бедствий, что надо готовиться к встрече с врагом лютым и немилостивым.

Быть может, насторожила бы Калка Юрия Всеволодовича, насторожила бы и других, да случилось тут одно обстоятельство, смягчившее тревогу. В том же 1223 году Джебе и Субэдей пошли на Волжскую Булгарию, проникли глубоко в ее пределы, но, ослабленные битвой на Калке, не смогли одолеть булгарских князей, потерпели поражение и ушли в далекие степи.

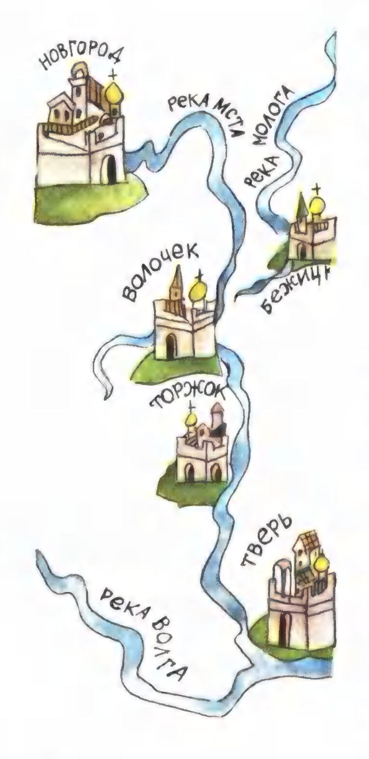
Жизнь на Руси продолжалась все в той же межкняжеской усобице.

Князь Мстислав Мстиславич Удалой (Храбрый) ненадолго пережил Калку. Он умер в 1228 году, развязав своей смертью новый этап борьбы за киевский стол и

галицкое наследство меж Даниилом Романовичем и венгерскими королевичами. Ольговичи опять устремились из Чернигова к Киеву, вырывая его из-под северных Мономашичей.

У северных Мономашичей — свои заботы. После смерти Константина Всеволодовича в 1219 году спор о том, кому быть великим князем на Северо-Востоке, принял более спокойные формы. Ярослав Всеволодович, ранее очень постаравшийся для смуты, согласился с Юрием Всеволодовичем, и братья поделили княжение. Ярослав сел княжить в Новгороде, Юрий — во Владимире. Но влияние окружающего владимиро-суздальского боярства и происки новгородской боярской олигархии делали мир между братьями напряженным и взрывоопасным.

Забота Юрия и Ярослава Всеволодовичей — Великий Новгород. Без опоры в Новгороде Владимирское княжение теряло значение княжения великого, первенствующего на Руси, так же как Новгородская земля без князя из сильнейшего рода становилась добычей западных соседей. Мы уже говорили, что с затуханием торгового пути из грек в варяги и из варяг в греки торговля переместилась на Волжский речной путь. Суздальская земля оказалась в центре этого торгового оборота. Новгород вне влияния суздальских князей — это нарушение торгового процесса. Как в свое время для киевских князей было немыслимо старшинство на Русской земле без княжения в Новгороде, так и теперь для владимирских. Связь с Новгородом летом по речным путям, зимник — посуху через Торжок и Тверь. В этот круговорот включаются Кашин, Калязин, Бежецк. Все чаще и чаще в летописях и документах той эпохи появляются названия этих городов. Возникает и Новгород-Низовский. Это на Волге Юрий Всеволодович укрепляет суздальскую торговлю.

Новгород Великий — велика и забота. Здесь не устают бороться боярские партии, сюда протягивают руки Ольговичи черниговские. Суздальские князья верны властным традициям Андрея Боголюбского и Всеволода Юрьевича. Новгородское боярство хочет князей покорных своей воле, властных боится, отказывает суздальским князьям, провожает прочь, ищет на стороне, не находит и опять возвращает их. Юрий Всеволодович посылает княжить в Новгород то брата Ярослава, то сына, то соглашается на княжение в Новгороде Михаила черниговского, правда взяв с города за такую уступку большой откуп.

Новгородской боярской олигархии несколько вольготнее при черниговском князе, но он не защитник от немцев, а Орден Меча, подстрекаемый Римской курией, стремится проникнуть на Новгородскую землю в надежде расширить свои владения и область католиче-

ского влияния. Новгородцы спешат на поклон к суздальским князьям, и те ведут свои полки на помощь новгородцам и псковичам. Вспомним, что говорил Всеволод Юрьевич, посылая старшего сына Константина на княжение в Новгород: «На тебя бог положил старшинство во всей братье твоей, а Новгород Великий — старшее княжение во всей Русской земле...» В северорусском летописании появляется наименование: «великое княжение Владимирское и Великого Новгорода».

Великое Владимирское и Великого Новгорода княжение не дробилось на отдельные земли. Процесс консолидации центростремительных сил не прекратился со смертью могущественных объединителей Северо-Восточной Руси, ибо опора княжеской власти на широкое сословие служилых людей (дворянство по Б. А. Рыбакову), на торговый люд, на ремесленников и землепашцев оставалась прежней. Крупное боярство было сломлено княжеской властью. Все говорило о том, что движение центростремительных сил преодолевает действие центробежных, что Северо-Восточная Русь выступит в недалеком времени государственным началом на всей Русской земле.

Тот же процесс, но в более усложненной обстановке начинался и на самой окраине Южной Руси, на земле Галицкой.

Мстислав Удалой и здесь успел усугубить межкняжескую вражду, передав Галич в нарушение всяческого «княжего права» не Даниилу Романовичу, а венгерскому королевичу. Естественно было ожидать, что Даниил Романович, уже успевший показать себя ратоборцем, бесстрашным воителем, не успокоится, пока не отберет у иноземцев отчину.

Казалось бы, ничто не благоприятствовало этому предприятию, кроме решимости и мужества молодого князя. В Пинске сидел князь, враждующий с Даниилом; киевский князь Владимир Рюрикович, один из многих тогдашних временщиков на киевском столе, таил обиды еще на Даниилова отца; черниговские князья, сыновья Владимира Рюриковича, как всегда, были готовы к захватам и не хотели передачи Галича в руки Мономашича. Они призвали половцев и осадили Даниила в крепости Кременец.

Крепость была неприступна. Много позже ее, чуть ли не единственную, пришлось обойти стороной и Батыю. Пока князья злобились у изножия горы, на которой стояла крепость, Даниил вступил в переговоры с половецким ханом Котяном, дядей своей жены, дочери Мстислава Удалого. Хан Котян увел половцев. Князья разошлись, и Даниил, выждав момент, с небольшой дружиной овладел Галичем, а венгерского королевича взял в плен.

Был Даниил благороден и ценил добро. Помня доб-

Церковь Рождества Богородицы на Перыни. Новгород. Начало XIII века.

рое отношение к себе короля Андрея, отпустил пленника с миром домой. У венгерского короля нашлись советчики и подняли его против Даниила. Он двинулся к Галичу, города не взял и отступил.

Казалось бы, в Галицком княжестве должно было восстановиться спокойствие. Даниилу заняться бы укреплением городов, созвать большую дружину, он же видел пришельцев, дрался с ними и понимал, что, если те явятся вновь, борьба будет тяжкой. Даниил реально оценивал опасность для Русской земли. Он искал дружбы с северными Мономашичами, с Юрием Всеволодовичем, с Ярославом, но не обрел в Галицком княжестве той опоры, которую оставили Андрей Боголюбский и Всеволод Юрьевич своим преемникам. Отец Даниила не успел «передавить пчел», и Даниил много претерпел от бояр, но не решился (а быть может, и не имел для этого сил) разгромить боярство, как это сделали северные Мономашичи. Из-за боярских интриг не раз приходилось Даниилу уходить из Галича, силой возвращаться назад, изгонять венгерских захватчиков, мириться с королем Белой, схватываться с Ольговичами, призывая на помощь Ярослава Всеволодовича. Так и не достигла спокойствия или хотя бы равновесия между центробежными и центростремительными силами Галицкая земля до трагического для всей Русской земли часа.

В первой трети XIII века, несмотря на усиление центростремительных тенденций, центробежные силы продолжали действовать. Киев, Смоленск, Галич, Полоцк, Чернигов жили своей обособленной жизнью, словно их мало что связывало. Но в реальной политической жизни они очень часто тесно взаимодействовали, время от времени открыто заявляли о своих общерусских претензиях, требовали закрепления за собой Новгорода.

Так поступал смоленский князь Мстислав Удалой в 1209—1216 годах, а черниговский князь Михаил в 1229—1231 годах. В сущности, одним из проявлений борьбы за первенство в Русской земле был конфликт между Черниговом, с одной стороны, Киевом и Галичем — с другой, в 1235 году. Сначала черниговский князь Михаил организовал отпор войскам Даниила галицкого, последний должен был отступить. Однако его союзник киевский князь Владимир Рюрикович вернулся все же в Киев. Тогда в борьбу вмешался северский князь Изяслав Владимирович, который обратился за поддержкой к половцам.

Военно-политическая активность половцев, князей Изяслава и Михаила привела к тому, что Изяслав стал князем в Киеве, а Михаил в Галиче. Однако никто из них не претендовал на общерусское лидерство и не пытался тогда проникнуть так или иначе на берега

Волхова. Это было трудно не только потому, что южные князья ослабили друг друга в ходе конфликта 1235 года, но также еще и потому, что северные князья Юрий и Ярослав становились все более влиятельными в Русской земле. Не случайно Даниил галицкий рассчитывал тогда на помощь князя Юрия, не случайно князь Ярослав Всеволодович в 1236 году двинулся из Новгорода в Киев, где и находился до весны 1238 года. (После битвы на реке Сити он вернулся в Киев.)

Возможно, что тогдашнему успеху Ярослава и Юрия в концентрации русских земель содействовал не только их большой политический опыт, но также особые экономические обстоятельства, в частности весьма тесные торговые связи Новгорода с Северо-Восточной Русью, осуществлявшиеся по Волжскому торговому пути.

Шексна выводила Новгород на Ярославль, Кострому, Новгород-Низовский, оттуда на Владимир, Муром и Рязань. Ни Новгород не мог жить без этих городов, ни эти города без Новгорода. Тверь на Волге при впадении реки Тверцы, Торжок на Тверце, по Тверце через верхний (вышний) волок на реку Мсту, по Мсте в озеро Ильмень. То кратчайший путь с Волги на Новгород, с Новгорода на Волгу. Суздальские князья с той поры, как пришел в Суздаль Юрий Долгорукий, а может быть, и того ранее проведали об уязвимости Великого Новгорода с этого подбрюшья земли Новгородской. В острые моменты вражды с боярской олигархией Новгорода суздальские князья закрывали подвоз через Торжок хлеба и других товаров, и их противники вынуждены были смиряться.

Это, разумеется, не значит, что Новгород совсем порвал свои торговые связи с югом, не поддерживал экономических контактов со Смоленском, Киевом. Связи по Днепру сохранялись у Новгорода, однако Волжский торговый путь тогда, видимо, доминировал.

Все это дает основания считать, что через трудности феодальной усобицы, сквозь вражду княжеских родов государственное начало, движение центростремительных сил в Северо-Восточной Руси, невзирая на временные перепады, постепенно брало верх, и Северо-Восточная Русь в начале XIII века стояла на пороге создания более прочного политического объединения, чем другие части Русской земли той эпохи.

Но в ту пору уже доносились громовые раскаты с востока. Время ворожило Чингисхану, когда тот нападал на одряхлевшие цивилизации, время ворожило и его внуку Батыю, когда тот двинулся на Русь, переживавшую весьма сложный этап своей истории — этап феодальной раздробленности.

Летописцы сообщают, что с булгарской земли прибежали беженцы и просили Юрия Всеволодовича при-

ютить их. Юрий Всеволодович будто бы обрадовался людскому притоку, устраивал беженцев по городам и весям.

Но чего бы стоил Волжский торговый путь, если бы с 1223 года, с битвы на Калке, никто бы не водил по нему торговые караваны до Каспия и далее? Конечно же, купцы и те, кто сопровождал торговые караваны, знали, что происходит в Азии, что собой являют новые государства — улусы, созданные после смерти Чингисхана. Не могли не знать торговые люди и о завоевательных планах Чингисхана и его преемников. Знали купцы, знали и владимиро-суздальские князья, знали и в Новгороде Великом и во всех городах Владимирского и Великого Новгорода княжений.

В 1235 году в степях появились венгерские монахи-миссионеры, обращавшие в католическую веру кочевников. У алан они не нашли проводников. Там уже были все напуганы татарами. Трудно сказать, в какой степени монах Юлиан и его спутники были заняты христианскими проповедями, скорее это были разведчики, посланные венгерским королем Белой IV, чтобы установить степень надвигающейся с востока опасности. Юлиан пробрался на кочевья улуса Джучи и успел отправить королю Беле свои донесения о силе новых пришельцев из далеких степей Востока, об их намерениях. Мы имеем ценное свидетельство Юлиана, что Юрий Всеволодович знал о готовящемся вторжении монголо-татар. Юлиан пишет: «Князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан, и что у татар есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего».

Это предостережение Юрия Всеволодовича, к сожалению, не было услышано в Европе, его расценили как просьбу о помощи, ну а помогать русским там не нашлось охотников.

Враг стоял у порога.

Чингисхан умер в 1227 году. Еще при жизни он разделил между сыновьями и все завоеванные земли, и те, что еще предстояло завоевать. Старшему сыну Джучи достался улус с центром на реке Яике и все, что от Яика на север, северо-запад и на запад: Урал, Сибирь, Волга, Русь, Приднепровье и королевства Восточной Европы. Однако для столь широкой завоевательной кампании сил одного улуса не могло хватить. Джучи умер раньше Чингисхана, главой улуса стал внук Чингисхана хан Батый.

В 1235 году новый великий хан Угедей собрал курултай, на котором было решено усилить улус Джучи для завоевания Волжской Булгарии, Дешт-Кипчака и Руси. В подкрепление Батыю выступили главные силы монгольского войска под предводительством царе-

вичей Менгу-хана, Гуюк-хана, Бучена, Кулькана, Монкэ, Байдары, Тангута и других. Не доверяя полководческим способностям «принцев», великий хан Угедей отозвал из Китая Субэдея.

Итак, в 1236 году была разгромлена Волжская Булгария, ее города разрушены и уведен несметный полон. К весне кампания завершилась. Весной 1237 года монгольские войска под предводительством Субэдея двинулись в прикаспийские степи и развернулись широкой облавой на половцев.

Левый фланг облавы прошел по берегу Каспийского моря, по степям Северного Кавказа к устью Дона. Правый фланг очищал от половцев степи. Оба фланга соединились в нижнем течении Дона. К осени 1237 года монгольские войска приблизились к русским границам, разгромив мордву и другие народы на юго-востоке от русских земель. Все препятствия для вторжения на Русь были устранены. Осенью же собрался курултай, и Батый был поставлен во главе соединенного войска.

Обычно нашествие 1237 года называют «нашествием Батыя». Это неточно. Батый был не только ханом улуса Джучи, но и в какой-то степени соправителем ханов Каракорума. Поэтому на Русь двинулось все монголо-татарское войско, во главе его туменов стояли почти все принцы крови и самый яростный из «железных псов» Чингисхана Субэдей. Основные силы монголо-татар сосредоточились для вторжения на реке Воронеж. Перед захватчиками на пути к центру Северо-Восточной Руси лежало Рязанское княжество.

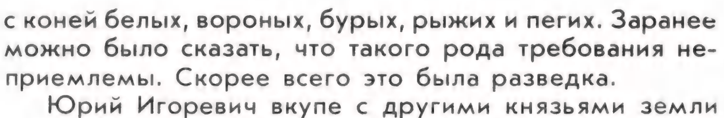
НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНУЮ РУСЬ

Святослав, сын Ярослава Мудрого, дал начало роду князей черниговских, по его сыну Олегу они назывались Ольговичами, младший Олегов сын Ярослав стал родоначальником князей рязанских и муромских. Юрий Игоревич, князь рязанский, был поставлен на княжение Юрием Всеволодовичем, которого почитал «в место отца своего». Рязанской земле, первой из русских земель, Юрию Игоревичу, первому из русских князей, пришлось встретить Батыево нашествие.

В декабре 1237 года стали реки. На Суре, притоке Волги, на Воронеже, притоке Дона, появились Батыевы войска. Зима открывала дорогу по льду рек в крепи Северо-Восточной Руси.

К рязанскому князю прибыли послы от Батыя. Будто бы женка-чародейка и с ней двое посыльных. Трудно сказать, что означало это странное посольство и на что оно было уполномочено. Еще более вызывающими были требования десятин со всего, что имеет Рязанская земля: десятины с князей, с простых людей, десятины

с коней белых, вороных, бурых, рыжих и пегих. Заранее можно было сказать, что такого рода требования неприемлемы. Скорее всего это была разведка.

Юрий Игоревич вкупе с другими князьями земли Рязанской ответил: «Когда никого из нас не останется, тогда все будет ваше».

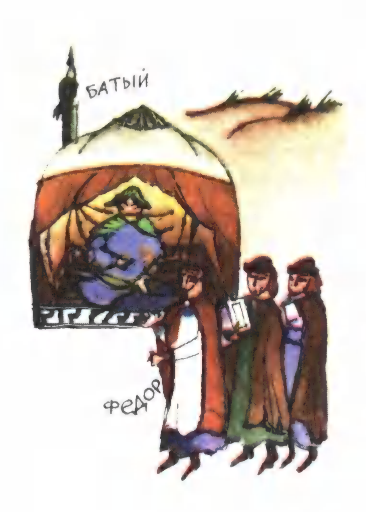
Решительный ответ рязанского князя вовсе не означал, что он недооценивал опасность нашествия. Не была забыта Калка, известны были походы Батыя на булгар и на половцев. Юрий Игоревич поспешил послать за подмогой во Владимир к Юрию Всеволодовичу и в Чернигов к своим родичам.

Очень просто все объяснить феодальной раздробленностью, межкняжеской враждой, княжеским несогласием. Конечно, межкняжеская рознь имела весьма существенное значение. Однако не следует упускать из виду и чисто военные аспекты проблемы.

На княжение Юрия Игоревича ставил Юрий Всеволодович. Ему бы и защищать Рязанскую землю. Как? Где? Спешно, зимними путями переводить новгородские и суздальские полки к Рязани, заслоняя ее спиной? Выводить княжеские дружины против неизвестного и могущественного противника в чистое поле, далеко от городов, стены которых могли бы послужить защитой? Испытанным средством от набегов половцев было отсиживаться в городских крепостях.

Такие же раздумья не могли не овладеть и черниговским князем. Оставался еще и расчет, что зимой конное войско монголо-татар не решится на вторжение из-за бескормицы.

Юрий Игоревич между тем предпринимал усилия дипломатического характера. Он послал посольство во главе со своим сыном Федором с дарами Батыю. Крепка, знать, была уверенность у русских князей, что Батый не решится на штурм городов и крепостей.

Сколь странно было посольство «чародейки», столь же вызывающе издевательским был и ответ Батыя на посольство князя Федора. Повесть о разорении Рязани Батыем, написанная в XIII веке, рассказывает, что Батый, потребовав себе жен и дочерей русских, объявил Федору: «Дай мне, княже, видети жены твоей красоту». Рязанскому послу ничего не оставалось, как ответить: «Не полезно бо есть нам, христианам, тебе, нечестивому царю, водити жены своя на блуд. Аще нас приодолееши, то и женами нашими владети начнеши».

Быть может, этот разговор всего лишь легенда, но существо событий она передает верно. Князь Федор был убит в стане Батыя. Нашествие могло начаться и без этих дерзких словопрений, но Батыю надо было раздразнить русских князей, вызвать их из городов в чистое поле.

До сих пор не установлено: выходил ли Юрий Иго-

ревич навстречу Батыю с рязанским войском или только его сторожа встретилась с монголо-татарами в поле? Летописные сообщения противоречивы. Есть сведения, будто рязанское войско во главе с Юрием Игоревичем вышло навстречу Батыю чуть ли не к реке Воронеж. Но это входит в противоречие с известиями, что Юрий Игоревич оборонял город и был схвачен в Рязани. Может быть, нам помогут сохранившиеся названия сел неподалеку от Старой Рязани по берегам Прони, где она впадает в Оку.

В нескольких километрах от Старой Рязани вверх по Оке, неподалеку от впадения в нее реки Прони, раскинулось село Засечье. Выше по Проне — село Добрый Сот. Ниже Засечья на высокой горе деревня Иконино. Названия деревень иногда могут дать неожиданный ключ к разгадке давних событий. Вокруг Старой Рязани что ни название села или деревни, то все со значением. Ниже Старой Рязани села Шатрище и Исады.

Заметим, что местные жители обычно хранят в памяти из поколения в поколение старинные предания своих родных мест. Так, рассказывают, что Засечьем село названо в память о битве между Батыем и рязанцами. Там, где стояла засада рязанцев,— Добрый Сот, у Шатрища раскинул Батый свои шатры, обложив Рязань, где Исады — высадился на берег Оки.

Но столь прямое толкование не всегда точно. «Засеки», «Засечье» — название привычное для приокских мест. Оно отнюдь не всегда связывалось с местом сечи. Засека — это лесной завал на пути движения ордынской конницы. Если проследить путь Батыя с низовья Воронежа, то он нас по рекам приведет на Проню выше Засечья. Ступив на лед Прони, к Рязани надо было двигаться по реке.

Вполне вероятно, что берега Оки около стольного города Рязанского княжества и тогда были уже очищены от лесов. По правому берегу, где стоял город, были пашни, на низменном левобережье, на Княжьем лугу, пасли коней. А берега Прони, конечно же, были одеты лесом. Этот лес и «засекли», чтобы преградить пришельцам путь к Рязани.

Обычно врага встречали перед засекой, чтобы иметь возможность отступить за преграду. Добрый Сот выше Засечья-Засеки. Это скорее всего указание на то, что там Батыя встретила конная дружина князя. Пешие его воины могли стоять за засекой, на горе, выставив хоругви и иконы. Отсюда и название деревни Иконино и горы — Иконинская.

Очень сомнительно, чтобы рязанский князь, не получив подмоги от Юрия Всеволодовича, решился идти встречать грозного противника на Воронеж. Но, конечно же, он попытался дать бой под стенами города. Устье Прони, Иконинская гора и лес для засеки — это

единственно возможное место для такой битвы. Тогда объяснимо, почему Юрий Игоревич смог после разгрома добежать с остатками своей дружины до города. Ибо, судя по времени, которое потребовалось Батыю, чтобы его взять, город обороняли не только мирные горожане, но и воины.

Здесь уместно коснуться вопроса о численности монголо-татарского войска, вторгшегося на Русь в декабре 1237 года. К сожалению, военные историки не занимались этим вопросом. Надежных указаний в источниках мы не найдем. Русские летописи молчат, европейские очевидцы и венгерские летописи исчисляют войско Батыя, взявшее Киев и вторгшееся в Европу, более чем в полмиллиона. В дореволюционной историографии совершенно произвольно утвердилась цифра 300 тысяч.

Рассуждения о численности войск, пришедших на Русь в 1237 году, строились обычно на мобилизационных возможностях империи Чингисхана. Не принималось во внимание ни время года, ни география местности, ни возможности передвижения крупных войсковых масс по зимним путям. Не принималась, наконец, в расчет и реальная потребность в силах для разгрома Северо-Восточной Руси, не взвешивались мобилизационные возможности Северо-Восточной Руси. Ссылались обычно и на то, что монгольская лошадь могла добывать корм из-под снега, но при этом упускали из виду разницу в снеговом покрове степей на далеком юге и в регионе Рязани — Владимира — Твери и Новгорода. Никто не обратил внимания и на проблему управления в средние века войском в полмиллиона или несколько сот тысяч воинов.

Расчетами очень легко показать, что в походе по зимним дорогам войско в 300 тысяч воинов должно было растянуться на сотни километров. Монголо-татары никогда не отправлялись в поход без заводных лошадей. Не ходили даже «о двуконь», как русские дружины, у каждого воина было самое меньшее три заводные лошади. Миллион лошадей в зимних условиях на землях Северо-Восточной Руси прокормить было невозможно, и полмиллиона — невозможно, нечем прокормить и триста тысяч лошадей.

Какой бы мы ни рисовали себе нетребовательность монгольского воина в походе, он длился не десять дней и даже не месяц, а с декабря по апрель, пять месяцев. Сельский люд, приученный половецкими набегами, умел прятать продовольствие. Города доставались захватчикам в огне, не города, а пепелища. Полгода на куске вяленого мяса и на кобыльем молоке не прожить, тем более что зимой кобылы не доятся.

Столь же неясным оставался и вопрос о возможной численности русских войск, которые могли противосто-

ять нашествию. Вплоть до исследований М. Н. Тихомирова о русских городах XIII века из одной исторической монографии в другую перекочевывали столь же легендарные числа, как и при определении численности войск Батыя. М. Н. Тихомиров пришел к выводу, что такие города, как Новгород, Чернигов, Киев, Владимир-Суздальский и Владимир-Волынский, насчитывали от 20 до 30 тысяч жителей. Это давало им возможность в случае крайней опасности выставить от 3 до 5 тысяч воинов. Города Северо-Восточной Руси, такие, как Ростов, Переяславль, Суздаль, Рязань, по числу жителей не шли ни в какое сравнение с Новгородом и Киевом. По подсчетам М. Н. Тихомирова, число их жителей редко превышало 1000 человек.

Есть основания полагать, что о состоянии русских крепостей, о численности городского населения, о мобилизационных возможностях Северо-Восточной Руси Батый и его темники имели достаточно точную информацию. 300 тысяч воинов не требовалось. Для средних веков и войско в несколько десятков тысяч всадников было огромной силой, способной разлиться по всем городам Северо-Восточной Руси, обладая неоспоримым перевесом в каждой точке приложения сил.

Исходя из соображений географического, демографического и военного характера, можно предположить, что Батый привел на Русь от 30 до 40 тысяч всадников. Этому войску да еще при отсутствии единства русских сил нечего было противопоставить.

Очень сомнительно, чтобы рязанский князь Юрий Игоревич с сыном Федором и всей родней из рязанских городов могли собрать войско хотя бы в пять тысяч воинов. При таком соотношении ни засеки, ни засады не могли изменить исход дела. Защитой для Русской земли оставалось только мужество ее воинов. Стойкости рязанцев, их упорному сопротивлению, их выходу в поле, обороне города в течение семи дней нужно воздать должное.

Начало похода ознаменовалось для Батыя первой неудачей. Разгром в чистом поле всех русских сил не состоялся. Семидневный штурм Рязани, потери в живой силе должны были сказаться.

Вызывающим посольством и убийством князя Федора Батый хотел вызвать в поле не только рязанцев, но и владимирского князя, рассчитывая в одном решающем сражении в поле уничтожить все русские войска, чтобы города остались беззащитными, ибо его не могли не беспокоить потери в живой силе во время штурма и затяжка похода.

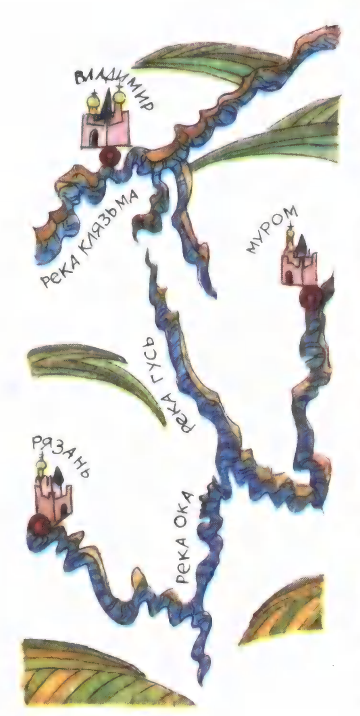
Если рассматривать сложившуюся стратегическую обстановку, придется признать, что, поспеши Юрий Всеволодович с новгородскими полками, а с ним и Михаил черниговский на помощь Рязанскому княжеству,

этим они только сыграли бы на руку Батыю. Действительное сопротивление монголо-татарскому войску Русь могла оказать, только если бы она была государством, имеющим регулярное войско.

16 декабря Батый осадил Рязань и взял ее после ожесточенного шестидневного приступа. Эта затяжка дала возможность очень многим рязанцам уйти за Оку в Мещерские леса и спастись. Через Оку в Мещерские леса Батый не пошел, не пошел и на Муром. Он двинулся разорять города по Проне. Разорил Пронск, а Белогород, Ижеславль, Борисов-Глебов с той поры исчезли навсегда.

Заметим на будущее. Сто сорок три года спустя, выходя навстречу Мамаю, великий московский князь Дмитрий Иванович (Донской) покинул пределы Рязанской земли, оставил Рязань за спиной и тем самым расколол возможный союз Рязани с Ордой.

Как сто сорок три года спустя рязанский князь Олег не мог покинуть свой город, отвести войска на Оку под защиту московских крепостей Коломны и Серпухова, так во время Батыева нашествия не мог Юрий Игоревич бросить Рязань и увести свои войска на соединение с Юрием Всеволодовичем. Свой долг защитника Русской земли рязанский князь выполнил, насколько хватило сил. Он был убит, как и еще многие князья. В живых остался его брат Ингварь Игоревич, который в это время находился у Михаила черниговского, и племянник Олег Ингваревич. Его взяли в плен во время битвы на подступах к городу.

Перед Батыем лежало несколько дорог в глубину Владимиро-Суздальской земли. Вниз по Оке через Муром на Нижний, с Оки на Клязьму и на Владимир. Неподалеку от Рязани в Оку впадала извилистая с озерными разливами река Пра. Она брала начало неподалеку от Владимира и протекала сквозь Мещерские леса. Можно было подняться к Владимиру по реке Гусь. В начале XIII века то были пустынные, малонаселенные места. Если бы Батый ограничивал свои цели грабительским набегом, эти пути, быть может, и имели бы смысл. Но его задачей было покорить всю Русь, захватить все русские земли за одну зиму. Прой и Гусем монголо-татарское войско дошло бы до Владимира значительно быстрее, чем по Оке через Коломну и Москву. Но Батый остался верным своему стратегическому замыслу: воевать Русь не в крепостях, а в открытом поле.

Название «Москва» появилось впервые в летописях, когда Юрий Долгорукий заключил союз со Святославом Ольговичем черниговским. Москва была местом встречи союзных князей и их дружин. Москву для этой встречи выбрали не по капризу. Десна и Ока своими верховьями давно соединяли Чернигов и южные

земли с северо-востоком. Из Оки прямой путь на Москву и по воде — по рекам Протва, Нара и посуху — через Можайск. Батый мог ожидать соединения войск владимирского князя и черниговского именно на Оке в Коломне или под Москвой. Задержка под Рязанью, встреча только с рязанскими полками не устраивала Батыя, спешившего к решительному сражению. Не мешать соединению черниговских и владимирских дружин шел он на Коломну, а искал объединенных противников, чтобы разом покончить с ними в поле, дабы брать города незащищенными.

Юрию Всеволодовичу не послужил на пользу урок, преподанный на реке Липице Мстиславом Удалым. Видимо, еще жила в князе убежденность, что «и не было того ни при прадедах, ни при дяде, ни при отце, чтоб кто-нибудь вошел ратью в сильную землю Суздальскую и вышел из нее цел». Не имея известий от черниговского князя, вернее, зная, что тот не спешит на подмогу Северо-Восточной Руси, Юрий Всеволодович совершает грубейшую тактическую ошибку: посылает свои полки под Коломну, навстречу Батыю, а сам ждет исхода битвы во Владимире. Он как бы играет в поддавки.

Это была типичная переоценка своих сил. Самому могущественному русскому князю и в ум не пришло беречь живую силу, употребить свое войско для защиты городов, наносить внезапные удары подобно рязанскому боярину и витязю Евпатию Коловрату, уклоняясь от битв и сражений в открытом поле.

Воинскую повесть XIII века о Евпатии Коловрате мы вправе считать одним из замечательнейших литературных памятников всего русского и европейского средневековья. Ни одна из песен трубадуров, ни один из рыцарских романов, ни одна из легенд не поднимается до пафоса этого сказания.

Евпатий Коловрат ушел из Рязани с посольством Ингваря Игоревича в Чернигов просить о подмоге против монголо-татар. Князь Ингварь Игоревич задержался в Чернигове, Евпатий Коловрат вернулся с «малой дружиной» в Рязань на дымящееся пепелище. Из-за Оки, из Мещеры, из тех мест, где спасались от Батыя (теперь там город Спасск-Рязанский), возвращались на родное пепелище ремесленники, землепашцы, воины, коим удалось избежать плена в битве у Засечья на Проне. Евпатий крикнул клич: кто готов ударить на супостатов, отмстить за убиенных и растерзанных жен и детей? Собралась дружина около полутора тысяч человек. Изловили распущенных с княжеских конюшен коней и погнались за Батыевым войском.

Между тем под Коломной, куда вышел встретить Батыя Всеволод, сын Юрия Всеволодовича, с суздальскими полками случилось то, что и должно было слу-

читься. В жестокой сече владимиро-суздальское войско было разгромлено, рязанский князь Роман Ингваревич и владимирский воевода Еремей были убиты. В это время великий князь Юрий Всеволодович с сыном своим Константином отъехал от Владимира и раскинул стан на реке Сити между Угличем и Бежецком, собирал там с северных окраин полки и ждал подхода братьев Ярослава и Святослава с новгородцами и псковичами.

Одна тактическая ошибка порождала другую. Разделив свои силы посылкой полков под Коломну, Юрий Всеволодович увел княжескую дружину на Сить, оставив в городе лишь незначительную рать, как это и нужно было Батыю.

Разгромив владимиро-суздальские полки под Коломной, Батый пришел к Москве, взял и сжег город, перебил жителей, Владимира Юрьевича, сына великого князя, пленил. 3 февраля передовые отряды завоевателей подошли к Владимиру.

Когда Батыевы тумены ощутили удары Евпатия Коловрата, доподлинно неизвестно. Сказание переносит действие его дружины на Владимиро-Суздальскую землю. Этому можно верить, ибо нет сведений, что до коломенской битвы кто-нибудь обеспокоил Батыя. В «Повести о разорении Рязани Батыем» сказано: «И собра мало дружины — тысячу семсот человек, которых бог соблюде, быша вне града. И погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздальстеи. И внезапу нападоша на станы Батыевы и начаша сечи без милости. И смятошася все полки татарскыя...»

Воинская повесть — литературное произведение, но она, как и «Слово о полку Игореве», как былины и народные сказания, может служить источником для историографии. Древние авторы лаконичны. Двух слов «внезапу нападоша» достаточно, чтобы логически домыслить, что же произошло.

Мы теперь называем это партизанскими действиями, во времена Александра Македонского такая тактика называлась «скифской войной». Действия Батыя показывают, что он был весьма обеспокоен нападениями рязанского витязя. Ведь именно такая тактика только и могла расстроить его сплоченное железной дисциплиной войско. Обученное битвам в степях, в открытых местах, оно не могло столь же искусно сражаться в лесных крепях.

Началась монголо-татарская облава на дружину Евпатия Коловрата. Против него был выделен целый тумен (до 10 тысяч всадников) под водительством Хостоврула, ближайшего родственника Батыя.

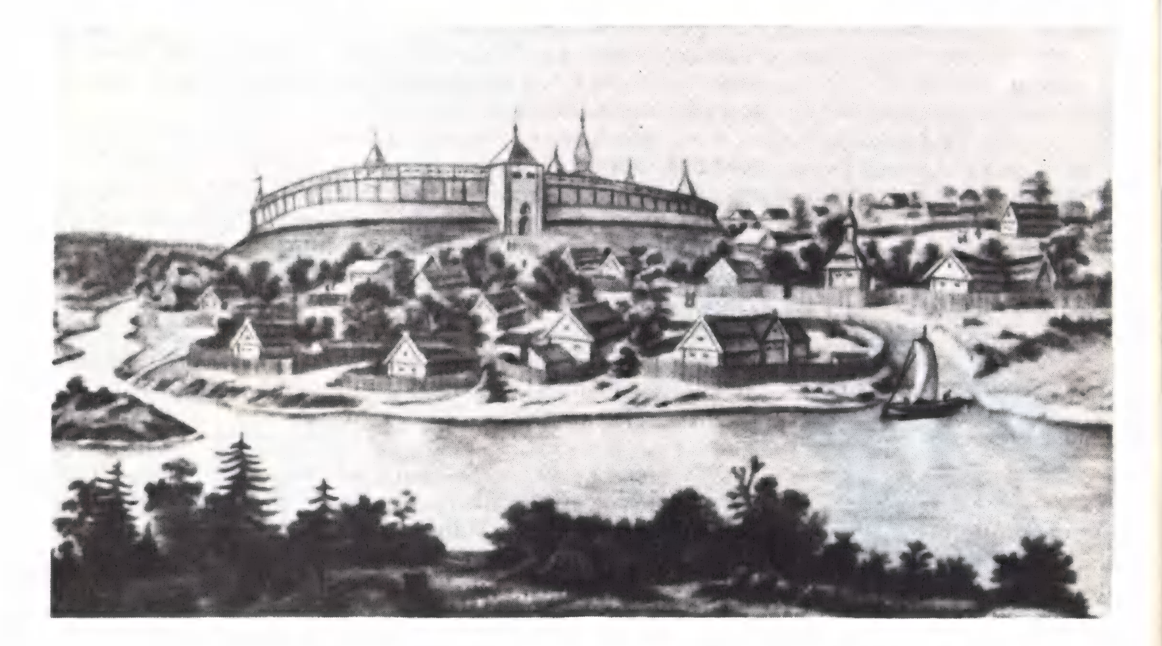
К Владимиру отряды Батыя подошли 3 февраля, а 7-го столица Северо-Восточной Руси, родовое гнездо

Андрея Боголюбского и Всеволода Юрьевича, самых могущественных русских князей, пала. В те же дни был уничтожен Суздаль. Некому было защищать города, в решении стратегических и тактических задач Батый переиграл Юрия Всеволодовича.

Не так-то просто оказалось справиться с дружиной Евпатия Коловрата. Своими набегами на Батыево войско он наносил большие потери пришельцам. В поединке сразил самого Хостоврула. Батыевы воины не смогли одолеть Евпатия обычным оружием, выставили против него метательные орудия и забросали камнями.

После взятия Владимира Батый разделил свое войско и начал громить беззащитные города, нисколько не беспокоясь сбором ополчения на Сити. Это ему было только на руку. Батый ждал, когда на Сить придут новгородские полки. Не дождался. Дальше тянуть было нельзя.

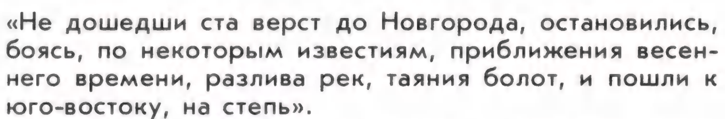
Москва XII—XIII веков. Реконструкция.

4 марта 1238 года войска Батыя пришли на Сить и разгромили ополчение Юрия Всеволодовича. Великий князь владимирский был убит. Батый устремился к Новгороду. И вот первый знак того, что его замысел разгромить все русские силы в открытом поле не состоялся. Торжок, не дав ратников Юрию Всеволодовичу, продержался две недели. Город был взят только 23 марта. От Торжка двинулись селигерским путем к Новгороду, но, не дойдя ста верст, от Игнач-Креста повернули на юг и пошли на Козельск.

Выдающийся русский историк С. М. Соловьев писал:

«Не дошедши ста верст до Новгорода, остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку, на степь».

Так и повелось в историографии объяснять поворот от Новгорода. Однако и поход на Козельск грозил теми же весенними неприятностями. Даже бо́льшими. В Козельске и на пути к нему снега начинают таять на две недели раньше, чем под Новгородом.

В связи с этим интересно заглянуть в исследования климата Древней Руси, проведенные доктором физико-математических наук Е. П. Борисенковым и доктором исторических наук В. М. Пасецким, которые в своей книге «Экстремальные природные явления в русских летописях XI—XVII веков» дают справку: «Зима 1237/38 года — с сильными морозами. Люди, захваченные в плен татарами, «ото мриза изомроша».

Под 1238 годом читаем у них: «Поздняя затяжная весна. Монголо-татарские войска Батыя после взятия Торжка двинулись к Новгороду, не терпя лишений ни от чрезвычайных морозов, ни от метелей, ни от разлития вод. Не доходя 100 верст до Новгорода, «они безбожники, вспятиша от Игнача Креста». Весна была маловодная, и войска Батыя при отходе на юг не пострадали от половодья». Эти сообщения подтверждаются данными о морозной зиме в Западной Европе.

Что же остановило Батыя неподалеку от Новгорода, какое значение имел этот город в его стратегическом замысле?

Прежде всего следует обратить внимание на географию походов Батыя в 1236—1238 годах. Волжская Булгария, Владимир, поволжские города Ярославль, Кострома, Торжок и Игнач-Крест. Вся логика походов Батыя вела к Новгороду. Улус Джучи перемещался в Нижнее Поволжье, перехватывал Волжский торговый путь. Господство над этой мировой торговой артерией выдвигало улус Джучи и Волжскую Орду на первое место в империи Чингисхана. Но Нижнее Поволжье — это не полное господство над торговым путем. Батый громит булгар, завоевывает Владимир и русские волжские города, остается нетронутым ключевой узел всего этого пути — Новгород. Какие же соображения могли остановить грабительское нашествие у ворот самого богатого города Северо-Восточной Руси?

Не следует ли предположить, что у руководителей нашествия возникли противоречия, что союзные принцы рвались разграбить северную Венецию, а Батый, заботясь об улусе Джучи, не хотел разрушения этого

Кремль в Новгороде. XI—XVII века. Башня Кукуй.

важнейшего торгового узла теперь уже полностью захваченного Волжского пути?

Не изменились ли взгляды Батыя на Русь во время его похода? Мог ли он после уничтожения более чем 14 городов считать Русь уничтоженной и неспособной к возрождению? Считал ли свою победу полной, как намечалось?

Захватывая государства Средней Азии и Дальнего Востока, завоеватели оседали на их землях. Пройдя лесными крепями всю Северо-Восточную Русь, не увидел ли Батый, что земля эта непригодна для жизни кочевников, что она им как территория для расселения не нужна? Не возникает ли у Батыя во время похода замысел черпать отсюда, как из неиссякаемого источника, средства для Орды не одним грабежом, а четко организованным сбором дани?

Если и возникали такие мысли у владетеля Джучиева улуса, мы все же должны признаться, что этим целям нисколько не помешало бы взятие Новгорода. Соображение же о том, что разорение Новгорода приведет к затуханию Волжского торгового пути, слишком тонко для Батыя и улусных политиков, да и весьма спорно. Товары из Западной Европы потекут туда, где за них будут платить; ограбившим всю Среднюю Азию, овладевшим багдадским золотом и русским серебром было чем платить.

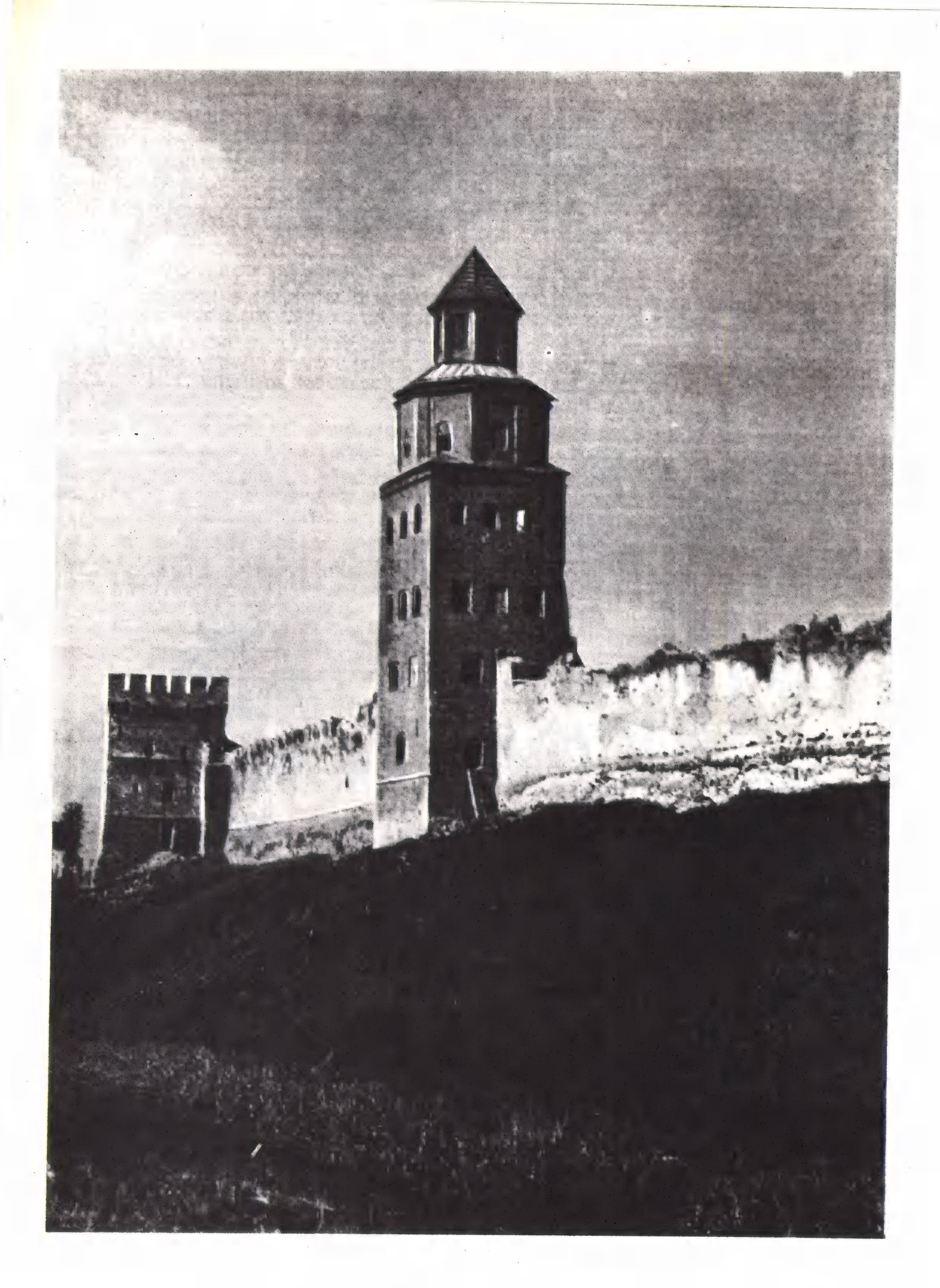
Нет, не дальние замыслы повернули Батыя от Игнач-Креста, не страх перед распутицей, хотя это реальная трудность для похода.

Поход не укладывался в сроки — это одно. Рухнул замысел разгромить соединенные силы Северо-Восточной Руси в открытом поле в одном-двух больших сражениях, используя свое численное и тактическое превосходство.

На Рязань пришлось потратить неделю. Ошибки Юрия Всеволодовича очень помогли овладеть городами Владимиро-Суздальского княжения, но первое же вступление на Новгородскую землю дохнуло угрозой поражения. Новгородские полки, новгородские ратники, владеющие тяжелым оружием, одетые в крепкие доспехи, не пришли на Сить, они остались оборонять город. Три дня на Владимир, две недели на Торжок, а сколько придется биться за Новгород? Не пришлось бы с позором отступить.

Отвернув от Новгорода, войска Батыя пошли круто на юг. Обошли стороной Смоленск и вышли на Козельск.

Козельск штурмовали семь недель, сорок девять дней, ибо ратные люди Козельска оставались в городе и не было их в поле. Будто бы Батый потерял под Козельском около 4 тысяч воинов и велел называть его с той поры «Злым городом».

ПОХОД БАТЫЯ НА ЮЖНУЮ РУСЬ

Множество набегов, нашествий и разорений претерпел русский народ с той поры, как расселился по Днепру, Двине, Оке, Волге, Волхову, по рекам и озерам Белоозерского края. Но такого разорения, какое принесло нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь, не сохранили в памяти ни летописи, ни сказители былин. И все же Русь не была уничтожена, не была покорена.

Русские люди умели словно бы в одночасье отстраиваться заново. И набеги кочевников, и пожары научили русских плотников ставить избы, хоромы и церкви из дерева в «один стук топора». Приходила плотницкая ватага, рядились с хозяином, и топор не умолкал ни днем, ни ночью, пока все не было готово, «как войти».

На пепелища возвращались те, кто успел и сумел спрятаться в лесных крепях от страшных пришельцев. Половецкие набеги приучили и селян и горожан держаться настороже. Ныне трудно восстановить, как все делалось. Можно полагать, что в лесах стояли скрытые дебрями «зимники», которые использовались не только во время охоты, но и как кладовые для продовольствия, как тайники с кормом для домашнего скота. При завоевании Средней Азии, Ирана, Багдада и Китая монголам не приходилось сталкиваться с подобными явлениями. После гибели Юрия Всеволодовича Ярослав наследовал звание великого владимирского и киевского князя. Он явился во Владимир и принялся восстанавливать город, оставаясь в то же время и князем новгородским. Несомненно, что взоры владимирского князя в ту лихую годину обратились на север, и север помог, как потом не раз помогал и Владимиру и Москве.

Батый не дошел ни до Вологды, ни до Белоозера, ни до Великого Устюга, а за ним оставалась нетронутой вся Чудь Заволоцкая, новгородские владения по Шексне, по Белоозеру, по Кубенскому озеру, по Выборге, на Онеге и Ладоге, по Северной Двине. Населены же эти места при великих торговых путях были густо. Оттуда шли лесорубы, плотники, ремесленники. В год поднялся стольный город, и князь Ярослав Всеволодович уже оборонял земли Владимиро-Новгородского княжения от Литвы.

В то время как Ярослав Всеволодович и северные русские князья, горожане и сельские жители, возвратившиеся на пепелища, восстанавливали порушенное, не смея помыслить о реванше, в робкой надежде, что все ограничится грабительским нашествием, Батый и «принцы крови» готовили новые завоевательные походы на Южную Русь и в Европу. Осенью 1238 года они развернули широкое наступление на половцев, на ала-

Две соседние усадьбы в Зарядье.

нов, на ясов. В 1239 году еще оставались очаги сопротивления в степях. К осени, как это можно понять из восточных источников, по Волге, по Дону, на побережье Черного моря сопротивление половцев и иных степных народов было подавлено. Одни были уничтожены, другие покорились, третьи ушли в чужие земли. В это время монгольские войска лишь местами сталкивались с русскими. Так, преследуя половцев, один из монголо-татарских отрядов овладел Переяславлем-Киевским.

Осенью после разгрома аланов и половцев войска под водительством Менгу-хана явились под Чернигов, другие отряды вошли в мордовскую землю. Оба эти похода имели целью обезопасить правый фланг подготавливаемого нашествия на Южную Русь и Европу.

Чернигов был осажден 18 октября 1239 года. Южнорусские князья не оказались столь же стойкими, как племя Всеволода Большое Гнездо. В Чернигове княжил Михаил из рода Ольговичей. Эти князья принесли немало смуты на Русскую землю, претендуя на первенствующую роль. История с падением Чернигова показала, что на такую роль Ольговичи претендовать не могли. Двоюродный брат Михаила, Мстислав Глебович, пытался пробиться к Чернигову, а когда это не удалось, без оглядки бежал в Венгрию. Князь Михаил черниговский не стал ждать, когда монголо-татары осадят город, бежал в Киев. Позже, когда после взятия Чернигова Менгу-хан подошел к Киеву, Михаил бежал в Венгрию.

Жители Чернигова, горожане, посадские, и земледельцы из окрестных волостей обороняли город до последнего. Множество их погибло на стенах. Захватчикам достался разрушенный город.

Менгу-хан после разгрома Чернигова подходил к Киеву. Но штурмовать город не решился. Подивился его красе, взвесил возможности его обороны и ушел прочь. Время завоевания Южной Руси еще не пришло. У монголо-татар оставалось еще много нерешенного на Северном Кавказе и по побережью Каспийского моря.

Свое нашествие на Южную Русь и Восточную Европу Батый начал осенью 1240 года, опять собрав под свое начало «принцев крови».

Батый подошел к Киеву в ноябре 1240 года. Ипатьевская летопись сообщает: «Приде Батыи Кыевоу в силе тяжьця, многомь множьством силы своей и окроугжи град, и остолпи сила Татарьская, и бе град во объедержаньи велице. И бе Батыи оу города, и отроци его объясядахоу град, и не бе слышати гласа, от скрипения телегъ его, множества ревения вельблудъего и рьжания, от гласи стадъ конъ его, и бе исполнена земля Роуская ратных».

Есть все основания полагать, что Киев был укреплен значительно лучше других русских городов. Бегство князей, конечно, не способствовало его обороне. Но еще хуже было то, что Даниил галицкий, завоевавший себе славу ратоборца в битве на Калке, не поспешил собрать в Киев все воинские силы Южной Руси. Киевляне, оставленные на произвол судьбы князем и соседями, оказали упорное сопротивление.

Батый оснастил свои войска мощными по тому времени осадными орудиями. В проломы в стенах устремились осаждающие. Весь город, все его улицы, церкви, все здания превратились в арену кровавых схваток. Но перевес в силах был слишком велик. 6 декабря 1240 года Киев пал. Путь во все города, во все центры Южной Руси был открыт. Наступила очередь Владимира-Волынского.

Рассматривая нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь, можно еще говорить о стратегических и тактических соображениях и ошибках Юрия Всеволодовича. Ни о чем подобном говорить при рассмотрении нашествия Батыя на Южную Русь не приходится. Это еще одно свидетельство, что государственные начала в Северо-Восточной Руси явно превалировали над этим же процессом на Руси Южной.

Жители городов и крепостей оказывали мужественное сопротивление. Крепость Холм монголо-татары так и не взяли, пришлось Батыю обойти и крепость Кременец. Но и Холм, и в особенности Кременец были крепостями особого рода. Кременец располагался на остроконечной вершине отвесной скалы. Кременец и Холм можно было взять только измором после длительной осады. Батый же спешил в Венгрию, в Европу. Почти все города, начиная с Владимира-Волынского, были разрушены, десятки тысяч жителей перебиты. Пал и Галич. На разгром Южной Руси ушло четыре месяца. Из Галича, собрав в кулак все свои силы, Батый двинулся в Венгрию.

После таких погромов, разрушений, избиений населения войсками Чингисхана и его преемников закончилась история многих цивилизованных государств. Казалось бы, и с Русью, с Русской землей, с русским народом было покончено. При всем лаконизме изложения летописцы воссоздают страшные картины разрушений, не менее ужасны описания погрома у западных миссионеров — очевидцев нашествия.

Летописцы, надо полагать, знали все стороны дела, но в том-то и парадокс, что о вещах общеизвестных они не видели нужды сообщать. Во всяком случае, мы не найдем сколько-нибудь полного и мотивированного объяснения, почему Русь не погибла, почему раз за разом возрождалась после повторных нашествий все того же врага.

Забытым оказалось то обстоятельство, что на протяжении всей своей истории Русь соседствовала с кочевыми народами и непрестанно подвергалась набегам и нашествиям то аваров, то хазар, то печенегов, то половцев. Исчезли авары, исчезли печенеги, исчезли половцы, в конце концов, исчезли и ордынцы — конгломерат феодально-разбойничьего характера; Русь осталась.

Опыт поколений научил русский народ бороться с беспокойными соседями. Города и веси сгорели, но люди остались, они умели уходить от уничтожения. А поскольку остались люди, привычные к самым неожиданным формам сопротивления, стало быть, не было завершено ни Батыем, ни его преемниками покорение Русской земли в полном смысле этого слова.

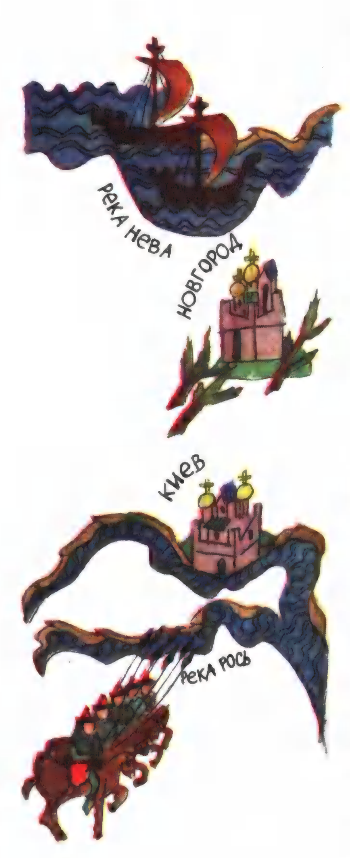
Смертоносный смерч лишь коснулся восточных окраин Европы, промчался по венгерской, польской и чешской землям. Батый без видимых причин повернул назад. Сугубые реалисты, не понимавшие истоков живучести русского народа, искали всяческих объяснений этому возвращению вспять, не желая признать одного: Батый не мог продолжать похода, получая известия, что русские города отстраиваются и вновь на Руси создаются воинские дружины.

Наиболее распространенное объяснение ухода Батыя из Европы — смерть Угедея и борьба за великоханский престол. Разумеется, сохранение политического сотрудничества с Каракорумом и после смерти Угедея оставалось одной из задач политики Батыя, но теперь его все в большей степени интересовали судьбы Волжской Орды и Восточной Европы.

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Русские дела являли в это время собой довольно сложную и запутанную картину, которая дошла до нас далеко не в полном виде, словно зашифрованное неизвестными шифром изображение. Источники донесли до нас только отдельные, разрозненные известия. Живо, с трагической силой описывается возвращение русских людей. Рассказывается, что делали иные русские князья, как хоронили погибших родичей, как Ярослав Всеволодович ходил на Литву, но ни слова о том, как русские князья собирались обойтись с Ордой. Считали ли они Русь завоеванной, как относился к завоевателям народ, имела ли Русь силы, чтобы дать отпор новым нашествиям монголо-татар?

До нас дошли известия, что папа Григорий IX обратился с письмами ко всем русским князьям с предложением вступить в лоно «истинной» католической церкви, если они хотят получить помощь от европейских королей против Орды. Но вторжение Батыя в Восточ-

ную Европу наглядно показало, что стоили обещания папы. В то же время западные соседи, пользуясь бедствием, постигшим Русь, оживились и предприняли несколько попыток отторгнуть русские земли.

Надеяться русским людям можно было только на себя, рассчитывать только на свое мужество, на свою выносливость, на свое великое терпение.

Для расшифровки туманной картины того, что происходило на Руси после Батыева погрома, единственно достоверное в нашем распоряжении — хронологический ряд событий.

Декабрь 1237 — апрель 1238 года — нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь.

1239 год — поход Ярослава Всеволодовича под Смоленск изгнать литовские полки, пришедшие воевать Русскую землю. Заметим: Смоленск не был разорен Батыем, смоленские князья обратились за подмогой к Ярославу, к князю разоренного Владимира!

Осень 1239 года — появление монголо-татарских отрядов в нижнем течении Клязьмы, второе разорение Рязани, разорение Мурома. В том же 1239 году монголо-татарские войска овладели Черниговом и подошли к Киеву.

Летом 1240 года Батый разделался со степными противниками и начал сводить свои войска и войска «принцев крови» к русским пределам. Летом же 1240 года на Псков и Новгород двинулись «крестовым походом» шведы, а за ними немецкие рыцари; литовские князья, изведав под Смоленском, что Русь не погибла, ждали своего часа.

Папа римский побуждал русских князей обратиться в католичество и в то же время своими посланиями звал в крестовый поход на Русь шведского ярла Биргера, зятя короля.

Шведские корабли крестоносцев появились на Неве, когда тумены чингизидов стягивались к реке Роси под Киевом. Совпадение знаменательное. Самым простым истолкованием такой синхронности было бы предположение, что шведские ярлы, проведав о разорении Северо-Восточной Руси, решили воспользоваться ее бедственным состоянием, захватить Псков и Новгород и оседлать верховья Волжского торгового пути. Такое предположение не требует документального подкрепления.

Но мы знаем, что в степи улуса Джучи, даже в стан великого хана именно в это время вереницей шли католические миссионеры, более похожие на тайных посланцев Римской курии, нежели на бескорыстных проповедников. Из улуса Джучи отправлялись монгольские посольства, которые проходили половецкими путями и исчезали в Европе.

Архивы Ватикана полностью никогда не открыва-

лись для исследователей, мало вероятности, чтобы они стали предметом широкой гласности в обозримом будущем. Оттуда разъяснений политики Римской курии относительно монголо-татарской проблемы ждать нечего. Улус Джучи и его восприемники, Волжская и Яицкая Орда, архивов не имели. С достаточной мерой осторожности мы все же остановимся на весьма вероятном предположении, что и здесь Чингисова дипломатия постаралась разделить своих противников и подтолкнуть Римскую курию к агрессии на Новгород в решающий час похода Батыя на Южную Русь и Европу.

С 1236 года в Новгороде Великом княжил Александр, сын Ярослава и внук Всеволода. В дни Батыева нашествия он стоял во главе новгородских и псковских полков и готовил оборону Новгорода. Узнав о вторжении шведов, он не стал их ждать под Новгородом, а поспешил к ним навстречу на Неву. 15 июля в битве на Неве ярл Биргер потерпел сокрушительное поражение. Александр Ярославич был наречен Невским.

Едва отбили шведов, как явились рыцари Тевтонского ордена, опять-таки с благословения римского папы. Киев оборонялся от войска Батыя, воздвигнув щит против нашествия, разорительного для всей Европы. Рыцари-католики в это время взяли Изборск, разбили в открытом поле псковские полки, подступили к Пскову, пожгли посады и осадили город. Изменники открыли им его ворота.

Киевляне изнемогли в неравном бою, пал Киев, Батыевы тумены жгли и полонили города Южной и Юго-Западной Руси. Рыцари-католики построили крепость в Копорье, наложили дань в завоеванных волостях, ограбили жителей по берегам Луги, по дорогам в Новгород поставили заставы, грабили и били купцов. Словом, немецкие рыцари-католики в тот момент зверствовали на Русской земле так же, как и монголо-татарские язычники.

В 1241 году монголо-татары громили Венгрию, Польшу, Моравию, Нижнюю Силезию, купали коней в Адриатическом море. Александр Ярославич во главе новгородской дружины дрался с немецкими рыцарями. Пскова не отбил, но очистил от захватчиков Копорье.

Естественно, вставал вопрос, как вести борьбу на все стороны: против Батыя, уже проникшего на Русь (есть сообщение, что в Угличе еще в 1238 году появились его баскаки), против немецких рыцарей и шведских крестоносцев. И это был первый предмет для серьезных раздумий великого владимирского князя Ярослава Всеволодовича и других князей Северо-Восточной Руси.

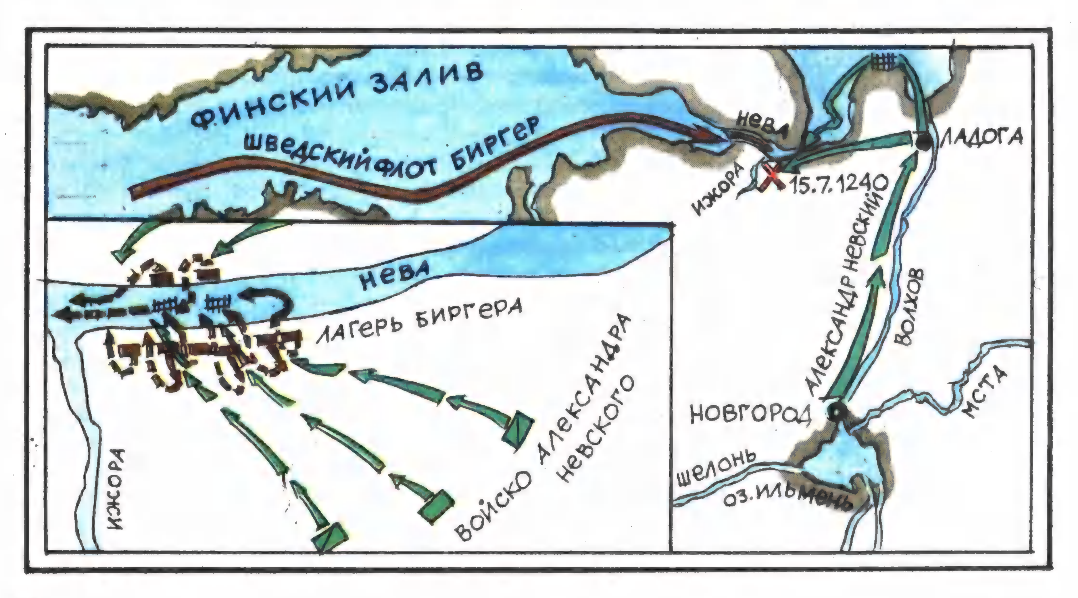
Но не только внешнеполитические мотивы стали

предметом раздумий. Ход сражений с Батыевыми войсками в Северо-Восточной Руси и особенно во время нашествия на Южную Русь показал, что широкие народные массы, низшие сословия, проявили в борьбе с захватчиками мужество и настойчивость необыкновенные. Ярослав Всеволодович не мог не знать, что его брат Юрий, его отец Всеволод Большое Гнездо, его знаменитый дядя Андрей Боголюбский обрели почти единодержавную власть, опираясь на широкую социальную базу, включая «служилое сословие», города, отдельные группы крестьянства. И он не ошибся. В годину возросшей внешней опасности различные социальные силы Русской земли соединились в гневном порыве против захватчиков.

Однако Ярослав Всеволодович, унаследовавший от отца, деда и дяди умение разбираться в постоянно меняющейся политической конъюнктуре, должен был выбирать: поднимать Северо-Восточную Русь, не оправившуюся от погрома 1237 года, на борьбу с Батыем и всеми силами монголо-татар при непрекращающихся нападениях шведских и немецких крестоносцев, с враждебной Литвой в тылу или, имея в виду разорение южных земель, нескрываемое желание старого ростовского и суздальского боярства замирения с завоевателями и, не вняв общенародному патриотическому настроению, пойти на поклон к Батыю, принять его условия замирения и обратить свои силы против крестоносцев и литовских князей?

Выбор, конечно же, кажущийся, ибо всякое сопротивление Батыю вызвало бы новое, не менее жестокое нашествие на Северо-Восточную Русь. Антиордынские

Невская битва 15 июля 1240 года.

настроения — это еще не возможность победы при полном неравенстве сил.

Но был еще и третий предмет для раздумий: Новгород Великий и города Северо-Западной Руси, не тронутые Батыевыми нашествиями. В одной из летописей XVI века мы найдем такое известие: «въ тоя ж горкая Батыева времчина отвергоша они (новгородцы.— Авт.) работнаго ига, видевшие держаще державныхъ Рускихъ нестроение имятежь, и отступища тогда, и отделишася отъ Руси, царства Владимирского, оставше бо Новгородцы отъ Батыя не воеваны и не пленены».

Быть может, тенденция отхода русских земель, «не воеванных» Батыем, от княжений «воеванных» выражалась не в столь законченном и определенном виде, однако такое направление мыслей ни в Новгороде, ни в Смоленске, ни в Пскове, ни в Полоцке, ни в Витебске отрицать не следует.

Может быть, именно такого рода настроениями в какой-то мере объясняется и разлад князя Александра с новгородцами, наметившийся сразу после невской битвы. Однако нельзя исключать воздействия на тогдашнее развитие отношений Новгорода с Великим Владимирским княжением и других факторов; вполне возможно, что победа Александра на Неве настолько усилила его авторитет среди русских князей, что Батый решил уже в 1240 году заменить его менее влиятельным политиком и менее способным военачальником — князем Андреем Ярославичем. В пользу такого предположения говорит сам ход политических событий 1241—1242 годов. Именно тогда политическая конъюнктура на западных рубежах Новгородской и Псковской земли настолько ухудшилась (немецкие крестоносцы не скрывали своих завоевательных планов в отношении этих территорий), что Батый решил снова сделать ставку на проверенного в военном деле князя Александра. Об этом, в сущности, говорила и поездка князя Александра в Орду, совершенная им в 1242 году. И сам факт удаления Андрея из Новгорода, и возвращение Александра на Волховские берега в качестве наместника своего отца — великого владимирского князя Ярослава Всеволодовича.

Первым оценил всю сложность и противоречивость обстановки Александр Невский, ибо лучше других знал, какая опасность надвигается с Запада, видя, что крестоносцы явились на Русь не меньшими разрушителями, чем монголо-татары. Новгородская IV летопись сообщает под 1242 годом, что «поиде Александръ к Батыю царю».

Выезжал он в стан грозного завоевателя, не завершив изгнания немцев из Пскова. Это не надо упускать из виду. Возвратившись из Орды, Александр Ярославич

собрал новгородские полки и, спокойный за свой тыл, двинулся к Пскову, изгнал оттуда рыцарей-крестоносцев и вступил в Чудскую землю, во владения Ордена. Орден в ответ двинулся всеми своими силами на Псков. На Чудском озере развернулось одно из крупнейших сражений средневековья, в котором с блеском проявился полководческий талант Александра Ярославича. Для Европы и Римской курии явилась неожиданностью живучесть Руси, ее сохранившаяся боеспособность.

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Сражение состоялось 5 апреля и получило в истории название Ледового побоища. О Ледовом побоище написано немало исследований, популярных очерков, нашло оно отражение в художественной литературе, в живописи и даже в кинематографе. Знаменитый советский режиссер С. Эйзенштейн поставил накануне Великой Отечественной войны художественный фильм «Александр Невский», в сюжете которого центральное место занимает Ледовое побоище. Везде, во всех работах воздается должное мужеству русских воинов, полководческому искусству Александра Невского, но мы нигде не находим вполне ясного ответа, как, каким образом, с помощью каких тактических приемов новгородское войско победило профессиональное войско немецких рыцарей.

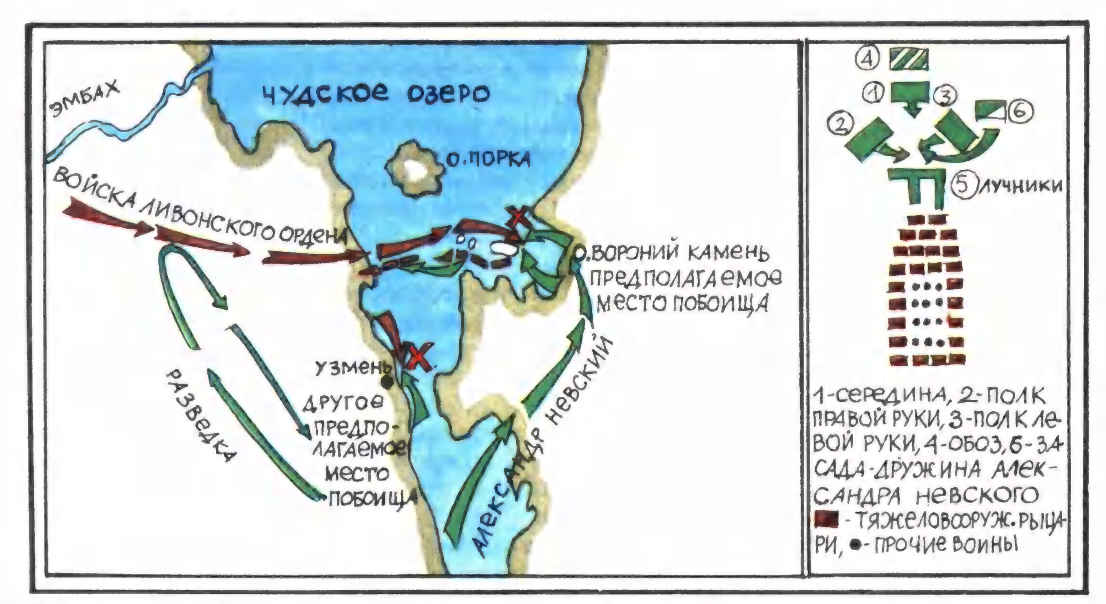
Рифмованная немецкая хроника и новгородская летопись воссоздают приблизительный облик битвы, но во всех своих позициях он очень схож со знаменитой битвой при Каннах, где Ганнибал нанес поражение римским легионам, и производит впечатление литературного заимствования.

Немецкие рыцари выстроились клином (в просторечии «свиньей»), а точнее, узкой и очень глубокой колонной. В ряду построений рыцарских войск клин — один из многих тактических приемов. Задача клина сводилась к массированному удару рыцарской конницы, закованных в доспехи всадников и коней по центру новгородского войска.

Русское войско было построено по классической схеме, выработанной еще Святославом. Центр — пеший полк с выдвинутыми вперед лучниками, по флангам — конница. И новгородская летопись, и рифмованная немецкая хроника единогласно утверждают, что клин пробил русский центр, но в это время ударила по флангам русская конница, и рыцари оказались в окружении. В упорной сече русские разбили рыцарей. Софийская летопись сообщает, что Орден потерял убитыми 500 рыцарей, в плен было взято 50.

Вплоть до начала XIV столетия, до битвы «золотых шпор» при Куртрэ в 1302 году, где фламандские го-

Ледовое побоище 5 апреля 1242 года.

рожане побили французских рыцарей, таких потерь рыцарское войско не несло. Крупнейшее рыцарское сражение при Буввине в 1214 году, в котором схватились французские рыцари во главе с королем Филиппом Августом и немецкие рыцари под предводительством Оттона IV, ознаменовано потерей 70 рыцарей с немецкой стороны, что привело к поражению.

До сих пор ведутся даже споры о месте, где произошло Ледовое побоище, хотя военные историки склоняются к мысли, что русские встретили немцев у Вороньего Камня. Встает вопрос, что побудило командование Тевтонского ордена, достаточно изощренное в тактике, принять построение клином и наносить удар по центру русского войска, упустив из внимания его фланговое прикрытие. Рифмованная хроника и новгородская летопись показывают, что такое построение на пробой русского центра оказалось выгоднее русской стороне. Следует тут же задаться другим вопросом: а не вызвал ли Александр Невский намеренно это построение рыцарского войска? Не входило ли в его замысел что-то не замеченное ни немецким хронистом, ни новгородским летописцем?

Французское рыцарское войско при Куртрэ было сначала осыпано стрелами из арбалетов, затем встречено фалангой пеших фламандцев, вооруженных длинными копьями. В XIII и XIV веках арбалет был единственным стрелковым оружием, которое могло поразить закованного в доспехи рыцаря и его коня, укрытого броней.

О широком применении арбалетов-самострелов новгородским войском ничего не сообщается, мало

того, очень сомнительно, чтобы в середине XIII века этот вид оружия имел массовое употребление на Руси. Вместе с тем археологические находки говорят о том, что новгородцы имели на вооружении очень надежные дощатые доспехи. Построенные глубокой стеной пешие воины в дощатых доспехах, не очень-то поворотливые в бою, и могли стать приманкой для клина.

Летописцы — как и хронисты — несвободны от тенденциозности в изображении событий и особенно в изображении военных столкновений. Русскому летописцу очень хотелось подчеркнуть мужество, богатырскую силу новгородских полков, сумевших отразить удар немецкой «свиньи».

Не раз так случалось, что хроники и свидетельства очевидцев искажали картины тех или иных сражений из желания показать, как тяжко далась победа, чем и восславить победителей. Чем больше потерь, чем больше пролито крови, тем значимее победа. При таком «методе» блистательный замысел полководца иной раз оставался незамеченным, хотя нет ничего выше и значительнее, чем победа, добытая разумом, а не оглоблей или тележной осью.

Какой-то очень глубокий расчет был в замысле Александра Невского заставить немецких рыцарей двигаться узкой, глубокой, плотной, тяжелой колонной по апрельскому льду Чудского озера. Быть может, рабски следуя за хронистами и летописцами, отнюдь не современниками события, мы теряем одно из гениальных решений русского полководца в борьбе с сильнейшим противником. Погибло 500 рыцарей. Их было по меньшей мере раза в три-четыре больше. Хотелось бы произвести эксперимент: пустить по озерному льду в апреле месяце тысячи две всадников, закованных в железо, построенных стремя к стремени. Лед выдержит?

ОРДА И РУССКИЕ КНЯЗЬЯ

Победа на Чудском озере очень высоко подняла авторитет Александра Невского, вместе с тем она усилила политическое влияние и его отца — обладателя владимирского стола — князя Ярослава Всеволодовича. Батый сразу прореагировал на возвышение дома Ярослава. Он позвал в Орду Ярослава Всеволодовича и его сына Константина. Отказаться было невозможно, всякое ослушание было смерти подобно, установление связи, в какой-то степени похожей на вассалитет, позволяло заняться восстановлением порушенного и сохранить начатки государственности.

Поездка Ярослава Всеволодовича в Орду, дипломатия Александра Невского дали на некоторое время

передышку северо-восточным землям от ордынских нашествий.

Ярослав Всеволодович был приветливо встречен Батыем, был почтен им превыше всех других русских князей, его сын Константин привез от великого хана признание отца великим владимирским князем. Таким образом на Северо-Восточной Руси Владимир остался центром притяжения всех русских сил.

В это время, видимо, усилился еще один центр Русской земли — Чернигов, куда в 1245 году вернулся после шестилетнего пребывания в Польше и в Венгрии черниговский князь Михаил.

Очевидное возвышение князя Ярослава, а также широкие международные связи Михаила испугали ордынских правителей. Ордынские ханы решили расправиться с двумя русскими князьями, имея в виду тем самым не только подготовить условия для замены их более молодыми и более послушными князьями, но и создать более совершенную систему ордынского контроля над политической жизнью всей Русской земли.

Реализуя первый этап этого плана, ордынские правители вызвали Михаила в Волжскую Орду, а Ярослава в Каракорум. И хотя эти князья находились тогда очень далеко друг от друга, тем не менее им была уготована одинаковая трагическая судьба; их ждала почти одновременная расправа, правда, совершенная под различными предлогами.

Некоторые исследователи искали разъяснения этим акциям в противоречиях между Батыем и великоханским двором, в якобы происходившей между ними в 40—50-е годы открытой политической борьбе. Будто бы тогда складывалось положение, при котором тех, кого привечал Батый, не принимал Каракорум, и наоборот. Нам представляется это объяснение недостаточно убедительным. Дело в том, что в 40—50-е годы XIII века явного разлада между двумя крупнейшими улусами империи Чингисхана еще не было, их правители совместно действовали на международной арене, в частности, они осуществляли согласованную политику в Восточной Европе, старались общими усилиями укрепить ордынский контроль над русскими землями как путем умелого использования противоборства центробежных и центростремительных сил в стране, так и хорошо продуманным сталкиванием ведущих князей Русской земли друг с другом. Именно этим обстоятельством объяснялась одновременная казнь в Орде князей Ярослава и Михаила.

Медная подвеска и кожаный кошелек из подмосковного кургана. Начало XIII века.

Орда создает два великих княжения на Руси, намереваясь тем самым поставить под свой политический контроль Южную и Северо-Восточную Русь и властвовать, сталкивая эти два княжения и князей одного

Ярославова дома. В 1250 году Александру Невскому дают ярлык на Киевское Великое княжение с предоставлением ему традиционных прав на Новгород, князь Андрей Ярославич получает ярлык на Великое Владимирское княжение с предложением лишь в перспективе прав на Новгород.

Спрашивается: не проще ли было Батыю уничтожить обоих братьев и поставить на великое княжение какого-либо малоизвестного и малоавторитетного князя?

Здесь мы приближаемся к главному узлу всей ордынской политики на Руси.

Оккупация Северо-Восточной Руси, так же как и Среднего Поднепровья, была не по силам Орде и не сулила ей, в сущности, никаких выгод. Эти земли были нужны Орде как постоянный и надежный источник доходов в виде дани. Но с Волги, из Батыева стана, видели и дальше. Там знали, что папа римский не оставляет своих попыток окатоличивания либо всей Русской земли, либо отдельных ее частей. В планы Батыя и Орды не входило делиться своими завоеваниями на Русской земле с государствами Западной Европы — со шведами, немецкими орденами и другими западными соседями Руси.

Рясны. Первая треть XIII века.

Для получения крупных выходов дани с русских земель, для противодействия попыткам проникновения на Русь западноевропейских государств нужен был сильный и политически гибкий князь. Поскольку перспектива внедрения католичества на территорию Галицкой Руси, а потом и на русские земли вообще была

довольно реальной, появление на Великом Киевском княжении, а также на берегах Волхова такого авторитетного князя, как Александр Ярославич, было вполне оправданным. Именно он мог дать отпор попыткам наступления на русские земли католических сил, именно он мог противостоять западным претендентам на дележ древнерусских территорий.

Итак, Киев, а потом и Новгород — Александру Невскому в противовес планам Даниила галицкого создать союз с католическими государствами. Владимир — Андрею Ярославичу в противовес князю Александру Ярославичу, чтобы предотвратить чрезмерное усиление обладателя Киева и Новгорода. Так закладывались основы ордынской политики сталкивания великих княжений, политики обеспечения политической напряженности в системе русских княжеств, а вместе с тем и утверждения ордынской власти в Восточной Европе. Однако первая попытка такого рода, предпринятая Ордой, все же дала сбой. Батый не смог, несмотря на все ухищрения, предотвратить развития антиордынского движения на Руси. Тогдашний обладатель владимирского стола Андрей Ярославич не был ни стратегом в той мере, как его старший брат, ни столь тонким политиком и позволил увлечь себя антиордынскими настроениями, перспективой успешного сотрудничества с Даниилом галицким.

Источники не дают нам возможности установить, кто был инициатором антиордынского союза, пронизавшего русские земли с северо-востока на юго-запад: Даниил галицкий или Андрей Ярославич? Подсказкой может служить поездка на северо-восток митрополита Кирилла в 1250 году. Бесспорно установлено, что митрополит Кирилл был ставленником Даниила галицкого, не раз выполнял его деликатные дипломатические поручения. Митрополит посетил самые крупные города Северо-Восточной Руси: Владимир, Суздаль, Рязань.

Намечавшийся антиордынский союз был закреплен женитьбой Андрея Ярославича на дочери Даниила галицкого. Венчал их митрополит во Владимире в 1251 году. А затем отправился в Новгород, где в это время находился Александр Невский. Приезд митрополита совпал с приходом папских послов, которые появились в Новгороде, надо полагать, не без участия Даниила галицкого.

Посмотрим, что же в это время происходило в Южной Руси, чем был занят Даниил галицкий, входя в союзные отношения против Батыя с Андреем Ярославичем.

Плано Карпини, итальянский путешественник и папский легат, проезжая Поднепровской Русью, рисует страшную картину разорения и гибели. Над городами

и полями недавних битв кружило воронье, по полям, забегая в город, бродили стаи шакалов и одичавших собак. Повсюду на дорогах белели кости. Киев лежал в развалинах. Русь грабили воинственные соседи, хватали уцелевших жителей и уводили в полон. Киев перестал быть притягательной силой даже для Ольговичей.

На Галицкую Русь вернулись беглецы: князь Даниил в свою отчину и Михаил черниговский претендентом на Галич, ибо одного Чернигова ему уже было мало. Возможно, претензии Михаила на Галич послужили еще одной причиной его казни в Орде в 1246 году. Оба князя достаточно изведали мытарств, скитаясь по соседним королевствам в поисках помощи против татар, оба вернулись к пепелищам.

То, что не успели или не захотели разорить Батыевы войска, теперь разоряли в братоубийственной войне Даниил и Михаил. В борьбу включился и сын Михаила, черниговский князь Ростислав Михайлович. Эта война длилась несколько лет, с постоянным перевесом Даниила, пока Ростислав Михайлович не привел против Даниила венгерские и польские полки. Они осадили галицкий Ярославль, предстояла решающая схватка.

Войска Даниила и Ростислава, усиленные венграми и поляками, сошлись неподалеку от Ярославля. Венгерский воевода Филя хвастался перед битвой: «Русские горячо наступают, но долго не выдерживают боя, стоит нам только выдержать их первый натиск». Но и сам Даниил, и его дружинники на этот раз поддержали славу ратоборцев, завоеванную в битве на Калке.

Ростиславовы полки начали было теснить Даниилова брата, князя Василька. Даниил со своей дружиной ударил ему на выручку. Венгры сбили его с коня и схватили. Даниил разметал венгров, вырвался у них из рук, добыл нового коня, оружие и вновь бросился в бой. Здесь он проявил себя князем, защитником земли, смывая позор своего бегства от татар перед нашествием Батыя. Дружина поддержала князя. Ростиславовы полки, а с ними и поляки и венгры не выдержали затяжного боя и побежали.

Поражение черниговских претендентов и их иноземных союзников было полным. Попал в плен и хвастливый Филя.

Это произошло в 1249 году. Наконец-то на Галицкой Руси наступила тишина. Противники Даниила больше не возвращались со своими притязаниями. Но тут же пришел грозный оклик из Орды: «Дай Галич!» Совпадение победы Даниила и повеления из Орды не случайно. Не случайно было и упорство черниговских князей в их борьбе с Даниилом. Эту борьбу явно разжигала

третья сторона. Орда проводила свою политику на Руси: разделяй, чтобы властвовать.

Никого уже не осталось из русских князей, а быть может, и рядовых витязей, что сражались с Джебе и Субэдеем на Калке в 1223 году. С того далекого уже теперь Чингисова «героического» времени для Батыя князь Даниил был личностью, не только вызывающей приятные воспоминания о великом деде, но восхищение воина. Слава о молодом русском князе, дерзко и смело бросившемся в бой на «железных псов» Потрясателя вселенной, долго сохранялась в памяти ордынцев.

Батый принял Даниила неожиданно дружелюбно. Будто бы он встретил его восклицанием: «Данило! Зачем так долго не приходил! Но все хорошо, что теперь пришел. Пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылий кумыс?

— До сих пор не пил,— ответил Даниил,— но теперь, если велишь, буду пить!

— Ты уже наш татарин,— продолжал Батый,— пей наше питье!

Но пить кумыс не заставил и прислал Даниилу вино».

Трудно сказать, сколь достоверен этот диалог, приведенный летописцем. Но он достоверно передает обстановку встречи. Устроивши по своему усмотрению Северо-Восточную Русь, чтобы регулярно получать дань, Батый обратил свой взор на Юго-Западную Русь. Его, конечно же, не мог устроить захват Галича ни венгерским королем, ни польскими князьями. Вместе с тем Батый понимал, что существование непокоренной еще Галицкой Руси не только лишает его дополнительных источников дохода, но и ослабляет его позиции в уже подвластной ему Северо-Восточной Руси, поскольку создает почву для политического взаимодействия антиордынских сил в обеих частях Русской земли. Но для того чтобы подчинить себе Галицкую Русь, нужно было заручиться для начала союзом с влиятельным ее князем Даниилом. Вызов его в Орду был, видимо, первым шагом в этом направлении.

Поклон Даниила Романовича в Орде больно отозвался в сознании современников. В ту эпоху далеко не каждый мог оценить тяжелый опыт Александра Невского, пошедшего на поклон в Орду, еще меньше был понятен такой же поход к Батыю героя битвы на Калке. «О злее зла честь татарская! Даниил Романович князь был великий, обладал вместе с братом Русскою землею, Киевом, Владимиром и Галичем: а теперь сидит на коленях и холопом называется, дани хотят, живота не чает и грозы приходят. О, злая честь татарская! Отец был царем в Русской земле, покорил Половецкую землю и воевал на иные все страны; и такого отца сын

не принял чести, кто же другой после того получит от них что-нибудь? Злобе и лести их нет конца!»

В этом восклицании летописца слились печаль об унижении героя и ратоборца и печаль о всей Русской земле. Оно отражало мысли самых широких слоев населения на северо-востоке. Естественно, что ни летописцы и никто другой, кроме самого близкого окружения Даниила, не знали, что, кланяясь в Орде, он готовил широкое восстание против ее владычества.

В Орде видели, что назревает союз между Даниилом и Андреем, но подкрепить грозный окрик новым нашествием не могли. И опять ход исторического процесса в Орде и на Руси сложился в пользу Орды.

Как раз к тому времени, когда Даниил наконец-то избавился от Ольговичей и наступила в Галицкой Руси тишина, а Андрей Ярославич, невзирая на оппозицию старшего брата, закрепил союз с Даниилом против Орды, Батый в 1251 году добился избрания на великоханский престол своего ставленника и возвратил свои войска из Средней Азии. Настало время для вооруженного подавления назревающего в Северо-Восточной Руси восстания.

Здесь мы сталкиваемся с очень сложным узлом внутриполитических противоречий в Северо-Восточной Руси. Историография очень доверчиво отнеслась к летописным сообщениям о действиях Александра Невского против брата. Будто бы Александр Невский в 1252 году пошел в Орду с жалобой на Андрея, что тот отнял у него великокняжеский стол и задерживает выплату дани Орде, и выпросил у Батыева сына Сартака ордынскую рать, чтобы с ее помощью согнать брата с великокняжеского стола.

Повадка для русских князей привычная. Приводили друг на друга половцев, приводили поляков и венгров, еще ранее печенегов, почему бы не привести и ордынцев.

Надо заметить, что позиция Александра Невского, выступавшего за мир с Ордой, в обстановке усиливавшейся интервенции с Запада, далеко не у всех вызывала симпатии. Низшие сословия единодушно выступали против Орды, феодальная верхушка раскололась во мнениях. Церковь поддерживала Александра Невского, но и в церковной среде не могло не быть сторонников восстания против Орды. Можно сделать такое предположение: составители летописи, симпатизируя позиции Андрея, связали воедино поездку в Орду Александра и приход на Русь карательной ордынской рати. Между тем следует заметить, что именно Батый навязал князю Александру рать против князя Андрея и Александр Невский не сам поехал в Орду, а был туда вызван.

Очень вероятно, что Андрей, узнав сразу о поездке брата в Орду и о движении татарской рати, не захотел искать объяснения этих событий и в гневе воскликнул: «Господи! Что се есть, доколе нам меж собою браниться и наводити друг на друга татар!»

Одно дело возражать против попыток брата развернуть открытую борьбу с Ордой, другое дело звать Орду на Русь. Нам представляется, что, если бы Александр Невский и не поехал в Орду, Орда в силу своих интересов все равно направила бы на Русь карательную рать. Союз Даниила и Андрея был слишком опасен.

В истории очень противоречиво слагаются образы ее действующих лиц. Образ исторической личности при отсутствии достоверных и достаточно полных источников выверяется по надежно проверенным действиям этой личности. Слишком много сил Александр Ярославич вложил в борьбу с врагами Русской земли, в нейтрализацию Орды, в поиски спокойствия своему отечеству, чтобы назвать на Русь новое разорительное нашествие. Нигде и ни в чем он не проявил эгоизма, горячности, не обнаружим мы в его характере и склонности к авантюризму. Известна его осторожность. Он не мог не понимать, что призыв ордынской рати вызовет ненависть всех низших сословий, породит врагов и в феодальной верхушке.

Логика образа ведет нас к предположению, что в Орду он поехал не жаловаться на брата, а с намерением предотвратить нашествие Орды. Его поездка не нужна была для приглашения нашествия, но она не могла и его предотвратить. На Русь двинулись ордынские войска под водительством царевича Неврюя. В историю это нашествие вошло под именем «Неврюевой рати».

Летописи очень глухо сообщают об этом нашествии. В Софийской I летописи говорится, что Неврюева рать явилась под Переяславлем, Андрей вышел к ней навстречу с полками и на Клязьме произошла «сеча велика».

Очень трудно составить ясное представление, из кого состояли полки владимирского князя, какова была сила сторон. Упоминается, что на стороне Андрея сражался тверской воевода Жирослав, а стало быть, и тверские дружины. Можно считать, что от участия в битве уклонились ростовские князья, маловероятно, чтобы кто-то пришел на помощь Андрею из Белоозерского края и из волжских городов. Малодейственным оказался и союз с Даниилом галицким. Из своего далека, конечно же, он не мог послать помощь Андрею, да и с западными соседями хватало забот.

Опять соотношение сил на поле боя сложилось явно в пользу Орды. Владимирская, суздальская и тверская дружины были разбиты, князь Андрей побежал в Нов-

город. В Новгороде и раньше недолюбливали Андрея, побаиваясь его ярко выраженной враждебности к Орде, теперь же, взвесив угрозу от Неврюевой рати, указали ему путь из города. Андрей побежал в Швецию. Неврюева рать разгромила Переяславль и Суздаль, не тронув других городов Владимирского княжения, явно показав, что пришла только покарать непокорных.

Здесь-то как раз скорее всего и сказались последствия поездки Александра Невского в Орду. Он сумел смягчить карательные действия Неврюя. Исход первого антиордынского выступления во главе с Андреем Ярославичем показал: прав был Александр Невский, считая, что Русь в целом не готова к отпору Орде. А это, на наш взгляд, окончательно отводит упреки в том, что он навел татар.

Для Северо-Восточной Руси приход Неврюевой рати явился серьезным актом, закрепляющим ордынское иго. Историография это точно подметила. Но вместе с тем Неврюева рать, как всякое историческое явление, содержала в себе диалектическое противоречие. Зажимая в формы ордынского владычества Северо-Восточную Русь, она вместе с тем цементировала земли северо-восточных княжеств, создавала условия, при которых действие центростремительных сил хотя и замедлялось, но становилось господствующим общественным движением. Своим вождем это движение избрало Александра Невского. По возвращении из Орды Александр Невский сел на Великое Владимирское княжение.

Что же происходило в это время с союзником Андрея Ярославича галицким князем Даниилом Романовичем, обласканным Батыем? Даниил понимал, что ласки восточного владыки коварны, коварен был в своей покорности и он. Внешнее примирение одного из первых ратоборцев против Чингисовых завоеваний с Батыем испугало прежних противников галицкого князя. Венгерский король поспешил послать посольство чуть ли не с поклоном, все делал, чтобы была забыта его помощь Ольговичам. Совсем еще недавно Даниил в поисках опоры для борьбы с Ордой безуспешно сватал своему сыну Льву дочь венгерского короля. Король теперь сам возобновил сватовство.

На этот раз бракосочетание состоялось. Казалось бы, действительно, наметилось что-то серьезное против Орды: дочь Даниила замужем за Андреем Ярославичем, сын женат на дочери венгерского короля. Однако Неврюева рать все порушила.

Потеряв поддержку Северо-Восточной Руси, Даниил ищет помощи на Западе, пытаясь создать союз европейских королей против Орды, вынашивает замысел о крестовом походе, не понимая, что Европа поднима-

лась на крестовые походы с такими же грабительскими целями, с какими монголо-татары пришли на Русь. Крестовые походы никогда и никого не защищали, но папа Иннокентий IV поспешил вселить русскому князю надежду на помощь католического мира в обмен на соединение церквей.

Римской курии не удались крестовые походы шведов и немецких рыцарей, здесь же добыча сама шла в руки. Иннокентий IV засыпал письмами Даниила, отправил в Галич доминиканского монаха Александра для наставлений князя догматам католической веры, разрешил множество религиозных послаблений, которые облегчили бы слияние церквей, запретил крестоносцам приобретать русские земли. В 1253 году папа разослал буллы ко всем католическим государям, скорее всего не веря, что они откликнутся на призыв двинуться в крестовый поход, но этой демонстрацией подталкивая Даниила принять католичество.

Даниил не спешил поверить папе на слово, ждал, когда его призывы приведут в движение войска католических государей. Не дождался. Тогда папа предложил Даниилу королевскую корону в награду за соединение с католической церковью. Но Даниил не обольщался короной. Он отвечал папе: «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец, прежде чем ты подашь мне помощь». Даниил короновался, но в католическую веру не обратился и рассорился с преемниками Иннокентия IV.

Не имея надежды на европейскую помощь, Даниил все же решился вступить в борьбу с Ордой. В 1257 году он выгнал из галицких и волынских городов ордынских баскаков и ордынские гарнизоны. Памятуя, что в свое время Батый не сумел взять ни Кременец, ни Холм, спешил укрепить города. В 1259 году войско Куремсы, одного из ордынских вельмож, попыталось вернуть потерянное, но вынуждено было ретироваться. Не замедлило и возмездие. Орда прислала нового баскака Бурундая во главе значительного войска. Бурундай, понимая, что сила галичан в крепостях, потребовал, чтобы Даниил во всех городах разметал крепостные стены. Пришлось принять это требование, ибо сопротивляться Бурундаевой рати средств не было. К тому же, как и в Северо-Восточной Руси, борьба складывалась на два фронта: началось вторжение с Запада.

Шведские ярлы и немецкие рыцари рвались овладеть Псковом и Новгородом, литовские князья то вступали с ними в союз, то враждовали, пока не открылись новые возможности расширить свои владения за счет русских земель.

Юго-Западная Русь залечивала раны после Батыева погрома, а не тронутые Батыем литовские княжества

вступали в процесс централизации. Первым, кто железной рукой со средневековой жестокостью собрал воедино литовские земли, был князь Миндовг. Создание союза феодалов под единой властью обычно сопровождалось агрессивными устремлениями. Вместе с тем задачу Миндовга по объединению литовских князей облегчило ослабление нажима со стороны Тевтонского ордена, устремившегося в это время на Русь, и разорение польских княжеств. Удачные набеги на Юго-Западную Русь, когда она, обессиленная после Батыева погрома, еще не поднялась, не обстроилась и не собрала сил для отпора, в какой-то мере содействовали возвышению Миндовга.

После того как немецкие рыцари потерпели поражение на Чудском озере и путь на Русскую землю был для них закрыт, Миндовг, чтобы обезопасить себя и оставить свободными руки для захватов западных и юго-западных русских земель, прибег к весьма хитрому приему. Он принял католическую веру. Римская курия с восторгом отозвалась на это известие, папа поставил литовского князя под покровительство святого Петра, приказал магистру Ордена оказывать ему всякое содействие, а епископу кульмскому поручил венчать Миндовга королевским венцом. Летописец, однако, сообщает: «Крещение его было льстиво, потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам».

Однако и союз с Орденом на первых порах не принес успеха Миндовгу в его захватнических замыслах. Даниил галицкий уже оправился после затяжной борьбы с Ольговичами. Миндовгу пришлось просить у Даниила мира и вернуть все волынские земли, но Полоцким княжеством он успел завладеть, чем положил начало присоединению западных русских земель к Литве.

Руководителей Ордена взволновали успехи литовского князя. Немецкие рыцари выступили против Миндовга, но в 1259 году потерпели от него жестокое поражение. А в 1260 году он вторгся во владения Ордена. Литовское княжество заявило о себе значительной силой.

Иначе складывались дела в польских землях.

В XII веке польские земли, поделенные между собой незначительными князьями, не были богатым краем. Много болот, лесные дебри, очень редкое население. Католические монастыри, проникая в дебри, мало что могли сделать, не имея рабочих рук. В 1241 году и на польские земли нахлынуло Батыево нашествие. Польские воины, польский народ мужественно встретили захватчиков, но силы были слишком неравны.

Первая битва с наскоро объединенным малопольским (Малая Польша — земля в верхнем бассейне

Вислы, по рекам Пилица и Венржа) рыцарством произошла под Хмельником. Мало кто из польских воинов ушел с поля боя. Потеряв своих защитников, пал Сандомир, и вся сандомирская земля оказалась во власти захватчиков. Вслед за Сандомиром пали Краков и Вроцлав, о малых городах и говорить не приходится. Татарская облава устремилась в глубь Мазовии (среднее течение Вислы, бассейн рек Нижнего Буга и Нарева) и охватила Великую Польшу (бассейн реки Варты).

Ничто не могло остановить завоевателей. Пылали пожарами города и села в Верхней и в Нижней Силезии. Силезский князь Генрих Благочестивый попытался оказать сопротивление. Он собрал значительное ополчение, в его рядах сражались немецкие колонисты.

Начало битвы с татарами под Лигнице. 9 апреля 1241 года.

Встреча с Батыевыми отрядами произошла при Лигнице. Силезское ополчение было почти полностью уничтожено на поле битвы, пал и Генрих Благочестивый. Татарские отряды двинулись было в чешские земли, но, встретив рыцарское войско во главе с чешским королем Вацлавом, уклонились от битвы с всадниками, закованными в железо, и повернули на юг.

Батыев погром, собственные внутренние неурядицы сделали польские земли довольно легкой добычей Миндовга. Литовское княжество разрасталось. Трудно

сказать, не стало ли бы оно во второй половине XIII века решающей силой в Восточной Европе, если бы время от времени не получало ордынские удары. С Нижней Волги внимательно следили за тем, чтобы не только на Руси, но и в Восточной Европе не возникало противовеса господству Орды надо всем регионом Восточно-Европейской равнины. Отряды Куремсы, а затем и Бурундая несколько раз ходили на Литву урезонивать Миндовга.

Современникам не всегда видна логика событий, а в средние века при отсутствии широкой информации, точнее говоря, при отсутствии всякой информации далеко не все могли оценить ордынскую политику Александра Невского.

Брожение на Руси не утихало и после Неврюевой рати, Новгород указал «путь чист» Андрею Ярославичу, рассчитывая, видимо, при этом на возможность избежать появления ордынцев на Новгородской земле. Новгородцы помнили, что Батый во время нашествия повернул от города, и это внушало им ложную надежду, что ордынцы и впредь не решатся на осаду.

Александр Невский видел для Руси один путь: поддерживать мир с Ордой и сделать все для того, чтобы семена государственности, посеянные Юрием Долгоруким, Андреем Боголюбским и его дедом Всеволодом, дали всходы. Власть великого владимирского князя должна стать в Северо-Восточной Руси единодержавной, хотя и, быть может, на довольно длительное время зависимой от Орды. В подготовке освобождения от ордынской зависимости решающую роль могла сыграть только единодержавная власть. Мы не знаем, надеялся ли Александр Невский подготовить силы для разгрома Орды, но путь он выбрал в тех обстоятельствах единственно возможный.

Летописи об этом молчат. Иначе и быть не могло. Маловероятно, чтобы Александр Невский делился с кем-либо столь дерзновенными помыслами, да и летописцы, если о чем-то и догадывались, предпочитали молчать. Орда, конечно же, без особых затруднений могла устранить Александра Невского, увидев опасность в его усилении.

За мир с Ордой, за спокойствие на Русской земле надо было платить. Александру пришлось оказать содействие ордынским чиновникам в переписи русских земель для регулярного взимания дани. С другой стороны, перепись земель, проводимая ордынцами, делала Александра доверенным лицом хана по взиманию дани.

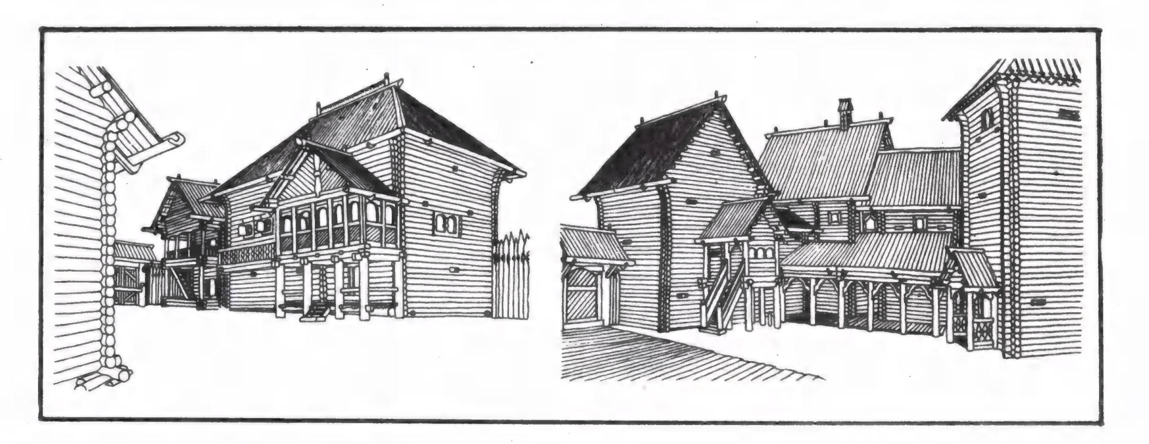
Ордынская перепись вызвала новые волнения во всех землях Северо-Восточной Руси. Александр сделал все возможное, чтобы эти волнения не вылились в от-

крытый отпор ордынским переписчикам, ибо это навлекло бы, в свою очередь, ответную карательную «рать». Суздальская летопись лаконично сообщает: «Приехаши численици, исщетоша всю землю Суждальскую и Рязаньскую и Мюромьскую и ставиша десятники и сотники и тысячники и темники, и идоши в Орду, тольико не чтоша игуменовъ, черньцов, поповъ, крилошан, кто зрит на св. Богородицу и на владыку».

Вопрос, кто были эти десятники, сотники, тысячники и темники, остался невыясненным. Можно предположить, что вся эта система отличалась от баскачества, от неупорядоченных разъездов ордынских чиновников с летучими отрядами за данью по русским городам и селам в первое десятилетие после нашествия Батыя. С. М. Соловьев высказал предположение, что баскачество прекратилось усилиями Александра Невского, что десятники, сотники и тысячники в подавляющем большинстве не были ордынскими чиновниками, а княжьими сборщиками дани. Не знаем мы и ни одного ордынского темника, который постоянно представлял бы интересы Орды в сборе дани. Безусловно, упорядоченный сбор дани создавал более благоприятные условия для ликвидации последствий погрома, чем наезды ордынских баскаков. Но сама по себе перепись не могла не ужаснуть все слои населения своей регулярностью и безысходностью.

Первыми поднялись новгородцы. По новгородской «старине», по своему обычаю указали «путь чист» из города князю Василию, сыну Александра Невского, и призвали к себе из Пскова тверского князя Ярослава Ярославича, сторонника Андрея. Новгород раскололся надвое: «вятшие» люди — крупное боярство — стояли за то, чтобы допустить «перепись», в то же время «меньшие» заняли иную позицию — они «целоваша святую Богородицу... како стати всем, либо животь, ли-

Хоромы Новгорода XI—XV веков.

Церковь Николы на Липне. Конец XIII века.

бо смерть за свою отчину новогородскую...» (Новгородская I летопись).

Одни историки усматривали в этих событиях проявление классового размежевания феодального Новгорода. Другие исследователи видели в них лишь борьбу различных группировок привилегированного населения Новгорода, причем факт политического «расщепления» этого населения объяснялся ими не столько «полярностью» социального положения, сколько неоднозначностью их позиций в развернувшемся тогда противоборстве различных княжеских домов Русской земли, неоднозначностью их ориентаций на эти конфликтовавшие друг с другом княжеские группировки. Такое объяснение представляется нам более убедительным. Видимо, уже в 1257—1259 годах всегда хорошо информированные новгородцы почувствовали обострение противоречий между княжеским домом Александра Невского и домом тверских князей, во главе которого стоял Ярослав Ярославич. Произошедший тогда «раскол» новгородцев на два лагеря, в сущности, отражал возникавший конфликт между этими князьями, возникавший, разумеется, не без участия ордынской дипломатии. Отсюда необходимость постоянного внимания к развитию межкняжеских отношений.

Уже с Ярослава Всеволодовича обнаружилось, что ордынские ханы берут на себя роль верховных судей в спорах между князьями об их праве на великокняжеский стол и уделы. На первом этапе княжеских взаимоотношений с Ордой это могло устраивать многих князей. Им случалось в межкняжеской борьбе приводить на Русь иноземцев. Александра Невского упрекнуть в этом мы не можем. Как только новгородцы изгнали его сына и объявили, что не примут ордынской переписи, он собрал суздальские и владимирские полки и поспешил в Новгород. Лучше было утихомирить непокорных своими силами, чем получить на Русь новую ордынскую рать. Новгородцы простояли, ополчившись, три дня и впустили Александра Невского в город. Он отстранил посадника, возглавившего сопротивление ордынской переписи, и поставил нового, своего человека Михалку Степановича.

Однако сопротивление новгородских «меньших» людей на этом не кончилось. Следующая вспышка относится к 1257 году. Перепись довольно спокойно прошла в низовых землях, в Рязани, во Владимире, в Суздале. Новгородцы, узнав о приближении ордынских чиновников, убили посадника Михалку и «сметошися люди чересъ все лето». Александр Невский повел ордынских чиновников в город под охраной своих полков. Сына своего Василия за непокорность и поддержку новгородского восстания сослал на низ, многих зачинщиков казнил.

Это дало право некоторым историкам упрекнуть Александра Невского в неблаговидном сотрудничестве с ордынцами и в прямом участии в переписи. Неужели и теперь, спустя много веков, когда можно спокойно взвесить, чем грозил приход на Новгород карательной рати Орды, неясно, что, воздав должное патриотическим чувствам одной из группировок привилегированного населения Новгорода, нельзя не признать правомерности действий великого князя, отводившего своим участием в переписи бедствия значительно большие. Добавим, что в 1257 году Александр Невский не стал настаивать «на ордынском исчислении» и дал возможность новгородцам отделаться лишь богатыми дарами хану.

И здесь не обошлось без передержек в истолковании событий. Родилось утверждение, что у великого князя недостало сил провести перепись. Сил у Александра Невского достало бы, стоило ему лишь признаться в бессилии татарским послам. Нет! Он дал еще на два года передышку новгородцам. Ордынская податная перепись, опять-таки не без сопротивления, была проведена только в 1259 году.

Некоторые исследователи установления на Руси ордынского ига поспешили с далеко идущими выводами, утверждая, что именно новгородское сопротивление переписи дало Северо-Восточной Руси бóльшую самостоятельность, чем другим покоренным Чингисханом странам, что именно это сопротивление предотвратило приход на Русь ордынской администрации.

На первый взгляд эта точка зрения претендует на строго научное понимание исторического процесса: классовая борьба, классовое сознание масс помешало, дескать, укреплению ордынского владычества. Здесь мы имеем дело, к сожалению, отнюдь не с диалектическим подходом к оценке событий. Именно преодоление при Александре Невском внутренних проблем своими силами дало Северо-Восточной Руси какую-то передышку от ордынских погромов. Неврюева рать в 1252 году была вызвана как раз не подготовленным к реальному сопротивлению открытым антиордынским движением. Александр Невский не только отвел на много лет ордынские погромы, но и сумел возродить, укрепить и дать инерцию движению центростремительных сил. Более того. В самом начале 60-х годов он предпринял попытку сближения с литовским князем Миндовгом. В 1262 году был даже заключен между ними договор, наметивший совместный поход против Ордена (в походе участвовали войска Александра Невского, в том числе новгородцы, а также вооруженные силы Миндовга вместе с войсками Полоцка и Витебска). Но такой ход событий, видимо, напугал

ордынскую дипломатию. Вероятно, не без ее участия в 1263 году в княжеской междоусобице был убит Миндовг, а князь Александр тогда же был вызван в Орду и на обратном пути умер при загадочных обстоятельствах.

Молва приписывала его смерть ордынской отраве. Очень она похожа на смерть его отца Ярослава Всеволодовича. Момент, выбранный для устранения Невского, косвенно подтверждает это предположение. За два десятилетия относительно спокойной жизни Северо-Восточная Русь залечила раны, отстроились ее города, победами над интервентами с Запада прославились ее полки. Александр Невский почти достиг своей цели: Владимирское Великое княжение стало опасной силой для ордынского владычества. Быть может, не так уж и много оставалось доделать удивительному для средневековья государю, великому полководцу и блистательному дипломату, чтобы сразиться с Ордой и устроить ей Куликово поле на сто лет ранее, избавив Русь от неисчислимых бедствий предстоящего столетия. В Орде начинались уже те явления, которые сопровождают развитие феодализма от единовластия к его расколу.

Орде выгодна была смерть Александра Невского, и он умер. Сразу же была приведена в действие ордынская политика сталкивания претендентов на великокняжий стол.

ЗИГЗАГИ ОРДЫНСКОЙ ПОЛИТИКИ

Наступило время, ознаменованное систематическими вторжениями ордынских войск в пределы Северо-Восточной Руси, являлись одна за другой ордынские рати и разоряли Русскую землю.

Выше говорилось, что хан Батый, его окружение, его преемники готовились черпать средства для своего обогащения из русских земель, что они были заинтересованы в «выходах» большой дани, которые не мог дать разоренный край. Поэтому Орда поддерживала княжескую власть. Не изменились ли намерения преемников хана Батыя и первых волжских ханов? В чем причина разбойных нашествий, только ли в желании пограбить и окончательно подавить на Руси всякую мысль о возможности сопротивления?

Желание грабить никогда не иссякало в недрах феодально-разбойничьего строя Орды, но открытый грабеж в набегах не мог восполнить то, что давал систематический сбор дани.

Вот далеко не полный перечень важнейших ордынских нашествий.

В 1273 году приходили «царевы татары» и разоряли города Северо-Восточной Руси.

В 1275 году татарская рать погромила на пути из Литвы южные русские города.

В 1281 году приходили Кавгадай и Алчедей, опять же на Северо-Восточную Русь.

В 1282 году ордынская рать Турантемиря и Алыни опустошила земли вокруг Владимира и Переяславля.

В 1288 году ходила рать по Рязанской, Муромской и Мордовской землям.

До сих пор, до наших дней по деревням Калужской, Рязанской и Владимирской областей бабушки пугают расшалившихся внучат «дюдюкой». «Дюдюка», дескать, придет и заберет неслуха. В народной памяти особо сохранился приход в 1293 году «Дедюневой рати». Погром, по оценке летописцев, был ничуть не меньшим, чем нашествие Батыя. В какой-то мере даже страшнее. Ордынцы научились вылавливать людей в лесах. Летопись отмечает: «Людей из лесов изведоши». Ограблены и опустошены были все крупные города Северо-Восточной Руси вплоть до Волока-Ламского.

В 1297 году еще одна рать.

Историография обычно объясняла, что приход ордынских ратей породила княжеская междоусобица. Однако исторический процесс обязывает взглянуть на это явление несколько шире.

Факты говорят о том, что не русские князья были инициаторами нашествий Орды, а Орда использовала русских князей в своих целях в усложнившейся внутриордынской обстановке.

Конечно же, попытка Андрея Ярославича поднять Русь против ордынского владычества не могла не встревожить ханов, но эта попытка была слишком слабой, и не она пугала ордынских правителей. Начался разлад в самой Волжской Орде. Отражением этого разлада и было превращение Северо-Восточной Руси в своеобразный полигон столкновений внутриордынских сил.

В шестидесятых годах XIII века произошли важные политические перемены в жизни бывшей империи Чингисхана, что не могло не отразиться на характере ордыно-русских отношений. Начался ускоренный распад империи. Правители Каракорума перебрались в Пекин, улусы империи приобрели фактическую самостоятельность, независимость от великих ханов, и сейчас же между ними усилилось соперничество, возникли острые территориальные споры, началась борьба за сферы влияния. В 60-е годы улус Джучи втянулся в затяжной конфликт с улусом Хулагу, владевшим территорией Ирана. Казалось бы, Волжская Орда достигла апогея своего могущества. Но тут и внутри нее начался неизбежный для раннего феодализма процесс распада. Началось в Волжской Орде «расщепление» государст-

венной структуры, и сейчас же возник конфликт в составе правящей элиты.

В середине 60-х годов в Северное Причерноморье был послан из Сарая темник Ногай. Он закрепился в устье Дуная и, располагая значительными военными силами, обособился от ханов. Этому способствовали и расстояние и действия центробежных сил в недрах ордынского феодального строя. Ногаю на первых порах не потребовалось открытого бунта, он начал проводить свою сепаратную политику во взаимоотношениях с соседями и особенно с русскими княжествами.

В 70—80-х годах он сумел создать свою сферу влияния на территории Юго-Западной Руси, она находилась, видимо, в треугольнике между городами Галичем, Курском и Новогородком. Ногай ревниво охранял эту область от влияния ханов Волжской Орды и тем самым вынудил их временно отказаться от общерусских масштабов ордынской политики.

Это обязывает нас зафиксировать тот факт, что Сарай теперь мог распоряжаться судьбами княжеских домов лишь в Северо-Восточной Руси. Темник Ногай распоряжался судьбами Галицко-Волынского княжества, не имея, правда, возможности влиять на ход событий в Новгороде.

Каждая из сторон старалась добиться перевеса не только в центре, но и на периферии. Ногай стремился «внедриться» в сферу влияния Волжской Орды, ханы Волжской Орды старались вытеснить Ногая с земель Юго-Западной Руси. К обычной политике сталкивания русских князей, к политике «разделяй и властвуй» примешивается борьба между ордынскими группировками; русский князь уже не только «улусник», он и заманчивая фигура на роль союзника в ордынской междоусобице.

Так мы подходим к парадоксу, о котором говорилось выше. Ханам Волжской Орды для пополнения своей казны нужны были земли неразоренные, а власть князей-данников должна была быть реальной, иначе к чему было бы вести переписи населения и все расчеты «выходов» в Орду. И вдруг в разлад логике — один за другим грабительские походы на Русь.

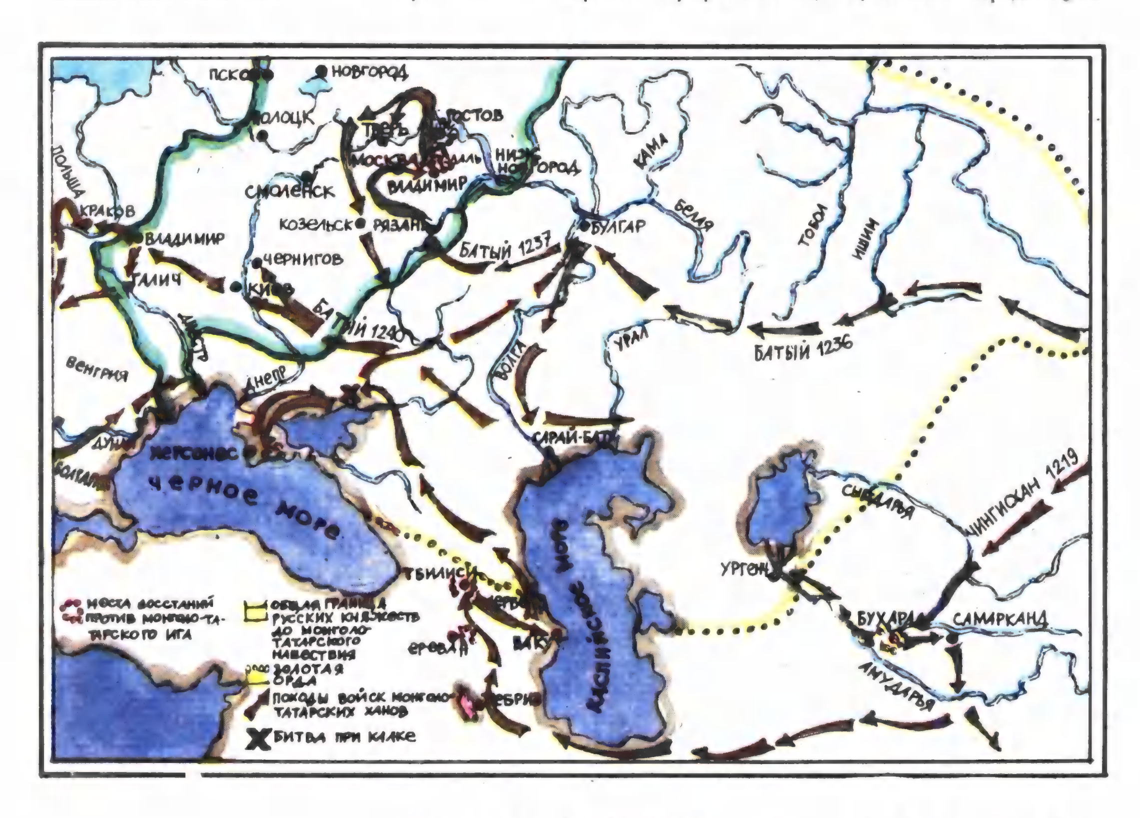
И летописи и историография обвинили русских князей в том, что они в своей междоусобной борьбе начали «называть» на Русь ордынцев, как некогда «называли» на Русь половцев. Но при этом не принимался во внимание тот факт, что от половцев русские князья ни в чем не были зависимы. Орда же поставила русские княжества в прямую и постоянную зависимость.

У летописцев, а вслед за ними и у многих историков сложилось мнение, что виновником приглашения ор-

дынских войск («царевы татары») на Русь в 1273 году был костромской князь Василий Ярославич. В действительности инициатива этой политической и военной акции исходила от хана Менгу-Темиря, а костромской князь Василий был лишь прикрытием действий ордынского правителя. Менгу-Темирь стремился подавить нашествием влияние Ногая в городах Северо-Восточной Руси. Он же позаботился и о том, чтобы противопоставить Василию костромскому энергичного и честолюбивого соперника, тверского князя Святослава (сын убитого в Орде князя Ярослава Всеволодовича). Князей стравили в борьбе за влияние в Новгороде.

Считая, что позиции Орды в Северо-Восточной Руси таким образом укреплены, сарайский правитель

Борьба народов нашей страны против ордынского нашествия. XIII век.

попытался в 1274—1275 годах осуществить прорыв на литовско-русские земли. Летописи сообщают, что ему удалось тогда собрать большую группировку западнорусских князей во главе с Львом Даниловичем галицким и двинуться на территорию Литовско-Русского княжества. Естественно, что действия Менгу-Темиря не могли вызвать одобрения Ногая: используя свои связи с галицко-волынскими князьями, он сделал все, чтобы дезорганизовать ход кампании.

Менгу-Темиря очень обеспокоили неудачи литовского похода. Он разгадал игру Ногая и поспешил себя обезопасить от влияния правителя Дунайского улуса в пределах, подвластных Волжской Орде. На обратном пути он погромил южные города в регионе Курска, а затем устранил с политической арены в Северо-Восточной Руси Василия костромского и Святослава тверского, опасаясь, что в своем соперничестве они будут искать поддержку не в Орде, а у Ногая. Заменил он их в то время малозначащей фигурой переяславского князя Дмитрия (сын Александра Невского). Однако именно на Дмитрии переяславском мы и можем проследить, как развертывалась борьба Ногая и ханов Волжской Орды за влияние в Северо-Восточной Руси.

Ногай организовал под своим руководством большой поход западно-русских князей в Литву, который прошел вполне успешно и укрепил его позиции на литовско-русских землях. Казалось бы, этим было проведено строгое разграничение сфер влияния: Ногаю — Южная Русь и литовско-русские земли, Волжской Орде — Северо-Восточная Русь.

Выше уже говорилось, что это разделение не было непреодолимым барьером. Естественно, что попытки проникновения в чужие сферы соперничающих ордынских правителей не оставляли равнодушными тех или иных русских князей. Мы не располагаем указаниями в источниках о каких-либо контактах Ногая и князя Дмитрия Александровича до 1281 года. Но события 1281 года наводят на мысль, что между Ногаем и князем Дмитрием, когда он княжил во Владимире по ярлыку Менгу-Темиря, были какие-то контакты. Не исключено, что и князь Дмитрий искал между соперничающими правителями Орды сильнейшего и обратил свои взоры на Ногая.

Во всяком случае, сразу же после успешного похода Ногая на русско-литовские земли Менгу-Темирь отобрал ярлык у князя Дмитрия и передал владимирский стол городецкому князю Андрею Александровичу. Князь Дмитрий «эмигрировал» в 1281 году к Ногаю. Не исключено, что князь Дмитрий надеялся, что теперь, после смерти Менгу-Темиря (1280 год), Ногай подчинит себе и Волжскую Орду.

Преемник Менгу-Темиря, хан Телебуга, испуганный такой откровенной формой «сотрудничества» русского князя с Ногаем, поспешил организовать несколько карательных походов на Русь (все те же ордынские рати теперь уже начала 80-х годов). Есть все основания полагать, что эти рати были направлены не столько против русских городов, сколько против влияния Ногая в Северо-Восточной Руси.

В 1282 году после рати Турантемиря и Алыни, опустошивших земли вокруг Владимира и Переяславля, пе-

реяславский князь Дмитрий Александрович возвратился из «эмиграции» и, казалось бы, совсем неожиданно получил вновь из рук хана Телебуги Великое Владимирское княжение на целых десять лет (1283—1293).

Волжская Орда как бы переманила к себе «диссидента», но нельзя терять из виду и того соображения, что и князь Дмитрий, видимо, с присущей ему дальновидностью предугадал исход борьбы между Ногаем и Волжской Ордой в пользу ордынских ханов. Нельзя не отметить здесь и некоторого компромисса. Ханы Волжской Орды не могли не понимать, что их рати ведут к разорению Русской земли, и поэтому пошли на союз с перебежчиком, дабы погасить оппозицию и нейтрализовать сторонников ориентации на Ногая в северо-восточных русских городах.

Однако Ногай не оставлял своих замыслов овладеть положением и подчинить Волжскую Орду. В 1287 году он организовал поход западно-русских князей, находившихся от него в зависимости, против Польши и Венгрии и пригласил участвовать в походе хана Телебугу. Условие: войска каждого улуса действуют самостоятельно.

В результате этот поход кончился для Ногая вполне благополучно, а для Телебуги обернулся катастрофой; его армия, заблудившаяся в заснеженных Карпатах (возможно, не без дезориентирующей «подсказки» самого Ногая), полностью погибла. «Про се,— писала летопись,— межю ими (возникло) большее нелюбие: зане баястася оба: сий сего, а сей сего».

Наметившееся к концу 80-х годов преобладание Дунайского улуса над Волжским позволило Ногаю устранить Телебугу с помощью хана Тохты, который был его тайным союзником в Волжской Орде. Однако, став во главе Волжской Орды, хан Тохта очень скоро из союзника Ногая превратился в его врага. Тохта вступил с ним в борьбу по всем линиям, имея в виду устранение самого Ногая, крушение его улуса, а также ликвидацию сферы его влияния на западно-русских землях.

Не исключено, что хан Тохта не мог простить и переяславскому князю Дмитрию Александровичу — тогда обладателю владимирского стола — его политических контактов с Ногаем. В 1293 году с согласия хана Тохты против князя Дмитрия неожиданно выступил претендент на Владимирское княжение городецкий князь Андрей Александрович. В том же 1293 году хан Тохта санкционировал крупномасштабное вторжение татарских войск на Северо-Восточную Русь. Это была печально знаменитая «Дедюнева рать».

Князь Дмитрий бежал в Псков, но Орда не собиралась оставлять во Владимире городецкого князя полно-

властным хозяином положения. Уже в 1294 году она возвратила князя Дмитрия из Пскова в Тверь, а потом и в его родной Переяславль. Орда хотела вновь его противопоставить городецкому князю Андрею, но в 1294 году Дмитрий умер. Тогда хан Тохта выдвигает план ослабления князя Андрея с помощью целой коалиции князей Северо-Восточной Руси — в составе Ивана Дмитриевича переяславского, Даниила Александровича московского и Михаила Ярославича тверского.

Внешнеполитический курс Волжской Орды стал еще более последовательным, еще более масштабным после полного торжества хана Тохты над темником Ногаем, что произошло, как мы знаем, в 1300 году. Городецкий князь Андрей был вскоре лишен владимирского стола (в 1304 году умер), но и его политические противники недолго праздновали свою победу, недолго сохраняли единство своих рядов.

Серебряный кубок. Белореченский курган.

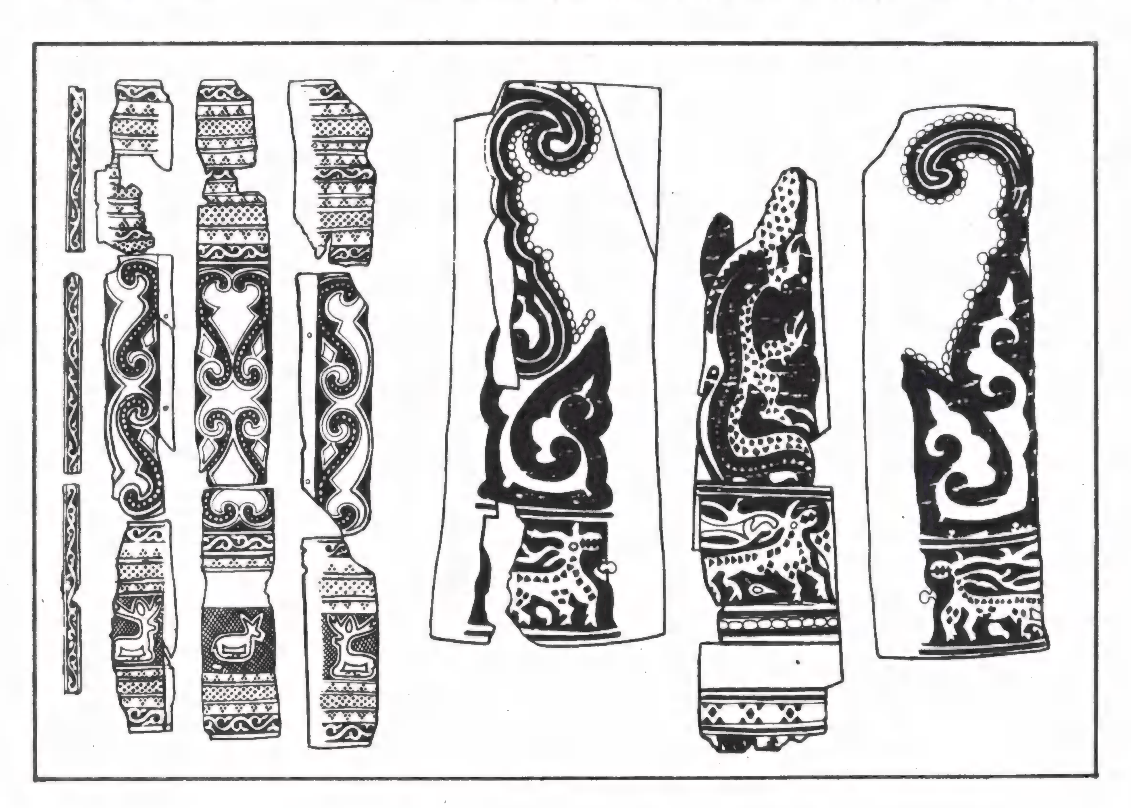

Поливная чаша. Сарай-Берке.

В истории Русской земли наступил новый этап, ознаменованный не только длительным противоборством Московского и Тверского княжеств, но и выходом их противоборства на общерусскую политическую арену.

От сложной политической и военной жизни Восточной Европы второй половины XIII века не была ограждена и жизнь русской церкви. Волжская Орда и улус Ногая в 60—90-х годах XIII века сохраняли церкви те же льготы, которые были ей предоставлены Ордой еще в 40—50-х годах XIII столетия. Однако в церковной политике двух улусов на протяжении 60—90-х годов все же существовали кое-какие различия. Правители Волжской Орды, создавшие еще в 1261 году в своей столице особую Сарайскую епископию, превратили ее позднее в важный инструмент политики прежде всего в Северо-Восточной Руси, а также и в специальную инстанцию, которая имела возможность поддерживать связи не только с Константинополем, но и с Киевской митрополией через свой «филиал» в Переяславле-Киевском.

Ногай, женившийся в 1273 году на побочной дочери византийского императора Михаила Палеолога, обладал, видимо, большими возможностями, чем сарайские ханы, воздействовать на жизнь православной церкви Юго-Западной Руси и особенно на деятельность киевских митрополитов всея Руси Кирилла и Максима, считавших во второй половине XIII века своей постоянной резиденцией Киев. Митрополит Максим

Костяные накладки на колчаны из поволжских погребений кочевников золотоордынского времени. XIII—XIV века.

(1283—1304) долгое время имел своей постоянной резиденцией город Киев, однако он признал необходимым переехать на постоянное жительство в город Владимир лишь после ликвидации улуса Ногая — в 1300 году.

Такими сложными тенденциями характеризовались взаимоотношения двух ордынских улусов в 60—90-х годах XIII века, а вместе с тем и взаимоотношения искусственно изолированных друг от друга Северо-Восточной Руси и Руси Юго-Западной.

Здесь мы оказываемся еще перед одним историческим парадоксом. Казалось бы, «расщепление» власти в Орде должно было благоприятно сказаться на положении русских земель, ослабить ордынский гнет. Этого не случилось. Русь еще не залечила раны от Батыева погрома, в ней еще не свершились те внутренние процессы, которые сто лет спустя привели к Куликовской победе. Вражда улусов Волжской Орды ужесточила ордынское владычество. После серии ордынских ратей над Русью воцарился мрак ордынского ига.

Торжеству таких тенденций в развитии ордыно-русских отношений способствовали внутриполитические процессы, происходившие в Ордынской державе на протяжении первой половины XIV века, утверждение центростремительных сил в Волжской Орде при хане Тохте (в последние годы его правления, 1300—1312 годах), а особенно при ханах Узбеке (1313—1342) и Джанибеке (1342—1357). В этот период Орда достигла зенита своего могущества, добилась заметных успехов в хозяйственном развитии.

В условиях утвердившейся централизации Волжской Орды восточноевропейская политика ордынской дипломатии стала более масштабной. Использование Ордой противоречий между центробежными и центростремительными силами в системе всех русских княжеств теперь стало дополняться, а иногда и заменяться использованием противоборства между формировавшимися тогда крупными государствами Восточной Европы, в частности, антагонизма между Владимирским и Литовско-Русским княжениями.

Эти новые веяния восточноевропейской политики Орды породили и новую, во многом осложненную тактику. Так, стремясь поддерживать постоянную напряженность в отношениях между Москвой и Вильно, ордынские правители форсировали тенденции смыкания территориально-политических границ между двумя великими княжениями и вместе с тем содействовали сохранению пояса «нейтральных» княжеств в качестве арены соперничества и даже вооруженной борьбы. (Прежде всего это касалось Новгорода и Тверского княжества.)

Подобная тактика тогдашних ордынских правителей естественно давала свои результаты: она укрепляла политические и экономические позиции Орды в Восточной Европе. Факт значительного усиления ордынской державы в правление ханов Узбека и Джанибека признается многими историками, однако такого единодушия нет у историков, изучавших политические судьбы Ордынской державы в эпоху Мамая.

Исследователи политической истории Золотой Орды второй половины XIV века, опираясь на восточные и русские источники, много говорят о торжестве в это время феодальной анархии. Для таких утверждений у них есть некоторые основания: с 1359 по 1381 год на золотоордынском престоле побывало около 25 ханов, что, естественно, свидетельствовало о неустойчивости ханской власти в Сарае, о наличии симптомов политической дестабилизации. Однако, признавая правомерным этот общий вывод, мы все же не можем преувеличивать масштабы анархии и распада власти и переоценивать его значение в политической жизни Восточной Европы в целом.

Дело в том, что, несмотря на обилие ханов, довольно рано самой влиятельной, «доминантной» политической фигурой Ордынской державы оказался правитель Мамай. Еще при хане Бердибеке (1357—1359) он стал вторым человеком в Орде, заняв наиболее важную при ханском дворе должность беклярбека, обеспечивавшую ему руководство всей дипломатической службой, а также командование ордынским войском. Кроме того, он тогда же стал зятем ордынского хана.

Однако все эти «карьерные» достижения Мамая не могли иметь дальнейшего развития в государственно-правовой сфере, не могли стать трамплином для обретения им ханского престола. Для Мамая эта возможность была закрыта по той же причине, что и для темника Ногая — оба они не были чингизидами.

Тем не менее, наделенный большим честолюбием и незаурядным талантом политика и военачальника, Мамай находил новые пути для утверждения своей власти, и в этом он явно превзошел своего предшественника Ногая. Мамай сумел на протяжении почти двадцатилетнего периода держать своих сарайских соперников то под явным, то под скрытым контролем. Добивался он этого весьма своеобразным способом.

Опираясь на «освоенный» им крымский улус и достигнутый в Ордынской державе политический авторитет, он получил возможность активно воздействовать на ход борьбы многочисленных чингизидов за обладание ханским престолом, смог предопределять появление того или иного хана в Сарай-ал-Джедиде или, стравливая друг с другом, убирать неугодных чингизи-

дов, не давая ни одному из них надолго укрепить свое положение.

Все царствовавшие в Сарае на протяжении 60—70-х годов чингизиды находились в той или иной зависимости от Мамая. Достаточно сказать, что одни золотоордынские правители были его ставленниками-марионетками (например, Абдуллах, Тулунбек, Мухаммед-Булак), другие оказывались его скрытыми выдвиженцами, а третьи, хотя и были выходцами из среднеазиатской Орды и даже представляли не род Батыя, а род хана Орды (линия старшего сына Джучи), тем не менее также попадали под то или иное его влияние. В таком положении оказывались Азис-шейх в 1364—1367 годах, Тохтамыш во время своего первого прихода в Волжскую Орду (1376—1377 годы), наконец, и Арабшах в 1378 году.

Мозаика. Фрагмент. Сарай-Берке.

Поливной сосуд.

Показателем политического могущества Мамая в эти годы служит и тот факт, что он сам трижды появлялся тогда в Сарай-ал-Джедиде в качестве реального общеордынского лидера, в первый раз в 1363 году во время недолгого пребывания у власти его явного ставленника Абдуллаха, второй раз в 1368 году, когда на нижнюю Волгу снова был переброшен из Крыма тот же Абдуллах, и, наконец, третий раз в 1372—1373 годах, когда ханским престолом владели Тулунбек или Му-

хаммед-Булак — также его откровенная креатура. Все это позволяет говорить не о подлинном бунте Мамая против сарайских ханов, не о действительном расколе Золотой Орды и не о реальном двоевластии в Ордынской державе, как это было в эпоху темника Ногая, а лишь о видимости бунта, раскола и двоевластия, искусно создаваемой Мамаем для того, чтобы замаскировать факт своего полного господства над политической жизнью всего ордынского государства.

И действительно, обеспечивая пребывание тех или иных чингизидов на сарайском престоле, позволяя им содержать в Сарае свой двор, «правительство» и чеканить монету, Мамай демонстрировал свою верность династии Чингисхана, свою готовность следовать главным законам политической жизни ордынского государства. Вместе с тем, содействуя частой смене этих номинальных обладателей Сарай-ал-Джедида, не позволяя никому из них хоть как-то усилиться, Мамай фактически создавал надежную политическую основу своего властвования в Орде, выступал в роли вершителя ее политических судеб, в роли ее монопольного владыки на протяжении почти двадцатилетнего периода.

В сущности, это положение было зафиксировано и русской летописью. «Цари их,— читаем мы в Троицкой летописи под 1378 годом,— иже в то время имеаху себе, не владевше ничимъ же и не смеяще ничто же сотворити перед Мамаем, но всяко старейшинство держаше Мамай и всеми владеаше въ Орде».

Все это в известной мере объясняет, почему Орда, несмотря на все внешние признаки политической дестабилизации, по существу, продолжала, как мы это увидим далее, вести довольно активную, весьма целеустремленную и в целом последовательную политику в отношении ведущих восточноевропейских стран.

Все это означало, что набиравшая в 60—70-х годах политические и военные силы Северо-Восточная Русь готовилась к схватке не с ослабленным и маломощным соседом, а с государством, которое под эгидой Мамая в полной мере сохраняло свой политический и военный потенциал.

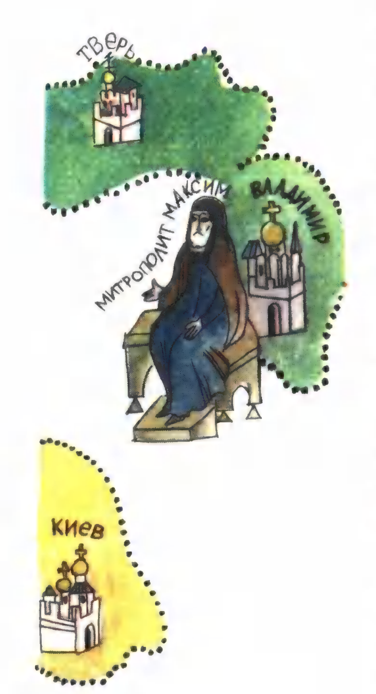
МОСКВА И ТВЕРЬ

Жизнь русских земель на всем их протяжении: на юге, в Приднепровье, на Волыни, на западе вплоть до Пинских заболоченных лесов и до границ Литвы, и на северо-востоке — в 60—90-е годы XIII столетия протекала под воздействием напряженного противоборства Приднепровско-Дунайского улуса во главе с Ногаем и Волжской Орды.

После падения Ногая обстановка резко меняется. Волжская Орда выступает вновь, как при первых ханах, претендентом на безраздельное господство над всеми русскими землями. Установление контроля над огромной территорией требует пересмотра принципов дипломатии и военной стратегии. За спиной хана Батыя стояла вся империя Чингисхана. Хан Тохта владел всего лишь улусом Джучи, и нарастала вражда с другими улусами империи. Вместе с тем на подвластных Орде землях не останавливался свой исторический процесс, протекавший в борьбе центробежных и центростремительных сил, не везде феодальная структура была одинаковой, где-то еще превалировали силы расщепления, а где-то шла консолидация феодальных сил, направленная на создание государственности.

Можно предположить, что сразу же после падения Ногая правители Волжской Орды искали пути преодоления сложившейся разобщенности южных, юго-западных и северо-восточных земель с тем, чтобы, применяя прежний метод стравливания княжеских домов, направлять жизнь на русских землях в нужном им русле из какого-то общерусского центра.

Этот общерусский центр естественно было искать на великом Волжском пути. Наталкивало на этот поиск и его огромное торговое значение для всей Восточной Европы и близость к ордынской столице, к кочевьям Орды, близость и связь с Новгородом. Да и ход исторического развития независимо от ордынской политики подводил к тому, что на Волжском торговом пути сосредоточивалась экономическая и политическая жизнь всех северо-восточных русских княжеств.

Мы подходим к тому порогу, когда вдруг ранее малозначащие города на Северо-Востоке — Тверь и Москва — начинают играть ведущую роль в жизни всей Северо-Восточной Руси и оказывать влияние на судьбы Новгорода и тех русских княжеств, которые в это время переходили в сферу литовского влияния.

Мы говорим: Тверь и Москва, но поначалу первенство в Орде, конечно же, отдавалось Твери, ибо ее географическое положение как центра всей Северо-Восточной Руси было значительно выгоднее, она служила удобными воротами в Новгород, в западные княжества и в Литву. Но то же преимущество географического положения послужило впоследствии препятствием для ее превращения в центр Северо-Востока, ибо именно своей близостью к литовско-русскому центру Тверь стала опасна Орде.

Возвышению Москвы и Твери уделено немало внимания. Одни исследователи видели причину возвышения этих городов в их ускоренном социально-экономическом развитии. Но это объяснялось как раз их возвышением, было не причиной, а следствием. Другие — в

действии миграционно-демографических факторов, забывая, что и они были вторичны; третьи относили это явление к воздействию политических и международных факторов. На самом деле в разное время, на разных исторических этапах все эти причины, выступая во взаимодействии, и определили судьбу этих городов.

Итак, к моменту падения Ногая и сосредоточения всей ордынской власти в руках хана Тохты, великим владимирским князем сидел сын Александра Невского — Андрей Александрович, князь городецкий. В противовес ему Орда поддерживала его братьев Дмитрия переяславского и Даниила московского. Дабы усилить князя малого и незначительного городка Москвы, в Орде благословили захват им Коломны у рязанского княжества (1301 год).

В 1294 году умер Дмитрий Александрович, Переяславль перешел к его бездетному сыну Ивану. Умирая в 1302 году, Иван завещал Переяславль князю Даниилу московскому. Даниил, умирая в 1303 году, передал своему сыну Юрию уже не только Москву, но Переяславль, Коломну и Можайск. В Костроме сидел в это время младший брат Юрия, князь Борис, находившийся в союзе с ним. Орда не воспрепятствовала этому усилению Москвы в противовес великому князю владимирскому.

В 1304 году умер великий князь Андрей. В Орду поехали два претендента на великое княжение: Михаил Ярославич тверской, племянник Александра Невского, и его внук Юрий Данилович московский. Орда дала ярлык на великое княжение Михаилу тверскому, оставив за Юрием Даниловичем все приобретения московского княжеского дома. Новгород, как и в прежние времена, был оставлен яблоком раздора для московского и тверского князей.

Еще в бытность великим князем Андрея городецкого, после крушения Ногая, в 1300 году митрополит всея Руси Максим переехал из Киева во Владимир. Для того времени событие немаловажное, оно ознаменовывало возрастающую роль на всех русских землях Великого Владимирского княжения. Михаил Ярославич оценил совмещение в одном центре власти духовной и светской. В 1305 году по его указанию создан был общерусский летописный свод. Тверской князь претендовал на роль собирателя русских земель, на международной арене он котировался как «великий князь всея Руси». Перед Ордой возникала все та же дилемма: чтобы держать Русь в повиновении и черпать из нее доходы, нужна централизованная сильная власть. Но сильный князь опасен, а единство Руси под его властью — прямая угроза владычеству Орды. Союз митрополита и великого князя (Михаила и Максима) обеспокоил Орду. В 1304 году митрополит Максим умер.

Встал вопрос о назначении нового митрополита. Сейчас же столкнулись интересы московского князя Юрия и Михаила тверского.

Надеясь на поддержку Орды и Константинополя, тверской князь Михаил предложил своего кандидата в митрополиты — тверского иерарха Геронтия, московский князь Юрий, рассчитывая на те же силы, выдвинул другую кандидатуру — галицкого иерарха Петра, поддержанного, кстати, и галицким князем Юрием Львовичем. Интересно, что ордынская дипломатия и на этот раз проявила присущую ей «последовательность»: предоставив владимирский стол тверскому князю Михаилу, общерусскую митрополию она передала кандидату московского князя Юрия. В 1308 году состоялось поставление Петра с обязательством его постоянного пребывания сначала во Владимире, а потом и в самой Москве. Проведенный под эгидой Орды и Царьграда в 1311 году в Переяславле съезд русских князей и духовенства поддержал ставленника московского правящего дома митрополита Петра. Орда позаботилась о том, чтобы между князьями сохранялось равновесие: если тверской князь, заняв владимирский стол, получил некоторый перевес в сфере политической жизни, то московский князь обрел большее влияние в сфере церковной.

Но главной ареной соперничества между двумя княжескими домами оставалась Новгородская земля. Заняв владимирский стол в 1305 году и не получив права на управление Новгородом, тверской князь попытался самочинно овладеть берегами Волхова. «А в Новгород послаша Тферицы наместники Михайловы силою, и не приняша их Новгородцы». Но, проявив настойчивость, Михаил добился своего и в 1307 году стал князем Новгорода.

Такое усиление тверского князя не понравилось Орде, и она поддержала претензии московского князя Юрия на Волховские берега. Чувствуя возраставшую активность Москвы, новгородцы изгнали тверских наместников. Но князь Михаил не уступал. Собрав войско против северного соседа («заратися князь Михаил к Новгороду»), он занял Торжок, Бежицу и организовал экономическую блокаду Новгородской республики («не пустя обилья в Новгород»). В результате Новгород снова капитулировал.

Но торжество Твери на Новгородской земле оказалось недолговечным. Пришедший к власти в Волжской Орде новый правитель хан Узбек (1313—1342) решительно поддержал московского князя Юрия против чрезмерно усилившегося тверского князя. Уже в 1314 году возник открытый конфликт между Москвой и Тверью за влияние на берегах Волхова, завершившийся в пользу Москвы. Правда, до вооруженного

столкновения тогда не дошло. В 1314 году было заключено соглашение, в силу которого князь Юрий направил своего сына Афанасия в качестве князя-наместника в Новгород.

В этот момент сам Михаил возвращался из Орды домой вместе с татарским войском, чтобы расправиться со своим московским соперником. Положение князя Юрия было опасным: он получил приглашение от хана Узбека посетить Волжскую Орду. Тем временем тверской князь снова пошел на Новгород, где и восстановил свои позиции, изгнав князя Афанасия. Но этот рывок к власти был последним в жизни тверского князя Михаила.

Во время своего визита в Орду князь Юрий был обласкан сверх всякой меры: хан Узбек не только обещал ему владимирский стол, но и женил на своей сестре Конча́ке. Отпуская князя Юрия домой, хан Узбек направил вместе с ним значительную военную дружину, а также ордынского посла Кавгадыя с весьма широкими полномочиями. Орда явно приняла решение заменить на владимирском столе тверского князя Михаила московским князем Юрием.

Трезво оценив создавшуюся обстановку, князь Михаил решил отказаться от первоначального намерения продолжать борьбу со своим соперником. Присутствие большого ордынского войска, а также ханского посла Кавгадыя заставило тверского князя радикально изменить линию своего поведения. «И съслався с Кавгадыем съступися великого княжения Михаил князь Юрию князю». Но для Орды этого «добровольного» отказа князя Михаила от Владимирского княжения было мало: Кавгадый имел задание ослабить само Тверское княжество и стремился осуществить это как татарскими отрядами, так и войсками многих князей Северо-Восточной Руси и силами новгородцев. Так была предрешена битва, которая произошла недалеко от Твери в 1317 году.

Хотя план кампании был как будто хорошо разработан, тем не менее новгородцы и войска Юрия не соединились в намеченном районе в назначенное время. Это позволило князю Михаилу нанести решительное поражение своим противникам. Сам князь Юрий успел убежать в Новгород, а значительная часть его войска попала в плен к тверскому князю. Среди пленных оказалась и жена Юрия Конча́ка — сестра Узбек-хана.

Таким образом в привычный ряд событий межкняжеских войн вплелся эпизод совсем необычный. В запале борьбы Михаил Ярославич допустил роковую ошибку. Не в том беда, что он разбил Юрия и рассеял его ордынских помощников. Для Орды все русские князья были безразличны, лишь бы дрались между собой и платили дань. Разбив Юрия, тверской князь не

только захватил в плен его жену Кончаку, но допустил ее гибель. Незамедлительно разнесся слух, что ее отравили. Это чрезвычайно осложнило отношения тверского князя с Ордой.

Правда, обнаружилось это не сразу. На первых порах победа тверского князя Михаила над московским князем Юрием привела к неожиданным и, пожалуй, загадочным политическим результатам. Загадочными оставались как причины самого поражения, так и характер первоначальной реакции на это событие ордынской дипломатии.

В самом деле, трудно сказать, чем был вызван провал этой кампании: простой ли военной неудачей князя Юрия или тонкой игрой ордынского дипломата, пытавшегося, возможно, таким путем ослабить обе борющиеся стороны. Настораживает и первая реакция ордынского посла Кавгадыя на победу, одержанную князем Михаилом. Она послужила поводом для временного примирения посла с тверским князем. Кавгадый посетил со своими отрядами Тверь, а Михаил ненадолго вернулся во Владимир.

Однако дальнейший ход событий внес ясность в эту запутанную ситуацию: Орда не могла допустить резкого усиления одного князя за счет другого, отсюда одновременное приглашение в Ордынскую державу двух князей, приглашение, которое кончилось трагедией для князя-победителя и триумфом для князя, потерпевшего поражение. Михаил был осужден в Орде на смерть, Юрий, несмотря на свое военное нерадение, стал обладателем ярлыка на Великое Владимирское княжение. В соответствии со сложившейся политической традицией его сын Афанасий стал князем-наместником в Новгороде, а потом и сам князь Юрий подолгу бывал на Волховских берегах. Видимо, он хорошо выполнял как политические, так и финансовые обязанности перед Сараем.

Поливное блюдо и архитектурный декор.

В течение четырех лет своего пребывания во Владимире Юрий значительно усилился и усилился настолько, что Орда, видя перспективу слишком большого перевеса Москвы над Тверью, решила снова «перетасовать» карты: в 1322 году устранила на время с политической арены Юрия Даниловича, передав ярлык на Великое Владимирское княжение представителям тверского дома — сначала Дмитрию Михайловичу (1322—1325), а потом Александру Михайловичу (1325—1327).

Тверские князья могли, видимо, еще ряд лет оставаться фаворитами Орды. Такого рода отношения не были нарушены даже убийством «родственника» хана Узбека московского князя Юрия Даниловича, совершенного 24 ноября 1324 года тверским князем Дмитрием Михайловичем. Последний, правда, был казнен в

Орде, но владимирский стол после этого события получил все же не московский княжеский дом, в частности, не Иван Калита, а тверской князь Александр Михайлович (тогда же в 1325 году он заключил договор с Новгородом). Но, поддержав таким образом тверской княжеский дом, Орда все же пыталась не допустить его чрезмерного усиления: в 1322—1324 годах она не передала ему Новгород, там оставался московский князь Юрий вплоть до своей смерти. Только в 1325 году Сарай санкционировал появление тверского князя на Волховских берегах, но ненадолго. Вскоре перевес оказался на стороне московского правящего дома.

Мы видим теперь, что ошиблись те историки, которые усматривали в фактах военно-политической активности Орды на русских землях лишь следствие межкняжеских распрей. На самом деле эти распри порождала ордынская дипломатия, усиление или ослабление отдельных княжеских домов на Руси оказывалось результатом целенаправленной деятельности Волжской Орды. Но, добиваясь таким путем сохранения политического контроля над русскими землями, правители Орды не могли не думать об увеличении денежных сборов с подвластных им территорий феодальной Руси.

Если внимательно присмотреться к ордынской политике первой трети XIV века, можно в ней различить не только разжигание вражды между Москвой и Тверью, но и подталкивание их князей на соперничество в собирании дани с населения тех или иных частей Русской земли. Дело иногда доходило до того, что князья в этом соперничестве стали грабить друг друга. Разумеется, соревнование князей в сборе денежных средств вполне устраивало ордынскую казну. Тем самым Орда против своей воли постепенно подготавливала формирование тех сил на Руси, которые в дальнейшем оказались способными вести борьбу против нее. Но на этом этапе указанное соревнование пока еще не решало политическую судьбу того или иного русского князя.

Великий князь был ограничен в своих возможностях, на этот раз весьма своеобразным способом. В 1328 году Орда ввела новый порядок отношений Владимирского княжения с Новгородом Великим. «Озбяк,— читаем мы в Новгородской I летописи,— поделил княжение: князю Ивану Даниловичу (московскому.— Авт.) Новгород и Кострому, а суздальскому князю Александру Васильевичу дал Володимир и Поволжье». Правда, это экспериментирование с противопоставлением Новгорода Владимирскому княжению продолжалось недолго. Общая расстановка политических сил в Восточной Европе, в частности, весь ход международ-

ной жизни того времени заставили, видимо, Орду восстановить старый порядок отношений между указанными центрами Северо-Восточной Руси.

ИВАН КАЛИТА

Пришло время Ивана Калиты.

Тверские князья, сами того не ведая, ускорили появление этой сильнейшей фигуры на первом плане в междукняжеской борьбе.

Всякое действие рождает противодействие. Казалось бы, отлаженный механизм ордынской политики на Руси «разделяй и властвуй» навеки укрепил ее господство и ничто уже не может вернуть Русь к единовластию и согласию. Время, исторический процесс требовали появления на Руси личности, способной понять ордынскую политику, найти ее слабые стороны и нейтрализовать ее губительное действие. Такой личностью оказался Иван Калита, до смерти Юрия стоявший в тени, ничем не обнаруживая ни свойств своего характера, ни своих возможностей изменить соотношение сил между возвысившейся Тверью и еще не очень-то окрепшей Москвой.

В. О. Ключевский однажды сказал, что московские князья, начиная с Ивана Калиты, ничем не обнаружили своих дарований и явили череду серых личностей. Что-то затуманило взгляд замечательного русского историка. Иван Калита очень точно уловил, что нужно Орде в тот момент, когда тверской князь убил его старшего брата: регулярный и всевозрастающий сбор дани хану, минуя ордынских вельмож, успевших своими грабительскими набегами на Русь перехватить значительную долю того, что причиталось хану.

В 1318 году приходил в Кострому и в Ростов некий ордынский посол Конча. Что со сбора им дани досталось хану, неизвестно. В 1320 году ордынский посол Байдета приходил с теми же целями во Владимир. В 1321 году ордынский посол Таянгар пограбил Кашин. В 1322 году посол Ахмыл взял и ограбил Ярославль и другие низовские города.

Все это происходило как раз тогда, когда хан поощрял русских князей к соревнованию: кто больше даст за ярлык на великое княжение. Стало быть, первейшей задачей в такой обстановке был бы наиболее крупный и упорядоченный сбор дани. Это обеспечило бы поддержку хана в борьбе с тверскими соперниками, это оградило бы земли Великого Владимирского княжения от грабительских набегов ханских послов.

До сих пор из-за отсутствия точных указаний в источниках несколько загадочным представляется прибытие в Тверь ордынского царевича Щелкана, племянника хана Узбека, сына недоброй памяти Дедюни. Ко-

нечно, Щелканова рать стояла в ряду тех набегов, о которых говорилось выше: сбор дани, но на этот раз по прямому повелению хана и скорее всего для хана. Но к этой задаче приплетались и другие.

Юрий Данилович и Дмитрий Михайлович обвиняли друг друга перед ханом в утайке дани. Можно предположить, что Щелкан был облечен полномочиями не только контролировать выплату дани великим князем, но и взять сбор дани из рук великого князя в свои руки. Миссия Щелкана должна была носить и устрашающий характер, ибо убийство великого князя Юрия без «царева слова» очень встревожило ордынских владык. Такая самостоятельность нарушала выработанную ими расстановку сил на Руси и опять-таки отражалась и на величине дани.

Сложилась народная песня о Щелкане, которая дошла до нас в нескольких вариантах XIV и XVI веков. Народ не случайно запомнил Щелканово дело, ибо для конца XIII и первой половины XIV века с именем Щелкана связано единственное и ярчайшее восстание русских людей против ордынского ига, в котором раскрылось антиордынское настроение низших сословий.

Похоже, что события развивались таким образом. Щелкан с большим отрядом всадников пришел в Тверь. Дело не ограничилось лишь сбором ордынского выхода. Будто по тверским городам и волостям Щелкан посадил ордынских баскаков, сместив княжескую администрацию. Не следует ли предположить, что в миссию Щелкана входили и попытки Орды заменить русскую администрацию ордынскими чиновниками. Есть сообщения, что Щелкан выбил великого князя Александра Михайловича из его резиденции и сам засел в княжеском тереме.

Действия Щелкана вызвали необычный для того времени взрыв народного гнева. Нужна была лишь искра, чтобы вспыхнуло пламя народного восстания.

15 августа 1327 года дьякон по прозвищу Дудко вел «кобылицу младу и зело тучну» к Волге, чтобы напоить. На торгу толклось много народу. К Дудко подбежали татары и отняли лошадь. Дьякон закричал: «О, мужи тферстии, не выдавайте!»

Кобыла, отнятая у дьякона, никак не могла быть причиной восстания, но она оказалась спичкой, брошенной в сухой хворост. С торга набежали люди и отбили лошадь. Татары, привыкшие к безнаказанности, обнажили оружие. Но оно нашлось и у тверичан. Ударили колокола, сзывая тверичан на вече.

Это уже был и призыв к ополчению. Горожанин в те времена был и воином, каждый знал свое место в десятке, десятка в сотне, сотня в тысяче. «И кликнуша тферичи, и начаша избивать татар, где которого застропив, дондеже и самого Шевкала, и всех по ряду». То ли

Шапка Мономаха. Конец XIII — начало XVI века.

внезапность, то ли трудность для всадника сражаться на городских улицах дали тверичанам преимущество. Весь отряд Щелкана, ордынские купцы и чиновники были перебиты. Спаслись только коноводы, оказавшиеся с лошадьми за городом. Они и принесли весть об избиении ордынцев в Москву и в Орду.

Над Русью нависла угроза появления новой карательной рати.

Настал час Ивана Даниловича Калиты. Он поскакал в Орду, едва не опережая известие о разгроме Щелкана.

В историографии отнюдь не одинаков взгляд на действия Ивана Даниловича. Не раз выдвигались обвинения в его адрес, что вот-де тверичи восстали, а он по злобе на тверских князей, в борьбе за великокняжеский стол навел на Русь ордынскую рать. Раздаются сожаления, что Тверь не поддержали другие русские города. Сожаления, конечно, имеют право на существование. Но нельзя не принимать в расчет, что Русь еще не была готова к свержению ордынского ига, не имела на это сил, в то время как Орда при Узбек-хане переживала апогей своего могущества.

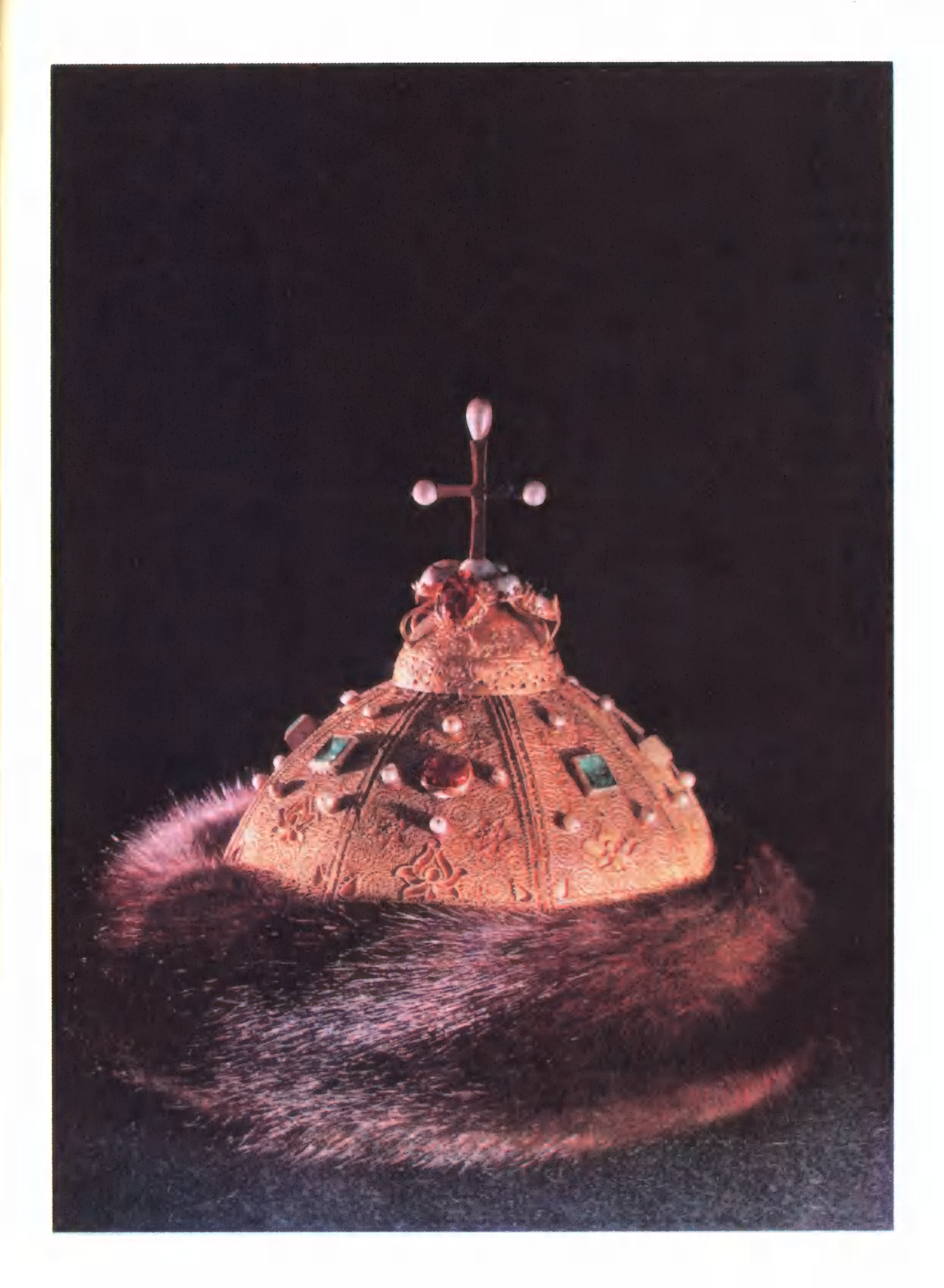
Ордынская рать и без Ивана Калиты пришла бы на Русь, двигаясь на Тверь, она опустошила бы и Рязанскую и Владимиро-Суздальскую земли. У Ивана Даниловича не было выбора: или идти вместе с татарской ратью покарать Тверь и тем самым спасти Москву, Владимир, Суздаль, или потерять все.

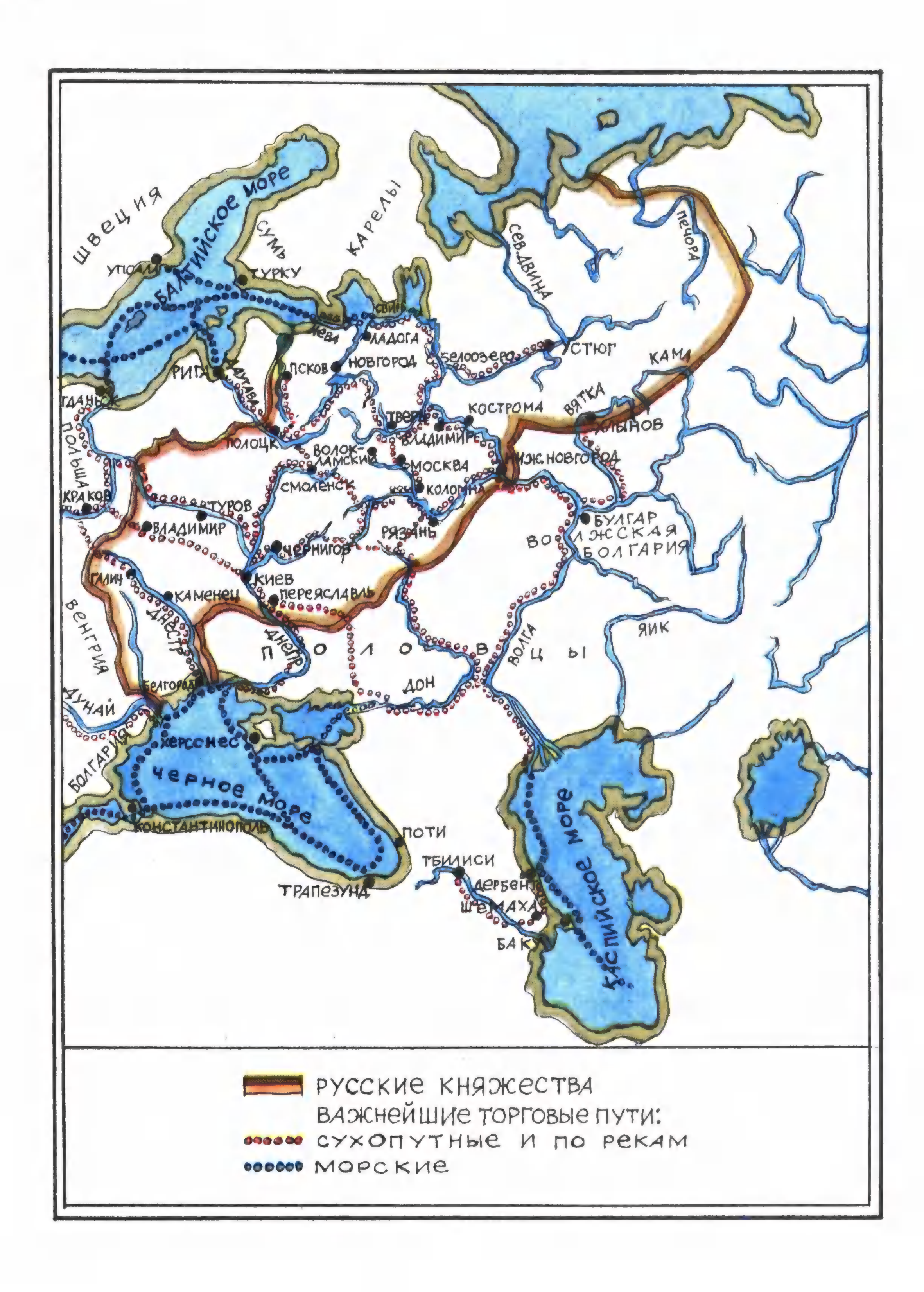
В борьбе между Тверью и Москвой как центрами объединения русских сил наступил решающий момент.

Источники сообщают, что на Русь пришли пять темников во главе с Федорчуком и привели с собой 50 тысяч ордынских всадников. Цифра сомнительная, но ясно одно: это было полнокровное войско, а не отряд, похожий на Щелканов. Ордынская рать прошла Московской землей, не разорив ни Москвы, ни городов Владимирского княжения, и жестоко опустошила Тверскую землю. Александр Михайлович бежал сначала в Псков, а оттуда в Литву, ибо Иван Калита потребовал у псковичей его выдачи. Тверское княжество после этого опустошения уже никогда не смогло собрать силы. Иван Данилович получил ярлык на великое княжение и право собирать «ордынский выход» со всей Северо-Восточной Руси.

Мы не найдем в источниках указаний, каким образом Иван Калита сумел договориться с ханом, чтобы на Русь не ездили ордынские сборщики дани, какой ценой князь выговорил это условие. Не исключено, что гибель Щелкана, попытавшегося посадить на Руси ордынскую администрацию, испугала Орду.

Служба Ивана Даниловича пришлась Орде кстати. В 1332 году он поставлен надо всеми князьями, «царь

ШВЕЦИЯ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
СУМЬ
КАРЕЛЫ
УПСАЛА
ТУРКУ
СВИРЬ
НЕВА
ЛАДОГА
НОВГОРОД
ПСКОВ
РИГА
ДАУГАВА
ГДАНЬСК
ПОЛЬША
КРАКОВ
СЕВ. ДВИНА
ПЕЧОРА
БЕЛООЗЕРО
УСТЮГ
КАМА
ВЯТКА
ХЛЫНОВ
КОСТРОМА
ТВЕРЬ
ВЛАДИМИР
ПОЛОЦК
ВОЛОК-ЛАМСКИЙ
МОСКВА
НИЖ. НОВГОРОД
СМОЛЕНСК
КОЛОМНА
ТУРОВ
ВЛАДИМИР
РЯЗАНЬ
БУЛГАР
ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ
ЧЕРНИГОВ
ГАЛИЧ
КИЕВ
КАМЕНЕЦ
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ
ВЕНГРИЯ
ДНЕСТР
ДНЕПР
ПОЛОВЦЫ
ВОЛГА
ЯИК
ДОН
БЕЛГОРОД
ДУНАЙ
БОЛГАРИЯ
ХЕРСОНЕС
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ПОТИ
ТРАПЕЗУНД
ТБИЛИСИ
ДЕРБЕНТ
ШЕМАХА
БАКУ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА
ВАЖНЕЙШИЕ ТОРГОВЫЕ ПУТИ:
СУХОПУТНЫЕ И ПО РЕКАМ
МОРСКИЕ

Реконструкция «калиты».

его пожаловал и дал ему княжение великое надо всею Руською землею, якоже и праотец великий Всеволод Дмитрий Юрьевич».

Никоновская летопись сообщает далее, что как только Иван Данилович укрепился на великокняжеском столе, наступила великая тишина на Русской земле и татары перестали ее воевать.

Однако тишина эта была обманчива. Иван Калита откупался от Орды, собирая дань; оставлял немалую толику и себе для укрепления Москвы, собирая казну (калиту) впрок и еще, быть может, не очень-то ясно представляя себе возможность обратить ее на освобождение от ордынского ига.

Забегая несколько вперед, скажем, что не только восстание в Твери сыграло роль в выдвижении Ивана Калиты в общерусского деятеля и позволило ему использовать в своих интересах ордынскую политику. В 1332 году Иван Калита укрепился на великом княжении, а в 1333 году в Новгороде появился литовский князь. Смыкание Твери с Новгородом выглядело опасным, на положение дел в Северо-Восточной Руси оказал сильное воздействие международный фактор. Москва казалась более спокойным центром на северо-востоке, чем Тверь, но и Тверь не хотели предать забвению, имея в виду, что князья тверского дома стали кровными врагами князей дома московского. Когда Александр Михайлович вернулся на Русскую землю, хан не покарал его, а отпустил с миром в Тверь.

Между тем ход исторического процесса создавал противовес Москве и Великому Владимирскому княжению на западе и юго-западе.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ И РУССКОЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВЕКА

Процесс становления раннефеодального Литовского государства, происходивший в XIII веке, историческая наука может воссоздать лишь фрагментарно. Из-за недостатка источников она имеет возможность проследить только главные тенденции этого процесса, наметить основные его этапы.

Так, на основе проведенных исследований мы можем констатировать, что уже в первой половине XIII века на собственно литовских землях происходила концентрация феодальных сил страны, сложилось консолидированное раннефеодальное государство, что совпало по времени с процессом объединения мелких западно-русских княжеств в более крупные политические образования.

В середине и второй половине XIII века в политических судьбах Литовского княжества, как и в развитии взаимоотношений литовских и западно-русских князей, наступили заметные перемены, обусловленные

как ходом внутриполитической жизни литовских и западно-русских земель, так и важными обстоятельствами международной жизни, в частности появлением в Восточной Европе ордынских завоевателей и утверждением воинственных Орденов в Прибалтике.

В результате военно-политической активности хана Батыя, а потом и хана Берке оказались подвластными Орде почти все русские земли — Северо-Восточная Русь, Киевщина, а также возглавлявшаяся князем Даниилом Романовичем (1239—1264) Галицко-Волынская Русь. В таком же положении должно было оказаться и Великое княжество Литовское, сохранившее пока свою относительную самостоятельность, несмотря на вторжение татарского войска Куремсы и других ордынских предводителей.

Однако в дальнейшем на протяжении 60—90-х годов, когда сформировались в Восточной Европе два соперничавших друг с другом ордынских улуса — Волжский и Дунайский, взаимоотношения между указанными государственными образованиями стали заметно меняться.

Так, в правление Войшелка (1264—1267) и Шварны Даниловича (1267—1270) наметился определенный перевес юго-западных русских княжеств над собственно литовскими политическими объединениями. Позднее, при галицком князе Льве Даниловиче (1264—1301) и литовских князьях Тройдене (1270—1282), Пукувере (1289—1394), а также в первые годы правления Витеня (1295—1315), установилось (не без участия темника Ногая) нужное ему равновесие между Галицко-Волынской Русью и Литвой.

Обстоятельства сложения такого равновесия были особенно ощутимы в ходе кампании галицко-волынских князей и татарских войск Ногая против литовского князя Тройдена, в силу которого западно-русские князья признали вхождение в состав Литовского княжества таких русских центров, как Гродно, Новгородок, Дорогичин, а литовский князь Тройден отказался от наступательной политики в направлении Галича, Чернигова, Киева, взяв при этом на себя обязательство вести борьбу главным образом против Ордена.

Радикальные перемены в расстановке сил между собственно Литвой и юго-западными русскими землями наступили в первой половине XIV века, когда Волжская Орда, ликвидировав улус Ногая, стала снова осуществлять широкомасштабную политику в Восточной Европе, а вместе с тем была готова искать в Литовском княжестве и западно-русских землях надежный противовес Великому Владимирскому княжению, с одной стороны, Польше и Ордену — с другой.

В своем стремлении противопоставить Северо-Восточной Руси равноценный политический потенциал

ордынский хан Тохта в последние годы своего правления и особенно хан Узбек (1313—1343), видимо, содействовали сближению Литовского княжества с отдельными западно-русскими землями. У нас есть поэтому основания утверждать, что политическая жизнь Великого княжества Литовского в XIV веке совершенно правомерно оказалась связанной с историческим развитием русских земель, прежде всего западно-русских.

Правда, характер этих связей не был однозначным. Здесь были устойчивые мирные контакты, основанные на совпадении социально-экономических и политических интересов, на заключении браков и союзов с отдельными княжескими домами Русской земли, на практике приобщения литовских династов к «русской вере» — православию. Здесь были и вооруженные столкновения, вполне естественные для эпохи феодальных войн, княжеских междоусобиц и постепенного преодоления феодальной раздробленности в стране.

Но, фиксируя различный характер отношений между Литвой и западно-русскими землями, мы должны признать, что их синтезу способствовали два важных обстоятельства: во-первых, совпадение во времени генезиса раннефеодальной литовской государственности с процессами преодоления феодальной раздробленности на западно-русских землях, появление в тот период у литовских и западно-русских феодалов общих интересов как социального, государственно-правового плана, так и международного характера; во-вторых, все более заметное воздействие на ход политической жизни Литовско-Русского государства ордынской дипломатии, видевшей в нем надежный противовес как восточным, так и западным его соседям. Видимо, Орда поддерживала тогда территориальную программу литовских князей в отношении юго-западных русских земель, потому что тем самым она создавала нужный ей баланс политических сил в Восточной Европе, с одной стороны, предупреждала чрезмерное усиление Великого Владимирского княжения — с другой, нейтрализовала успехи Ордена и Польши на собственно литовских и западно-русских землях.

Можно говорить поэтому об определенной зависимости развития литовско-ордынских отношений от того или иного положения Великого княжества Литовского на международной арене. Чем сильнее был натиск на литовские земли Ордена, чем сложнее оказывались отношения Литвы с Польшей и Мазовией, чем значительнее становился перевес Владимирского княжения, тем щедрее было ордынское содействие территориальному росту Литовско-Русского государства.

Но, отмечая такое поведение Орды в отношении

Писа́ла для писания на бересте и воске. Москва. XII—XVI века.

Фронтиспис новгородской Псалтири XIV века.

государства Гедимина (1316—1341), а потом и Ольгерда (1345—1377), мы должны признать: ордынская дипломатия действовала тогда весьма осмотрительно и осторожно, заботясь прежде всего о том, чтобы процесс территориального расширения этого государства не создавал угрозы ее влиянию в восточноевропейском регионе и не выходил из-под ее контроля. Отсюда и особые тактические приемы ордынских стратегов: эти приемы носили отнюдь не прямолинейный характер, а подчинялись сложному ритму международной жизни региона. В зависимости от той или иной политической конъюнктуры ордынские правители то поддерживали процесс роста Литовско-Русского государства, то его тормозили, а иногда поворачивали вспять.

Следует иметь в виду, что проведение такой гибкой ордынской политики было возможно, с одной стороны, при сохранении автономии отдельных земель-княжеств в составе Великого княжества Литовского, а с другой — при утверждении особого статуса отношений между Ордой и литовской династией, который предусматривал установление своего рода кондоминиума Орды и Литвы над всеми этими землями-княжествами.

В сущности, мы убеждаемся в этом, когда рассматриваем основные этапы политического развития Великого княжества Литовского в период правления Гедимина, а потом и Ольгерда. Так, видимо, при скрытой поддержке ордынской дипломатии уже в первые десятилетия XIV века в сфере литовского влияния оказались не только Гродно, Новгородок, Полоцк, Витебск, Минск, но также Псков, Смоленск, Брянск, в какой-то мере и Тверское княжество.

Не без участия хана Узбека, а вместе с тем и Гедимина была решена судьба Галицко-Волынской земли в 20-е годы XIV века. После загадочной смерти в 1323 году двух последних галицко-волынских князей из дома Романовичей — Льва и Андрея Юрьевичей — правителем этих территорий оказался князь Юрий II Болеслав (1324—1340) (сын Тройдена Мазовецкого и дочери галицко-волынского князя Юрия Львовича — Марии), который, несмотря на свою связь с католическими силами, все же вынужден был стать вассалом ордынского хана, а в дальнейшем и вассалом литовского князя Гедимина (в 1331 году Юрий Болеслав должен был жениться на его дочери).

В рамках существования в тот период ордыно-литовского кондоминиума следует рассматривать и судьбу Любарта Гедиминовича, который также закрепился тогда в Среднем Поднепровье, женившись на дочери волынского князя Андрея Юрьевича, а также деятельность киевского князя Федора в 30-е годы XIV века,

когда он, являясь родственником Гедимина, выступал в роли ордынского баскака.

Весьма показательным для выявления тогдашней расстановки политических сил в Восточной Европе является и тот факт, что дипломатии Рима, Польши, Венгрии и Ордена рассматривали Орду и «литовских схизматиков» в качестве своих общих противников, находившихся друг с другом в союзных отношениях: именно против них готовились общие «крестовые походы».

Показателен и другой факт: когда феодальные силы Польши и Венгрии усилили свой нажим на Галицко-Волынскую Русь в конце 30-х годов, хан Узбек в 1340 году организовал большой поход ордынских войск против польского короля Казимира, преградив тем самым ему путь наступления на те западно-русские земли, которые находились под общим ордыно-литовским контролем. Таким был, видимо, один из международных аспектов формирования Литовско-Русского государства, или — как его называли официальные документы той эпохи — Великого княжества Литовского и Русского (иначе «Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтийского»).

Вполне правомерным было и то обстоятельство, что это государственное образование очень рано стало, подобно Великому Владимирскому княжению, претендовать на все древнерусское наследство. Сам факт вхождения в состав этого государства обширных западно-русских земель, так же как и характер его восточноевропейской политики, вскоре закономерно поставили вопрос о появлении литовско-русских князей-наместников на берегах Волхова. И здесь действовали не только отмеченные внутриполитические причины, но также причины международные.

В сущности, весь ход политической жизни Восточной Европы того времени, в частности интенсивный рост Великого Владимирского княжения, а также Великого княжества Литовского и Русского, заставлял Волжскую Орду, вернувшуюся после 1300 года к общерусским масштабам своей политики, добиваться сохранения своей власти над Русской землей не только поддержкой внутренних противоречий в этих государственных образованиях, но и поощрением соперничества между ними (между прочим, и на почве борьбы за влияние на берегах Волхова, происходившей также не без участия Сарая).

Весьма показательно, что уже в 1331 году шли переговоры между новгородским архиепископом Василием и литовским князем Гедимином (во время поездки архиепископа к митрополиту Феогносту, находившемуся тогда на Волыни), в частности, по поводу возможности приглашения на Волховские берега литовско-

Массовая керамика золотоордынских городов.

русского князя-наместника, а в октябре 1333 года князь Наримант — Глеб Гедиминович уже заменил московского князя в Новгороде.

Так, поощряя противоборство двух сформировавшихся тогда государственных образований Восточной Европы, двух великих княжений, умело регулируя соотношение сил между ними, в частности, путем ориентирования Новгорода на сближение с тем или иным великим княжением, Орда обеспечивала постоянную конфронтацию главных очагов консолидации русских земель, их взаимоослабление, что в конечном счете и обеспечивало сохранение и упрочение власти Орды над всей восточной частью Европейского континента.

Все эти достижения ордынской дипломатии в Восточной Европе оказывались возможными, видимо, потому, что в самой Орде происходили тогда важные сдвиги.

В начале XIV века улус Джучи распался на Кок-Орду (Синюю Орду), в нее вошли земли в бассейне реки Яик (Урал) и нынешний Северный Казахстан, и на Ак-Орду (Белая Орда) в бассейне реки Волги и Дона, с владениями на Северном Кавказе и в Крыму. Современники называли Белую Орду Волжской Ордой и Большой Ордой, впоследствии в историографии за ней утвердилось название Золотая Орда.

Несмотря на это, Волжская Орда во главе с ханом Узбеком добилась значительной концентрации феодальных сил, укрепления центростремительных тенденций, чему способствовало и принятие этим ханом ислама в 1313 году.

Результатом этих процессов в Волжской Орде и являлась еще более целеустремленная и более энергичная ее политика в Восточной Европе, еще более откровенная погоня ханов за увеличением дани с русских земель, еще более настойчивое разжигание соперничества между русскими князьями.

Отсюда то скрытое, то явное содействие территориальному росту государства Гедимина, отсюда оказание аналогичной помощи Ивану Калите, отсюда и поощрение их соперничества за лидерство в системе русских княжеств, за установление каждым из них своего контроля над политической жизнью русских земель, которые сохраняли еще ту или иную степень политической независимости: Твери, Смоленска, Новгорода, Пскова и т. д.

Литва и при Миндовге успела усилиться, присоединив Полоцкое, Туровское и часть Волынского княжеств. Князья галицкие и волынские были весьма обеспокоены усилением Литвы. Источники не дают возможности достаточно точно сказать, кто начал враждебные действия — внуки и правнуки Даниила Галицкого или Гедимин. Столкновение было неизбежным.

В 1320 году Гедимин появился под стенами стольного города Волынской земли. Войско Гедимина в подавляющем большинстве состояло из русских воинов из Полоцка, Новгоро́дка и Гродно. Владимир-Волынский пал. Луцк достался Гедимину династическим браком. Луцкий князь отдал свою единственную дочь за Гедиминова сына Любарта. В 1321 году Гедимин двинулся к Киеву. Русские князья встретили его на реке Ирпень и были разбиты в жестокой битве. Гедимин с триумфом вошел в Киев через Золотые ворота. Отдались ему под власть и другие южные города.

Гедимин нигде не переменил административного порядка, ограничившись назначением в южных городах своих наместников. В короткий срок родилось Великое Литовско-Русское княжество как южный и западный центр создания государственности. И сразу же литовские князья потянулись к Новгороду, а новгородцы к литовским князьям, как к дому, соперничающему с владимирскими князьями, взвешивая, за кем сила, с кем удобнее сохранить новгородскую независимость.

Заканчивался период феодальной раздробленности в Польском княжестве. 25 апреля 1333 года в Кракове короновался Казимир Великий. Не столько воин, сколько дипломат, он сумел добиться перемирия с Тевтонским орденом, заключил союз с Яном чешским и, освободив себя от забот на западе, устремился на захват Галицкой Руси.

Обращаясь к XIV веку и говоря о становлении в это время Русского национального государства, имеют в виду только Московское государство, упуская из виду, что княжество Гедимина в большей степени стало русским, чем литовским. Великое Литовско-Русское княжество выдвигало программу восстановления былой целостности Руси, стало на путь объединения русских земель. С особенной настойчивостью и последовательностью проводил эту политику сын Гедимина князь Ольгерд (1345—1377).

Еще будучи при жизни отца удельным князем в Витебске, Ольгерд женился на витебской княгине Марии Ярославне, тайно принял православие и пытался привести под свою руку Псков. Овдовев, Ольгерд женился в 1349 году на тверской княгине Ульяне Александровне, надеясь через Тверь проникнуть в глубину Северо-Восточной Руси, крепко держал Киев, присоединил Смоленск, Брянск, Подолию и Чернигово-Северскую земли. Если взглянуть на карту, то можно увидеть, что на какое-то время Великое Литовско-Русское княжество превзошло по территории Великое Владимирское княжение.

Таким образом, к середине XIV века в Восточной Европе создались два основных центра объединения русских земель. Если несколько заглянуть вперед,

можно увидеть, почему все же перевес получила Северо-Восточная Русь. Процесс роста Великого Владимирского княжения не выходил за этнические границы русских территорий и совершался путем расширения Московского княжества, в то же время Великое Литовско-Русское княжество было многонациональным объединением под династией литовских князей, чуждых русскому населению, влившемуся в Литовско-Русское княжество. Впоследствии, когда Литва и Польша начали слияние в одно государство, русские земли потянулись к русскому центру.

Но это свершилось позже. Наша задача проследить, какое влияние на историю русской государственности оказало внезапное рождение Великого Литовско-Русского княжества.

Прежде всего обратим внимание на то, что Орда не воспрепятствовала образованию столь могучего княжества. Орда искала противовес Великому Владимирскому княжению и усмотрела этот противовес в создании Великого Литовско-Русского княжества. Ольгерд стал соперником московским князьям, а очень скоро и опасным врагом. Орда опять могла проводить политику разделения русских сил. Это тем более было необходимо, что в самой Орде начались процессы распада.

СИМЕОН ГОРДЫЙ, ИВАН МИЛОСТИВЫЙ И НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ ОЛЬГЕРДА ГЕДИМИНОВИЧА

XIV столетие приближалось к середине. Те подспудные, почти невидимые для современников процессы, о которых мы говорили ранее, которые медленно, но неуклонно оказывали воздействие на жизнь Русской земли в целом и на судьбы Северо-Восточной Руси в особенности, должны были прийти к своему завершению. Небольшой, еще совсем недавно незначительный городок в сердце лесного края, в междуречье Оки и Москвы-реки, менее чем в полвека приобрел первенствующее значение среди всех других городов: и более древних, и более знаменитых, и более богатых.

Уходил из жизни последний из братьев Даниловичей, лукавый, премудрый и столь же жестокий, как и его время, Иван Калита. Умирая, он оставлял сыновьям не только земли и города Великого Владимирского княжения, не только казну — калиту, собранную силой, хитростью, политую кровью и потом русских людей, не только золотые пояса, золото, серебро, одежду, усыпанные драгоценными каменьями, Иван Калита оставлял в наследство соперничество и вражду с Тверью и ее князьями, неразрешенный вопрос о взаимоотношениях с Новгородом, соперничество с литовским княжеским домом Гедиминовичей и ордынское иго.

Мы нигде не найдем каких-либо свидетельств о том, сколь обширны были замыслы Ивана Калиты, за-

сматривал ли он в будущее, думал ли, что уже его внук поднимет меч на Орду? Иван Калита сделал многое для того, чтобы на Русской земле не появлялись ордынские баскаки и шайки ордынских грабителей. Внешне он выражал, как мы видели, полную покорность ордынскому хану, но одновременно создавал и создал материальные предпосылки для усиления Москвы и возвышения своего рода над соседними князьями. Из общего, так называемого рюриковского рода выделилась ветвь, которая поставила себя выше не по отчине, не по дедине, а по реальной силе.

Иван Калита умер в марте 1341 года, в том же году умер и Гедимин. При Иване Калите окрепло Великое Владимирское княжение, при Гедимине усилилось Литовско-Русское княжество.

После смерти Ивана Калиты и Гедимина на сцену вышли новые правители: Ольгерд Гедиминович и Симеон Иванович Гордый, оба в равной степени властные, обладающие сильным характером.

Сразу же после смерти Ивана Калиты князья Северо-Восточной Руси поспешили в Орду спорить о ярлыке на Великое Владимирское княжение. Поспешил и старший сын Калиты — Симеон. На этот раз спор русских князей был недолгим. Соперничество, разжигаемое Ордой между Москвой и Тверью, отходило в дипломатии на второй план. Рождение Литовско-Русского княжества резко меняло политический курс ордынских правителей. Теперь в противовес возрастающему могуществу литовского правящего дома нужно было усилить Северо-Восточную Русь. Рязань была в стороне от главных политических коммуникаций, чрезмерно возвышать Тверь опасно ввиду ее пограничной близости к Литве и уже наметившихся связей между тверскими князьями и князьями литовскими. Хан Узбек избрал противовесом Литовско-Русскому княжеству Москву, соперниками Гедиминовичей поставил князей московского дома. Московские князья к тому же были богаты и проверены в деле сбора и поставки дани. Ярлык на Великое Владимирское княжение получил князь Симеон Иванович.

Наступил новый этап политической жизни Восточной Европы, новый этап соперничества обладателей Владимирского княжения с наследниками Гедимина, которое происходило в рамках традиционного чередования успехов и неудач, дававших себя знать прежде всего на «нейтральных» русских землях — в Великом Новгороде, Твери, Смоленске, Нижнем Новгороде.

Естественно, что предоставление владимирского стола князю Симеону не одобряли в западно-русских землях, далеко не все одобряли это и в Северо-Восточной Руси.

Быть может, кто-то из князей-соседей был не

Сапог с тисненым передом, поршень, лапоть лыковый.

Московский Кремль при Иване Калите. Картина А. Васнецова.

очень-то доволен ордынским решением, но они со времен Юрия Даниловича познали, что споры с Москвой могут окончиться очень тяжко. Есть сведения (у В. М. Татищева), что Симеон открыто поговаривал о возможности полного освобождения от ордынского ига при повиновении всех князей одному, старшему, князю. Не по роду старшему, а старшему по той власти, которой он был наделен ханом.

Получив в наследство от отца и дяди смертельную вражду с Тверью, Симеон сумел приглушить эту вражду и на какое-то время обезопасить себя от тверских соперников. Надо полагать, что в личности Симеона было что-то внушающее уважение и страх соседям. Тверской князь Всеволод Александрович не решился на дальнейшую борьбу с Москвой, отказался от мести за отца и в 1346 году отдал свою сестру Марию за Симеона. Тремя годами позже его племянник, сын великого князя тверского, женился на дочери Симеона.

Симеон, успокоив тверичан и замирившись со Смоленском, обратился к делам новгородским, отчетливо представляя себе политические трудности приведения Новгорода под руку Москвы. Симеона не страшило сопротивление новгородцев. Там уже произошло размежевание во взглядах на взаимоотношения с Москвой.

Ножницы шарнирные и пружинные, серп. Середина XIII—XIV век.

Опасности подстерегали московского князя со стороны Орды и Литвы. Великий литовский князь Ольгерд видел в усилении Москвы препятствие к расширению своих владений за счет русских земель на востоке. Да и Новгород Гедиминовичи давно рассматривали как сферу своего влияния. Сюда не раз приглашались князья из Литвы. Всякое укрепление московского присутствия в Новгороде вызывало среди литовского боярства и князей острое беспокойство. Орда, сохраняя в неизменности основы своей политики на Руси, не желала допускать усиления Москвы за счет тесного союза с Новгородом, однако не собиралась и усиливать Ольгерда за счет Новгорода и его земель.

В этих условиях спор между Литвой и Москвой за Новгород невозможно было решать вооруженной силой. Орда никогда не поддержала бы победителей, победа Ольгерда над Симеоном навлекла бы гнев хана на Ольгерда, победа Симеона над Ольгердом принесла бы крупные беды Москве.

Однако ход событий не давал возможности Симеону не торопясь развязывать новгородский узел. Его княжение началось со столкновения с новгородцами. В Новгороде с облегчением встретили смерть Ивана Калиты, полагая, что давление Москвы теперь ослабеет, вернутся былые отношения с великим князем: «Ты князь княжь, а жить мы будем по всей прежней новгородской вольности». Мало кто верил в Новгороде, да и в соседних княжествах, что власть Москвы не пошатнется. Пока Симеон ходил в Орду за ярлыком на великое княжение, новгородские ушкуйники поспешили пограбить московские волости. Они повоевали и пограбили Устюжну, а затем подались в Белоозерскую волость. Белоозерск был «прикупом» Калиты (он покупал земли у князей и бояр) и считался вотчиной его рода.

Симеон, вернувшись из Орды, счел нужным посчитаться с новгородцами. Он послал в Торжок собрать дань. Сборщики не очень-то стеснялись с жителями Торжка. Из Торжка запросили подмоги и защиты в Новгороде. Новгородцы выслали против сборщиков дани войско, схватили москвичей, их жен, заковали в кандалы, а Симеону послали сказать: «Ты еще не сел у нас на княжении, а уже бояре твои насильничают».

Какой-то части новгородского боярства были в досаду и сбор дани, и хозяйничанье Москвы. Однако в Торжке, как и в Новгороде, были сильны и промосковские элементы — главным образом черные люди. Промосковски настроенные жители Торжка повернули вспять новгородское войско, опасаясь больших раздоров и княжьего гнева. Однако противники Москвы опять послали в Новгород гонцов, чтобы поднимали новгородцев на защиту Торжка от Симеона. Но новгородские черные люди не пошли за боя-

Деревянная точеная посуда. Новгород XIII—XIV века.

ми, а черные люди Торжка встали на своих бояр: вооружились и пошли разбивать боярские дворы, где были заточены московские пленники. Москвичей освободили, а новгородцев выгнали из города. Бояре попытались разогнать черных людей, они собрали вече, бояр разгромили, боярского вожака Семена Внучка за враждебные Москве речи убили. Бояре убежали из Торжка в Новгород строить крамолу против Москвы с новгородским боярством.

Симеон в ответ созвал на съезд всех подручных князей и объявил поход на Новгород. Этот поход несколько отличался от похода его отца. Симеон выступил против новгородской боярской олигархии. Уже при Иване Калите определилось, что часть новгородского боярства в ответ на усиление в Новгороде московского влияния начинает тянуть к Литве, в поисках противовеса усилению Москвы. Важно заметить, что с московским войском отправился митрополит всея Руси Феогност.

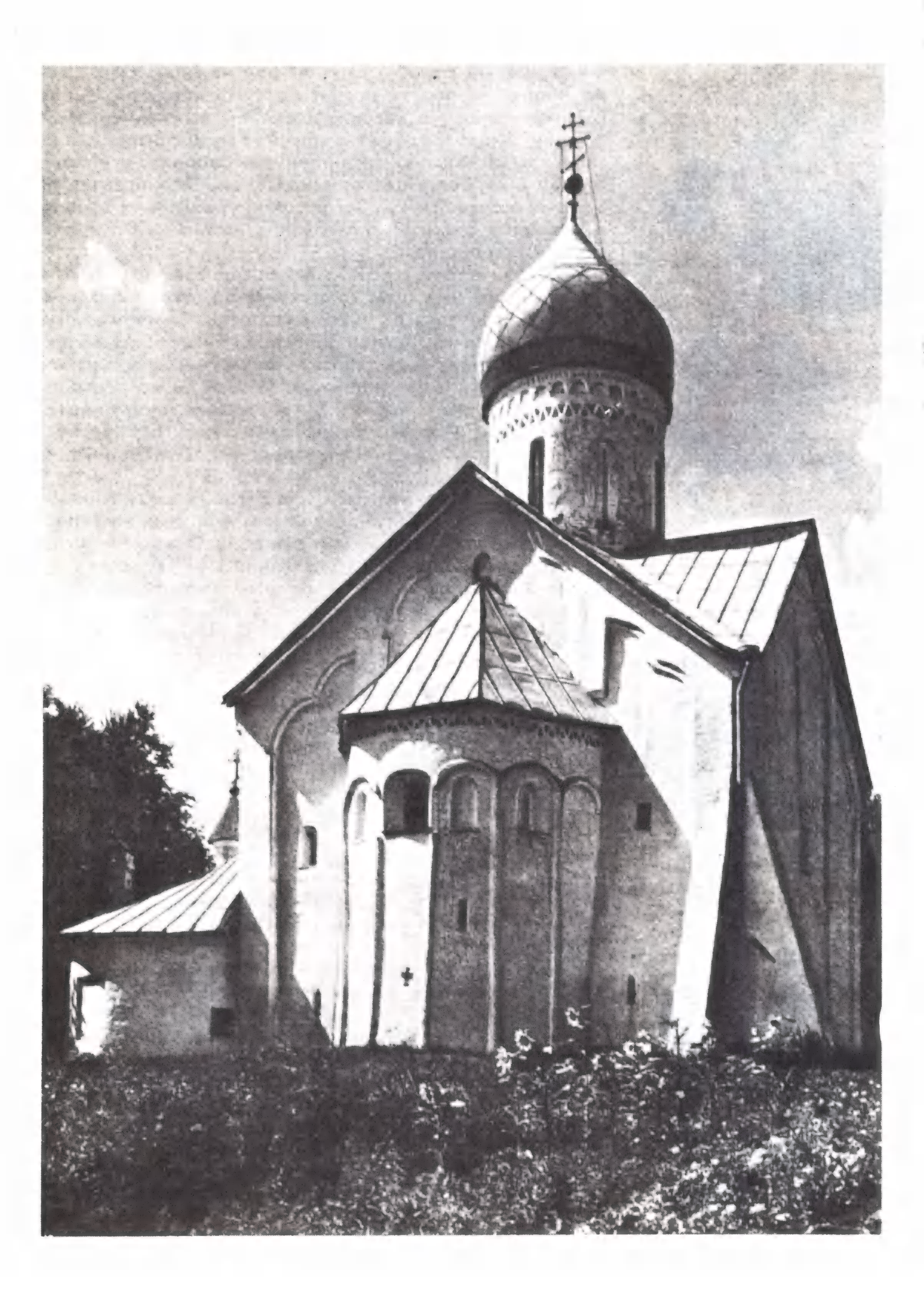

По тем временам Новгород располагал значительными военными силами. Он не раз выступал заступником Пскова против немецких рыцарей. Оружие и броня новгородских оружейников славились не только на Руси, но и в Европе и в Орде. Видимо, значительна была сила Москвы, коли новгородцы вышли навстречу Симеону во главе с владыкой Василием просить мира, бить челом за торжковские неурядицы, за набеги ушкуйников на Белоозерскую волость. Симеон обнаружил незаурядную расчетливость. Что-то изменилось в княжеских повадках. Оружие уступало политическим действиям. Симеон предпочел мир с новгородцами, взял по всей волости «черный бор», а с Торжка особо тысячу рублей. В 1341 году в Новгороде появился наместник московского князя.

Есть одно любопытное сообщение у Татищева, связанное с этими переговорами. Будто бы Симеон потребовал, чтобы новгородские послы, знатные мужи новгородские «аще хощуть милости и мира от меня, да приидуть пред мя посадники и тысяцкий боси, просят при всих князех на коленях».

Можно на этот факт взглянуть как на обычное самодурство властителя, но мы не имеем каких-либо известий о том, что Симеон где-то еще проявил себя самодуром. Напротив, все, что мы о нем знаем, свидетельствует о его осторожности, дипломатическом такте, умении держать княжение грозно и твердо. Когда нет уверенности в свидетельстве источника, мы обязаны взвесить, совмещается ли то или иное сообщение с общей обстановкой, в которой произошло означенное событие, с характерами действующих лиц.

Новгород был не только спорным городом между Москвой и Литовско-Русским княжеством. Новгород

Церковь Федора Стратилата на торговой стороне. Новгород. 1300—1360 годы.

был носителем децентрализованного начала, новгородское боярство не желало попадать в зависимость ни от Москвы, ни от Литвы, ни от какой-либо другой княжеской власти. Князей в Новгороде привыкли часто приглашать и так же провожать. Симеон попытался сломать эти порядки, установив свою власть в Новгороде на длительный период. Как мы знаем, он не покончил с новгородской вольностью, но его требование к новгородским послам могло быть пробой сил Москвы, как бы знамением грядущих перемен на Руси.

Показать силу княжеской власти новгородцам, наложить на них княжескую руку еще не значило довершить подчинение Новгорода. Этот процесс занял длительное время, сменилось несколько московских князей и государей, прежде чем Новгород сделался их вотчиной.

Установление московского контроля над Новгородом во время Симеона наталкивалось на серьезные препятствия не только в Новгороде. Князь Симеон должен был считаться с ордынской политикой. Он понимал, что полное подчинение Новгорода, а отсюда и усиление Москвы вызовет опасения в Орде и он лишится ее поддержки. Симеон привел новгородцев к покорности, утвердил на Новгородской земле авторитет великокняжеской власти, но добиться полного подчинения Новгорода Москве даже не пытался. И был прав.

Ольгерд обеспокоился усилением Симеоновых позиций в Новгороде и поспешил остеречь хана и настроить его против Москвы. Он послал к хану Джанибеку своего брата Кориада просить ордынских сабель против Симеона.

Симеон получил весточку о хлопотах Ольгерда и сам отправил посольство в Орду. Осторожность с новгородцами помогла Симеону. Он писал хану: «Ольгерд опустошил твои улусы (юго-западные русские волости) и вывел их в плен; теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, разбогатевши, вооружится и на тебя самого».

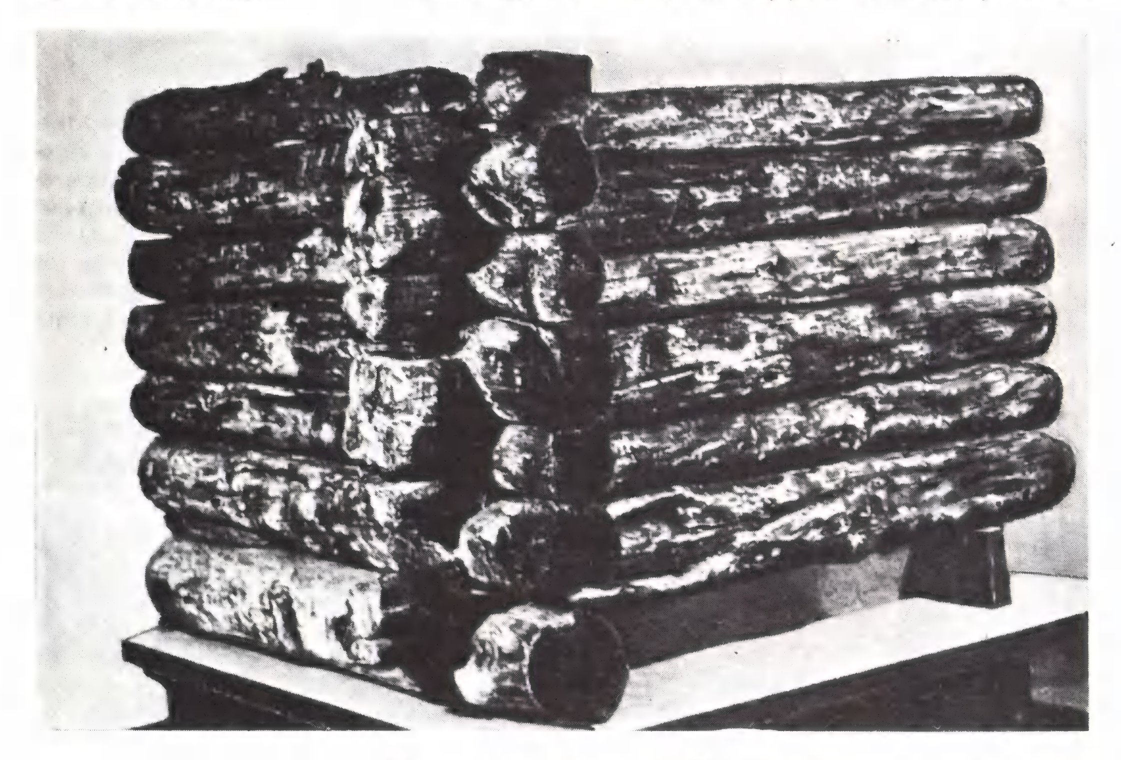
Хана Джанибека в это время занимали планы завоеваний на юге. Ордынские политики считали, что Симеон — верный улусник, что на Руси равновесие не нарушено. В Орде приглядывались и к характеру князей. Симеон ничем не обнаруживал воинственности, Ольгерд тревожил Орду военными успехами, ему не хотели дать перевеса над Москвой.

Русские летописцы, несмотря на то, что Ольгерд был враждебен Москве и русским землям, отзывались о нем весьма лестно. Его считали умным, смелым воителем, человеком образованным. Ольгерд умел стремительно водить свои войска, никто не мог предугадать направление его походов. Перед противником он появ-

лялся внезапно и выигрывал сражение, если видел за собой перевес, или ловко уходил от битвы, если не имел уверенности в безусловной победе.

Хан поддержал не Ольгерда, а Симеона и выдал ему Кориада. На некоторое время Ольгерд присмирел, завязались дипломатические отношения между ним и Симеоном. Ольгерд просил отдать ему брата Кориада. Симеон и здесь показал себя человеком мудрым: отпустил Кориада. На какое-то время соперничество Гедиминовичей и Мономашичей было приглушено, но, конечно же, не погашено. Решение спора о том, кому собирать русские земли под единой державной властью, было только отсрочено.

Сосновый сруб, найденный при раскопках на территории Московского Кремля в 1961 году.

Не видя возможности заручиться поддержкой в Орде против Москвы, Ольгерд решил пустить в ход династические связи. Он высватал себе в жены тверскую княжну, сестру микулинского князя Михаила. В то время вражда между Москвой и Тверью была притушена. Симеон не разглядел опасности родства Ольгерда с сыном и внуком тверских князей, которые были повержены Юрием и Иваном Даниловичами. Сей семейный узел тверского княжеского дома и Ольгерда пришлось разрубать племяннику Симеона, Дмитрию Ивановичу Донскому.

Тверь затихла, Рязань не поднимала головы против

Симеона, с Ольгердом мир. Орда увязла в войне с хулагидами. На Русской земле наступала тишина. Казалось бы, судьба вручала Симеону в руки меч освобождения. Быть может, столкновение с Ордой случилось бы намного ранее Куликовской битвы, но из Европы накатилась эпидемия чумы.

Чума пришла нежданно-негаданно, занесли ее в Псков немцы. К тому времени в Европе она уже унесла, как ныне подсчитано, более 24 миллионов жизней. Из Пскова эпидемия перекинулась в Новгород. Вымирали целые улицы. Вымер Смоленск, осталось всего лишь четыре человека, в Белоозерске умерли все. Чума достигла Москвы. Сначала она поразила митрополита всея Руси Феогноста, следом умер великий князь Симеон, его сыновья и брат Андрей.

Русь и Великое Литовско-Русское княжество обезлюдели и надолго обессилели. Все, чего добились Даниловичи, Иван Калита, князь Симеон, а также литовские князья Гедимин и Ольгерд, оказалось перед угрозой распада.

В этот трудный для Руси час на митрополичий престол пришел владимирский владыка Алексей.

Московское княжество по наследству от Симеона перешло к его брату Ивану.

Симеон, умирая, успел оставить завещание: «По отца нашего благословленью, что приказал нам жить заодин; лихих людей не слушайте, которые станут вас ссорить; слушайте отца нашего владыку Алексея, да старых бояр, которые отцу нашему и нам добра хотели. Пишу вам это слово для того, чтоб не перестала память родителей наших и наша, чтоб свеча не угасла».

Симеон оставлял брату княжество как вотчину, как собственность до смерти, а после смерти его наследникам.

Московское княжество делилось на три удела, на три части после смерти Ивана Калиты: Симеону большая часть и старшинство, по части Андрею и Ивану. После смерти Симеона и его детей у Ивана сосредоточились две части.

Летописи ничем особым не отметили правление Ивана Ивановича. Упоминается о попытке суздальских князей перехватить у Ивана великое княжение, но все их старания оказались напрасными. Хан Джанибек не считал возможным ослаблять Москву перед Литовско-Русским княжеством. Рязанцы воспользовались тяжбой Москвы с Суздалем, захватили Лопасню, принадлежавшую к уделу малолетнего Владимира, сына князя Андрея и племянника князя Ивана, но князь Иван не стал из-за Лопасни воевать с Рязанью. Русь залечивала раны, нанесенные чумой.

Летописцы, опираясь, по-видимому, на народную молву, называют Ивана князем Милостивым. Такого ро-

Покров с изображением
Сергия Радонежского.

да прозвища редко даются правителям без оснований. Но об основаниях говорится глухо или вообще ничего не говорится. Иван правил с 1353 по 1359 год.

Иван спешил втихомолку укрепить свое княжество. Вокруг Москвы и в Москве, на ее землях стали собираться люди. Сюда переселялись землепашцы, ремесленники, ратные люди и бояре с Рязанской, Курской, Черниговской и Киевской земель. Приходили на службу к московскому князю с дальних южных окраин, с Волыни, из-под карпатского Галича.

Иван Калита, Симеон и Иван оценили значение этого переселенческого движения. Началось освоение северного Поволжья, Белоозерского края, Кубенских земель, Углического поля, Устюжны. Переселенцы продвигались и дальше на север и уже схватывались по воле московского князя с новгородцами за далекое Заволочье.

Иван Иванович не воевал с соседями, не простирал руки ни на Суздаль, ни на Нижний Новгород, не трогал Тверь. Внешне все, казалось бы, оставалось в столь бережно охраняемом Ордой равновесии. Однако оно медленно нарушалось. Иван расселял пришельцев по дальним окраинам, осваивал пустоши и лесные угодья, ставил деревни по Волге, по Сухоне, по Северной Двине. Там русские люди получали отдых от ордынских набегов, там рождалось новое поколение, которому предстояло выйти при его сыне на Куликово поле.

Именно при Иване началась и деятельность Сергия Радонежского, одного из вершителей Куликовской победы.

Нам очень трудно разглядеть эту фигуру, залакированную церковно-житийной литературой, приемами жанра, который убирал все человеческое, подменяя объемное изображение плоскостным. Если мы останемся на позиции житий Сергия Радонежского, то никогда не сможем оценить его вклада в освободительное движение русского народа.

По-видимому, соответствуют истине летописные и житийные сообщения о том, что он, сын разорившегося ростовского боярина, с юных лет проявил интерес к грамоте, к раздумьям и размышлениям, что он был одарен талантом к учению. Это, несомненно, обратило на него внимание церковных владык, в руках которых тогда находилось обучение грамоте. Молодые люди того времени искали подвигов в ратном деле, воинская доблесть ценилась превыше всего, но вместе с тем и была привычна. Отрок, увлекающийся книгами, житиями святых, Священным писанием, был в удивление, на него смотрели как на человека не от мира сего. Быть бы отроку Варфоломею (имя Сергия до пострижения) книгочеем, переписчиком книг, быть может, состави-

телем летописного свода, если бы не его подвижническая натура.

Неподалеку от городка Радонежа, на крутом холме, он построил келью и уединился для иноческой жизни. Теперь мы уже никогда не узнаем и никакие источники нам не расскажут, было это зовом его натуры или кто-то из церковных владык угадал в нем волевого человека, предназначенного вести за собой людей? Или, быть может, это слияние личности с эпохой, когда в общественном движении возникает нужда в особого характера деятеле?

Сергий появляется в надлежащий момент выразителем общих стремлений.

Прошло столетие со времен нашествия Батыя, столетие почти полного молчания и бездействия русской церкви. За это столетие разрушались старые монастыри, разрушались церкви, не строились новые. И вот Варфоломей, в монашеском чине Сергий, начинает монастырское устроение. Вокруг его кельи вырастают новые, ставится церковь, и вот уже один за другим его воспитанники уходят в глубину лесов основателями монастырей на пустошах и в урочищах, куда переселялись русские люди с южных окраин.

Монастырь не только прибежище веры, это и хозяйственно-экономический и просветительский центр того времени, это и священник с обрядами, это и церковь. Если убрать налет житийного лака с образа Сергия, то перед нами предстанет один из организаторов переселения русских людей в края, недоступные для ордынских набегов, первопроходец, личным примером увлекающий людские массы на неосвоенные земли. К его политической роли как примирителя княжеских междоусобиц мы обратимся несколько позже.

КУЛИКОВСКАЯ
ПОБЕДА

РУССКИЕ ЗЕМЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВЕКА.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ СОБИРАЕТ СИЛЫ

Если неоспоримый перевес Москвы над другими княжениями еще не всеми был оценен и понят при князе Иване, то после его смерти сила Калитина рода вполне проявилась.

Князь Иван умер в 1359 году, оставив княжение своему сыну Дмитрию, которому исполнилось в тот год девять лет. Племяннику Владимиру, сыну Андрея Ивановича, и того меньше. Мы уже говорили, что к XIV столетию, в период ордынского владычества на Руси, провозглашение великим владимирским князем, считавшимся старшим среди других великих княжений на Руси, целиком зависело от воли хана. Волею хана нарушались все родовые княжеские права, гасились все претензии на этот титул. Ни сила князя и его дружины, ни его родовое преимущество — ничто не могло противостоять воле хана.

Воля хана сочеталась с традициями ордынской политики и с тем, какие дары и какую дань предложит тот или иной претендент на великое княжение. Из Орды внимательно следили за тем, чтобы ни один князь не получал решающего перевеса над другим. Москва при Иване Калите и его сыновьях, как мы видели, заметно усилилась. Соперники рода Калиты и московских князей иногда угадывали принципы ордынской политики и сочли, что со смертью князя Ивана создалась благоприятная обстановка для того, чтобы вырвать великое княжение у московских князей.

Первым поднял голову суздальский князь Дмитрий Константинович. Его отец Константин когда-то попытался тягаться за великое княжение с отцом Дмитрия. Тяжба была проиграна с большими потерями для суздальцев. Князь Андрей, старший брат Дмитрия Константиновича, отговаривал брата от тяжбы. «Доискиваться ярлыка,— говорил он брату,— потратить только деньги, а потом, когда вырастет законный наследник Дмитрий московский, то надобно будет воевать с ним...»

Дмитрий Константинович не послушался брата. Суздальские князья свой род считали старше рода князей московских и никак не могли примириться с тем, что Великое Владимирское княжение находится в руках потомков Калиты.

Казалось, ничто не мешало Дмитрию Константино-

Глиняная посуда XIII—XVI веков: кувшин (1), кубышка (2), миска с крышкой (3), кувшин (4), горшок (5), рукомойник (6), фляга (7).

вичу выхватить великое княжение из рук малолетнего Дмитрия Ивановича. Суздальский князь получил ярлык в Орде. Но судьба владимирского престола в конечном счете определялась отнюдь не спорами отдельных русских князей между собой. Она решалась теми влиятельными силами в Орде, которые имели возможность контролировать так или иначе деятельность часто сменявших друг друга в тот период сарайских ханов. Если формально подходить к политической жизни Ордынской державы конца 50-х — начала 60-х годов, то можно согласиться с летописной ее трактовкой как «великой замятней». Но только формально. Имея в виду внешнюю сторону событий, можно признать, что убийство Джанибека послужило как бы сигналом к ускорению распада в высшем эшелоне власти среди потомков Чингисхана. Именно тогда на политической арене появляется фигура темника Мамая, захватившего главные рычаги власти в Орде (в этом большую помощь Мамаю оказал тесть — наследник Джанибека хан Бердибек). Возникновением этой сильной фигуры в Орде можно объяснить то обстоятельство, что при довольно стремительной смене ханов дипломатия Орды, за исключением малозначащих колебаний, не менялась, но, конечно же, теряла свою былую гибкость, ибо власть теневого хана Мамая не всегда могла преодолеть сепаратистские тенденции. Однако в ожесточенной борьбе с этими тенденциями Мамай довольно быстро добился доминирующего положения в Ордынской державе.

Дмитрий Константинович суздальский получил ярлык от хана Кульны, но не успел доехать до Владимира, как пришло известие, что хан Кульна убит своим братом Наврузом. Ранее смена хана повлияла бы на ордынское решение, теперь это событие не меняло намеченного плана действий. Кто-то в Орде, несмотря на смену ханов, следил за неизменностью ордынской политики, кто-то увидел опасность ослабления Москвы перед князем Ольгердом. Посланцы малолетнего Дмитрия Ивановича получили для него ярлык.

Суздалец пытался сопротивляться, рассчитывая, что смута в Орде поможет ему удержать великокняжеский стол. Но сказался новый порядок вещей. Дмитрий суздальский ранее не осмелился бы спросить ярлык, но, беря в расчет ордынскую «замятню», отказался покинуть Владимир. Тогда московские воеводы посадили на коней княжичей Дмитрия и Владимира и двинулись с московским войском против суздальского князя. Дмитрий Константинович был вынужден бежать из Владимира. Это случилось в 1362 году.

С 1362 года можно начать отсчет движения Руси к Куликовской битве.

Юрий Долгорукий боролся за расширение своего

княжества, рассматривая его как свою вотчину, еще, быть может, и не предполагая, что Москве предстоит столь выдающаяся роль в объединении русских земель.

Мы не найдем нигде каких-либо указаний, что Иван Калита, укрепляя Москву и приобретая Владимирскому княжению новые земли, скапливал казну и, поощряя переселение на свои земли с южных окраин, готовил в какой-либо форме схватку с Ордой. Объективно его деятельность вела к тому, чтобы Москва стала собирательницей освободительных сил, говоря современным языком, он готовил материальную базу для создания того войска, которое могло бы противостоять ордынским войскам в грядущих битвах.

Симеон уже помышляет об освобождении от Орды, Москва расправляет свои плечи. Симеону и было бы предназначено совершить первые шаги к утверждению самостоятельности Руси от Орды, если бы не грянула чума.

Можно только удивляться, как Русь нашла силы в какие-нибудь десять-пятнадцать лет преодолеть последствия страшной эпидемии. Живуч был народ. При Иване Ивановиче Москву охватил один из самых ее гибельных пожаров, который вошел в историю как пожар «всех святых». Город сгорел дотла, сгорели все до одной церкви, но в какие-нибудь два года вырос вновь.

Мы не можем сквозь тьму веков разглядеть, сколь

Площадь в осажденном Китеже. Эскиз декорации А. Васнецова к опере Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже...».

были развиты производительные силы Руси. Сложилось даже ложное представление у иных авторов, что будто бы Русь настолько обессилела, что уже не находилось ни каменщиков, умеющих сложить церкви, ни литейщиков, чтобы отлить колокола. Ордынские погромы были истребительными, гибли целые города и селения, но, перемещаясь на север, Русь копила силы для возрождения. Русь того времени жила не только земледелием, имелись ремесла, развитой была торговля.

Что собой являла Русь и Великое Владимирское княжение в год 1362-й, за восемнадцать лет до Куликовской битвы?

Северо-Восточная Русь в эти годы состояла из княжений: самого влиятельного Владимирского и Московского, Суздальского, Тверского и Рязанского, и, хотя все князья носили титул «великий», утверждались в этом титуле в Орде, тем не менее старейшим считался великий князь владимирский, покровительство хана давало ему ощутимые преимущества.

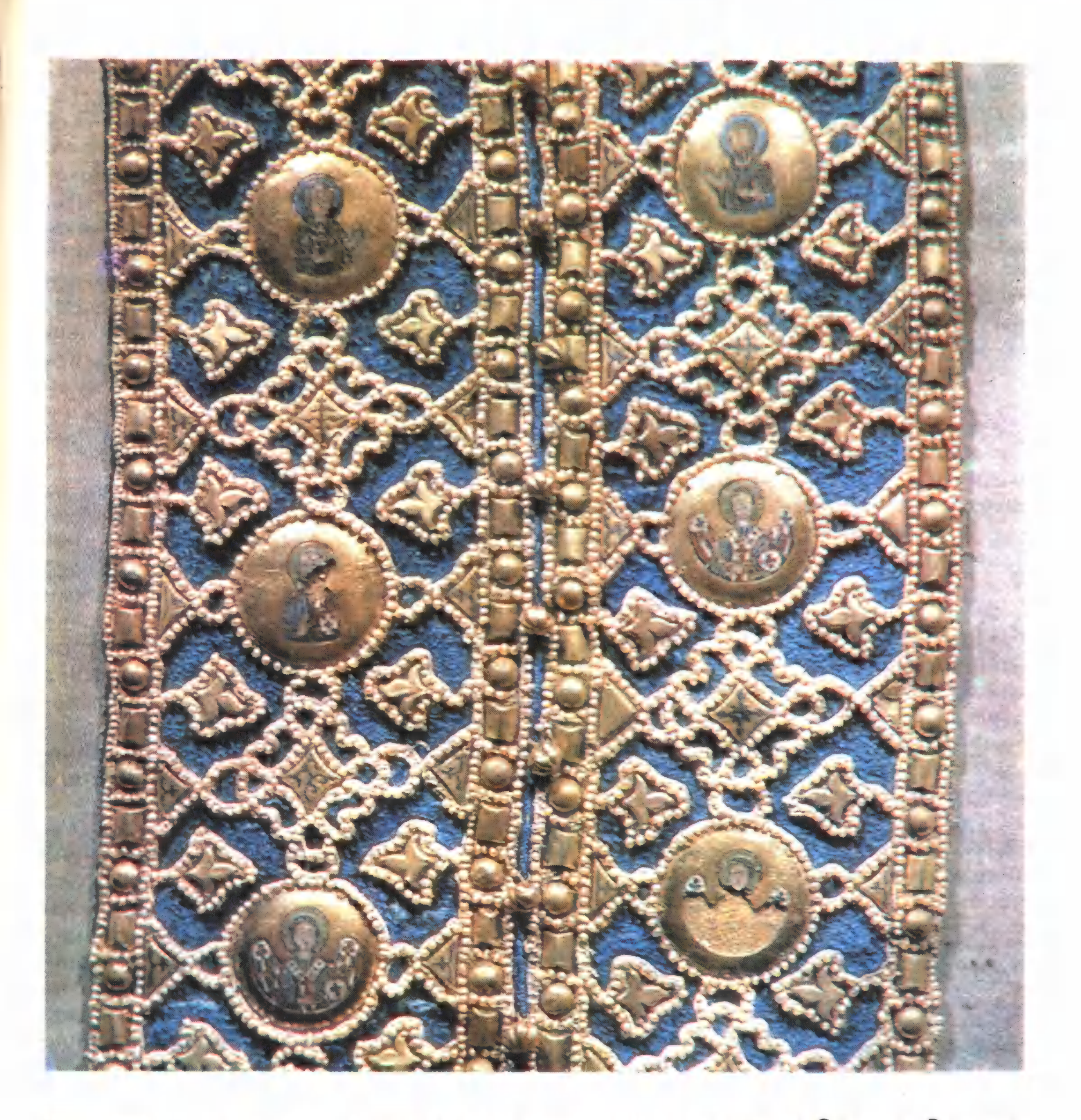
Несмотря на то что в Москве сидел князь-отрок, она благодаря этому обстоятельству имела перевес над Рязанью и Тверью, хотя и рязанский князь Олег, и тверской князь Михаил для того времени были личностями незаурядными, а Михаила еще и поддерживал Ольгерд, который был женат на его родной сестре.

Суздальская земля когда-то целиком входила во Владимирское княжение. К началу княжения Дмитрия Ивановича, как мы видели, суздальские князья возымели намерение потягаться с Калитиным родом и захватить великокняжеский владимирский стол, открыто противопоставив Суздаль Москве.

Суздальские князья были суверенными государями в том же смысле, как великие князья тверской, рязанский и московский. После смерти Симеона, подавлявшего их своим авторитетом, они начали проявлять во всем самостоятельность.

Еще при отце Дмитрия Ивановича на Рязанское княжество сел великим князем Олег Иванович, в череде рязанских князей личность заметная. Если строго разбираться, это был последний рязанский князь, который хотя бы первое время держался в полной независимости от Москвы и даже пытался бороться с Калитиным родом. Он выхватил из-под руки князя Ивана Лопасню, долгое время не оставлял попыток вернуть Рязанскому княжеству Коломну, отторгнутую от Рязани еще Даниловичами.

Можно предположить, что князь Олег был человеком неспокойным, энергичным, он положил немало сил, чтобы удержать свое княжество хотя бы равным среди равных. Однако географическое положение Рязанского княжества было крайне неблагоприятным. Оно граничило с Ордой и не только подвергалось в

Епитрахиль середины XIV века. Шитье золотой нитью и жемчугом.

первую голову крупным нашествиям Орды на Русь, но ежегодно по нескольку раз на него наскакивали и ордынские эмиры, и просто разбойничьи шайки.

Итак, Дмитрий Иванович начинал княжение отроком, стиснутый со всех сторон сильными соперниками, готовыми использовать малейшую возможность, чтобы выхватить у него великое княжение или растащить московские земли по кускам и клочкам. На юг княжество Дмитрия Ивановича, где он был бесспорным суверенным князем, доходило до Оки с опорой в Коломне, позже в Серпухове, на западе — до Боровска и Можайска, Волок-Ламский стоял пограничным разделом с

Тверским княжеством. Владимир, Ростов, Переяславль — центр княжества. На севере: Белоозеро, Галич, Великий Устюг, Углическое поле. Ярославль и Кострома управлялись своими князьями, которые в начале княжения Дмитрия Ивановича проявили свою самостоятельность, хотя при Симеоне о ней успели забыть.

Новгород всегда был готов объявить о своей независимости. Тверь приводили к покорности и Юрий, и Иван Калита, и Симеон, но при Дмитрии Ивановиче положение изменилось. То, что при Симеоне казалось благом для Великого Владимирского княжения, а именно брак его свояченицы, тверской княжны, с Ольгердом, при Дмитрии обернулось для Москвы великой опасностью. Михаил в своей борьбе против Москвы нашел опору в Ольгерде, которому того и надо было: ослабить Москву с помощью Твери.

Из всех соперников Дмитрия Ивановича самым сильным оказался Ольгерд, и не только по своему характеру, но и по своей энергии, полководческим способностям и политическому коварству. Он поддерживал тесные политические контакты с правителями Орды.

Трудно предположить, что двенадцатилетний отрок мог разобраться в обстановке, которая сложилась в Северо-Восточной Руси ко времени, когда он утвердился на Великом Владимирском княжении. Поэтому первый период его княжения мы сможем оценить, лишь приглядевшись к тем, кто его окружал, кто был его советчиком.

Боярская прослойка уже в силу противоречий в своей среде не могла бы защитить централизованную власть. Несомненно, что огромную роль сыграло то обстоятельство, что в Москве при отроке Дмитрии находился митрополит всея Руси Алексей, что троицкий игумен Сергий Радонежский, тогда уже завоевавший огромный авторитет в церкви и в народе, стоял за князей Калитина рода. Церковь, опасаясь ислама, начала собирать все народные силы на отпор Орде, а это было возможно только при укреплении власти какого-либо одного князя в Северо-Восточной Руси.

Однако мы впали бы в глубокую ошибку, если бы успех сохранения власти за князем-отроком приписали лишь московскому боярству и церкви. Церковь и московское боярство угадали нарастающую волю народа к освобождению от ордынского ига, потому их деятельность по охране прав князя-отрока возымела силу и привела к тому, что Дмитрий не растерял ни приобретений деда, ни дяди, ни отца. То, что начинал дед и продолжали дядя и отец, выпало завершить Дмитрию Ивановичу.

Московское боярство, управившись с суздальским князем, поспешило восстановить власть московского

князя над теми, кто забыл тяжелую руку Симеона. Летописи не донесли до нас подробностей, как это было сделано, какие на это были употреблены средства. Но мы знаем, что князья того времени разумели только право сильного.

Князь выходил из отроческого возраста, настало время самостоятельного правления. Первым его осознанным политическим действием мы можем считать сватовство к Евдокии, дочери суздальского князя Дмитрия. Юность обычно горяча, но Дмитрий и в юности проявил умение пустить в ход дипломатические, а не военные средства. Можно предположить, что уже в юные годы он осознал свое великое предназначение. Готовя освобождение от ордынского ига, которое могло произойти только военным путем, он оберегал русских людей от междоусобиц и от братского кровопролития. Дмитрий суздальский был первым противником, которого он сделал своим союзником.

Выдав свою дочь за Дмитрия московского, суздальский князь Дмитрий, старший по возрасту, становился младшим по значению и вступал под руку Москвы. Но если Дмитрий суздальский смирился перед Москвой, то его младший брат Борис не хотел подчиниться князьям Калитина рода, не хотел ни в чем уступить и старшему брату. После смерти Андрея Нижний Новгород, тогда уже стольный город Суздальского княжества, переходил к Дмитрию Константиновичу, но Борис захватил Нижний и отказался повиноваться старшему брату. Дмитрий суздальский, который начал с того, что выступил претендентом на Великое Владимирское княжение, отступил от своих намерений под давлением московской силы и породнился с Дмитрием Ивановичем, теперь обратился к московскому князю, прося военной помощи Москвы.

Суздальская дружина Дмитрия Константиновича, дружина Дмитрия московского да московское ополчение обладали столь решающим перевесом над Борисом Константиновичем, что поход на Нижний мог соблазнить воевод и московских бояр, но не соблазнил юного князя. Он еще раз предстал перед нами мудрым политиком. Если собирать силы Северо-Восточной Руси на Орду, то, заглядывая вперед, надо не разжигать вражду между землями, а искать их единства.

Дмитрий Иванович не двинул войско против Бориса, а отправил в Нижний послом Сергия Радонежского. Митрополит всея Руси Алексей низложил нижегородского владыку, лишил его сана, а Сергий, явившись в Нижний Новгород, затворил церкви и запретил все церковные службы. Ни помолиться нижегородцам, ни свадьбы сыграть, ни отпеть усопших. Авторитет Сергия в народе был столь велик, что сами же нижегородцы заставили Бориса подчиниться брату в Москве.

Укрепление власти московского князя не вызвало каких-либо откликов в Орде. Время Дмитрием и его советниками было выбрано удачно. В Орде не утихала борьба за ханский престол: Кульну убил Навруз, Навруза уничтожил Кидырь, царевич из Заяицкой Орды. Но и Кидырь царствовал недолго. Его убил собственный сын Темир-Ходжа. Темир-Ходжа царствовал всего лишь пять недель. Естественно, что межханская вражда втянула в свою орбиту ордынскую феодальную знать и войско. Мамай еще не овладел целиком положением.

На огромных приволжских просторах, в донских степях, в среднем течении Волги, в Булгарах рубились ордынские тумены, обильно лилась кровь. Некий Булат Темирь взял Булгары и все города по Волге, овладел всем Волжским путем. Мамай наступал на него с Дона. Некий Тогай, тоже хан, теснил его с Мокши и из Мордовии. В 1363 году русские отмечают в Орде обострение борьбы между двумя ханами: Мамаевым ставленником Абдуллой и Амуратом — сыном Темир-Ходжи.

В 1362 году утвердился на великом княжении Дмитрий Иванович, в 1362 году наши летописцы заметили в Орде темника Мамая.

Никто тогда еще не мог предположить, что в будущем им предстоит столкновение — одно из крупнейших в истории средних веков, что один возглавит освободительную борьбу русского народа, другой выйдет на защиту царства, созданного Батыем. Дмитрий стремился к объединению Северо-Восточной Руси, Мамай — к прекращению феодальной усобицы и к восстановлению единодержавия. Весь вопрос состоял в том, успеет ли Дмитрий Иванович объединить вокруг Москвы земли Северо-Восточной Руси и русских людей прежде, чем Мамай сможет мобилизовать ордынские силы для подавления московской «крамолы».

«К ЯРЛЫКУ НЕ ЕДУ!»

В 1367 году, покончив с суздальскими и нижегородскими делами, в предвидении более сложной борьбы с Тверью и Рязанью за объединение Северо-Восточной Руси, Дмитрий Иванович заложил каменный Кремль в Москве. Летописи сообщают, что строительство велось очень быстро, каменные стены вырастали на глазах. Так же быстро распространялась неограниченная власть юного московского князя на соседних князей. Наступал момент решительного столкновения с Тверью и тверскими князьями.

Симеон Гордый династическими браками сумел на несколько лет умерить соперничество с тверскими князьями. Его могущество держало тверичан в спокой-

ствии, живо было в памяти и разорение, которое претерпели они от Ивана Калиты. Калите явно помогал хан, ныне Московской Руси Орда оказывала скрытую поддержку, имея в виду выравнивание ее сил с военно-политическим потенциалом Литовской Руси. Этой скрытой поддержки не сумели оценить в Твери. Претендентом на титул великого тверского князя выступил микулинский князь Михаил, внук замученного в Орде Михаила Ярославича, сын гонимого Москвой князя Александра, свояк князя Ольгерда. Тверской владыка Василий поддержал Михаила, и тот стал великим князем.

Ольгерд с тревогой следил за усилением Дмитрия московского, ревнуя не только к его славе, но и опасаясь, что к Москве потянутся русские земли, входящие в Литовско-Русское княжество.

Михаил выехал в Литву к Ольгерду договариваться о совместных действиях против Москвы. Дмитрий воспользовался его отъездом и выставил против Михаила своих родственников, кашинских князей Еремея и Василия. Тверской владыка был вызван в Москву митрополитом и претерпел «протор велик». Кашинские князья, получив в помощь московских ратных людей, наехали на Тверскую землю, согнали с места людей, перевели их в свои вотчины, пограбили Тверскую волость и город Тверь.

Михаил поспешил в Тверь с литовским войском. Был он человеком бесстрашным, нравом крут, летописцы признали, что княжение он держал «грозно». Он не склонил головы, как суздалец. С литовцами напал на кашинских князей, ограбил их, заставил на своих условиях замириться.

Все ждали выступления Дмитрия против Твери. Но Дмитрий был верен себе. Он не стал разжигать вражду, не желая тратить силы русских княжеств, которые в дальнейшем могли понадобиться в борьбе с Ордой. Но Дмитрий и митрополит Алексей все же вызвали к себе в Москву князя Михаила для полюбовного разрешения всех споров между Михаилом и кашинцами. Это был как бы третейский суд, но далекий от объективности. Да и невозможна была объективность. Кашинцы были сторонниками Москвы, а князь Михаил радел о могучей и независимой Твери в союзе с Литовской Русью.

Михаил прибыл в Москву в 1368 году. К концу шестидесятых годов междоусобица в Орде стихла, Мамай явно брал перевес надо всеми претендентами на ханский престол. Дмитрий же, видимо, решил покончить с Тверью до того, как ордынские владыки вновь обратят свое внимание на Русь и вмешаются в межкняжескую расстановку сил.

Суда неправедного, взявшего сторону кашинцев,

Михаил не захотел признать, его и тверских бояр схватили и развели по дворам в заточение. Быть бы на то концу борьбе с Михаилом тверским, да появились вдруг на Руси ханские послы. Дмитрий расценил их приход как знак того, что Орда не хочет решительного перевеса Москвы над Тверью. Под угрозой ордынского вмешательства Дмитрий освободил Михаила. И ранее Михаил тверской не питал дружеских чувств к Дмитрию, внуку разорителя Твери, ныне же уехал, пылая к нему ненавистью.

Предугадывая, что Михаил не смирится, Дмитрий Иванович послал в тверские волости ратных людей. Время, когда Тверь своими силами могла сопротивляться Москве, безвозвратно минуло. Михаил побежал в Литву к Ольгерду.

Ольгерд только и ждал момента, чтобы нанести удар по Москве. И счел, что этот момент пришел. В Орде устанавливалась единая власть, Мамай стал хозяином положения, было к кому апеллировать против чрезмерного усиления Москвы.

Ольгерд стремительно поднялся в поход. Собрался так быстро, что о его движении к Москве Дмитрий узнал, лишь когда литовское войско появилось вблизи границ Великого Владимирского княжения. Против литовского воителя удалось выставить только сторожевой московский полк. Ольгерд между тем жег и грабил приграничные города, на реке Тросне 21 ноября 1368 года встретился с московскими воеводами.

Сторожевой полк был вооружен и сформирован по старинке, он нисколько не походил на то московское войско, которое десять лет спустя встретило ордынское нашествие на Воже. Тяжелая литовская конница разгромила москвичей, все до одного воеводы и бояре были перебиты, московские ратники утонули в Тросне. Ольгерд устремился прямой дорогой к Москве, и Дмитрий вынужден был сесть в осаду.

Давно, со времен Ивана Калиты, град Москва не видел неприятеля под своими стенами. Но и стены стали другими. Ольгерд не смог одолеть каменную крепость. Пожег окрестности, пограбил, угнал скот и через три дня снял осаду.

Однако и Михаил тверской недолго торжествовал. Молодой князь заново переустроил войско и год спустя вторгся в тверские пределы. Дмитрий пожег Микулин, родовую вотчину Михаила, взял Зубцов, погнал полон на московские земли, увел скот.

Михаил решил прибегнуть к старому средству, поискать защиту в Орде, но узнал, что все дороги в Орду перекрыты и за ним пойдет охота, как за красным зверем. Оставалась одна надежда на Ольгерда. Ольгерд собрался в поход, надеясь на свое военное искусство и на слабость московского войска.

Вероятный вид белокаменного Кремля Дмитрия Донского. Конец XIV века.

Война состоит не только из военных действий, войне предшествуют дипломатические маневры, которые иной раз резко изменяют соотношение вооруженных сил. На этот раз Дмитрий готов был к встрече литовского полководца. Заключил союз с пронским и рязанским князьями. Олег рязанский и Владимир пронский выступили со своими силами на помощь Москве. Владимир Андреевич, двоюродный брат Дмитрия, собирал ополчение в Перемышле за Калугой. Сам Дмитрий сел в осаду в Москве.

Но Ольгерд нападал только тогда, когда имел безусловный перевес в силах. Взвесив силы Москвы, он почел за благо повернуть назад и избежать столкновения. Михаил тверской вернулся домой ни с чем.

Наступил 1371 год. И Михаилу тверскому, и рязанскому Олегу, и Ольгерду, и в Орде не видны были внутренние перемены, которые свершались в Москве и вокруг Москвы. В Москве почти незримо что-то менялось в военном деле. Что именно, источники об этом умалчивают, но юный князь, нисколько не склонный к авантюризму, давал понять, что ему не страшны ни соседи, ни Ольгерд. Если Михаил тверской и Олег рязанский не увидели, на чем основывалась уверенность Дмитрия в своей силе, если источники умолчали о ее природе, то мы, обращаясь к тому далекому и трудно-

Князь Борис. Деталь иконы «Борис и Глеб». Начало XIV века.

доступному для изучения времени, должны задуматься, на что же рассчитывал Дмитрий в политическом, в экономическом и в военном плане.

Временное перемирие не могло устроить тверского князя. Он прекрасно понимал, что Москва рядом, а Ольгерд далеко. Оставалась надежда пугать Орду возвышением Москвы.

Михаил пробрался в Орду, минуя московские заставы.

Мамай принял Михаила и внял его предупреждению о том, что дальнейшее усиление князя Дмитрия может привести к ослаблению позиций Орды на Руси, если не к полному ее отпадению. Не жалость к Михаилу подсказала Мамаю решение передать тверскому князю ярлык на Великое Владимирское княжение, а следование традиционной ордынской политике — ослаблять силы одного князя, противопоставляя ему другого.

Михаил был отправлен на Русь с ярлыком, его сопровождал видный ордынский вельможа Сарыхожа с отрядом.

Заслышав о таком грозном посольстве, Дмитрий взял присягу с горожан, с тяглых людей, с землепашцев, со всех бояр и черного люда на Великое Владимирское княжение князя Михаила не пускать, а от ордынской силы отбиваться. Сам стал со всем московским войском под Переяславлем.

Владимирцы затворили город и сели в осаду. Михаила в город не пустили. Сарыхожа прежним обычаем послал гонцов к Дмитрию с приказом явиться во Владимир к ярлыку. Это означало, что Дмитрий Иванович должен был выслушать ханское повеление и присягнуть Михаилу в послушании, как старейшему.

Дмитрий Иванович ответил Сарыхоже: «К ярлыку не еду, Михаила на княжение Владимирское не пущу, а тебе, послу, путь чист!» Такого на Руси не бывало с того самого 1237 года, когда зимним путем вторглись на Русскую землю полчища Батыя.

Сколько сабель привел с собой Сарыхожа, о том никто не знает. Летописцы не оставили нам по этому поводу никаких сведений. Сотню, тысячу, тумен ли? Не в количестве сабель дело. Сарыхожа пришел полномочным послом повелителя всех русских князей, а ему говорят: «Послу путь чист!» Путь чист во все стороны: и обратно в Орду с обидой, и в Москву к князю Дмитрию в гости. Мы имеем все основания считать, что заявление Дмитрия Ивановича «к ярлыку не еду, Михаила на княжение Владимирское не пущу, а тебе, послу, путь чист» было как бы предвестием Куликовской битвы, пока еще ее далекой зарницей с едва слышным громовым раскатом. Надо было обладать острым зрением и слухом, чтобы заметить это.

Мы не знаем, понял Сарыхожа, на что дерзает мос-

ковский князь, или, упоенный недавним блеском Батыева царства, расценил дерзость Дмитрия только как обычную межкняжью неурядицу? Глуп ли, умен ли был сам Сарыхожа, но при ордынском вельможе могли найтись умные советчики, да и Михаил был рядом. Он не преминул бы указать ордынскому послу на дерзость.

Сарыхожа не поскакал с жалобой в Орду, смирился с ответом Дмитрия, поехал к нему гостем. Был принят с почетом, одарен богато. Орда почувствовала силу Москвы и на этот раз отступила...

Не так принял дерзкий ответ ордынскому послу Михаил тверской. Он был зорок, он угадал, что стоит за ответом Дмитрия, и заметался между Тверью и Ольгердом.

Можно было бы ожидать карательного набега, но времена переменились. Мамай видел за Дмитрием силу, видел, что обычным набегом достичь от него покорности невозможно. К большому походу, к нашествию всеми своими силами на Русь он не был готов. Мамай прибег к испытанному средству. Он натравил рязанского князя на Москву, зная, что и Олег рязанский, и его бояре никак не могут примириться с потерей Коломны.

КАНУН РЕШАЮЩИХ СТОЛКНОВЕНИЙ

В декабре 1371 года Олег собрал рязанское войско и двинулся на Коломну. Летописец отмечает, что рязанцы так зазнались, что предлагали воинам взять вместо оружия ремни и веревки, чтобы вязать «робких» москвичей. Летописец явно иронизирует над рязанцами.

Дмитрий Иванович сам даже не пошел навстречу рязанцам. Он выслал наперехват московское войско под началом воеводы Дмитрия Ивановича Волынского по прозвищу Боброк. Так впервые на страницах летописи под 1371 годом появилось имя русского воеводы, одного из вершителей Куликовской битвы.

Рязанцы неподалеку от стольного города Переяславля-Рязанского (ныне Рязань) потерпели сокрушительное поражение. Оно было столь убедительным, что летописцы не сочли нужным отметить какие-либо подробности сражения. Не упомянули ни о подвигах витязей, ни о действиях воевод или дружинников. Это тоже важно взять в соображение. Из действий войска не выделяются действия одиночек. И умолчание о чем-то может подсказать, каким же было московское войско, кто его готовил, какие тактические принципы были заложены в его действия. Кто таков, откуда взялся воевода Боброк-Волынский?

Дмитрию Ивановичу было всего двадцать лет. Под-

готовить такое войско, чтобы Орда считала его опасным, войско, способное нанести соседнему удельному князю сокрушительное поражение, вызывающее опасение у Ольгерда,— дело не одного дня и не одного года.

Несомненно, что в отрочестве и в юности Дмитрий был окружен мудрыми советниками, которых Симеон наказывал «слушать». Одним из блестящих достоинств Дмитрия Ивановича было умение слушать советников, выбирать нужное и полезное, не считаясь с амбициозными соображениями.

Итак, советники... Княжья дума. Ряд лиц, по выбору князя, которым он доверяет, чьи советы ценит. Мы имеем довольно точно очерченный круг этих лиц при Дмитрии. Самые значительные из них — те, кто засвидетельствовал его духовное завещание. Оно составлялось дважды. В первом варианте имя Волынского — Боброка стоит на втором месте после Василия Вельяминова, боярина из старого боярского рода, пришедшего еще на службу к князю Даниилу Александровичу. Во второй духовной на первом месте записан свидетелем Дмитрий Волынский. Первый из первых!

Шлем и броня русского воина. Реконструкция М. Горелика.

Если мы рассмотрим список советников Дмитрия Ивановича, то мы обнаружим почти за каждым из них и ту область политической и хозяйственной жизни, которая была ему подведомственна. Вельяминовы были тысяцкими. Старший Василий — тысяцким в Москве, Тимофей — в Коломне, Николай — во Владимире. Старый боярин Андрей Иванович Кобыла несколько раз упоминался в источниках в связи с посольскими делами в Орде. Иные значатся воеводами в городах, иные наместниками.

За Дмитрием Волынским неизменно остаются дела ратные, а на Куликовом поле ему было доверено руководство всем сражением. Он нигде не обозначен иначе как воевода, мы не найдем при нем синонима нынешнему содержанию слова «главнокомандующий», но природа средневекового боя такова, что тот, кому отдан под начало резерв, тот и руководит боем. Резерв, засадный полк, был поставлен под началом Дмитрия Волынского. Это ли не знак того, что всеми ратными делами в Москве занимался Дмитрий Волынский? Этим и предопределено ему первое место в свидетелях духовной грамоты. Стало быть, мы имеем право предположить, что именно он играл ведущую роль в переустройстве московского войска, в подготовке его к решающей схватке с Ордой.

Вполне естественно, что у нас возникает желание побольше узнать о Дмитрии Волынском, кто он, откуда родом, как оказался в Москве? Детали его биографии многое могли бы объяснить, но никто нам не оставил ни малейшего намека на его жизнеописание.

Боярские родословные не очень-то надежный источник, и, если они не подтверждаются какими-либо другими документами, им опасно верить. Многие княжьи дружинники, дослуживаясь до боярского звания, стеснялись своего «простого» происхождения. Считалось более достойным вывести своего предка из чужестранцев. Так, Андрей Иванович Кобыла, документированный родоначальник царской династии Романовых, выводил себя из прусской знати. «Кобыла» из Пруссии! Знаменитый род Вельяминовых не стеснялся заявлять, что их предок Гаврила вышел из Пруссии к Александру Невскому.

С Дмитрием Михайловичем Волынским несколько легче. Волынский — это не фамилия, а прозвище. Волынский мы можем принять за указание, что означенное лицо связано с княжеством Новгород-Волынским. К этому добавляется немаловажное указание: прозвище Боброк. Неподалеку от Галича Карпатского протекает речка Боброк. Так два прозвища привязывают русского воеводу к определенному географическому району.

К Дмитрию Ивановичу Волынский явился на службу с двумя взрослыми сыновьями, стало быть, человеком на возрасте и с немалым военным опытом. В Москве он женился на сестре Дмитрия Ивановича. И этот брак указывает на то, что московский князь очень дорожил своим воеводой.

Именно через воеводу, воспитанного на военных традициях Галицкой Руси, мы можем найти какое-то указание на то, какими тактическими новшествами могло обогатиться войско Москвы. Возникает некая логическая цепочка, по которой военное искусство Куликовской битвы смыкается с традициями Святослава киевского и Даниила галицкого, а с этим увязывается возможность обогащения военного опыта за счет тех перемен в военном деле, которым ознаменовался XIV век в Европе.

Военное искусство во всем его объеме и в древности, и в средние века всегда развивалось по законам диффузии. Любая из противоборствующих сторон, едва применив какое-то новшество, давшее преимущество в вооружении или в тактике, вскоре его теряла, ибо другая сторона спешила перенять новшество.

К сожалению, иной раз военные историки, защищая честь оружия своей страны или своего народа, распространяют понятие самобытности на те виды военного дела, которые никак не могут быть самобытными, путают национальный характер, явление, безусловно, самобытное, скажем, с использованием того или иного тактического приема. Надо иметь возвышенную душу Петра I, чтобы не постесняться после Полтавской победы провозгласить тост за своих учителей в военном

деле — шведов. Горе не тому народу, который, осознав свои слабости, учился у народа, свободного от этих слабостей, а тому, кто, закоснев в своих слабостях, держался за них только из желания не отступать от самобытности.

В древности и в средние века, чтобы ознакомиться с теми или иными новшествами в военном искусстве, особые службы были не нужны. Вооружение оставалось веками без особых изменений. Меч, боевое копье, метательное копье, дротики, лук, стрелы, арбалет или самострел, шлем, кольчуга, железные доспехи. Все эти виды оружия различались лишь по качеству и надежности, но в огромных сражениях не имело значения, какие в руках воинов сабли: из обычной стали или виртуозно выкованной дамасскими мастерами. Неожиданными могли быть тактические приемы, массированное применение того или иного вида оружия.

Ранняя стадия развития феодализма характеризовалась пережитками эпохи военной демократии, когда понятия народа и войска почти совпадали. Позднее ситуация изменилась. Государственная власть эпохи развитого феодализма, будь то власть европейского короля, русского князя, скандинавского конунга или азиатского кагана, опиралась на профессиональных воинов.

Эпоха холодного оружия предъявляла особые требования. Владение мечом и копьем, стрельба из лука требовали длительной выучки и особой физической подготовки. В Древнем Риме были школы для патрициев, в средние века в иных случаях тоже существовали школы.

Чтобы отвечать всем требованиям средневекового боя, воину нужно было полностью отдаться военной подготовке. Кто-то должен был обеспечить ему эту возможность материальными средствами. Обеспечением в эпоху феодализма была земля. Власть отдавала своим воинам землю на прокорм, воин был обязан по первому зову властителя встать на защиту власти или принять участие в его военных походах. Так на Западе родилось рыцарское войско.

Рыцарь, то есть землевладелец, выступал на коне в окружении своих военных слуг. Конное рыцарское войско, если убрать проблему войн с соседними государствами, играло роль прежде всего полицейской силы для поддержки феодального строя. Конный рыцарь господствовал на полях Европы. Огромные просторы Азии, где свершались передвижения кочевых народов, немыслимы были без конницы.

Конница в Европе и в Азии несколько столетий оставалась решающей силой во всех битвах. То первостепенное значение пеших войск, которым были отмечены греческие войны и господство Рима над кочевыми на-

родами, было накрепко забыто. Пример Святослава киевского, использовавшего пеших воинов, был чуть ли не единственным в массовых средневековых сражениях.

Начиная с XI века, в иных случаях и ранее, европейские и русские города становятся центрами ремесел и торговли. Внешне власть над городами остается за феодалами, но торговые и ремесленные цехи в Европе, братины и сотни на Руси постепенно заставляют феодалов уступить им некоторые прерогативы власти, а в иных случаях и подчиниться торгово-промышленной верхушке.

На Руси этот процесс надолго был приостановлен завоеванием Батыя и ордынским игом. Приостановлен, но не прекращен. В самой форме ордынского грабежа заключалась историческая необходимость развития ремесел и торговли на Руси. Орда требовала с русских земель дань. Чтобы платить ордынским ханам, русские князья вынуждены были поощрять ремесла и торговлю.

В Европе средневековые города достигли своего расцвета в XIII столетии, на Руси роль городов как экономической и политической силы приобрела свое значение в XIV столетии.

В Европе именно города, городские ополчения положили конец господству феодального войска — рыцарству. «Чернь» била «благородных».

XIV век открывается знаменитой в истории военного искусства битвой при Куртрэ в 1302 году. Фламандские ремесленники и торговцы, фламандские горожане восстали против французского короля. Ополчение фламандских горожан осадило замок города Куртрэ, в котором закрылись французские рыцари. Король Филипп IV Красивый послал на помощь осажденным рыцарское войско под командованием графа д'Артуа.

Для средневековой Европы это было одно из самых значительных сражений не только в плане развития военного искусства, но и по численности противоборствующих сторон. Фламандское пешее войско насчитывало примерно 15 тысяч воинов. Граф д'Артуа выставил против них 7500 всадников и столько же пеших: генуэзских арбалетчиков, стрелков из лука, испанских метальщиков дротиков. Кроме того, французский гарнизон, запертый в крепости Куртрэ, готовился ударить в тыл фламандцам. Численность войск была приблизительно равной, но ранее всегда считалось превосходство за теми, кто выставлял рыцарскую конницу. Французских рыцарей было 2500.

Новым иногда бывает хорошо забытое старое. Фламандцы выставили против рыцарей пешую фалангу и арбалетчиков. Издавна главной угрозой для фаланги были удары конницы по флангам. Фламандские полко-

водцы предусмотрели эту опасность. Оба фланга пешего войска были защищены водными преградами. По фронту фаланга прикрывалась от французского войска ручьем с болотистыми берегами. Фламандские полководцы рискнули построить фалангу ломаной линией. Это свидетельствует о высокой строевой выучке фламандских горожан, ибо самое трудное в действии фаланги — это перестроение в ходе боя, ломаной фаланге перестраиваться вдвойне труднее.

Сражение начали французские арбалетчики и стрелки из луков. Описание хода битвы в хрониках не дает возможности доподлинно установить, почему под обстрелом французов фламандская фаланга отступила и освободила предполье перед своим строем. Иные комментаторы полагают, что под ударами стрел из арбалетов и луков. С другой стороны, действия фламандских полководцев можно объяснить и желанием вызвать рыцарей на атаку, ибо пешие на конных наступать не могли.

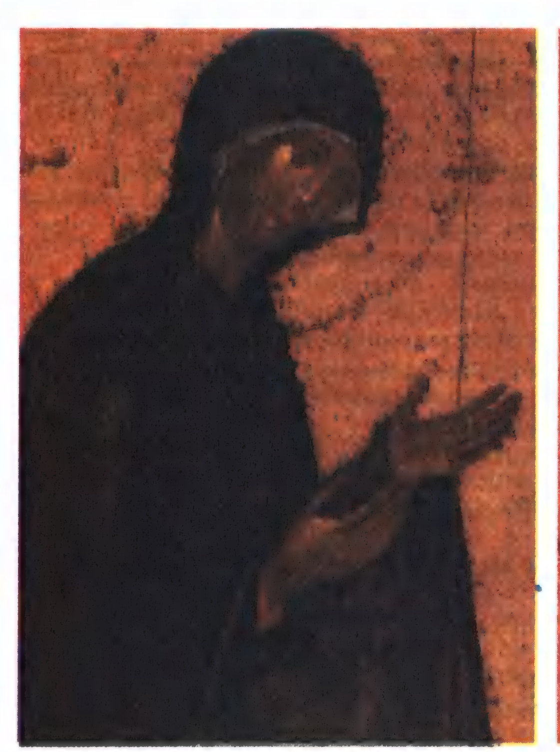
О чем думал в тот момент граф и рыцарь д'Артуа, нам не дано знать. Но логика всего похода звала в наступление. Нужно было освобождать осажденных в крепости. Открывшееся пространство за ручьем манило возможностью построить рыцарский клин и ударить железным строем по фаланге презренной черни.

Французские арбалетчики и стрелки расступились, рыцари на конях ринулись через ручей. И там наткнулись прежде всего на волчьи ямы, тщательно замаскированные дерном. В это время из пешей фаланги выступили арбалетчики и осыпали рыцарей тяжелыми арбалетными стрелами. Те же рыцари, которые достигли фаланги, наткнулись на длинные копья, их сбивали с коней годендагами (особый вид алебарды).

Французское рыцарское войско потерпело полное поражение. Пало 350 рыцарей. Был убит и граф д'Артуа. Для средневекового боя между рыцарями и горожанами потери небывалые. Битва при Куртрэ в насмешку над рыцарями названа «битвой золотых шпор». Рыцари носили золоченые шпоры, фламандцы собрали на поле боя более семисот таких шпор.

Минуло всего тринадцать лет, и на другом конце Европы, в Швейцарии, при горе Моргартен пехота швейцарских кантонов сокрушила рыцарское войско австрийского императора.

26 августа 1346 года английский король Эдуард III нанес поражение французскому королю Филиппу VI в битве при Кресси. Войско французского короля насчитывало более десяти тысяч рыцарей, войско английского короля было сформировано из английских горожан, ремесленников и крестьян. Они были вооружены арбалетами и луками. В его рядах состояло всего четы-

Феофан Грек. Богоматерь. Деталь иконы Благовещенского собора Московского Кремля.

Феофан Грек. Иоанн Златоуст. Деталь иконы Благовещенского собора Московского Кремля.

Феофан Грек расписывает фресками церковь Архангела Михаила в Московском Кремле. 1399 год. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI века.

Феофан Грек. Столпник Даниил. Деталь фрески в церкви Спаса Преображения в Новгороде.

ре тысячи рыцарей. Во время сражения английские рыцари спешились и встали в ряды стрелков.

Французские рыцари наступали, английские стрелки оборонялись. Волна за волной бросались конные рыцари на английские позиции, но ни один рыцарь не приблизился на длину копья к английским стрелкам. От стрел пало 1200 всадников. Французский король отступил.

Через 10 лет — 19 сентября 1356 года — сын Эдуарда III принц Эдуард Черный при Пуатье с двумя тысячами стрелков из арбалетов и луков расстрелял около трех тысяч французских рыцарей.

25 октября 1415 года английский король Генрих V с девятью тысячами стрелков атаковал французское войско из шести тысяч рыцарей и разогнал их...

И уже шагала по полям Европы швейцарская пехота, вооруженная длинными копьями, нанося поражения конным рыцарям.

Вторая половина XIV столетия принадлежала пехоте и стрелкам. Стрелки становились главной силой, а конница навсегда уходила в разряд вспомогательных войск.

Итак, заметим, что к XIV столетию в Европе вполне оценили забытую в раннем средневековье силу пехоты. Однако дело здесь не только в забвении. Феодалы всячески отстраняли плебс от участия в военном деле из опасения, что вооруженные простолюдины поднимутся против их власти. Пехота возродилась в городах по инициативе городских властей и против феодалов.

Русь в раннем средневековье не отрицала роли пехоты. Святослав, опираясь на воинские традиции древних славян, создал войско, состоящее в своей основе из пеших воинов, ибо ставил своей целью не агрессию, а оборону Русской земли от соседей. С пешим войском Святослав разгромил Хазарский каганат, с пешим войском отражал набеги печенегов, с пешим войском выступил против Византийской империи, неустанно натравливавшей на Русь кочевые народы. Пешие полки Святослав формировал из горожан, землепашцы ставились в войсковую обслугу. А как же быть с профессионализмом горожан, ибо они не были воинским сословием?

Русь в X веке жила тревожной жизнью. Русские города были объектом непрерывных нападений хазар и печенегов. Каждый горожанин, способный носить оружие, был привычен к военному делу. Когда к городу приближался враг, все поднимались по тревоге и выходили с оружием на городские стены. Можно не сомневаться, что каждый воин знал свое место на городской стене и свою задачу в обороне города. Войско строилось по десятичной системе. Десятка, сотня, тысяча. Согласованные действия на городской стене были

Щит русского воина.
Реконструкция М. Горелика.

подготовкой к согласованным действиям в пешем строю Святославовой «стены».

Маврикий в «Стратегиконе» рассказывает, что восточные славяне сражались пешими, тесно сомкнутыми построениями, как бы глубокими колоннами, которые иногда выглядели как квадраты. Заметим, что к концу XIV столетия к этому построению пришла швейцарская пехота, и квадраты, ощетинившиеся длинными копьями восьмиметровой длины, назвали «баталиями».

Святослав растянул глубокие колонны по фронту, что давало возможность одновременно ввести в бой большее число воинов. Глубокая колонна превратилась у него в стену по двадцати шеренг в глубину. «Стена» — это, по существу, та же фаланга Александра Македонского, но значительно углубленная для усиления первого удара. Лев Диакон так пишет об атаке русской пехоты на византийцев:«Руссы с яростью, со всей быстротою, как бешеные, с ревом бросались на римлян (византийцев)». Опуская эмоции автора, мы можем заключить, что «стена» перед столкновением с противником с шага переходила на бег. А это требовало высокой выучки. Фланги «стены» охранялись конницей.

Предкуликовская эпоха в русской истории была необычной. Русь после многих десятилетий мрака переживала возрождение, общенациональный патриотический подъем. Народ сосредоточил все свои силы, все свои помыслы, все свои надежды на одной великой цели — освободиться от ордынского ига. Все было подчинено этой общей задаче, все способности, все таланты были ей отданы.

Именно в эту эпоху творил великий художник Феофан Грек, работали такие мастера, как Даниил Черный, Прохор с Городца, начинал свой взлет гений Андрея Рублева.

Столь значительные явления в искусстве не могли возникнуть из ничего. Нам посчастливилось, что сквозь века и пожары, сквозь разорения и бедствия до нас дошли шедевры великих мастеров, но время безжалостно стерло другие свидетельства высокой духовной и материальной культуры того времени. Можно не сомневаться в том, что князь Дмитрий Иванович был окружен советчиками, богатыми не только практическим опытом, но и людьми просвещенными, начитанными, знавшими, что происходит в мире. О том, с каким противником предстоит решающая схватка, знали все от мала и до велика.

Чтобы выработать тактику для схватки с Ордой, нужно было прежде всего знать ее тактику и взвесить, что противопоставить военному искусству Орды.

Вырисовывается первая тактическая задача: отразить стрелковый удар Орды. Ответ напрашивался сам собой: против стрелков выставить стрелков же. Но в

военном искусстве решить задачу теоретически еще не значит тут же выполнить ее практически. Ордынцы были в те времена непревзойденными стрелками из лука.

Боевая стрельба из лука требует длительной подготовки. Военные специалисты считают, что на подготовку стрелка из лука на уровне ордынского мастерства нужно, по крайней мере, лет двадцать. Ордынец приучался к стрельбе из лука с малолетства и к тому времени, когда становился воином, умел поражать цель стрелой на скаку, сбивал стрелой птицу на лету, зверя на бегу.

Русь жила не грабежами, Русь жила трудом своих рук. Землепашцу, ремесленнику и торговцу не оставалось времени довести стрельбу из лука до ордынской виртуозности. Вместе с тем выступать против Орды без стрелкового заслона, без того, чтобы отразить стрелковый удар в сотни тысяч стрел, было безрассудством. Единственным оружием, с помощью которого можно было отразить стрелковый удар Орды, был самострел, или арбалет.

Самострел, арбалет, он же армбруст или цагра, был известен на Руси издавна. Это оружие не являлось столь «секретным», как, скажем, греческий огонь, сжигавший корабли и города. Самострелы, по-русски еще и «пороки», имели различие по силе боя.

Наибольшей силой боя обладали самострелы со стальным луком и зубчатым взводом тетивы. Из такого самострела пускались болты — тяжелые стрелы с массивными наконечниками или стрелы, целиком выкованные из железа. Они летели вдвое и втрое дальше, чем из самого сильного дальнобойного лука. Ложа с ложбиной для направления полета стрелы облегчала прицел. Если стрельбе из лука надо было обучаться двадцать лет, стрельбе из самострела можно было научиться за двадцать дней.

Арбалет.

Историк военного дела на Руси А. Н. Кирпичников пришел в своих изысканиях к выводу, что к началу XIV столетия самострел на Руси получил массовое распространение. К сожалению, летописцы не обратили внимания на то, как было вооружено московское войско на Куликовом поле. «Сказание о Мамаевом побоище» вообще умалчивает об этом. Есть летописное известие, что московский суконщик во время обороны Кремля от Тохтамыша стрелой, пущенной из самострела, убил ордынского царевича.

Археологические раскопки на Куликовом поле и на берегу Вожи мало что могли дать, ибо оружие тогда вообще было дорого, а самострелы в особенности. Победители собирали оружие после битвы. Но мы имеем бесценное косвенное свидетельство о том, что на Руси в XIV столетии арбалет стал главным стрелковым

Феофан Грек. Василий Великий. Деталь иконы.

Феофан Грек. Архангел Михаил. Деталь фрески в церкви Спаса Преображения в Новгороде.

Апостол Петр. Деталь иконы.

Феофан Грек (?). Пророк Давид. Деталь миниатюры из Псалтири Ивана Грозного.

оружием. В Литве и на землях Ордена, в ганзейских городах было строжайше запрещено продавать арбалеты на Русь.

Стало быть, вопрос об отражении стрелкового удара Орды тесно увязывался с развитием оружейного дела, что, в свою очередь, требовало длительной подготовки. Московское войско для решающей схватки с Ордой можно было вооружить только при значительном развитии ремесел.

Успех стрелкового оружия на полях сражений в Европе не мог остаться незамеченным на Руси. В какой-то мере в битвах на Воже и на Куликовом поле мы услышим отзвук битв при Куртрэ, при Кресси, при Пуатье и при Азинкуре. Есть сообщение Жювеналя де Юрсена, что герцог Брабантский в 1414 году имел в своем войске четыре тысячи арбалетчиков. У Московского княжества были не меньшие возможности, чтобы создать стрелковый полк и вооружить его самострелами.

Однако тактическая задача в сражениях с Ордой не исчерпывалась отражением стрелкового удара. Вслед за стрелковым ударом Орда в случае сопротивления противника переходила к фронтальной атаке в конном строю. Казалось бы, напрашивалось простейшее решение: против легковооруженной ордынской конницы выпустить тяжеловооруженных русских витязей. Но это уже было испробовано в битве на Калке. Орда не боялась тяжеловооруженных всадников.

Ордынская конница рассыпалась перед бронированным клином, осыпала стрелами его коней, стаскивала закованных в доспехи воинов крюками, арканами, наседая на витязя со всех сторон. В битве с Ордой в конном строю трудно было бы, почти невозможно достичь перевеса.

Как тут Дмитрию Ивановичу и его воеводам не вспомнить о боевом порядке Святослава. Но размышления о пешем строе не могли не увести к опыту военной классики древности. А на Руси читали древних греков и знали о походах Александра Македонского, о том, как он пешей фалангой громил персидскую конницу. Здесь мы уже имели на что опереться. Летописец сообщает: «Сила великая татарская борзо с шоломяни грядуща, и ту паки, не поступающе, сташа, ибо несть места, где им разступитись; и тако сташа копия закладше, стена у стены каждо их на плещи предних своих имуще, предниі кратче, а задни должае. А князь великий також с великою своею силою рускою з другого шоломяни поиде противу им. И бе страшно видети две силы великия...» (Татищев).

В этом кратком летописном известии ключ к раскрытию хода Куликовской битвы. Мы еще к нему вернемся. Сейчас нам важно отметить, что перед нами изображение сходящихся фронтально пеших фаланг, в ко-

торых копья в первых рядах короче, в задних — длиннее.

Да это же знаменитые македонские «сариссы»! Когда пеший строй, вооруженный такими копьями, выставлял их перед собой, то все до одного копья первых восьми шеренг выступали по крайней мере на полтора-два метра впереди, образуя дугу из железных наконечников, непроницаемую для конной атаки. Ни одну лошадь нельзя было послать на железо. Древнегреческий историк Полибий (204—120 годы до нашей эры) в «Истории римского государства» пишет, что римский полководец Эмилий Павел, увидев македонскую фалангу, двигающуюся с сариссами наперевес, «содрогнулся от ужаса». И у нас в летописи: «И бе страшно видеть две силы великия».

Одной из этих великих сил и были пешие городовые полки, вооруженные копьями разной длины. Именно в этом и состояло решение второй тактической задачи: предотвратить конный бой, навязать Орде бой пеший.

Сама собой подсказывалась и роль конных полков: охранение флангов, сторожевой и засадный полки.

Мало наметить тактическое решение. И стрелки, и пешие городовые полки, и конница, сформированная из княжеских и боярских дружин, требовали обучения, требовали навыков во взаимодействии. В немалой мере подготовке московского войска к схватке с Ордой послужили боевые походы Дмитрия против Ольгерда, усмирение рязанских бояр, отражение ордынских набегов...

Русь готовилась к свержению ордынского ига, в Орде это не могло пройти незамеченным.

Из Орды было видно, что вражда между Дмитрием московским и Михаилом тверским не утихает, а Олег рязанский включился в число союзников Москвы. Орду всегда страшил союз русских князей. Рязанская земля граничила с Ордой. Мамай в 1373 году решил разрушить этот опасный союз и, собрав силы, которые к тому времени были ему подвластны, напал на Рязань.

В Москве разгадали истинную причину его внезапного вторжения. Дмитрий Иванович кликнул большой сбор и впервые со времен Батыева нашествия открыто ополчил Русь на Орду, поставил войско на левом берегу Оки под Коломной на пути Орды.

Источники не сообщают, каким было это войско, молчат и о том, что оно делало под Коломной в течение трех с половиной месяцев, как оно кормилось. Летописи отметили лишь тот знаменательный факт, что московский князь с оружием в руках выступил против Орды, а Мамай, самый сильный в то время ордынский владыка, пограбив Рязань, через Оку ступить не решился.

Ордынские владыки не привыкли к неповиновению. Они не могли не видеть, что Русь со всеми ее богатствами, с огромными средствами, которые из нее выкачивались, уходит из-под их власти.

К началу семидесятых годов более или менее определилась расстановка сил в Орде. Мамай к этому времени сумел подавить всех своих соперников на правобережье Волги и распространить свою власть на Крым, на степные пространства между Днепром и Волгой и предкавказские степи. С 1371 года Мамай начал укреплять свои внешнеполитические позиции, выступая в международных сношениях как единовластный правитель Золотой Орды.

Источники не говорят, почему в 1373 году, разорив Рязань, он не решился переступить Оку и вторгнуться в пределы Московского княжества.

Некоторые исследователи склонны это объяснить только неустройствами ордынских дел. Мамаю действительно было бы трудно вести войну на два фронта: против московского князя и непокорных левобережных феодалов. Но это соображение можно считать действительным только в том случае, если на Оке он увидел устрашающую силу Москвы. При прежнем неравенстве военных сил между Москвой и Ордой Мамая не остановили бы опасения за свой тыл.

Стало быть, ордынские военачальники во главе с Мамаем оценили силу московского войска и, роняя свой престиж непобедимости, повернули назад, чтобы собраться с силами для нового нашествия на Русь.

Собирая военную силу, Мамай прибег к привычному маневрированию. В Орде вспомнили, что у отрока Дмитрия московского хотел отнять великокняжеский стол Дмитрий Константинович суздальский. Мамай посылает в Нижний Новгород, в то время уже стольный город Суздальского княжества, посла Сары-ака (в русских летописях Сарайка) с конной тысячей. Мамаева посла схватили, конную его тысячу изрубили.

Итак, Дмитрий московский преградил Орде путь на Оке, обнаружив намерение поднять оружие на бывших владык. Рязань разорили, Дмитрий суздальский выявил себя союзником Москвы, оставалась надежда поднять против Москвы тверского Михаила, а с ним и литовского Ольгерда.

Михаил и сам шел навстречу ордынским замыслам. В начале марта 1375 года из Москвы перебежали в Тверь торговый гость сурожанин Некомат и Иван Вельяминов, сын московского тысяцкого Василия. Дмитрий упразднил в Москве должность тысяцкого. Это, видимо, послужило толчком к измене Ивана Вельяминова. Но сводить лишь к боярской обиде этот шаг вряд ли будет правильным. Что-то таинственное объединило во вражде к Дмитрию высшего боярина и заезжего на

Русь купца неизвестного рода и племени. Маловероятно, чтобы это произошло без участия Орды.

Иван Вельяминов и Некомат отправились от Михаила тверского ходатаями в Орду за ярлыком на великое княжение. Послав столь странных ходатаев к Мамаю, сам Михаил ускакал в Литву, на обратном пути из Литвы остановился в Новгороде и заключил с новгородскими боярами договор, который признавал его великим князем, если «вынесуть тобе изъ Орды княжение великое».

В июле 1375 года в Тверь пришел посол от Мамая, некий Ачихожа, и принес Михаилу ярлык на великое княжение. Михаил тут же сложил крестное целование Дмитрию и послал вооруженные отряды на Торжок и Углич посадить там своих наместников.

Конфронтация с Ордой нарастала. В ответ на действия Михаила тверского Дмитрий Иванович в короткий срок собрал на него большое войско: под начало Москвы пришли князья суздальские, нижегородские, ростовские, ярославские, князья моложский, белозерский, стародубский, новосильский, оболенский, тарусский, смоленский, брянский.

Этот сбор стал как бы пробой сил того ополчения, которое готовилось все годы правления Дмитрия к схватке с Ордой. Наступили последние дни тверского противостояния Москве.

Поход на Тверь начался 29 июля 1375 года из Волока-Ламского, куда сошлись все полки под начало Дмитрия Ивановича. 1 августа был взят город Микулин, центр бывшего удела князя Михаила, 5 августа московское войско обступило Тверь.

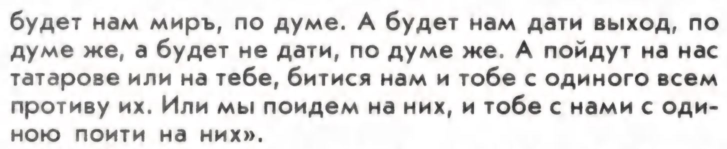
Михаил тверской, садясь в осаду, рассчитывал на скорую подмогу Ольгерда и Мамая.

8 августа московское войско пошло на приступ. Бой был тяжким, городские укрепления помогли отбиться, Дмитрий прекратил штурм и перешел к осаде, обнеся город острогом. Источники умалчивают о подробностях, нам же здесь важно заметить, что московский князь не побоялся перейти к длительной осаде. Вспомним, что Ольгерд и Михаил, осадив Москву, продержали ее в осаде всего три дня и поспешили уйти, опасаясь разгрома.

Известно, что Ольгерд двигался на выручку к Михаилу тверскому, но, узнав, какое войско собрал Дмитрий Иванович, не доходя до тверских пределов, повернул обратно. Не решилась тронуться и Орда. 1 сентября 1375 года Михаил тверской капитулировал и подписал договор по всей воле Дмитрия Ивановича, признав себя «молодшим братом», чем ставил Тверь под руку Москвы.

Но самым знаменательным положением договора было соглашение относительно Орды. «А с татары, оже

будет нам миръ, по думе. А будет нам дати выход, по думе же, а будет не дати, по думе же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тобе с одиного всем противу их. Или мы поидем на них, и тобе с нами с одиною поити на них».

Это уже не тайный сговор против Орды, это открытая подготовка антиордынского союза русских земель. Статьи такого договора не могли сохраниться в тайне. В Орде и в Литве оценили опасность капитуляции Твери. Ольгерд и Мамай не замедлили с ответными действиями. Но все ограничилось незначительными набегами. В глубь Московского княжества не решились вторгнуться ни Ольгерд, ни Мамаевы посланцы.

Орду со всей силой ждали летом. Дмитрий Иванович вновь вывел свои войска на берег Оки и стоял заставой от внезапного вторжения «изгоном». Но Орда не тронулась.

Надо полагать, что второе стояние на Оке не прошло попусту. Войска проходили обучение, пешие городовые полки и конные дружины отрабатывали взаимодействие для будущих сражений. Осенью Дмитрий Иванович отправил двоюродного брата Владимира Андреевича проучить Ольгерда. Владимир Андреевич «пустошил» Ольгердовы заставы и волости, осадил Ржев, но города не взял.

Зимой 1377 года Дмитрий Иванович направил своего лучшего воеводу Дмитрия Волынского-Боброка в поход на город Булгар, где сидел правителем ставленник Мамая.

Несомненно, что в Орде внимательно следили за всеми военными передвижениями московского войска. И Мамай и его сторонники понимали, что поход под Ржев князя Владимира и поход на Булгар — это стратегическая подготовка войны с Ордой. Дмитрий укреплял свои стратегические фланги.

Под Булгаром произошло сражение. Мамаевы эмиры Асан и Мухаммед Султан вывели свое войско в поле и попытались атаковать московское войско. Со стен стреляли камнями пушки, ордынцы впереди выпустили воинов на верблюдах. И огонь из пушек, и верблюды — все это было непривычно, устрашающе, но русская рать не дрогнула, отразила атаку ордынцев. Асан и Мухаммед Султан запросили мира и подписали его по всей воле воеводы Дмитрия Волынского.

Лето 1376 года было тревожным, наступало не менее тревожное лето 1377 года. Опять ждали всю Орду. Пришло известие из Литвы о смерти Ольгерда. В Литве началась междоусобица.

Благоприятно складывалась обстановка и в Орде. У Мамая появились два сильных соперника: Тохтамыш и Тимур (Тамерлан).

Тимур давно уже стал известен за пределами Сред-

ней Азии и Самарканда, правителем которого начал свою карьеру. До поры до времени его успехи по завоеванию и покорению бывших земель хулагидов не беспокоили Мамая. Поначалу не очень-то опасным для Волжской Орды могло казаться заигрывание Тимура с Тохтамышем, царевичем из Заяицкой Орды. Тимур приютил у себя в Самарканде беглого царевича, надеясь вырастить покорного правителя Заяицкой Орды. Он дал ему войско отвоевать ханский престол.

Два первых похода Тохтамыша окончились неудачей. Третий поход принес ему победу. Тохтамыш, утвердившись в Сыгнаке, столице Заяицкой Орды, начал распространять свою власть на левобережье Волги, заявляя свои права чингизида на Волжскую Орду, объявив Мамая узурпатором.

Для Мамая и для Дмитрия наступило время ответственных решений, ждать далее было нельзя.

Победа Тохтамыша над Мамаем, объединение под властью одного хана Заяицкой и Волжской Орды грозило большими осложнениями для русского дела. Мамаю, чтобы противостоять притязаниям Тохтамыша, надо было утихомирить Русь, обеспечить себе разгромом Москвы тыл и средства для предстоящей схватки с Тохтамышем, а быть может, и с Тимуром.

Приход Тохтамыша в Сыгнак вызвал в Заяицкой Орде перестановку сил. Иные ордынские князьки левобережья тянули к Тохтамышу, предпочитая подчиниться чингизиду, а не Мамаю, напротив, некоторые князьки подались к Мамаю. К нему явился со своей ордой царевич Араб-шах (в русских летописях Арапша). Мамай немедля направил его против нижегородских князей.

Разведка Дмитрия Ивановича донесла о походе Араб-шаха. Дмитрий Иванович вышел со своим войском навстречу и стал на реке Пьяне «в силе тяжцъ».

Но времена открытых нападений на Русь миновали. Араб-шах затаился в мордовских лесах и не подавал никаких признаков своего присутствия. Дмитрий Иванович с московскими воеводами ушел сторожить Москву, оставив часть сил под началом свояка Ивана Дмитриевича.

Нижегородские князья двинулись на поиски Араб-шаха, но в походе проявили неосторожность, попали в засаду и потерпели жестокое поражение. Князь Иван Дмитриевич погиб в этой битве. Араб-шах изгоном помчался на Нижний Новгород. Дмитрий Константинович, оставив город, отступил в Суздаль. Нижегородцы разбежались по лесам и уплыли вверх по Волге. Араб-шах ограбил Нижний Новгород, оттуда быстро прошел к Рязани, взял город. Олег рязанский едва спасся бегством. Он был изранен стрелами.

Междоусобица в Литве привела к расколу между

Ольгердовыми сыновьями. Один из его самых способных к военному делу сыновей, князь Андрей Ольгердович полоцкий, перешел на службу к Дмитрию Ивановичу и сел великокняжеским наместником в Пскове. Есть сведения, что он участвовал в битве на Воже.

Тишина на западной границе дала возможность московскому князю нанести зимой 1377/78 года ответный удар по мордовским князьям, союзникам Мамая на восточных окраинах Северо-Восточной Руси.

Решающее столкновение приближалось.

Мамаю надо было наступать на Русь, громить непокорный улус или, отказываясь от господства над Русью, искать с ней союза против Тохтамыша и Тимура на равных. Но к такому союзу Мамай склониться не мог. Слишком привычно было для ордынских владык господствующее положение на Русской земле, слишком удобно было выкачивать из русского народа средства. Не забудем и о чисто психологическом аспекте. Ни Мамай, ни его сторонники, ордынские князья, не могли поверить, что Русь обрела силы для отражения их нашествия.

Если бы Мамай правильно оценил силы Москвы, он сразу поднял бы в поход всю Орду. Инерция вчерашних представлений была слишком велика. Мамай решил, что достаточно наслать на Русь крупную рать, оставив часть сил в Орде для подавления сепаратистских устремлений ордынских князьков. Мамай послал в поход темника Бегича, а с ним еще пятерых темников.

На Московскую землю Бегичу вступить не пришлось. Дмитрий Иванович с пешими городовыми полками, с конными дружинами подручных князей и бояр стремительным броском вышел к нему навстречу.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Между разгромом Бегича на реке Воже и Куликовской битвой прошло лишь два года. С высоты сегодняшнего XX века, по прошествии шестисот лет, эти два события сливаются как бы воедино. Естественно, что Куликовская битва заслонила битву на Воже, и в литературе, да и в источниках она тоже оказалась обойденной вниманием. Между тем именно в битве на Воже мы найдем разгадку Куликовской победы.

Не на Оке, не по водному рубежу с опорой на крепости встретила Москва Бегичеву рать. Дмитрий Иванович смело, без тени сомнений в успехе, вышел за границы своего княжества, пошел в пределы владений Олега рязанского.

Патриотизм русских людей, твердая решимость сбросить ненавистное иго — все это, конечно, очень важно, но для выступления против многочисленного противника, отлично вооруженного, отлично подготов-

ленного к бою, нужно было иметь и соответственно подготовленное и обученное войско, превосходящее противника по своему вооружению, по своим тактическим приемам.

Дмитрий поставил свое войско на северном, левом берегу Вожи. Заметим, что до сих пор нет единого мнения, где именно произошла битва. Есть предположение, что московское войско встало, опершись левым флангом о берег Оки, правый фланг загородила от обхода петля реки Вожи. Археологические поиски пока не дали ощутимых результатов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть это предположение.

Летописи сообщают немаловажную деталь. Московское войско стояло в отдалении по крайней мере на версту или более от берега реки, как бы приглашая Орду беспрепятственно переправиться через нее и даже построиться в боевой порядок. Это было вызовом на бой. Похоже, князь Дмитрий и его воеводы опасались, что Орда не примет боя. (Заметим в скобках, этот мотив присутствует и в Куликовской битве!) Бегич остановился перед Вожей и стоял несколько дней, не решаясь вступить в бой.

Попытаемся вообразить, что смутило ордынского полководца, воина многоопытного и мужественного? Каким предстало перед ним войско Москвы?

Тактика повелевала Дмитрию в центре расположить пешие полки, способные сначала стрелковым оружием ослабить атаку Орды, а затем остановить ее конную лаву длинными копьями. Тактика же встречного боя диктовала необходимость поставить на флангах пеших полков конные дружины. К сожалению, мы не знаем, какое именно место на Воже было выбрано Дмитрием для битвы, поэтому трудно рассчитать расстановку сил: какое пространство занимали пешие полки, какое пространство отведено было под конницу. Быть может, полки правой и левой руки целиком были конными, быть может, частично и пешими.

Но не конницы же испугался Бегич. На противоположном берегу Вожи, в отдалении от реки, неколебимо стоял строй пеших воинов, как бы приглашая незваных гостей испытать прочность гибельных копий. Наконечники длинных копий сверкали на солнце, будто застывшее стальное облако над непроницаемой стальной стеной. Пешие воины неуязвимы для стрел, если облачены в кольчуги, прикрыты железными щитами, а на головах шлемы с опущенными прилбицами из той же стальной вязи, что и кольчуга. Старый, искушенный во многих битвах воин и темник понимал, что этот пеший строй, эта стальная стена в поле страшнее городского острога. Острог можно сжечь, можно разбить стенобитными орудиями. На земляные валы лошадь идет вскачь, на склоненные копья лошадь не прыгнет.

Можно было бы, конечно, переправить на тот берег стенобитные орудия, но у русских в рядах скрыты большие арбалеты, пущенные с них тяжелые стрелы собьют стенобитные орудия. Не осадой же брать подвижную стальную стену. Бегич знал, что пешую фалангу надо атаковать пешим строем, но его воины пешему бою не были обучены.

Бегич был первым из высших ордынских владык, кто в начале августа 1378 года мог понять, что владычеству Орды над Русью приходит конец. Понять и оценить мог, но примириться с этим было не в его силах. Не примирилось бы с этой мыслью и его войско. Неумолимо действовала на незваных гостей инерция вековой безнаказанности.

11 августа Бегич решился ударить всей своей конной силой на пешую рать. И ударил. Ордынцы беспрепятственно переправились через Вожу и конной лавой, сотня за сотней, тысяча за тысячей, развертывая все пять туменов, помчались на русские полки.

Летописи умалчивают, что произошло, когда ордынская конница натолкнулась на русский пеший строй. Они скромно сообщают, что московское войско опрокинуло атаку, сбросило ордынские тумены в реку, уничтожив всю Бегичеву рать, что на поле брани остались и Бегич, и все пять темников, отметив лишь двух павших с русской стороны: белозерского князя Дмитрия Монастырева и рязанского боярина Назара Кучакова. Эти два имени были занесены Дмитрием в поминовение во время церковных служб...

На другое утро над Вожей встал плотный туман. Только к полудню русские перешли через Вожу. Ордынцев и след простыл. Остатки Бегичевой рати бежали, оставив весь обоз.

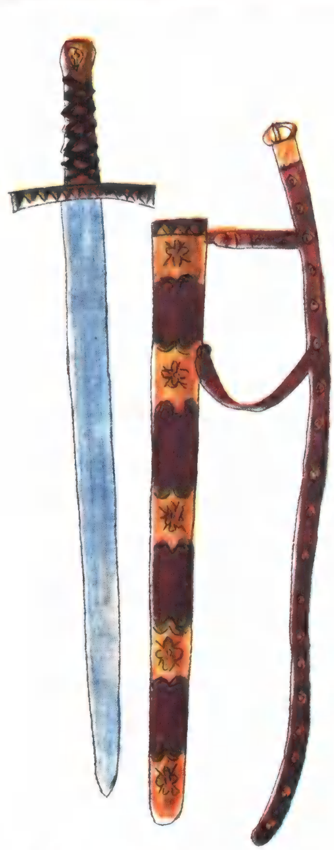
Карл Маркс заметил, что битва на Воже была первым правильным сражением, выигранным у Орды.

Замечание точное. Только отлично обученное войско, только отлично вооруженное могло провести сражение в таком темпе, с таким поразительным для средневековья успехом.

Трудно предположить, что московское войско численно превосходило Бегичеву рать. Ордынские полководцы, следуя заветам Чингисхана, никогда не вступали в бой с численно превосходящим противником. Стало быть, преимущество московского войска было качественным, на стороне Москвы было явное тактическое превосходство.

Мамай, получив известие о разгроме Бегичевой рати, собрал все тумены, что случились под рукой, и помчал изгоном в набег. Он сжег Переяславль-Рязанский, князь Олег едва успел с дружиной ускакать за Оку под защиту московских копий. Мамай дошел до Оки.

Источники не сообщают, что его остановило на гра-

Меч и ножны русского воина. Реконструкция М. Горелика.

нице Московского княжества. Очевидно, мы вправе сделать вывод: увидев на другом берегу реки, под Коломной или под Серпуховом, новой крепостью на Оке, московское войско, Мамай понял, что теперь на Русь надо поднимать всю Орду...

Можно было ожидать нашествия всей Орды на Русь весной или летом 1379 года. Москва держала войска, собранные в кулак. Дмитрий Иванович загородил Оку. Но Орда в 1379 году в поход на Русь не двинулась. Урок на Воже был принят. Мамай начал собирать силы, которые могли бы численным превосходством подавить Русь.

К 1379 году оставалось немало нерешенных проблем в Орде. В новую фазу вступала борьба за власть: если ранее Мамай прикрывался ханами-марионетками, то теперь он сделал ставку на провозглашение себя ханом, по русским летописям «царем царей». Последний хан, именем которого правил Мамай, был как будто бы Тулугбек. Во всяком случае, из его рук был получен последний ярлык русскому митрополиту. С 1379 года и его имя начисто исчезает из источников.

До сих пор исследователи обстановки в Орде в предкуликовский период не пришли к окончательному выводу, провозгласил ли себя Мамай ханом или так и не решился нарушить традицию, по которой ханом мог быть только прямой потомок Чингисхана. В какой-то мере основанием для предположения, что Мамай все же решился на захват ханского престола, может служить лишь указание в Никоновской летописи: «И не к тому уже нарицашеся князь Мамай, но от всех сущих его нарицашеся великий царь Мамай».

Это сообщение косвенно подтверждается в Новгородской IV летописи, где содержится насмешка над его притязанием называться царем.

Назвался ли Мамай ханом или нет, но именно 1379—1380 годы могут считаться апогеем его могущества. Все правобережье Волги, Донские степи, Предкавказье и Крым целиком находились под рукой Мамая. Со столь огромной территории ордынских кочевий он мог собрать значительное по численности войско, отлично подготовленное к конному бою. Однако рассчитывать только на перевес в коннице Мамай после битвы на Воже не мог. Источники единогласно указывают, что, собрав под свой бунчук Орду, народности Предкавказья, хорезмских тяжеловооруженных всадников, Мамай нанял генуэзскую пехоту (в летописях — фрягов).

Это не в меньшей степени, чем описание сходящихся пеших фаланг в «Сказании о Мамаевом побоище», показывает, что сила Москвы заключалась в пеших полках. Генуэзская пехота нужна была Мамаю для пешего боя, значительно увеличить численность войска наемники не могли.

Что же собой являла генуэзская пехота в XIV столетии?

Вспомним, что европейские хроники указывают на генуэзских арбалетчиков в рядах французских рыцарей в битве при Куртрэ. Генуэзские арбалетчики понадобились и Мамаю против русских стрелков, вооруженных арбалетами. В генуэзскую пехоту в конце XIV столетия входили и копейщики, вооруженные длинными копьями. Вот откуда и в Орде пеший строй в кульминационный момент Куликовской битвы.

Пока собиралось войско, Мамай вел дипломатическую подготовку похода. Он озаботился, чтобы расколоть Русь. Именно к 1379 году относится странная история с Иваном Вельяминовым, уже известным нам перебежчиком из Москвы к Михаилу тверскому.

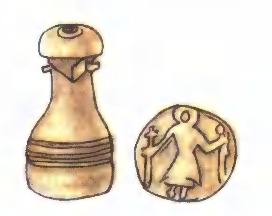
Мамай отправил Ивана Вельяминова на Русь с тайной миссией, содержание которой источники до нас не донесли. Можно предположить, что он шел послом к Михаилу тверскому призвать его к выступлению против Москвы. Однако это вызывает сомнение. Если бы Михаил имел силы выступить против Москвы, ему не нужны были бы послы от Мамая. Скорее Иван Вельяминов был направлен Мамаем к Владимиру Андреевичу, князю серпуховскому, чтобы внести раскол в братский союз московских князей. На эту мысль наводит то обстоятельство, что посол Мамая был схвачен в районе Серпухова.

Но Мамай не ограничился этой интригой. Наибольшие надежды он возлагал на вражду литовского князя Ягайла к Москве и на затруднительное положение Олега рязанского.

Соперничество за сосредоточение русских земель между Великим Литовско-Русским княжеством и Москвой со смертью Ольгерда не прекратилось. Литовский дом Гедиминовичей еще долго спорил с родом Ивана Калиты за первенство в русских княжествах, но именно накануне Куликовской битвы для Дмитрия Ивановича сложилась благоприятная обстановка. Ягайло был ослаблен борьбой с братьями за отцовское наследство. Однако соглашение с Мамаем о совместном выступлении против Москвы было достигнуто. Активно велись переговоры Мамая и с Олегом рязанским.

Вопрос о позиции рязанского князя Олега накануне Куликовской битвы оказался весьма запутанным. Летописи, как и памятники Куликовского цикла, склонны обвинять его в отходе от общерусского дела. Есть, однако, некоторые основания считать, что литераторы-публицисты того времени несколько сгустили краски. «Геополитическое» положение этого княжества на литовско-московско-ордынском пограничье было настолько сложным и ответственным, что князь Олег не мог открыто выступать против Орды, не мог и заклю-

Костяная печать и оттиск с нее. Рязань. XIII век.

чить явный союз с Москвой. Рязанский князь, видимо, вынужден был занимать позицию нейтралитета в намечавшемся ордыно-московском конфликте, но нейтралитета с элементами дружественного расположения к московскому княжескому дому, к задаче ослабления власти Орды над русскими землями.

Прежде всего следует заметить, что слово «измена» здесь вообще неприменимо. Олег рязанский по статусу русских земель того времени был суверенным государем независимого от Москвы государства. Как суверенный государь, он прежде всего должен был заботиться о благополучии и безопасности своего государства.

Вместе с тем Олега рязанского мы меньше, чем кого-либо другого из русских князей, можем заподозрить в симпатиях к Орде. На протяжении XIV столетия Рязанская земля чаще всего страдала от ордынского соседства, от ордынских нашествий и грабительских набегов.

Вспомним обстановку, что сложилась накануне Батыева нашествия. Великий владимирский князь Юрий Всеволодович не решился вывести свои войска в рязанское предполье и тем самым оставил Рязань один на один со всеми силами Батыя.

Как же быть Олегу рязанскому, если Дмитрий Иванович решил бы встречать Мамаево нашествие на Оке, за спиной Рязани? И князю, и каждому рязанцу известно, что первый удар Орды придется по Рязанской земле: будут сожжены дотла ее города и селения, расхищены хлеба, уничтожены или угнаны в полон жители. Уйти? Куда? В лесах не укрыться. Уйти на Московскую землю, бросить нажитое, родные места? А принесет ли это спасение?

Ни у одного рязанца не могло быть уверенности, что Москва устоит под ударом Орды. Поднять всю землю в отступ невозможно. Увести дружину за Оку к Москве? Да кто бы выпустил ее с Рязанской земли, уцелел бы Олег, не пал бы он от руки дружинников за предательство?

Только при одном условии Олег мог не выступать на стороне Мамая против Москвы: если бы московское войско встретило ордынское нашествие за пределами Рязанской земли.

Орда еще не тронулась, Мамай собирает несметное войско, Дмитрий Иванович сидит в Москве и тоже не трогается в поход. Идет подготовка к схватке. Мог ли Олег рязанский в этом предгрозовом затишье открыть свои симпатии к Москве и отказать Мамаю в союзе с Ордой?

Всего лишь двумя-тремя туменами Мамай мог нанести упреждающий удар и разорить Рязанскую землю быстрым набегом. В этой обстановке у Олега Рязанско-

го была только одна возможность: вести тонкую дипломатическую игру с Ордой в ожидании, как будут развиваться события.

Мамай понуждал Олега на союз с Ягайлом. Это было на руку Олегу и... Дмитрию Ивановичу. Олег не случайно обусловил, что выступит против Москвы только после соединения рязанского и литовского войск.

Именно на это условие их сговора следует обратить особое внимание. В чем смысл такого условия?

Союз Ягайла и Олега предполагал, что после соединения их войска вливаются в ряды ордынцев и идут через Оку на Москву. Олег явно лукавил, зная заранее, что Москва встретит Орду за южными пределами Рязанского княжества. Не свидетельствует ли это странное условие в сговоре Ягайла с Олегом, что существовало другое тайное соглашение: между Олегом и Дмитрием?

Олег не мог не знать, что всякий союз с Ордой ненадежен. Мамай использовал бы рязанское войско в битве с Москвой, но, победив, разграбил бы и Рязань. Для Олега единственным спасением было тайное соглашение с Дмитрием, по которому рязанский князь оставался бы нейтрален, если московское войско заслонит Рязанскую землю.

Нейтралитет — это уже некоторая помощь Москве. Но нейтралитет превращался в значительную помощь, если бы рязанское войско уклонилось от соединения с Ягайлом. Даже если бы в таком тайном союзе не было предусмотрено выступление рязанцев против Ягайла, одно их устранение могло остановить князя литовско-русского от выхода на поле боя. Как же Ягайло должен был в критический момент расценить нарушение договора?

Мы знаем, что Олег рязанский не соединился с Ягайлом. Во время Куликовской битвы Ягайло находился от Вильно неизмеримо дальше, чем Олег от Рязани. Ягайло проделал длинный поход, чтобы выйти к Одоеву, а Олег для этого не пожелал сделать двухдневный переход. Ягайло правильно все понял, он увидел, что обманут, и поспешил уйти прочь.

Естественно, что для полной ясности в определении позиции Олега очень хотелось бы иметь известие, что за спиной московского войска, оберегая его, рязанцы ударили на литовцев. Но военная наука имеет свои законы. В иных случаях столкновение, битва менее опасны, чем нависающая возможность нападения. Ягайло был достаточно силен, чтобы отразить удар рязанцев, но, поскольку рязанское войско стояло вдалеке, он не мог оценить его возможностей и не решился двинуться на московское войско, не ведая, чем грозит ему Олег.

Но все это произошло позже. В 1379 году ничто не

могло подсказать Мамаю, что Олег ведет с ним двойную игру. В летописях мы найдем упоминание, что Олег постоянно сообщал Дмитрию о планах и передвижениях Мамая.

Итак, Мамай сколачивал союз против Москвы.

Дмитрий Иванович принимал свои меры.

Намечая уже в 1379 году поход навстречу Мамаю за пределы Рязанской земли, Дмитрий Иванович заботился о своих флангах. Левый фланг движения московского войска со стороны Наручатской (Мордовия), со стороны Нижнего Новгорода, контролировался его тестем Дмитрием Константиновичем суздальским.

Зная от Олега рязанского о том, что Ягайло готовится присоединиться к Мамаю, Дмитрий Иванович в зиму 1379/80 года послал в поход на литовские окраины Дмитрия Боброка-Волынского. Это не было походом на сокрушение Литовского княжества, его цель — создать благоприятные условия для перехода на сторону Москвы князя стародубского и трубчевского Дмитрия Ольгердовича. Дмитрий Ольгердович со всем своим семейством перешел на службу к Дмитрию Ивановичу.

К весне 1380 года дипломатическая, экономическая и военная подготовка обеих сторон была завершена. При этом следует заметить, что Москва еще могла выжидать, время работало на нее, для Мамая 1380 год должен был стать решающим.

Тохтамыш утвердился на левом берегу Волги, однако, как и в первый свой приезд в Сарай в 1376 году, Тохтамыш не чувствовал себя способным одержать победу над Мамаем в открытом бою. Он, видимо, осторожно выжидал результата намечавшегося столкновения Мамая с вооруженными силами Дмитрия Ивановича московского. Исход этого столкновения должен был определить дальнейшую линию поведения пришельца из среднеазиатской Орды. Кроме того, следует иметь в виду, что тогда испортились отношения между Тохтамышем и его могущественным покровителем Тимуром. Тимур увидел, что Тохтамыш не торопится выразить ему покорность. И выжидал, когда один владыка Джучиева улуса поглотит другого.

Расстановка сил на огромных просторах Восточной Европы, в Поволжье и в Средней Азии слагалась вне зависимости от Дмитрия Ивановича и его ближайшего окружения. Заслуга московского князя в том, что он сумел оценить все выгоды момента и смело воспользовался благоприятными обстоятельствами, не помедлив, не потеряв времени на колебания.

О том, что наступил год давно ожидаемого столкновения, стало ясно с весны. Как только сошел снег, ко-

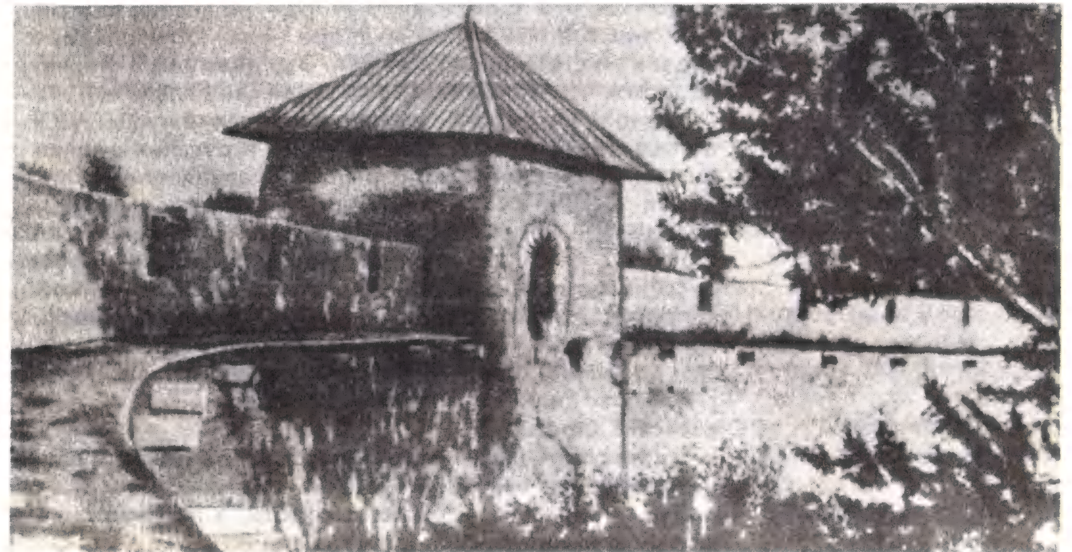
Феофан Грек.
Инициалы В, В, Р, В, В, Р.
Евангелие Федора
Андреевича Кошки.

чевья Орды начали сдвигаться к Дону. Определилось и место, к которому они собирались: на реке Воронеж при ее впадении в Дон.

Летописцы не сообщают, откуда они черпали сведения о том, что происходило в Орде, но всякие внутренние события при ханском дворе незамедлительно попадали на страницы летописей. Это дает нам основание полагать, что Москва имела в Орде свои глаза и уши.

Сквозь Орду по Волге ходили русские купцы, в Орде было немало христиан, имелись и русские церкви с русскими священниками, и православная епископия в Сарае. Известно, что многие жены ханов и эмиров исповедовали христианство, в Орде жили русские рабы и русские ремесленники, навещали ордынские кочевья русские монахи. Все эти люди, кто из приверженности к православной вере, кто из ненависти к ордынским владыкам, кто из желания помочь московскому князю одолеть Орду и сбросить ее иго, разными путями доводили до Москвы сведения о том, что делается в Орде.

С той поры как ислам начал теснить Византийскую империю, вся ее разветвленная агентура доносила об ордынских делах в Константинополь, а патриарх извещал о них митрополита в Москве.

Воротная башня крепости Орешек. XIV век. Реконструкция.

Малая башня Порховской крепости. Конец XIV века.

Прежде чем тронулся лед на Волге, в Москве знали о расстановке сил в Орде, обо всем, что касалось взаимоотношений и соперничества между Мамаем, Тохтамышем и Тимуром.

Когда тронулся лед на Волге, очистились степи от снега и кочевья двинулись к Дону, отправились в путь по рекам и русские воины, которых Дмитрий собирал для решающей битвы с Ордой. К Москве по рекам плыли лодки, струги и ушкуи с дружинами из далеких княжеств, плыли городовые полки с озера Кубенского, из Устюжны, из Белоозера, из Ярославля, из Костромы.

Наивно было бы полагать, что клич к ополчению был кликнут князем лишь после того, как пришло в Москву известие с пригpаничной с Ордой стороны о сборе Мамаева войска под Воронежем. По дальним городам и весям не успели бы разнести сигнал о сборе ополчения.

Здесь нет нужды перечислять имена всех князей и бояр, чьи дружины явились на зов Дмитрия Ивановича. Каждое имя рассмотрено в историографии, взвешены реалии участия каждого в битве. Но вместе с тем обнаружилось, что много позже были и подтасовки. Многим видным политическим и церковным деятелям послекуликовской поры хотелось видеть себя активными участниками сражения на Дону в 1380 году. Важнее здесь отметить другое: кто из князей и какие города не выставили своих войск на Куликово поле?

Этот список короток, но очень важен, чтобы еще раз оценить чисто военный аспект Куликовской битвы.

Не послали своих войск: князь Михаил тверской, Смоленское княжество, Олег рязанский и Новгород. Обычно это трактуется как нежелание Михаила поддержать своего соперника, враждой смоленских князей к Москве, изменой Олега рязанского и желанием новгородской боярской олигархии остаться нейтральной.

О позиции Олега рязанского сказано достаточно. Добавим, что его дружина важнее была в тылу московского войска как противовес Ягайлу, чем в рядах обученного взаимодействию профессионального войска Москвы.

Если бы Дмитрий Иванович рассчитывал только на количество воинов, может, и появились бы в боевых рядах и смоляне, и тверичане, и рязанцы, и новгородцы. Но он делал ставку на победу не численным перевесом, а боевым искусством. Дружины и городовые полки, не приученные к взаимодействию с основными его полками, к действию на поле боя в строю, как одна рука, ему просто-напросто были не нужны.

Мы имеем возможность более или менее точно обозначить костяк московского войска, его главные городовые полки пеших воинов. Это московский, переяс-

лавский, коломенский, белоозерский, устюжский, костромской, ярославский, угличский, дмитровский.

Собиралась вся эта рать, конечно же, не наскоро. Местом сбора была назначена Коломна, в Москву сходились подручные князья и их конные дружины.

Начали поступать известия о передвижении Мамая от Олега рязанского. Московские летописцы, его недоброжелатели, не могли утаить этого факта. Мало того, они сообщают, что, передавая Дмитрию известия о передвижении Мамаевых войск, Олег в то же время уверял Мамая, что Дмитрий от страха перед Ордой убежит в северные леса. Это, как сказали бы теперь, дезинформация противника, но никак не верная служба союзнику и даже сюзерену.

Между тем прояснялось, что Мамай намечает вторжение на конец лета. Летописи говорят, что он не велел в Орде сеять хлеб, а велел снимать урожай на Руси.

На 15 августа Дмитрий Иванович назначил сбор всех полков в Коломне. Мамай в то время разбил свой стан на реке Красивая Меча.

В исторических очерках о Куликовской битве можно встретить в изложении хода событий некоторые несообразности. Так, на основании летописных известий принимается как нечто само собой разумеющееся, что Олег рязанский убедил Мамая в отступлении Дмитрия Ивановича на север. Мамай-де не знал о готовящемся ему отпоре всеми русскими силами.

Но это наивное положение. Русь располагала широкой информацией из Орды, Орда имела свои глаза и уши на Руси. Как Дмитрий не мог не знать о приготовлениях Мамая, так и Мамай не мог не разведать о сборе русских войск под Коломной.

Известно, что летом Мамай направил послов в Москву к Дмитрию с требованием восстановить выплату «ордынского выхода» (дани) в тех же размерах, которые были установлены при первых ханах.

С ответным посольством Дмитрий Иванович отправил в ставку к Мамаю боярина Тютчева. В некоторых исторических работах утвердилось мнение, что этим посольством Дмитрий пытался предотвратить нашествие Орды. Что будто бы Тютчев поехал к Мамаю с предложением снизить дань. Как бы мог Мамай согласиться с этим, собрав огромное войско? Так что мнение это ни на чем не основано. Дмитрий шел к решающей схватке с Ордой двадцать лет, и во все эти двадцать лет не было более благоприятного момента для удара по вековому врагу.

Посольство Тютчева имело, конечно же, значение политической демонстрации, но перед ним стояли и разведывательные задачи. Вряд ли посол мог оценить численность Мамаева войска, от него требовалось установить, не отменит ли Мамай вторжения, не уйдет

ли от встречи с русским войском в степи, где пешим полкам не угнаться за конной Ордой?

Не случайно вслед за Тютчевым был тут же отправлен сторожевой отряд Василия Тупика (70 человек). В его задачу входило взять «языка», уточнить численность Мамаева войска и следить за его передвижениями.

И Тютчев, и «язык», взятый Василием Тупиком, подтвердили, что Мамай не остановит нашествия.

Дмитрий Иванович двинул войска, сосредоточенные в Москве, на соединение с полками, которые уже стояли в Коломне.

В это время из Пскова шла рать Андрея Ольгердовича. Это был глубоко продуманный фланговый марш в защиту Москвы и главных сил от внезапного нападения Ягайла. Ягайло тоже двинулся в поход на соединение с Олегом рязанским и Мамаем. В Боровске стоял со своей дружиной князь Владимир Андреевич, сторожил Ягайла. Литовскому войску пришлось двигаться параллельным маршем с дружинами Андрея Ольгердовича и Владимира Андреевича далеким обходным путем, чтобы выйти на верховья Оки, а оттуда к Одоеву.

В Коломне были уряжены полки, произведен смотр войску. Летописцы отмечают, что такой огромной силы давно не видела Русская земля.

Куликово поле теперь. Фото Ю. Кавера.

Здесь следует остановиться еще на одном соображении касательно московско-рязанских отношений. От Коломны до Рязани для пеших полков два перехода, для конных — один. Если бы Дмитрий Иванович опасался измены Олега рязанского, что его остановило бы изгоном ударить на Переяславль и сокрушить одного из союзников Мамая? Полководцы не только XIV столетия, но и глубокой древности знали, что разъединенного противника выгоднее бить по частям.

Московское войско не только не двинулось на разгром Рязани, но Дмитрий Иванович повел его в обход Рязанской земли, крепко наказав не обидеть ни одного рязанца: в священный час для Руси не должен русский проливать русскую кровь... Оберегал Олега как своего тайного союзника.

Из Коломны войско двинулось вверх по течению Оки к Лопасне. Владимир Андреевич присоединился к Дмитрию со своими силами у Лопасни. Началась переправа через Оку во исполнение стратегического замысла выйти навстречу Мамаю за пределами Рязанского княжества.

Андрей Ольгердович переходил Оку где-то выше, оттесняя Ягайла далеко за Калугу. Этот теперь для нас переезд через Оку под Коломной или под Серпуховом не знаменует даже переезда из Московской области. В те далекие времена за Коломной шла узкой полосой, захватывая Зарайск, Рязанская земля, а за Окой под Лопасней начиналась как бы ничейная земля: и не ордынские кочевья, и не русские поселения. Дикое поле, где хозяйничали ордынские разбойничьи шайки.

Московское войско двигалось в тишине, выставив впереди сторожу, в русском походном порядке: впереди сторожевой полк, за ним передовой полк, далее полк правой руки, затем большой полк, полк левой руки и засадный полк.

30 августа завершилась переправа через Оку, 4 сентября московское войско остановилось в урочище Березуй, неподалеку от Дона. Здесь к нему присоединились дружины Андрея и Дмитрия Ольгердовичей.

6 сентября все войско под водительством Дмитрия Ивановича подошло к Дону. Собрался военный совет из князей и воевод. Сторóжа доносила, что Мамай сошел с Красивой Мечи и медленно, высылая вперед дозорных, движется к переправам через Дон при впадении в него Непрядвы. Ягайло остановился под Одоевом в двух днях пути и ждал Олега рязанского. Войско Олега рязанского стояло под своим стольным городом Переяславлем-Рязанским.

Дмитрий Иванович дал возможность выговориться подручным князьям и воеводам, хотя, как мы имеем основание полагать, заранее уже наметил, где быть сражению с Ордой, где встретить Мамая.

Летописцы, по-видимому, не очень сведущие в военном деле, довольно глухо донесли до нас некоторые соображения участников похода. Будто бы некоторые князья и воеводы предлагали ждать Мамая на левом берегу Дона, за водной преградой. Дон-де должен был стать препятствием Орде своими переправами и чтобы оставалась возможность отступления в случае неудачи в битве.

Нам представляется, что не в ожидании неудачи Дмитрий Иванович вышел встретить Мамая за Оку к Дону. При малейших сомнениях в своих силах это было бы авантюрой, но князь был совершенно лишен авантюризма в своих действиях. Законы военного искусства как раз диктовали необходимость перейти через Дон. Левый берег, сухой и открытый, с его большими просторами был удобен для фланговых обходов ордынской конницы и неудобен для действий пешей рати. Вместе с тем на другом берегу Дона лежало Куликово поле, как бы природой предназначенное для встречи Орды с ее превосходящим по численности войском.

Битва Челюбея с Пересветом. Картина В. Васнецова.

Однако, прежде чем оценить значение местности в Куликовской битве, мы должны представить, каким было Куликово поле в XIV столетии. Для этого надобно отрешиться от нынешних географических представлений. Еще стояли по берегам Дона густые дубравы. Там, где ныне необозримые поля, темнели непроходимые

леса. Дон, который у впадении Непрядвы теперь можно перейти вброд, был полноводен и глубок. Сейчас Непрядву можно перепрыгнуть с разбега и перейти, не замочив колен, а она была судоходной. Ныне только весенний паводок укажет, где в давние времена пролегали русла рек Смолки, Нижнего, Среднего и Верхнего Дубиков, притоков Непрядвы.

На всем пространстве между Непрядвой и Доном мы не встретим ни одного болота. Между тем, как это установил сто лет назад известный тульский краевед Афремов, на заболоченных берегах Курцы, Смолки, Дубиков и Непрядвы еще в XVIII веке тонул всадник с лошадью. Да и само название поля — Куликово, не содержит ли указание, что было оно обширным болотом?

Мы знаем, что между Смолкой и Доном простиралась дубрава, где укрылся засадный полк.

Итак, кругом леса и болота, и только по водоразделу между Смолкой и Нижним Дубиком, на высокой гряде, было сухо.

По гряде между заболоченным верховьем Смолки и верховьем Нижнего Дубика всего лишь четыре километра. Это как бы горловина воронки. Далее, к Красному холму, притоки Дона и Непрядвы расступались. Между истоками Курцы и Нижнего Дубика поле раздвигалось до 6—8 километров. Это была как бы верхняя часть воронки.

Дмитрий, конечно, знал географию Куликова поля и вышел на него не случайно, а по давно взлелеянному замыслу. Это подтверждается и тем, что от Оки до Куликова поля нигде не сыщется столь же выгодной позиции для московского войска. Отголоски этой заранее спланированной встречи на Куликовом поле мы найдем и в «Сказании о Мамаевом побоище», где приводятся слова Дмитрия Ивановича на военном совете: «Братья и любезные друзии, веждте, яко не приидох зде Ольга смотрети, ни реки Дона стресчи, но или землю Рускую от пленения и разорения избавлю, или голову мою за всех положу, честная бо смерть есть лучши злаго живота. Лучши было не ити противу безбожных татар. Приидем убо ныне в сей день за Дон всеми и тамо или победим и вся от гибели сохраним, или положим главы своя вси за святыя церкви и за православную веру, и за братию нашу христианство».

Ни «зде Ольга смотрети, ни реки Дона стресчи...». Сомнительно, чтобы автор сказания привел дословно речь Дмитрия, но смысл ее должен был дойти до автора и сохраниться в его переводе. А смысл здесь ясный: все заранее продумано и предусмотрено. При решении вопроса о переправе через Дон надо полагать, что не тактические вопросы волновали Дмитрия, ибо он знал, где поставить войско, оставался под сомнением вопрос стратегический. Свежо было воспоминание о

колебаниях Бегича на Воже. Дмитрий с уважением относился к противникам, не принижая ни их ума, ни их военного искусства. Он опасался, что Мамай, полководец искусный и многоопытный, увидев московское войско на высокой гряде между Смолкой и Нижним Дубиком, поступит более разумно, чем Бегич, и повернет назад, как это уже было на Оке после битвы на Воже.

Отступление ордынцев было чревато осложнениями для Дмитрия Ивановича, но Мамаю грозило катастрофой: его бы авторитет в Орде упал, начались бы переходы его сторонников к Тохтамышу и власть Мамая растаяла бы.

Сторóжа донесла, что Мамай со всей ратью стронулся с Красивой Мечи и движется к Куликову полю.

Дмитрий Иванович назначил переправу московскому войску на 7 сентября. Переправились и встали на водоразделе между Смолкой и Нижним Дубиком к ночи с 7 на 8 сентября.

Князь и его воеводы сами выехали на разведку на Красный холм. В тишине, что царила над Доном и его притоками, был слышен далекий шум: то надвигалось войско Мамая, и уже схватывались отряды сторожи с дозорными Орды.

Русское войско было расставлено, над ним стояла тишина, воины, переодевшись во все чистое и облачившись в доспехи, молились. Орда накатывалась к берегу Непрядвы, не зная, что ее ждет...

Все источники единодушно сообщают, что утром 8 сентября над Куликовым полем стоял густой, непроницаемый туман, который рассеялся только к двенадцатому часу.

Ничто, никакая дезинформация, никакой туман не могли скрыть от Мамая, что в нескольких верстах впереди его ждет русское войско. Десятки и сотни ордынских дозорных уже натолкнулись на русские полки. Мамай вынужден был ночью сводить Орду в боевой порядок. Потому всю ночь и доносился до русского стана шум из-за Красного холма. Местом для своей ставки Мамай избрал Красный холм. Между Красным холмом и водоразделом между Смолкой и Нижним Дубиком пролегает просторная низина.

В иных исследованиях, непонятно почему, Красный холм назван господствующей возвышенностью. Так произошло скорее всего потому, что авторы этих исследований либо вообще не бывали на Куликовом поле, либо ограничили свое посещение осмотром памятника, почему-то сооруженного именно на Красном холме. Те, что приходили на Красный холм, впадали в оптический обман.

Действительно, человеку, находящемуся на Красном холме, может показаться, что он стоит на самой высокой точке в окрестности. Но достаточно перейти че-

рез низину на гряду водораздела, как станет ясно, что Красный холм ниже гряды, на которой размещалось русское войско. Мы не исключаем, что Дмитрий Иванович знал, что занял господствующую высоту. Быть может, это входило в его тактические расчеты.

Когда начал рассеиваться туман, Мамаю и его темникам, находившимся на Красном холме, русское войско открылось ранее, чем его войскам в долине, и оставалось время задуматься, начинать ли битву?

Вся гряда за низиной сверкала сталью. Русская рать была закована в сталь, загорожена червлеными щитами, над ней высился частокол гибельных копий. С Красного холма невозможно было разглядеть глубину русского строя, глубину его пеших полков, а стало быть, и нельзя было взвесить, опрокинет ли эти ряды конная атака.

Время для раздумья, начинать ли битву при столь невыгодной позиции для конной атаки, у Мамая было, но не так-то много, а к тому же его подгоняло нетерпение ордынских воинов наказать русских за непокорность. Ордынское войско шло в наступательный поход, оно двигалось на Русь, и это движение, приостановленное ночью и туманом, сейчас же в силу инерции возобновилось, как только начал рассеиваться туман. У Мамая еще оставалась возможность задержать битву, но этой возможности его лишил Дмитрий, введя в бой сторожевой полк, в ряды которого встал как рядовой воин.

«Сказание о Мамаевом побоище» и летописные известия указывают в спокойной повествовательной манере, что битву начинал сторожевой полк и передовые отряды Мамая, ну а мы обязаны задуматься над тем, в чем смысл выхода вперед сторожевого полка, откуда возникла легенда о поединке Пересвета и Челюбея?

С точки зрения тактики, избранной Дмитрием, столкновение конного сторожевого полка с авангардом Орды — действие совершенно ненужное. Однако вспомним, что за спиной русского войска где-то уже неподалеку был Ягайло! Всякая оттяжка битвы могла оказаться на руку Мамаю. Вот в чем причина того, что Дмитрий выдвинул вперед конный сторожевой полк. Втянуть в сражение Мамая — вот в чем состояла уже не тактическая, а стратегическая задача. Авангард Орды принял вызов. Это была богатырская разминка, проба сил и обычное для ордынцев желание, разгорячив противника, заманить его в засаду. Отсюда и вызов Челюбея, который был принят Пересветом.

Битва началась, остановить ее Мамай уже был не в силах...

Чтобы понять, как разворачивалась битва, нам необходимо попытаться восстановить по летописным известиям и по тексту «Сказания», каким образом было размещено русское войско.

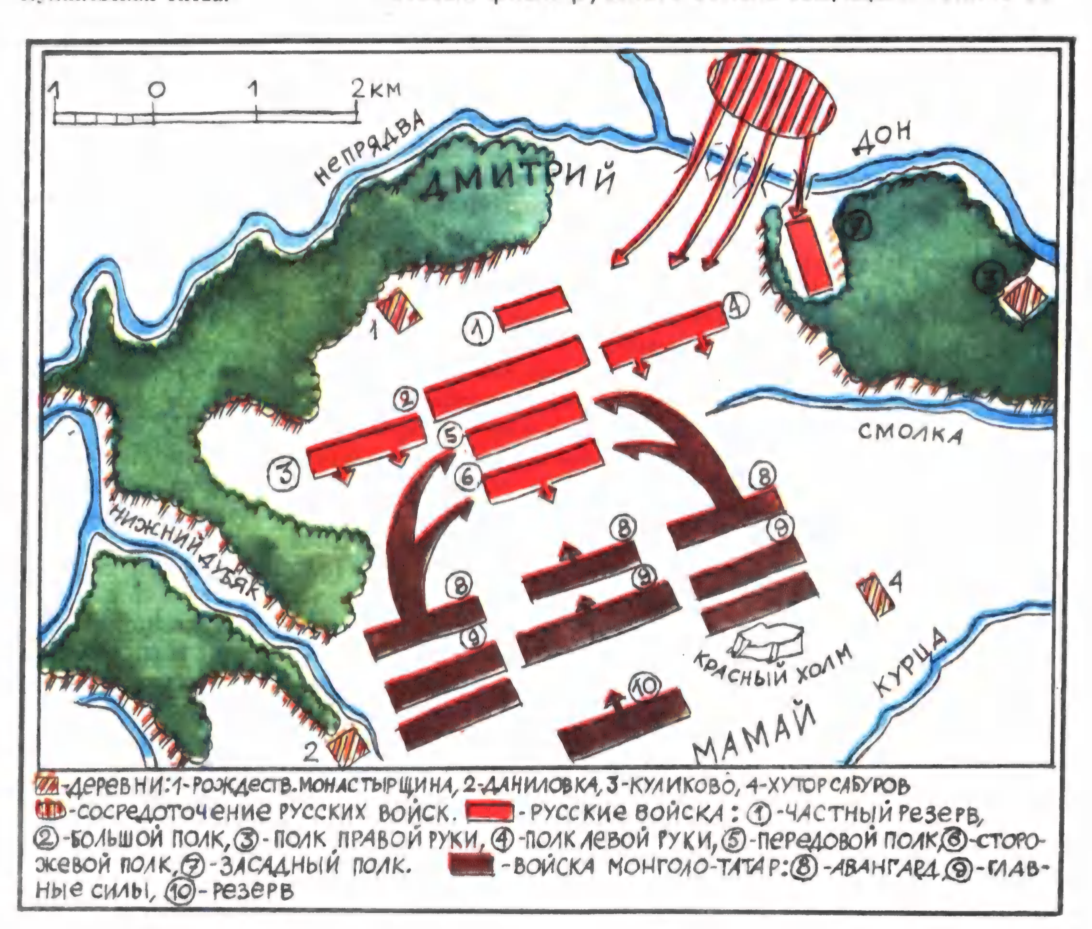
На высоте водораздела тесным строем встала пешая рать — большой полк, в который были сведены все городовые полки.

Его правый фланг был надежно защищен болотистыми берегами Непрядвы и Нижнего Дубика. Дабы эту защиту усилить, чтобы правый фланг вообще не вызывал опасений во время битвы, его заслонили тяжеловооруженной конницей, псковскими и полоцкими конными дружинами. Закованные в доспехи всадники на конях в броне не годились для боя в поле, но сбить их тесно сомкнутые ряды легкой коннице было не дано. Мы имеем подтверждение этому в некоторых строчках сказания. Конный полк правой руки в ходе боя неоднократно отбрасывал атакующих ордынцев, но в преследование не переходил.

Главные события должны были развернуться на левом фланге. Дмитрию Ивановичу и его воеводам, конечно же, было известно, что правое крыло Орды было крылом атаки.

Левый фланг русского войска защищали топкие бе-

Куликовская битва.

рега Смолки. За левым флангом Дмитрий Иванович расположил засадный полк и резерв пеших воинов.

Обычно ход битвы излагается таким образом. Когда не удалась фронтальная атака, Мамай, усилив правое крыло атаки, послал его против полка левой руки. Полк левой руки не выдержал массированного удара, начал отступать и оторвался от большого полка. Прорыв попытался ликвидировать резерв, но ордынцы проскочили в тыл большому полку и подрубили великокняжеское знамя. В прорыв втянулись значительные ордынские силы. В этот момент навстречу ордынцам, действовавшим в тылу большого полка, ударил Дмитрий Ольгердович во главе кованой рати, и Дмитрий Волынский ввел в бой засадный полк. Начался разгром Орды.

Ход дела, по-видимому, таким и был, но это только внешнее его очертание. Не стоило идти навстречу Орде на Дон, чтобы исходом одного сражения подвергнуть Русь риску полного уничтожения. Есть и еще одно противоречие в изложении хода битвы. Если бы Орда действительно столь убедительно разгромила полк левой руки, а стало быть, и левый фланг, засадный полк своим вмешательством не смог бы повернуть исход сражения.

Мы склонны полагать, что тактика русского войска была более активной и битва разворачивалась по плану русского командования.

Обратимся к некоторым деталям битвы, как они предстают перед нами из источников.

«На правой стране князь Андрей Ольгердович не единою татар нападши и многих избил, но не смеяше вдаль гнатися, видя большой полк недвижусчийся и яко вся сила татарская паде на средину и лежи, хотяху разорвати».

Это момент битвы после столкновения пеших фаланг. Выше мы уже приводили описание того, как сошлись пешие фаланги Москвы и Орды.

Стало быть, после неудачи конных фронтальных атак Мамай спешил главные силы и начался непривычный для Орды пеший бой. Мы по справедливости исходим из того, что Орда превосходила своей численностью московское войско. Тем, что Мамай спешил конных, его превосходство в какой-то степени смягчалось, но для победы этого было недостаточно. Нужно было организовать массовое уничтожение ордынской конницы, для чего и было задумано окружение правого крыла ордынского войска. Старинный тактический прием, известный в далекой древности и много раз применявшийся Ордой: ложное бегство, заманивание в засаду.

Условия местности целиком отвечали этой задаче. Прорвав левый фланг и устремившись к знамени Княжьего Двора, а для этого надо было перевалить

за гряду, ордынцы оказывались в низине под ударом русской отборной конницы, устремляющейся с высоты на равнину.

Полк левой руки, как мы знаем из поминального списка, состоял из князей и бояр, из русских витязей, которым чуть ли не в последний раз представлялась возможность показать свою удаль и молодечество, значение конницы отходило в прошлое. Трудно сказать, что произошло во время заманного отступления полка русских витязей. Маневр требует крайней дисциплинированности, хладнокровия и выучки.

Давно, уже полторы сотни лет, русский витязь, поднимая на ордынца меч, не мог унять стеснения в сердце. Меч рубил, а мысли были о том, какова будет расплата за этот удар. А ныне было сказано: руби и не думай о расплате. И рубили. И оторваться вовремя не смогли. Нарушили строй, и во время заманного бегства обильно полили землю своей кровью.

Есть в «Сказании» поэтические строчки о том, как рвется в нетерпении князь Владимир Андреевич ударить на врага, помочь, спасти русских витязей, а Боброк его удерживает в ожидании, когда переменится ветер.

Нет, не перемены ветра ждал мудрый воевода. Он ждал, когда в прорыв, в стальной мешок влезет как можно больше ордынцев, чтобы одним ударом изменить соотношение сил, пока две пешие фаланги давили одна на другую. Момент был выбран точно, и началось уничтожение векового врага.

В описаниях Куликовской битвы в историографии наметился спорный вопрос о передовом полке. Одни исследователи считают, что впереди русского строя был поставлен передовой полк пеших воинов. Есть в «Сказании» строчки, где указывается, что весь передовой полк полег как скошенный. Отсутствие источников и достоверных описаний битвы вынуждает нас относиться к поэтическому произведению как к первоисточнику. Но, как каждое поэтическое произведение, оно может быть принято за источник лишь условно.

Вот схема построения русского войска на Куликовом поле, как она сложилась в исследованиях.

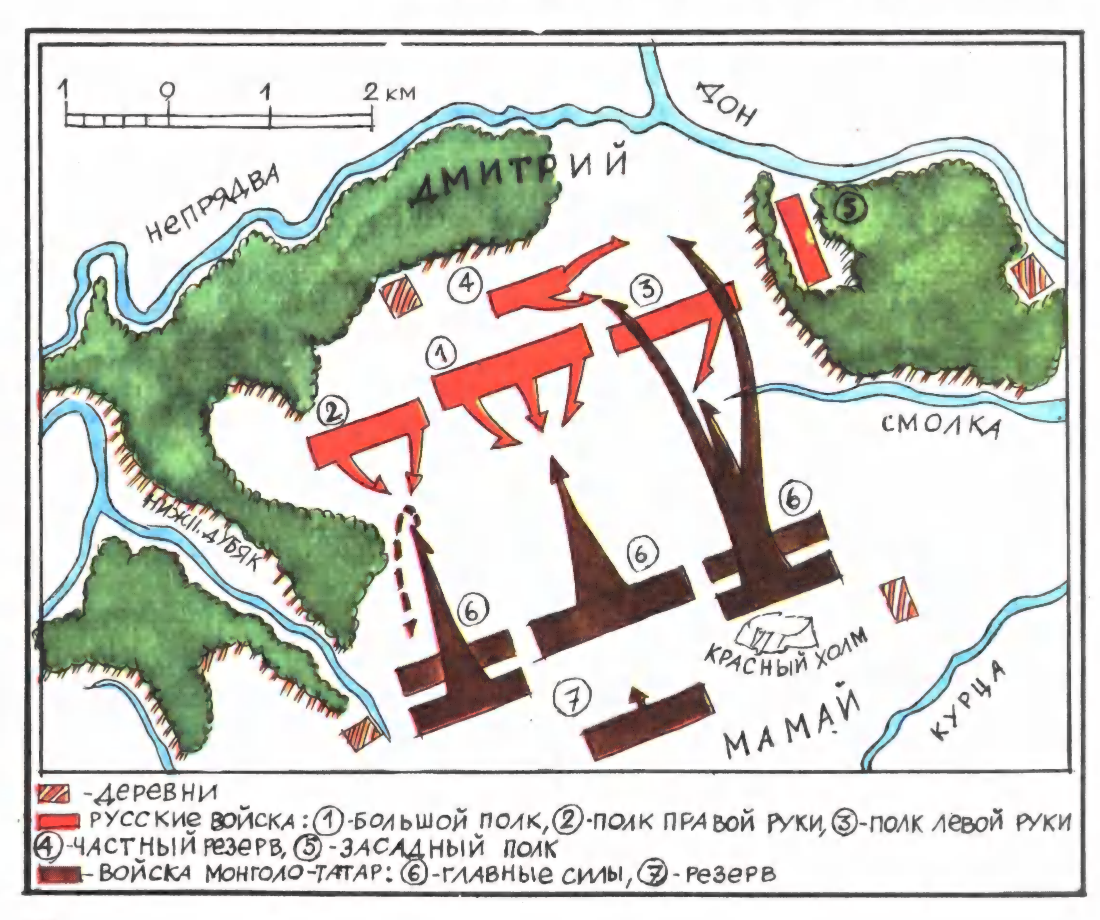
При такой схеме передовой полк, выдвинутый перед главными силами, выглядит тактической бессмыслицей.

Сторожевой полк завязал бой и вернулся в строй. А на что был оставлен передовой полк без флангового охранения? На расстрел ордынским стрелкам и под фланговые удары? Иные говорят, что упоминание о передовом полке — свидетельство построения русской пехоты в две линии. Это не исключено, но тогда схема должна выглядеть иначе. В битве передовой полк мог быть только частью большого полка, его первой ли-

нией. Стало быть, условная схема должна выглядеть так.

Особо следует отметить роль Дмитрия Ивановича в Куликовской битве. До Куликовской битвы он организатор войска, а на Куликовом поле он совершает почти беспримерный в истории подвиг.

В средневековом бою командующий, если он хотел руководить битвой, должен был находиться при резерве и засадном полку. Дмитрий Иванович облачился в боевые доспехи и вошел в строй рядом с витязями и рядовыми воинами, а командование передал более опытному воеводе Дмитрию Михайловичу Волынскому-Боброку, думая не о славе полководца, а о чести государя. Когда его начали уговаривать руководить войском и не подвергать свою жизнь опасности, он ответил: «Кто больше меня среди русских сынов был почтен и беспрестанно дары принимал от господа? А ныне злое пришло на меня, ужели не могу вытерпеть! Не могу видеть вас, побеждаемых, не могу этого терпеть, хочу с вами ту же общую чашу испить и тою же

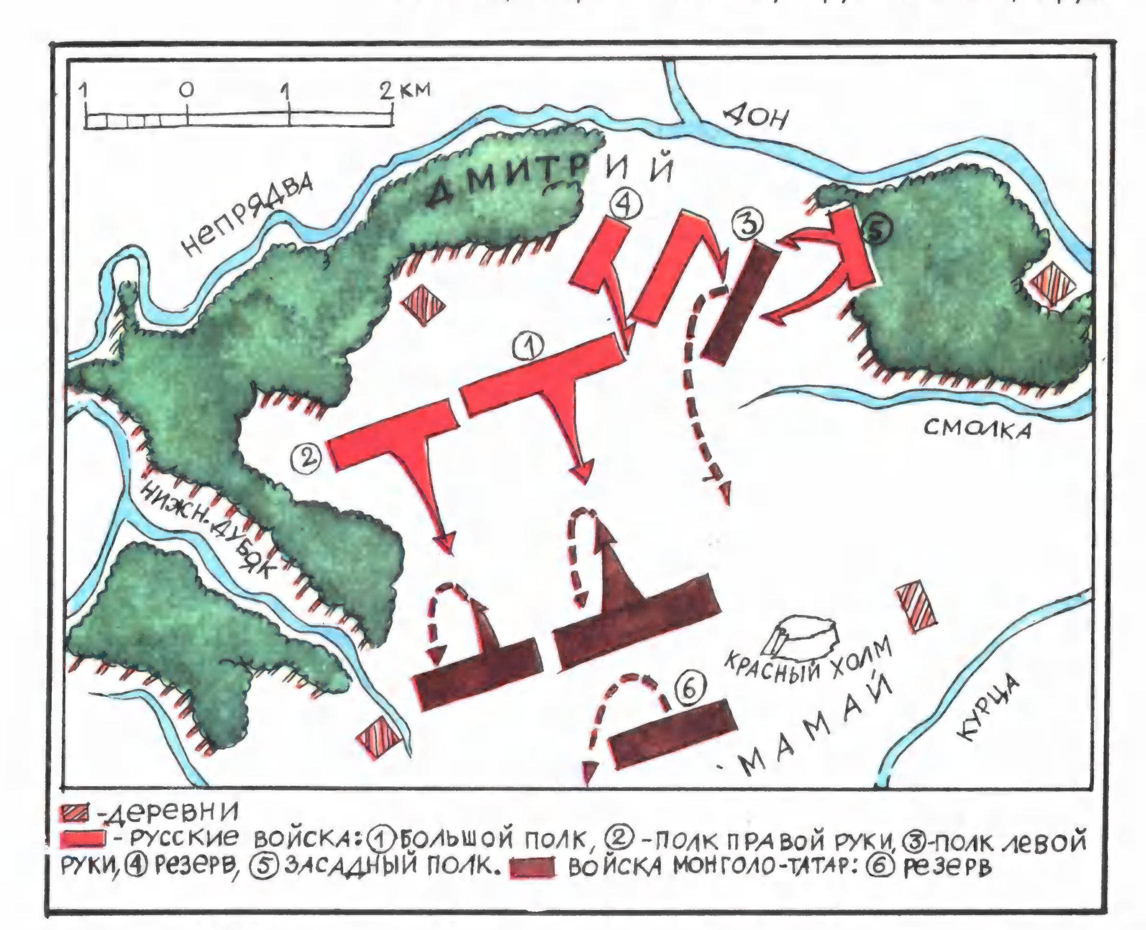

смертью умереть, за святую веру христианскую! Если же умру, то с вами, если спасусь, то с вами!»

Где уж тут вслед за В. О. Ключевским смотреть на первых московских князей как на безликих и серых! Где найдет историк в длинной череде государственных деятелей столь яркий пример?

Все правое крыло Орды, крыло атаки, оказалось между молотом и наковальней. Молотом был засадный полк, наковальней — кованая рать псковских и полоцких всадников. Разрезав строй ордынских сотен, русские витязи уничтожили ошеломленного таким ударом врага. Часть сил засадного полка Боброк направил в тыл пешей ордынской фаланги.

В это же время перешел в наступление полк правой руки, заворачивая свой левый фланг в тыл пешей фаланги. «Тогда же и князь Глеб Брянский с полками Владимирским и Суздальским (пешие городовые полки.— Авт.) поступи через трупы мертвых, и ту бысть бой тяжкий... и бысть такая смятня, яко не можаху разбирати своих, татаре бы въезжаху в русские полки, а рус-

ские в полки татарские» («Сказание о Мамаевом побоище»).

В нескольких строчках текст «Сказания» воссоздает картину полного окружения Мамаевой рати.

Ордынская конница побежала. Мамай сначала было хотел защищаться, окружив свой стан чапарами (высокими и широкими щитами, за которыми могло укрыться до десятка воинов). Но попытка перейти к обороне не удалась, и он кинулся прочь.

На поле пешие и конные полки уничтожали главные силы ордынцев, а те, кому удалось вырваться из окружения, мчались, загоняя коней. Московский конный полк во главе с князем Владимиром Андреевичем преследовал ордынцев до Красивой Мечи.

Битва при Каннах внесена в анналы военного искусства как непревзойденный пример полного окружения противника Ганнибалом и уничтожения войска, превосходившего по своей численности победителей. Но битва при Каннах по своей конструкции значительно проще Куликовской, проще и ее решение.

У римлян было 80 тысяч пехотинцев и 6 тысяч всадников. Непосредственно в сражении участвовало 55 тысяч тяжеловооруженных легионеров, 9 тысяч легковооруженных и 6 тысяч всадников.

Ганнибал имел 40 тысяч пехотинцев (в том числе — 8 тысяч легковооруженных) и 10 тысяч всадников. Всего 50 тысяч человек.

Римляне значительно превосходили карфагенян в численности, но открытая равнина давала карфагенской коннице тактическое преимущество.

Римский полководец Варрон построил легионы глубокими эшелонами, считая такой строй менее уязвимым для ударов карфагенской конницы и более пригодным для сокрушительного удара по карфагенской фаланге. В центре — пехота, а по флангам — конница. 2400 всадников на левом, защищенном речкой Ауфид, на правом фланге — 3600 всадников. Общая глубина пешего строя составляла 48 шеренг.

Ганнибал понял, что римляне построились для таранного удара, поэтому основные силы сосредоточил на флангах, пешую фалангу перевернул полумесяцем, рассчитывая, что ее центр прогнется под ударом римского тарана и фланги охватят римлян в клещи.

Против слабого левого фланга римлян, охраняемого 2400 всадниками, Ганнибал выставил 8 тысяч отборной тяжелой конницы.

Когда под ударом римского тарана центр пешей фаланги карфагенян начал пятиться, конница Ганнибала опрокинула римскую конницу на левом фланге и зашла в тыл римской пехоте. Могучие фланги пешей фаланги Ганнибала сдавили римлян с двух сторон.

При Каннах наступающей стороной были римляне,

Корона с иконы Богоматери. Конец XIV — начало XV века.

но с самого начала стало ясно, что все их войско подвергается опасности окружения с флангов.

На Куликовом поле Орда имела превосходство в коннице и угрожала русским флангам. Орда стремилась окружить русских и пробить их строй таранным ударом. Русские приняли бой в активной обороне. Перед русским войском стояла более сложная задача, чем перед карфагенянами. Надо было отразить таранный удар Орды, спешить ее и затем опрокинуть ее пехоту. Надо было снять численное превосходство в коннице сложным маневром левого фланга: сначала отступить, заманить правый фланг Орды в засаду, уничтожить его, а потом уже взять в окружение ее главные силы.

Думается, что с точки зрения военного искусства Куликовская битва являет собой непревзойденный пример использования всех тактических приемов для достижения победы.

ЗНАЧЕНИЕ КУЛИКОВСКОЙ ПОБЕДЫ

Успенский собор. Конец XIV века. Звенигород.

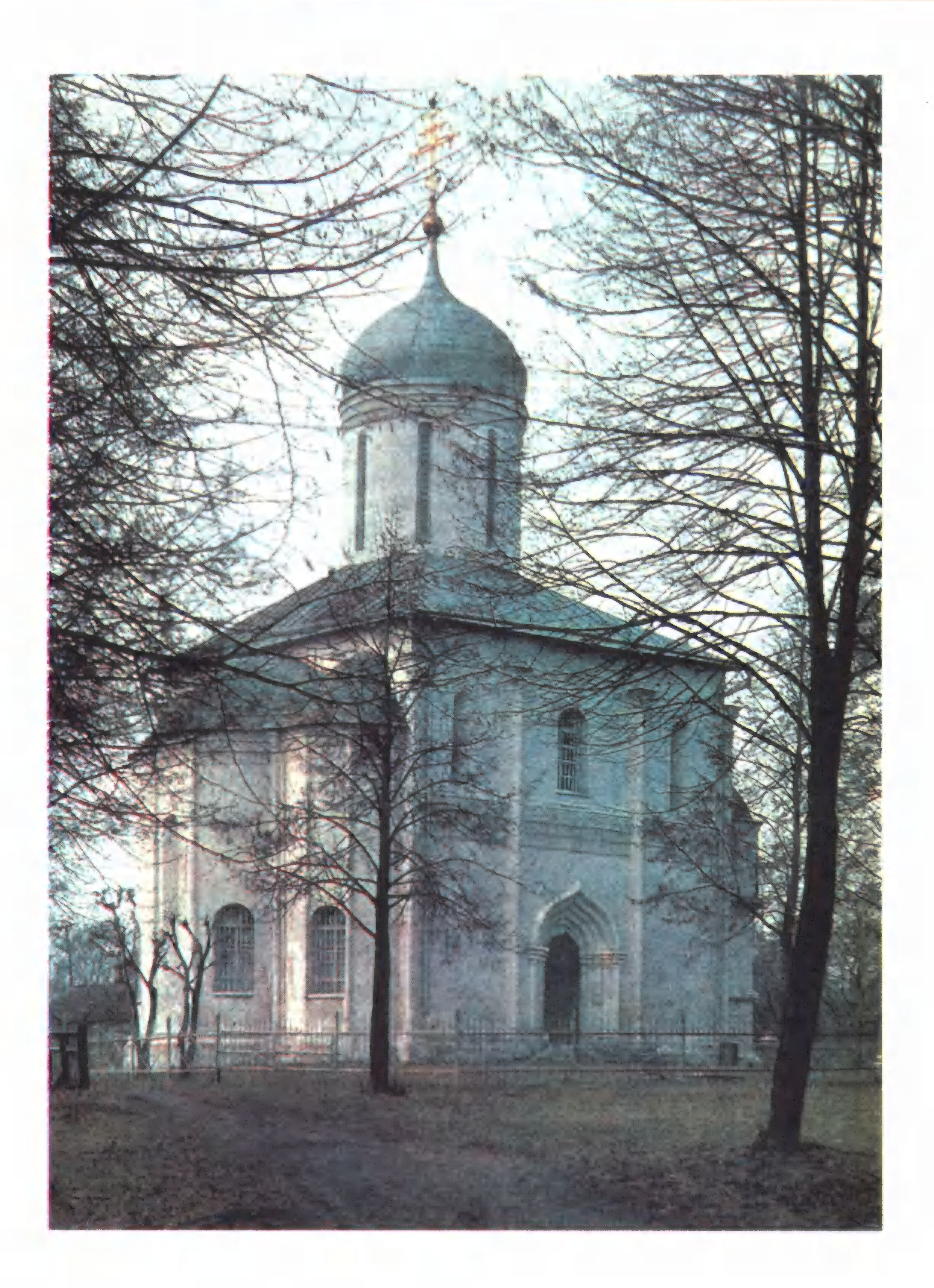
Эхо Куликовской битвы прокатилось по всему тогда обозримому миру. Неожиданно для Западной Европы восстала из пепла, возродилась из мертвых Русь.

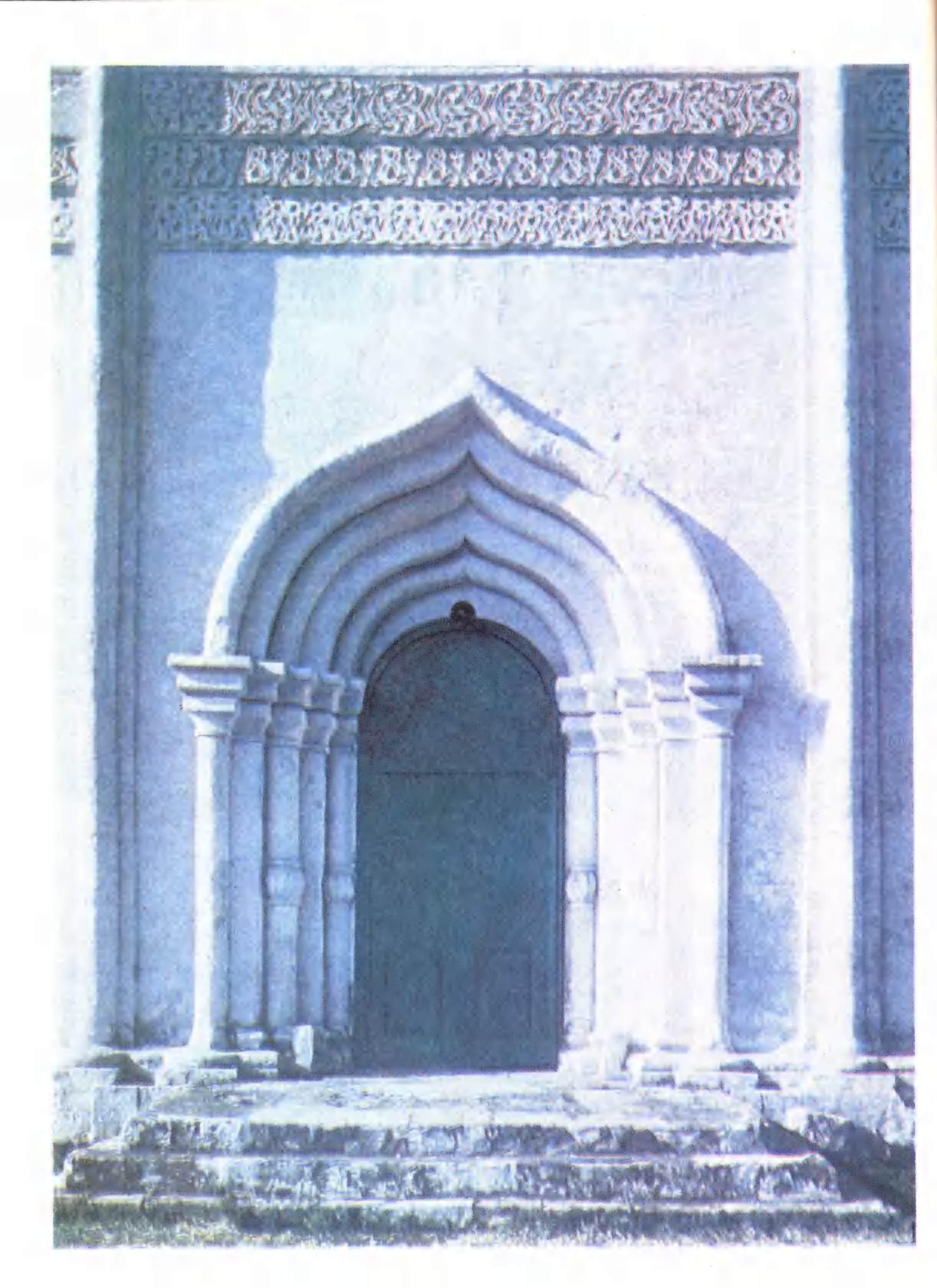
Но вот же досадная скромность. Оценивая Куликовскую битву, воздавая должное подвигу ее полководцев, русские историки не уставали с завидным усердием повторять, что на Куликовом поле было положено лишь начало освобождению от ордынского ига. Сейчас же вспоминали разорение Москвы, учиненное Тохтамышем два года спустя после Куликовской победы, как бы не замечая одного решающего обстоятельства. Да, Москва была сожжена, жители ее перебиты, но город не был взят приступом с боя, его ворота отворила измена. И Тохтамыш, едва узнав, что Дмитрий Иванович появился с городовыми полками под Переяславлем, а Владимир Андреевич в Волоколамске, тут же бежал опрометью с Русской земли. Непобедимый Тамерлан подошел к Ельцу. Его ждало на Оке московское войско, Тамерлан предпочел повернуть прочь.

После Куликовской битвы Орда не раз совершала набеги (Крымская Орда и при Иване Грозном сожгла Москву), но не решалась на битву с русскими в открытом поле.

Указывалось на то, что и после Куликовской битвы Русь платила дань Орде. Но то были не ордынские выходы, то был вынужденный откуп от разбойников, ибо худой мир всегда лучше хорошей войны. Забывают при этом, что даже Екатерина II слала «поминки», откупные от разбоя, крымским ханам.

Разгром Мамая, последовавшие за этим ордынские

Северный портал Успенского собора. Звенигород.

неурядицы, которые привели к окончательному распаду грабительское государственное образование, демонстрация превосходства русского военного искусства над военным искусством агрессора, усиление государственной власти на Руси — все это заметные последствия битвы на Куликовом поле. Но вместе с тем Куликовская победа положила начало возрождению национального самосознания русского народа. Это огромная, неисчерпаемая тема для специальных исследований.

Летописи и «Сказание о Мамаевом побоище» донесли до нас образы нескольких деятелей предкуликовского периода, созданные с огромной художественной убедительностью.

Прежде всего Дмитрия Ивановича Донского, радеющего не только о своей славе, чести и роде, но о благе народном. Это политический деятель, который сумел понять народные чаяния и объединить всех русских людей на их свершение и перед решающей схваткой с угнетателями примирить самые острые общественные противоречия. В этом его заслуга во внутренней политике.

Его дед, Иван Калита, в свое время научился поворачивать в свою пользу и в пользу усиления Москвы как собирательного центра ордынскую политику, нацеленную на разжигание межкняжеской вражды. Дмитрий Иванович унаследовал от деда умение использовать слабости ордынской политики, меж русскими князьями он искал пути для мирных решений противоречий и споров. Не столько оружием, сколько дипломатическим искусством он привел под руку Москвы Северо-Восточную Русь, и она выступила единой в час решающей схватки. Он не только возродил лучшие традиции русского военного искусства, он обогатил его новыми принципами стратегии и тактики, в невероятно сложных условиях сумел вооружить и обучить войско.

Во всех его делах по сплочению Северо-Восточной Руси и укреплению Москвы стояли рядом две значительные личности: митрополит Алексей и игумен Троицкого монастыря Сергий Радонежский.

Предкуликовский период был на Руси и эпохой русского исихазма, философского течения, требующего нравственного самосовершенствования без вмешательства извне. Трудно сказать, являлись ли митрополит Алексей и Сергий Радонежский зачинателями этого течения на Руси, но вся их деятельность была направлена на смягчение нравов той суровой и даже жестокой эпохи. Западную Европу в это время раздирала борьба с ересями, пылали костры, на которых сжигали еретиков, в русской церкви царили терпимость и спокойствие; на Западе церковь сеяла рознь

и вражду между верующими, русская церковь собирала гонимых людей под единое знамя освобождения. В этом и состоит значение митрополита Алексея и Сергия Радонежского.

Мы выше говорили о воеводе Дмитрии Волынском. Ничуть не принижая роль Дмитрия Донского в разгроме Орды, мы должны воздать должное одному из самых значительных полководцев Древней Руси. И если летописцы и «Сказание» не оттенили его выдающееся полководческое дарование, то современники, те, кто сражался на Куликовом поле, твердо надеялись на его мудрость. Отнюдь не по капризу отдал князь под его начало засадный полк и руководство всей битвой. Это ли не высшая оценка?

«Сказание о Мамаевом побоище» донесло до нас и еще один образ, не меркнущий в народной памяти,— образ ратоборца Пересвета. Ни его мужеству, ни его молодецкой удали, ни его подвигу не наносит ущерба, что на поединок с грозным богатуром Челюбеем он вышел в монашеской схиме. В те жестокие времена монастыри были крепостями, их должны были оборонять люди, сведущие в военном деле.

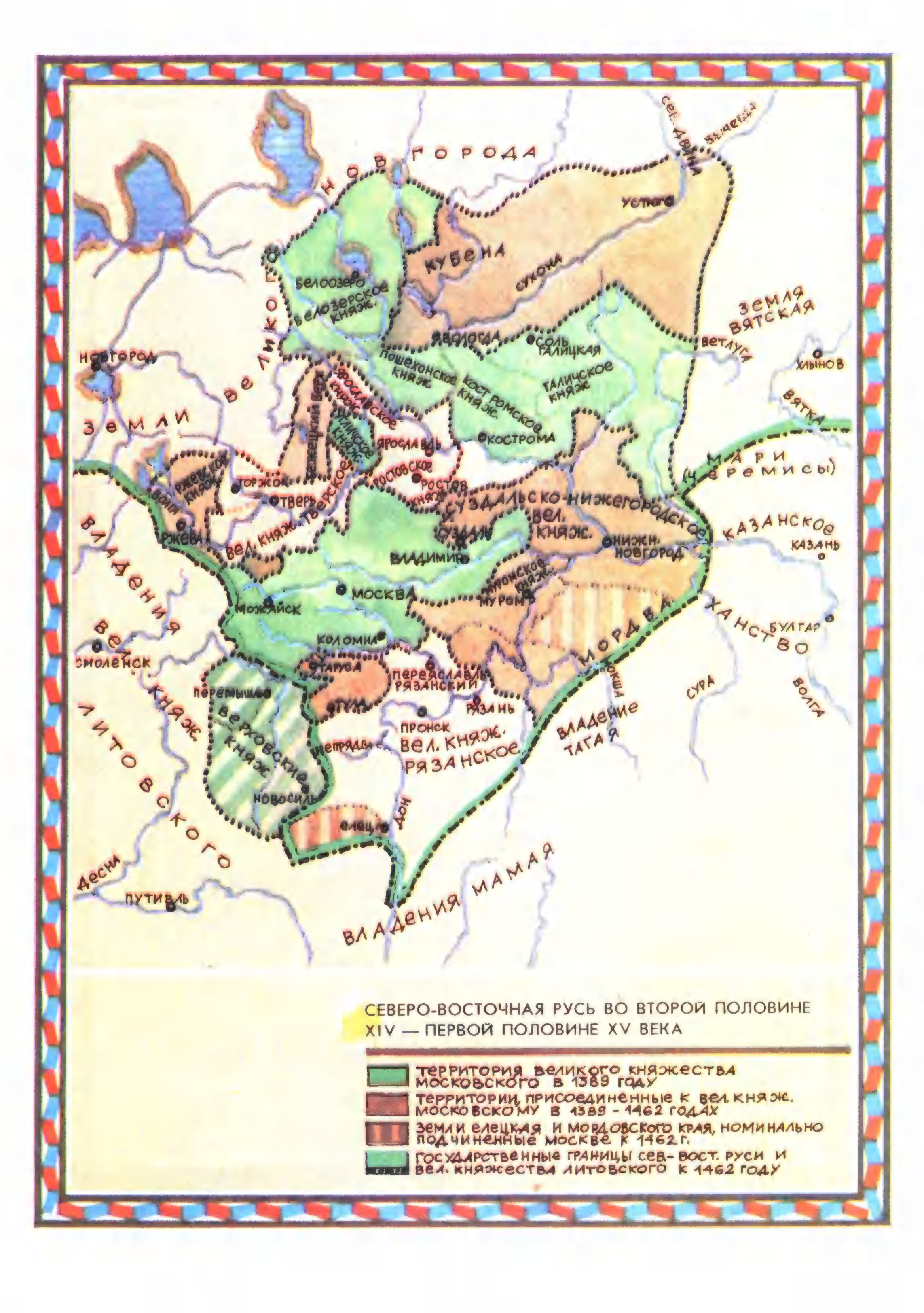
Весь эпизод с поединком перед сражением носит легендарный характер. Сам поединок изображен с суровым лаконизмом. На вызов богатура, наверное, могли откликнуться многие, да не каждый мог быть удостоен великой чести представлять все русское войско.

Поединок длился несколько секунд, но память о нем живет вот уже шестьсот лет и будет жить, покуда жив хотя бы один русский человек.

Летописи скупы, «Сказание о Мамаевом побоище» дошло до нас в поздних списках, было ли оно единственным литературным памятником этой эпохи — мы не знаем. Лишь по счастливой случайности дошли до нас сквозь пожары и вражеские нашествия работы Андрея Рублева, выразившего в искусстве возрождение народа. «Троица» Андрея Рублева и «Сикстинская мадонна» Рафаэля — явления одного порядка. «Троица» родилась на суровом Севере, вырвавшемся из ордынской мглы, «Сикстинская мадонна» засверкала под ласковым южным небом столетие спустя!

МОСКВА, ВИЛЬНО, КРАКОВ

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА

НАШЕСТВИЕ ТОХТАМЫША

В ночь с 7 на 8 сентября Дон переходил во главе московского войска великий князь владимирский и московский, к исходу дня 8 сентября трубил победу на костях врагов государь всея Руси. То, к чему вели Северо-Восточную Русь Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, Александр Невский, Иван Калита, свершилось, хотя это и никак не было в тот час отмечено каким-либо юридическим актом. Мы говорим не о правовой стороне свершившегося, а о его морально-нравственном значении, и, конечно же, значении политическом. С Куликовской победы, через многие тяжкие препятствия началось неуклонное восхождение Москвы, собирательницы русских земель, столицы Русского государства.

Куликовская победа создала в Восточной Европе качественно новую политическую ситуацию, при которой искусственно сдерживавшиеся объединительные процессы получили простор для своего развития.

Сейчас же явились и признаки возросшего личного влияния Дмитрия Ивановича и возрастающего значения Москвы.

Еще при жизни митрополита Алексея в церковных делах на Руси наметилась смута. Ольгерд не хотел примириться с тем, что митрополиты избирали местом пребывания Москву. Он слал послов в Константинополь с жалобами на Алексея, что тот «прямит» московскому князю, и просил особого митрополита в Киев с властью на Смоленск, на Тверь, на Новосиль, на Нижний Новгород. Цель ясна: расколоть митрополию и тем ослабить московский княжеский дом.

В Константинополе нашлись сторонники Ольгерда, и был поставлен митрополитом Киприан, по происхождению болгарин. Киприан направлялся в Москву. По повелению Дмитрия Ивановича незваного гостя встретили под Любутском, сняли насильственно с него святые одежды и отправили восвояси.

В эту игру не преминула вступить ордынская дипломатия. Именно в это время Мамай готовил нашествие на Северо-Восточную Русь и искал союза сначала с Ольгердом, а после его смерти с князем Ягайлом. В Орде понимали, что митрополит из числа русских святителей встанет на сторону Дмитрия Ивановича и укрепит его позиции перед решающим столкновением. Когда умер

митрополит Алексей, Дмитрий Иванович созвал епископов и попытался на епископском сборе без Константинополя поставить митрополитом своего духовника Митяя. Епископы не захотели ставить своей властью митрополита, Митяю пришлось отправиться в дальний путь в Константинополь.

А путь — через Орду, а в Орде — Мамай. Мамай встретил Митяя милостиво, ненадолго придержал и отпустил в Константинополь, но до Константинополя Митяй не дошел, умер в пути, как в свое время Александр Невский.

Теперь, после Куликовской битвы, изменилась позиция Дмитрия Ивановича по отношению к Киприану, изменилась и позиция Киприана.

Перед Дмитрием Донским в новой обстановке встали укрупненные задачи, теперь он начал разработку идеи консолидации всех русских сил вокруг Великого Владимирского княжения, а стало быть, и вокруг Москвы. Речь теперь шла не только о Северо-Восточной Руси, но и о распространении влияния на Тверь, Нижний Новгород, Новгород Великий и на некоторые русские земли, входившие в состав Литовско-Русского княжества.

Киприан, хотя и был оскорблен Дмитрием Ивановичем, а обласкан литовским княжеским домом, сумел взглянуть объективно на исторический процесс и понял, что консолидация русских земель выше княжеского соперничества, а поскольку ему были в равной степени безразличны Вильно и Москва, он пошел к тому, за кем была сила.

В 1381 году Киприан прибыл в Москву и был встречен с должным почетом. Приезд в Москву стал началом его деятельности по созданию общерусской митрополии, которая должна была объединить всех исповедовавших греческую веру в Северо-Восточной Руси, в Литовско-Русском княжестве и на юго-западных русских землях. Его деятельность поддержала и константинопольская патриархия, ибо как раз в это время активизировалось наступление католичества на Литовско-Русское княжество, в Галиции и на Волыни.

Не замедлили и перемены во взаимоотношениях с рядом княжений. В 1381 году состоялся акт докончания, заключенного между Москвой и Рязанью, санкционированный Киприаном. Согласно этому акту Олег рязанский в качестве «младшего брата» Дмитрия Донского должен был следовать московской политике и в рамках Великого Владимирского княжения, и в международных вопросах, в частности в своих отношениях с Литовско-Русским княжеством. Он расторгал союзные отношения с Ягайлом, но Олегу была оставлена возможность восстановить добрососедские отношения с Литвой, если бы ее возглавил другой князь, ибо в Ли-

товско-Русском княжестве начались перемены, вызванные Куликовской победой и новым курсом Дмитрия Донского и Киприана.

Можно говорить и о наступившем в 1381 году сближении Москвы с Великим Новгородом. В 1379—1380 годах наместником в Новгороде сидел литовский князь Юрий Наримантович, в 1381 году его уже не было в Новгороде.

Наметилось к этому времени сближение Москвы и с некоторыми феодальными группировками и в самом Литовско-Русском княжестве. Вполне вероятно, что не без поддержки из Москвы развернулось успешное выступление Кейстута против Ягайла. Кейстут сменил его на великокняжеском столе. Сейчас же начались и другие перемещения на литовско-русских землях. В мае — июне 1382 года Кейстут начал военные действия в Северщине, оттесняя оттуда Дмитрия Ольгердовича, тогда по каким-то причинам потянувшегося к союзу с Ордой. Источники сохранили сведения о специальном антиордынском договоре между Дмитрием Донским и Кейстутом.

Сближение между Кейстутом и Дмитрием Донским, а стало быть, создание общерусского антиордынского фронта подтверждает и острая реакция в Орде на события в Литве и в Северо-Восточной Руси.

В 1381 году Тохтамыш дал ярлык на великое княжение Ягайлу. Но ни Кейстут, ни его сторонники не прореагировали на это вмешательство.

Не исключено, что весь 1381 год Тохтамыш искал политических контактов с Орденом и организовал совместное с ним выступление против Кейстута в поддержку Ягайла. Перед столь грозным союзом Кейстут вынужден был отказаться от вооруженной борьбы. Он пошел на примирение с Ягайлом, понадеявшись на миролюбивые заверения Ягайла и Ордена, но был жестоко обманут. Его схватили, заточили в тюрьму и казнили.

Поставив Ягайло противовесом Москве, Тохтамыш решился на вторжение в пределы Северо-Восточной Руси, чтобы сорвать планы Дмитрия Донского и Киприана по созданию общерусского антиордынского фронта.

Не ощущая в себе силы начать вторжение так, как это делали Батый и Мамай, Тохтамыш напал на Русь крадучись. Он приказал ограбить и перебить на Волге булгарских и русских купцов, перебил в Орде русских священников и монахов, дабы никто не мог предупредить московского князя о готовящемся вторжении. Тохтамыш рассчитывал лишь на внезапность. Дождавшись, когда Ягайло укрепится в Вильно, помчался на Русь изгоном.

Здесь следует обратить внимание на одно обстоятельство в жизни княжеских домов различного родового происхождения. Как мы видели, межкняжеское

соперничество и вражду непрерывно на протяжении многих десятилетий разжигала и усугубляла Орда своей политикой «разделяй и властвуй». В иных случаях завязывались очень тугие узлы этой вражды, замешена она была и на крови. Дмитрием Ивановичем в преддверии Куликовской битвы была проведена огромная работа по объединению разрозненных сил Северо-Восточной Руси. В предкуликовский период вражда между некоторыми княжескими домами была притушена, Куликовская победа ее придавила авторитетом победителя, но приход к власти Тохтамыша, нового властителя Орды, оживил у некоторых угасшие надежды на перемены правящей династии на владимирском столе. И нашлись изменники, вспомнились прежние счеты. Измена пришла из самого близкого дома, из суздальского. Братья великой княгини Евдокии, Василий и Семен, памятуя о коротком времени, когда их отец имел ярлык на Великое Владимирское княжение, решили, что пришел их час. Когда они получили известие, что на Москву идет изгоном вся Орда, они поскакали к Тохтамышу, едва догнав его на бродах через Оку под Серпуховом.

Есть предположение, что у Дмитрия Ивановича из-за потерь на Куликовом поле не случилось под рукой войска для отпора Тохтамышу. Не из-за потерь не мог Дмитрий Иванович встретить в поле Тохтамыша, не было у него времени на сбор городовых полков.

Тохтамыша он не испугался. Защиту Москвы поручил митрополиту Киприану и сыну Андрея Ольгердовича князю Остею, оставил в Кремле княгиню Евдокию и поехал в Переяславль собирать переяславские, суздальские, белоозерские полки. Князь Владимир Андреевич поспешил собирать войска в Волок-Ламский. Оставляя жену и митрополита в городе, не был ли Дмитрий Иванович уверен, что Москва устоит перед Тохтамышем?

По не установленным до сих пор причинам в Москве начался мятеж, из города побежали «лучшие люди». Горожане никого не выпускали из Москвы. Митрополит Киприан все же выбрался из города и увез княгиню.

23 августа к городу подступили передовые ордынские отряды. Посады были сожжены перед их приходом. 24 августа Москву обложили главные силы. Тохтамыш разбил на берегу Москвы-реки шатер. Пошли на приступ. Со стен Кремля по ордынцам палили из «тюфяков», сиречь из пушек каменным и железным дробом, лили на них горящую смолу, кипяток, били стрелами. Приступ был отбит. С Фроловских ворот суконщик Адам пустил стрелу из самострела и убил одного из приближенных Тохтамыша. Стрелки из самострелов наносили значительный урон осаждающим.

Три дня безуспешно бросались ордынцы на стены и

наконец прибегли к обычному для них коварному приему. Тохтамыш послал к воротам нижегородских князей Василия и Семена, сыновей Дмитрия суздальского. Они кричали осажденным, что Тохтамыш не имеет зла на горожан и на русских людей, а пришел наказать только князя Дмитрия. Если город откроет ворота, хан посмотрит город и уведет войска. Василий и Семен целовали крест, что хан сдержит свое слово.

Эта ордынская повадка очень хорошо известна. Вспомним: еще на Калке берендеи целовали крест Мстиславу киевскому, что его отпустят с миром, а кончилось поголовным истреблением всей киевской дружины. Князь Остей вышел на переговоры в сопровождении духовенства.

Остея схватили и убили, духовных «ободрали», в открытые ворота ворвались ордынцы. Началась страшная резня. Никого не оставили в живых.

Овладев Москвой, Тохтамыш распустил отряды по волостям. Ограбил Юрьев, Звенигород, Можайск, Боровск, Рузу, Дмитров. Под Волоком-Ламским его отряды натолкнулись на войско, которое успел собрать Владимир Андреевич. Ордынцы были изрублены в короткой сече. Узнав об этом, Тохтамыш собрал рассеянные отряды и помчался прочь так же скоро, как и явился. Не пожелал испытывать судьбу в открытой битве ни с Владимиром Андреевичем, ни тем более с Дмитрием Ивановичем, который двинул свое войско из Костромы к Москве.

Так кончился поход Тохтамыша на Московскую Русь в 1382 году. Вместе с тем завершился и весьма важный этап политической жизни восточноевропейских государств.

Орде снова удалось предотвратить чрезмерное усиление одного из государств Восточной Европы — Московского, вступившего после Куликовской битвы на путь тесного сотрудничества с западнорусскими феодалами Литовско-Русского княжества, удалось не допустить наметившегося сближения Литовской Руси Кейстута с Залесской Русью Дмитрия Донского. Были, таким образом, вновь созданы условия для восстановления необходимого Орде равновесия между Москвой и Вильно.

Весьма характерно, что, добившись ослабления Северо-Восточной Руси в ходе кампании 1382 года, ордынские политики очень скоро не только прекратили нападки на Москву, но и стали оказывать ей политическую поддержку. Когда тверской князь Михаил с сыном Александром попытались выхлопотать в Орде ярлык на великое княжение, им было отказано. В политическом фокусе ордынских дипломатов оказался не кто иной, как сам московский князь Дмитрий Донской.

Важные сдвиги произошли тогда и в жизни русской

Церковь Федора Стратилата на Ручью. Новгород 1360—1361 годы.

Новгородские хоромы.

Интерьер церкви Федора Стратилата на Ручью. Новгород.

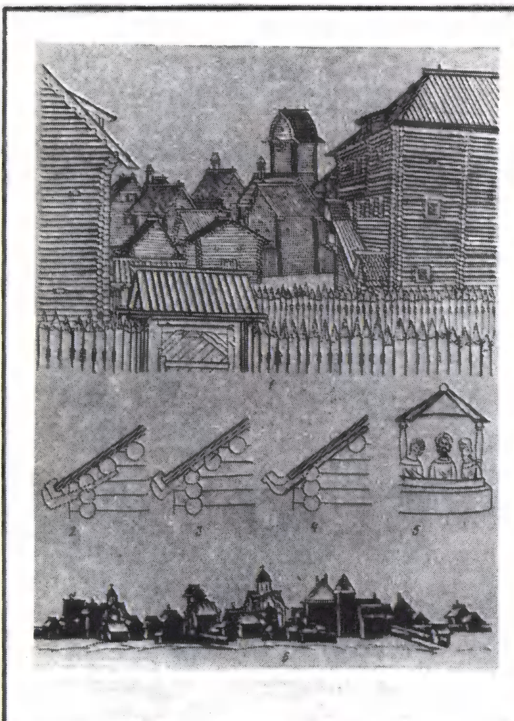
церкви. Сначала Дмитрий Донской пытался восстановить дружбу с Киприаном, уехавшим из Москвы в Тверь. Однако он наткнулся, с одной стороны, на нежелание Киприана возвращаться тогда в Москву, а с другой — на решительное осуждение Ордой плана возобновления сотрудничества московского князя с этим митрополитом, тесно связанным с западной церковью и с Литовской Русью вообще. На роль нового руководителя русской церковью был выдвинут митрополит Пимен, «избранный» на этот пост в Царьграде еще в 1379 году.

Но почти одновременно с Пименом ход политической жизни Северо-Восточной Руси выдвинул еще одного претендента на роль руководителя русской церкви — суздальского архиепископа Дионисия, который после смерти нижегородского князя Дмитрия Константиновича (январь 1383 года) перешел на службу московскому правящему дому и в этом новом качестве был направлен в Царьград как еще один претендент на управление всей русской церковью. Содействуя продвижению Дионисия, Дмитрий Донской, видимо, рассчитывал на то, что в его лице он будет иметь более весомого соперника Киприану, чем тогдашний митрополит Пимен.

Итак, Москва и Вильно снова оказались противопоставленными друг другу, снова тенденция сохранения равновесия между ними оказалась во многом определяющей ход политических событий в этой части Европейского континента. Хотя Тохтамыш вручил ярлык на Великое Владимирское княжение самому «крамольному» князю Дмитрию Донскому в конце 1382 года, хотя он же направил князю Ягайлу ярлык на русские земли еще в 1381 году, тем не менее ордынская дипломатия не ограничивалась этими приемами взаимоослабления двух великих княжений; дело в том, что она не только поддерживала широкие политические амбиции как Дмитрия, так и Ягайла, увеличивая тем самым накал их соперничества, но одновременно подогревала сепаратистские настроения удельных князей внутри этих двух великих княжений.

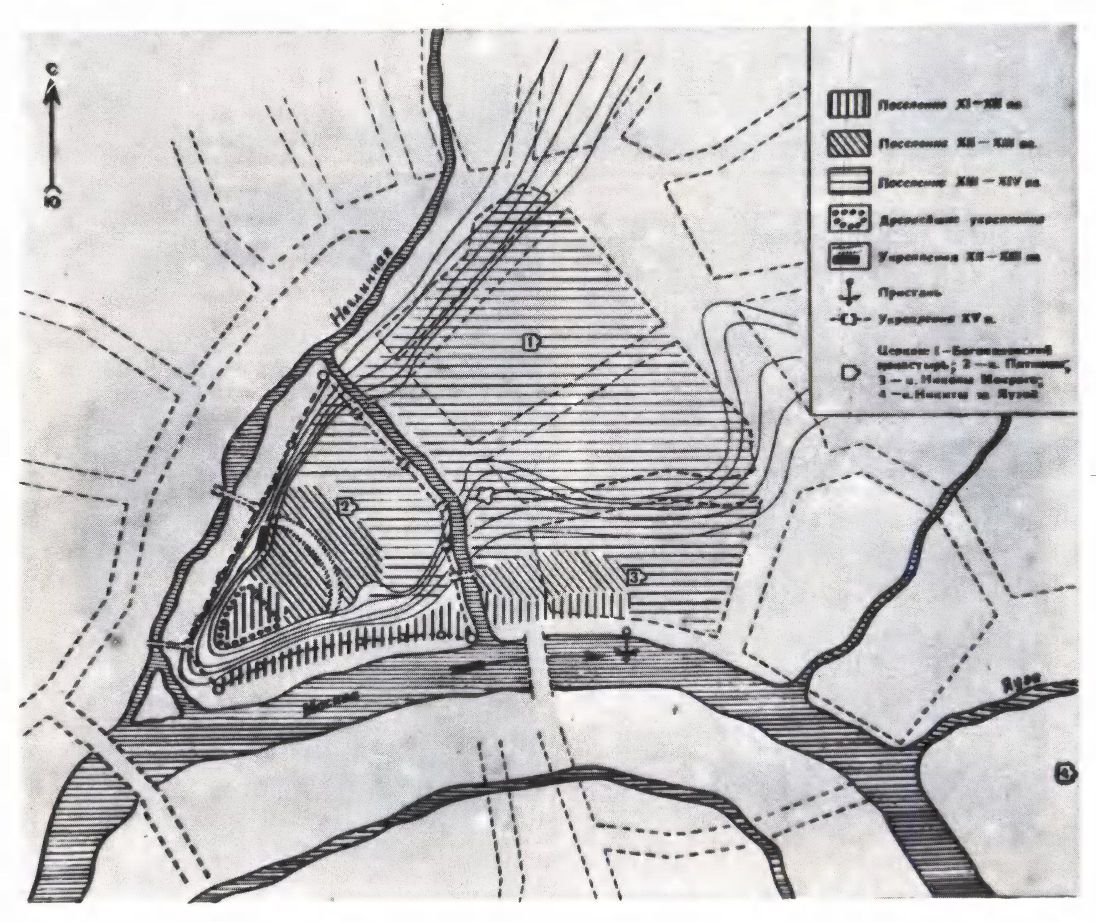
Прежде всего из-под влияния Москвы в 1383 году был выведен Великий Новгород, куда сразу был направлен представитель Литовско-Русского княжества — Патрикей Наримантович, продержавшийся там несколько лет (1383—1386). Натянутыми оказались и отношения Москвы с Рязанью, Нижним Новгородом, Тверью. Для того чтобы укрепить свои позиции в Сарае, Дмитрий Донской оказался вынужденным в апреле 1383 года направить в Орду чуть ли не в качестве заложника старшего сына Василия.

Не менее сложным было положение и Ягайла в системе «полуавтономных» княжеств Литовско-Русского

государства. Он вынужден был считаться с сепаратистскими настроениями киевского князя Владимира Ольгердовича, волынского князя Любарта, сыновей Наримanта, Кориата, которые находились в тесных контактах с Ордой (эти контакты выражались даже в совместной ордыно-русской чеканке монет). Кроме того, Ягайло оказался перед фактом противоборства с сыном Кейстута — князем Витовтом, который находился в орденском плену и рассматривался Орденом как орудие сдерживания главы Литовско-Русского государства. По соглашению в Дубиссах (октябрь 1382 года) Ягайло должен был пойти на территориальные уступки Ордену.

Таким образом Ягайло как бы оказывался между двух огней: с одной стороны, требования повиновения Ордену, с другой стороны, активизация сепаратистских настроений южнорусских феодалов, получавших поддержку как литовско-русских династов, так и ордынской дипломатии. Если при Гедимине и Ольгерде крестоносцы и ордынская дипломатия дейст-

Схематический план местности, занятой Кремлем и Великим посадом.

вовали, как мы помним, обособленно и даже вступали в соревнование друг с другом, то теперь Орден и ордынские правители все чаще находили общий язык: в частности, поддержанный Орденом князь Витовт был весьма популярной политической фигурой в юго-западных русских землях как продолжатель политической линии своего отца Кейстута (возможно, благодаря помощи Орды).

Над главой Литовско-Русского государства Ягайлом, таким образом, сгущались тучи. Однако выход все же был им найден. Стремясь избавиться от опеки Ордена, Ягайло попытался ослабить позиции Витовта как тогдашнего союзника крестоносцев и добился этой цели, как это ни парадоксально, путем перехвата той политической программы, олицетворением которой раньше был Кейстут, а теперь стал Витовт, его сын. Так, в течение зимы 1382/83 года Ягайло сблизился с полоцким князем Андреем Ольгердовичем, в прошлом его врагом и союзником Дмитрия Донского. Андрей Ольгердович был оставлен в Полоцке на несколько лет, а прежний обладатель Полоцка «из ягайловой руки» — князь Скиргайло — был переброшен в Троки. Перемена отношения Ягайла к полоцкому князю Андрею была предвестником еще более значительных сдвигов в политике главы Литовско-Русского государства. В поисках партнеров на международной арене Ягайло обратил свои взоры на Дмитрия Донского, который в тот период, как мы помним, также нуждался в политически сильных союзниках.

Так в международной жизни Восточной Европы 1383—1384 годов снова создавались условия для сближения Москвы и Вильно. Между Дмитрием Донским и Владимиром Андреевичем, с одной стороны, и князьями Ягайло, Скиргайло и Корибутом — с другой, было заключено особое, едва ли не союзное соглашение.

Опись архива Посольского приказа 1626 года прямо говорит о существовании документа, который до недавнего времени не привлекал специального внимания исследователей: «Докончальную грамоту великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимира Ондреевича с великим князем Ягайлом и з братьею его, и со князем Скиргайлом, и со князем Корибутом, как они докончали и целовали крест великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимиру Ондреевичу и их детям лета 6882 (1384) года».

Значение этого договора не приходится недооценивать. Он явно ломал тот порядок отношений, который пытались навязывать восточноевропейским странам Ордынская держава и Орден. Этот договор устанавливал новый порядок отношений, который выражал устойчивую тенденцию консолидации значительной части русских земель, тенденцию углубления сотрудничества

Московской Руси с Русью Литовской в борьбе с общими врагами на международной арене, устойчивую потому, что он возрождал тот антиордынский фронт феодальных сил Восточной Европы, который был создан в 1380—1382 годах при содействии Дмитрия Донского, Киприана, Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, князя Кейстута и который неоднократно возрождался позднее.

Московско-литовский договор 1384 года интересен еще и тем, что он был заключен на базе признания жизненности общерусской программы, на основе фиксации ведущей роли в осуществлении этой программы Дмитрия Донского. Не случайно именно литовско-русские князья «докончали и целовали крест великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Ондреевичу и их детям». Не случайно и то, что в особом соглашении, которое было заключено между Дмитрием Донским и вдовой Ольгерда — тверской княгиней Ульяной по поводу предполагавшейся женитьбы ее сына Ягайла на дочери московского князя, подчеркивалось: «Великому князю Дмитрию Ивановичу дочь свою за него (Ягайло.— Авт.) дати, а ему, великому князю Ягайле, быти в их воле и креститися в православную веру и христианство свое объявити во все люди».

Вполне понятно поэтому, что крестоносцы и ордынские правители пытались сделать все, чтобы не допустить торжества указанной тенденции в политическом развитии Восточной Европы, чтобы ликвидировать намечавшийся союз между двумя великими княжениями.

В этих условиях Орда усилила свой финансовый, политический и военный нажим и на Северо-Восточную Русь, и на Великое княжество Литовское. Политика Орды получила отражение на ходе событий в Новгороде в 1384 году.

Наметившееся усиление Москвы привело к тому, что позиции литовского князя-наместника на берегах Волхова Патрикея Наримантовича оказались подорванными. Его выселили из Новгорода, но не в Литву, а в Русу и Ладогу, что, видимо, было обусловлено стремлением Дмитрия Донского не обострять отношений с союзным ему тогда литовским князем Ягайлом. Однако нежелание московского князя конфликтовать с правителями Литвы привело, видимо, к тому, что Тохтамыш обложил необычно высокой данью территории Великого Владимирского княжения и Новгорода, что вскоре привело к ухудшению отношений Москвы не только с Новгородом, но и с литовским князем Патрикеем Наримантовичем, а затем и с великим князем Ягайлом.

В этом же направлении действовал и Орден. Крестоносцы решили заменить тактику сталкивания веду-

щих князей Литовско-Русского княжества их примирением. Так, видимо, следует понимать содействие бегству из орденского плена князя Витовта к его двоюродному брату князю Ягайлу, что произошло в августе 1384 года. Объединение сил Витовта и Ягайла содействовало усилению Литовско-Русского княжества, а следовательно, создало условия для возобновления соперничества между Москвой и Вильно.

Таким образом, Орден и Ордынская держава многое сделали для того, чтобы расшатать формировавшийся союз Московской Руси с Русью Литовской, для того, чтобы возродить противоборство между ними, однако еще больше для этого сделали дальновидные малопольские феодалы, которые в октябре 1384 года посадили на польский престол юную Ядвигу, а в январе 1385 года уже вели скрытые переговоры с Литвой о выдаче замуж этой королевы-невесты за литовско-русского князя Ягайла, о принятии Литвой католичества под эгидой Польши и, наконец, о предоставлении самому Ягайлу польской короны.

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАЯ УНИЯ 1385 ГОДА. БИТВА НА ВОРСКЛЕ

Напуганные перспективой сближения Московской Руси с Литовской Русью, западные и восточные соседи Русской земли сделали все, чтобы программа консолидации древнерусских территорий, выдвинутая ходом исторического процесса, осталась неосуществленной. В результате усилий Орды, Ордена и Польши к лету 1385 года все попытки установления московско-литовского сотрудничества были пресечены, наметился и стал осуществляться план польско-литовской династической унии. Основой этой унии должен был послужить брак юной польской королевы Ядвиги с литовским князем Ягайлом. Литовский князь получал польскую корону, польским феодалам, а за ними и католическим миссионерам открывались ворота для проникновения в Литовско-Русское княжество. Предварительное соглашение было достигнуто 14 августа 1385 года, и уже в начале 1386 года оно стало основой официального акта династического объединения польского королевства и Литовско-Русского княжества.

Польские феодалы и римская курия торжествовали, но торжество было преждевременным. Уния не превратила польское королевство и Литовско-Русское княжество в единое государство, она не порвала сложившиеся политические, церковные и культурные связи русских земель Литовско-Русского княжества с Северо-Восточной Русью. Напротив, наметившееся засилье польского влияния в Литовско-Русском княжестве породило движение протеста среди русского населения этого региона и даже в среде русских и литовских фео-

далов. Чем больше усилий прилагали польские феодалы к тому, чтобы подчинить своим интересам жизнь Литовско-Русского княжества, тем сильнее становилось сопротивление, тем скорее возрастало движение за воссоединение с Северо-Восточной Русью. Этот процесс имел длительный характер и завершился много позже.

В Москве разгадали, что уния ведет к постепенной колонизации земель Юго-Западной Руси, что католическая церковь начнет широкое наступление на православие. В 1386 году начался новый этап усиления Москвы. Дмитрий Донской подписал договор с Олегом рязанским и выдал свою дочь замуж за князя Федора, сына Олега рязанского. Были усилены позиции в Новгороде и намечено сближение с суздальским княжеским домом. Все это совершалось при полном нейтралитете Орды. Там опять стояли за усиление Москвы в противовес польско-литовской унии.

Наступление католического элемента обеспокоило и патриарха в Константинополе. Митрополит Киприан, который не смог противодействовать унии, потерял поддержку патриархии, ему даже грозила потеря митрополичьей кафедры. Киприан поспешил выступить с программой ликвидации польско-литовской унии, нового сближения с Московской Русью на основе брачного союза сына Дмитрия Донского и дочери литовского князя Витовта и восстановления общерусской митрополии.

Константинопольский патриарх подготовил специальный документ, содержавший теоретическое обоснование этой программы. В нем предусматривалась и замена митрополита Пимена митрополитом Киприаном.

19 мая 1389 года в Москве умер Дмитрий Донской. 19 августа на московский престол вступил Василий I Дмитриевич. 11 сентября при загадочных обстоятельствах умер митрополит Пимен, вызванный в Константинополь. 1 октября Киприан с санкции Константинополя становится общерусским митрополитом, в начале 1390 года он приезжает в Москву, а летом 1390 года в торжественной обстановке состоялось бракосочетание Василия Дмитриевича с Софьей Витовтовной.

Сложилась совершенно новая международная обстановка в Восточной Европе, вступили в противоборство две новые тенденции: развитие польско-литовской унии польскими феодалами и Римской курией и усилия московского князя Василия, Витовта и Киприана воспрепятствовать упрочению унии и заменить польско-католическую колонизацию литовских и русских земель консолидацией русских сил вокруг Москвы, как это было предпринято сразу после Куликовской победы. Это нашло отражение в известных литературных па-

мятниках. Так, Киприан создал свод «Летописец великий русский» и «Слово о житии по преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского». Тогда же, в середине 90-х годов, был составлен список русских городов, дальних и ближних, который очерчивал древнерусскую территорию, Молдавию и часть Болгарии. Этот список городов обозначил распространение власти московского митрополита и в какой-то мере расшифровал программу создания общерусского государства, как его мыслили Киприан, князь Василий и Витовт.

В ход наметившегося исторического процесса опять тесно вплелись события в Орде.

Когда-то Тохтамыш, царевич из Кок-Орды, прибежал к Тимуру и искал у него покровительства. Тимур поддержал Тохтамыша, несколько раз посылал с ним в Кок-Орду свои войска, мирился с неудачами Тохтамыша и поставил в Кок-Орде ханом, рассчитывая на его вассальную преданность. Овладев Волжской Ордой, усилив свои позиции в Северо-Восточной Руси и заручившись союзом с Ягайлом, Тохтамыш вышел из повиновения Тимуру и стал претендовать на подвластные ему территории.

Этот новый этап в истории Волжской Орды и всего улуса Джучи совпал со смертью Дмитрия Ивановича, последовавшей в 1389 году. Тохтамыш начал искать поддержки против Тимура в Северо-Восточной Руси и в Литовско-Русском княжестве. Сразу же после смерти Дмитрия Ивановича выдал ярлык на Великое Владимирское княжение его сыну Василию I и усилил его, передав ему под руку Нижегородское княжество и города Городец, Таруса и всю Мещеру. Таким образом князья, предавшие великое дело освобождения русского народа от ордынского ига и открывшие Тохтамышу ворота Москвы, попали в полную зависимость от сына Дмитрия Донского.

Василий Дмитриевич был личностью сложной, и задачи ему предстояло решать, быть может, и не столь тяжелые, как отцу, но более запутанные.

Мы упоминали, что он был задержан Тохтамышем в качестве заложника, за него был выплачен огромный выкуп. Но Тохтамыш не отпускал Василия от себя. Он бежал из ордынского плена в Литву и уже оттуда перебрался в Москву.

То ли во время пребывания в Литве и общения с литовскими князьями, будто с сыном Кейстута Витовтом, соперником Ягайла, то ли под влиянием Киприана, сформировались политические взгляды Василия. Он искал с Литвой сближения, полагая, что Великому Владимирскому княжению совместно с Великим Литовско-Русским княжеством можно решить задачу освобождения от Орды, отнеся спор, кому быть

объединительным центром русских земель, на будущее.

Тохтамыш между тем метался в противоречиях ордынской политики. Усилив московского князя за счет своих нижегородских доброжелателей, он испугался своего решения и поспешил отправить посольство в Вильно, дабы предотвратить наметившееся сближение Витовта и Василия Дмитриевича. Тохтамыш искал поддержки против Тимура на Руси и своими руками разрушал возможность такой поддержки.

Не замедлила и расплата за двойственность в политике. В 1395 году на реке Терек войска Тимура настигли войска Тохтамыша. В грандиозной битве Тимур наголову разбил Тохтамыша. Тохтамыш бежал в Литву. После битвы на Тереке Тимур двинул свои войска на Поволжье, уничтожил столицу Волжской Орды и другие ее опорные центры. С Поволжья он прошел в Приднепровье и разорил земли, входившие в состав Великого Русско-Литовского княжества, вернулся к Дону, добивая остатки Тохтамышевых союзников, и стремительным маршем вышел к окраинам Великого Владимирского княжения, разгромил Рязанскую землю, взял Елец. Непобедимый «бог войны» остановился как бы перед решающим прыжком на Москву.

Однако общая расстановка сил в Европе, а также готовность Василия к обороне не располагали Тимура к наступлению на Москву. Простояв пятнадцать дней в Ельце и его окрестностях, Тимур повернул прочь. Никаких известий о том, велись ли между Тимуром и Василием Дмитриевичем переговоры, до нас не дошло.

Опять, как и прежде, когда дело касается чисто военных аспектов, летописи молчат. Уход Тимура объясняют чудесным вмешательством в судьбу Москвы иконы Владимирской Богоматери. Сражения не состоялось, стало быть, бессмысленно гадать, кто бы победил в этом столкновении. Но поступок Тимура, его поворот вспять требует от исторической науки объяснения. Несомненно, что на решение Тимура повлиял ряд причин.

Прошло всего пятнадцать лет после Куликовской битвы. В войсках Тимура, конечно же, сражались и те, кто опрометью бежал с Куликова поля. Жива была память об этом убедительном разгроме и у тех, кто не побывал на Куликовском поле. Мы уже говорили о том, что Куликовская победа не была чудом, а раскрывала превосходство русской тактики и русского военного искусства над ордынским, слепком с которого было и военное искусство Тимура. Очень надо было задуматься среднеазиатскому полководцу, рисковать ли, вступая в сражения с московским войском.

Церковь Спаса Преображения на Ильине улице. Новгород. 1374 год.

Несомненно, что Северо-Восточная Русь с ее проблемами была далека от интересов Тимура. Он уже

наметил передать контроль над ней своим ставленникам в Орде.

Немалую роль в решении Тимура должны были сыграть и внешнеполитические соображения. Что могла дать победа над Москвой? Она ослабила бы Москву, тем самым усилив литовских князей и Тохтамыша. Разгром московского князя мог привести к новому отпадению русских земель к Великому Литовско-Русскому княжеству, стало быть, послужить его усилению. Объединение русских сил Москвой или Литвой было равно опасно Орде, которая после падения Тохтамыша становилась союзником Тимура в его завоеваниях в Средней и Малой Азии.

Все это, вместе взятое, побудило Тимура уклониться от битвы, исход которой трудно было предугадать.

Тимур ушел в свои пределы, поделив Волжскую Орду между своими ставленниками.

Казалось бы, господствующее положение Среднеазиатской Орды в жизни Восточной Европы должно было бы утвердиться. Во всяком случае, на это рассчитывал Тимур, проводя политику разделения Великого Литовско-Русского княжества и Великого Владимирского княжения. Но внутренние процессы консолидации русских сил после Куликовской победы уже вышли из-под контроля Орды и какой-либо третьей силы.

Сколько ни старались новые ордынские правители посеять рознь и воздвигнуть вражду между Великим Литовско-Русским княжеством и Москвой, долгое время им это не удавалось. Сближение между Василием Дмитриевичем и его тестем продолжалось. На это немало сил положил и митрополит Киприан. Надо полагать, что он явился тем церковным деятелем, который был необходим наметившемуся историческому процессу. Сугубо промосковская политика митрополита Алексея и Сергия Радонежского в обстановке, сложившейся к последнему десятилетию XIV века, была уже непригодна. Москве надо было выстоять перед новым ордынским нажимом, используя своих сторонников в Литовско-Русском княжестве.

В то же время Витовт искал путей возвращения Тохтамыша в Орду, полагая, что, предоставив ему убежище, навеки приобрел его привязанность. Тохтамыш сидел у Витовта, Орда распалась на несколько улусов, притих Орден на литовских границах. Фигура Витовта приобретала все большее и большее значение в восточноевропейской политике.

Заботы Москвы в это время сводились к урегулированию отношений с Новгородом.

Складывалась очень благоприятная обстановка для укрепления независимости Новгорода от ведущих русских центров. Новгородская боярская олигархия имела

возможность играть на противоречиях между Москвой и Вильно. Однако в Новгороде не приняли в расчет митрополита Киприана.

Развивая идею объединения Великого Литовско-Русского княжества и Великого Владимирского княжения, Киприан в это время работал над сближением Витовта и Василия Дмитриевича. Новгород виделся ему как поле их совместной деятельности.

Киприан сумел на какое-то время объединить Витовта и Василия. Витовт и Василий сделали совместное предупреждение Новгороду, остерегая его от союза с Орденом.

Однако новгородцы не обеспокоились предостережением Витовта и Василия. В Новгороде не верили в прочность этого союза, зная же резкий и предприимчивый характер литовского князя, предугадывали скорый конфликт между ними. Ответ князьям был послан дерзкий, новгородцы заявили, что они являются хозяевами своих взаимоотношений с немцами, а князю Василию сказали: «А ты, княже, в то у нас не вступайся, Новгород держит старину древнюю».

Василий оскорбился, предпринял враждебные действия против Новгорода, рассчитывая на поддержку Литвы, но Витовт, как того и ожидали новгородцы, подтолкнув Москву на конфликт, отошел в сторону.

В начале 1398 года новгородцы перешли в наступление на Василия. Они продвинулись в его исконные волости, приобретенные Иваном Калитой в Белозерье, на Кубенское озеро, дошли до Устюга, перебили московских наместников в двинских землях. Казалось, надо было ждать новых выступлений великого владимирского князя, но уже летом 1398 года всякие военные действия вдруг прекратились. Было бы ошибкой объяснить внезапное замирение слабостью Москвы. Оно было знаком того, что внешнеполитические отношения в Восточной Европе резко переменились.

Еще весной 1398 года наметилось неожиданное для Москвы сближение Витовта с Орденом. В то же время Тохтамыш, ведя борьбу со ставленником Тимура в Орде ханом Едигеем, дал обязательство Витовту сделать его хозяином всей Русской земли, включая и Новгород Великий. Орден, со своей стороны, в переговорах с Витовтом готов был рассматривать его как короля Литвы и Руси взамен отторжения от Русской земли Пскова. Новгородцы с этой перестройкой политики Витовта не могли согласиться, не мог и московский князь далее следовать в фарватере притязаний Витовта. Отсюда замирение между Москвой и Новгородом.

Витовт разгневался на новгородцев, ибо им приписал разгадку его замыслов «пленить Русскую землю и Новгород и Псков». Скрытое ранее соперничество Василия и Витовта в достижении главенства в русских

землях стало явным. Восстановив под главенством Едигея свое единство, Орда вновь оказывалась третьей силой в этом противостоянии.

Нацеливаясь на объединение всех русских земель под своей эгидой и полагая, что Орда выступит против полного подчинения Пскова, Новгорода Великого и Москвы Литовско-Русскому княжеству, Витовт искал союзников против Василия Дмитриевича и против ставленников Тимура в Орде ханов Темир-Кутлуя и Едигея. Звал литовского князя на борьбу с Темир-Кутлуем и Едигеем прежде всего Тохтамыш. Витовт обратился за помощью к немецким рыцарям и к польским феодалам, но те не очень-то спешили с подмогой. Русские земли Великого Литовско-Русского княжества стали основным резервом для создания противоордынского войска.

Решающая встреча с Ордой была необходима Витовту и еще по одному немаловажному соображению. Куликовская победа выдвинула Дмитрия Донского, а за ним и московских князей в неоспоримые объединители русских земель, авторитет победителя Орды не переставал действовать и через десятилетие после Куликовской битвы. Витовту нужна была такая же убедительная победа над Ордой, хотя бы и в союзе с давними врагами русских людей — Тохтамышем и Орденом.

Русские летописи и литовские хроники единогласно сообщают, что Витовт собрал огромное войско, в которое входили русские, литовцы, немцы, поляки, молдаване и татарские отряды Тохтамыша. Насчитывали в его рядах пятьдесят русских князей, среди них оказались и те, кто участвовал в Куликовской битве. Поднялись на Орду и знаменитые своими подвигами на Куликовом поле Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. И русские летописи, и литовские хроники молчат о численности Витовтова войска, но, судя по землям, которые послали своих ратников, оно, по всей вероятности, превосходило численностью войско Дмитрия Донского.

Однако следует отметить разницу в целях Витовта и Дмитрия Донского. Московский князь вышел навстречу Мамаю, он выступил предотвратить нашествие на Русь, Витовт ополчился на Орду и двинул войско, чтобы свергнуть ставленников Тимура и отдать ордынский престол Тохтамышу. С одной стороны, это событие показывало изменение в соотношении сил между Ордой и русскими землями, как бы знаменовало упадок ордынской власти над Русью, упадок авторитета Орды в Восточной Европе. С другой стороны, наступательные действия ради Тохтамыша не могли сравниться с вдохновляющими целями московского войска. Поражение на Куликовом поле привело бы к неизме-

римым бедствиям, чуть ли не к полной гибели Северо-Восточной Руси. Куликовскую битву нельзя было проиграть.

Для разгрома Орды у Витовта сил не было. Не смог он взять в союз Москву. В его планы не входило делить победу с Москвой и Северо-Восточной Русью, в победе над ханами Темир-Кутлуем и Едигеем он, напротив, искал пути подчинения Москвы. Выступление Витовта против Едигея не стало общерусским национальным делом, что, видимо, и предопределило в конечном счете его неудачу.

Собранное из разнородных элементов, не объединенное общностью цели, не приученное к взаимодействию войско Витовта должно было встретиться с ордынским, которое ко времени этой встречи не утратило своих боевых качеств.

Никоновская летопись сообщает, что, узнав о сборах Витовта, Темир-Кутлуй послал ему сказать: «Выдай мне беглого Тохтамыша, он мой враг, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живет, потому что изменчива жизнь наша; нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своих, не только чужих, а хан Тохтамыш чужой мне и враг мой, да еще злой враг; так выдай мне его, а что ни есть около его, то все тебе».

Витовт ответил: «Язь царя Тохтамыша не выдамъ, а со царем с Темир-Кутлуем хощу видети сам».

Темир-Кутлуй собрал ордынские силы и двинулся навстречу Витовту. Сошлись на берегах Ворсклы. Перед битвой начались переговоры. Темир-Кутлуй послал спросить: «Зачем ты на меня пришел? Я твоей земли не брал, ни городов, ни сел твоих». Витовт передал с ордынскими послами свой ответ: «Бог покорил мне все земли, покорись и ты мне, будь мне сыном, а я тебе буду отцом, и давай мне всякий год дани и оброк; если же не хочешь быть сыном, так будешь рабом, и вся орда твоя будет предана мечу!» (Никоновская летопись).

Если верить в достоверность этого диалога, то нужно признать, что таким языком с ханом Орды никто не разговаривал, столь откровенная уверенность в своих силах смутила Темир-Кутлуя. Он затягивал переговоры, поджидая прихода Едигея. Витовт выдвинул еще более унизительные требования: чеканить на ордынских деньгах клеймо литовского князя. Темир-Кутлуй будто бы со всем согласился. Наконец пришел Едигей. Он потребовал личных переговоров. Противники съехались на разных берегах Ворсклы, и Едигей сказал Витовту: «По праву ты взял нашего хана в сыновья, потому что ты стар, а он молод; но я старше еще тебя, так следует тебе быть моим сыном, дани давать каж-

Новгородский торг.
Картина А. Васнецова.

дый год, клеймо мое чеканить на литовских деньгах» (Никоновская летопись).

Это был вызов на бой. 12 августа 1399 года на берегах Ворсклы разыгралась одна из знаменитых битв средневековья.

Полки Витовта двинулись на ордынцев. Удар приняли тумены Едигея. Витовт широко применил артиллерию, пищали и арбалеты. Первый натиск его полков мог быть расценен как удача. Конные тумены Едигея попятились.

Но успех был кажущимся. Орда, верная своей тактике, втягивала в бой как можно больше сил противника. И то, что по рассказам очевидцев могло показаться летописцам временным успехом Витовта, скорее всего было заманным отступлением Едигея, ибо вскоре оказалось, что тумены Темир-Кутлуя успели обойти войско Витовта с флангов и тыла.

Начался разгром литовского войска. Несчетно пало ратных людей, много князей. Пали и герои Куликовской битвы Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, погиб в этой битве и славный воевода Дмитрия Донского князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. Тохтамыш первым покинул поле битвы и бежал без оглядки. Великое Литовско-Русское княжество простерлось

перед ордынским войском без защиты. Орда захватила обоз Витовта, преследовала его пятьсот верст, дошла до Киева, из Киева Темир-Кутлуй распустил свои отряды по волостям.

Несомненно одно: если бы не опасения ордынских владык Москвы, Великое Литовско-Русское княжество подверглось бы беспощадному опустошению.

Явным признаком усиления Москвы после поражения Витовта на Ворскле может служить поведение митрополита Киприана. Перед битвой, когда наметилось размежевание Витовта и Василия после перемирия Москвы с Новгородом Великим, Киприан покинул Москву и обосновался в Вильно. Сразу же после поражения Витовта поспешил к Василию Дмитриевичу, понимая, что после поражения Витовта на Ворскле Литовская Русь оказывалась под контролем Кракова, а Москва становилась главным центром консолидации русских земель.

Поражение на Ворскле вызвало, быть может, и запоздалую, но довольно решительную попытку Олега рязанского раздвинуть границы своего влияния и претендовать если и не на ведущую роль в собирании русских земель, то, во всяком случае, поставить Рязань в первые ряды княжений. В 1401 году, не исключено, при полном одобрении ордынских владык он затеял отторжение от Литвы Смоленска. В городе начался мятеж против литовского наместника. Требовали поставить князем Юрия Святославича. Олег рязанский пришел к нему на помощь. Изгнали литовцев, а князя Романа брянского, ставленника Витовта, убили. В какой-то мере надо считать этот поход Олега рязанского ударом Орды с фланга по Витовту.

Не замедлило и ответное движение. В ту же осень Витовт объединился с Ягайлом, пришел в Смоленск, изгнал оттуда Олега рязанского и Юрия Святославича, «городом Смоленском и всей землей овладели и, утвердив и укрепив всех людей в Смоленске, пошли обратно в Литву» («Хроника Быховца»).

Дело, однако, было не так просто, как его пересказал западнорусский хронист. Витовту пришлось дважды ходить под Смоленск, ни приступом, ни осадой городом он не овладел, и только после смерти Олега рязанского в 1402 году Юрий Святославич бежал в Новгород, не получив поддержки от Василия Дмитриевича.

Мы очень мало знаем о характере старшего сына Дмитрия Донского. Долгое время он сидел заложником в Орде, бежал оттуда через Литву, где сблизился с княжеским домом, взял в жены дочь Витовта, много претерпел в поисках тесной связи с Литвой, смело вышел на берег Оки навстречу грозному Тамерлану. Терпелив был к враждебным действиям Литвы, стерпел вторичный захват Смоленска, но, когда Витовт дви-

нул войска на Псков, ополчился на тестя и, хотя они ни разу не сошлись в битве, каждый раз становился на пути Витовта, когда тот пытался посягнуть на расширение своего княжества за счет русских земель.

Думается, Василий Дмитриевич умел точно взвешивать внутренние и внешние обстоятельства, они-то и побуждали к осторожности, чтобы сохранить тишину на Северо-Восточной Руси.

Необходимо заметить, что узел вражды с литовским княжеским домом завязался не Василием, а значительно раньше, он сделал все возможное, чтобы притушить эту вражду, которая была крайне необходима Орде. Но вражде этой не дано было погаснуть, ибо разжигалась она не только ордынскими усилиями, но теперь и польско-литовскими отношениями.

Здесь уместно сказать несколько слов о том, как складывались эти отношения. Если мы обратимся к карте Европы на переходном рубеже от XIV к XV столетию, то обнаружим, что Великое Литовско-Русское княжество сравнительно с другими государственными образованиями занимало огромное пространство. Можно сказать, что неправдоподобно огромное!

От устья Днестра и Днепра по правому берегу Днепра до Северского Донца, а севернее уже и по обоим его берегам до Дона, до Ельца (чуть ли не до

Краков в конце XV века.

Калуги), Смоленск, Великие Луки, Ржев, Полоцк, по Западной Двине с выходом в Балтийское море и границей с Польшей по Висле. С 1385 года после унии с Польшей, по Висле чуть ли не до Одера с выходом в Балтийское море у Гданьска. Но слишком разнородным по своему этническому составу было это объединение, слишком острые противоречия между отдельными ее землями и народами разрывали его.

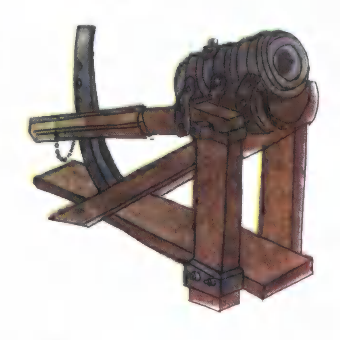
НАШЕСТВИЕ ЕДИГЕЯ

Пятнадцатый век распахнул свои ворота. О его порог разбилась феодальная усобица сеньоров, закладывались конфликты между королями, государствами и нациями. Все укрупнялось.

Одержав победу на Ворскле в 1399 году, ордынский князь Едигей на какое-то время еще больше укрепил свое единовластие в Орде. Но победа на Ворскле не остановила разрушающего воздействия Куликовской победы Дмитрия Донского. Едигей понимал, что посылками карательных ратей на Русь власти над ней не удержать: время, когда можно было держать Русь в напряжении, разжигая вражду между отдельными княжествами и князьями, прошло. Ни Великое Владимирское княжение, ни Великое Литовско-Русское княжество уже не поколебать внутренними усобицами, и сдерживать их усиление можно, лишь разжигая противоречия между этими двумя крупными центрами русских земель.

Однако теперь и Орде надо было делить участие в восточноевропейской политической ярмарке с другими ее участниками, значительно усилившими свое воздействие на исторический процесс. Священная Римская империя и Орден под воздействием Римской курии активизировали свое проникновение на Восток. Папский престол в Риме уже сотрясали громовые раскаты реформации в Англии и в Чехии. Одной из позиций контрреформации и была установка Рима на колонизацию русских земель с надеждой ввести на Русской земле католичество и восполнить потери новыми приверженцами римской веры. Рим готов был хоть черту молиться, лишь бы продвинуться на восток. Он подталкивал Орден, он благословлял Священную Римскую империю на это движение и всячески помогал Польше в распространении католицизма на русских и литовских землях, несмотря на то, что и Орден и империя не могли примирить своих противоречий.

Бомбарда. Конец XIV века. Стреляла каменными ядрами. Дальность стрельбы от 200 до 600 метров.

В эту сложную мозаику восточноевропейской политики вмешалась и Византия, теснимая турецкими султанами. Греческая церковь не собиралась уступать своих позиций на Руси, рассматривая Москву как самый верный оплот против турецкого притеснения.

Теперь уже не только Едигей сопротивлялся сближению Великого Владимирского княжения и Великого Литовско-Русского княжества, но и польские феодалы.

Польские феодалы спешили воспользоваться ослаблением позиций Витовта. Они провели сложнейшую комбинацию с королем Ягайлом. Умерла королева Ядвига, польским феодалам грозило усиление литовского элемента в Польше. Положение короля оказалось двусмысленным, он перебрался в Литву.

В Польше началось «бескоролевье». Но если раньше такое положение устраивало крупных феодалов, то теперь они сами спешили скрепить свой союз избранием короля, ибо захват земель на востоке требовал их объединенных усилий под одной короной. Можно было избрать нового короля или оставить на троне Ягайло, подыскав ему польскую невесту. Выборы нового короля могли затянуться и разжечь феодальную усобицу.

В жены Ягайлу выбрали внучку короля Казимира Анну Цилийскую. Ягайлу показали, что он король в Польше до той поры, пока связан с наследницами польскокоролевского дома и играет роль связующего звена с Литвой.

В 1402 году состоялась коронация Анны. Но прежде чем обвенчать Ягайло с внучкой Казимира, польские феодалы заставили его подписать в Вильно соглашение с Витовтом, по которому великий литовский князь обязывался сохранять вассальную зависимость от польского короля. Это была новая польско-литовская уния, еще один шаг к реальному сближению Литвы и Польши.

Государственные деятели Польши позаботились, чтобы политическая самостоятельность Литвы в короткий срок была сведена до минимума. В соглашении 1401 года Ягайло трактовался не только как польский король, но и как князь литовско-русский. Прелаты католической церкви обязали Витовта гарантировать сохранение за Польшей верховных прав на вновь приобретенные территории. Витовт, хотя и оставался пожизненным владетелем Литовско-Русского княжества, по существу, превращался в вассала польского короля.

Резко изменялось и существо всей политики Литовско-Русского княжества. До унии 1401 года оно выступало как один из центров собирания русских земель. Теперь, когда оно оказалось в фарватере политики польских феодалов и Римской курии, его притязания на присоединение русских земель выглядели как подчинение их польскому королю Ягайлу. Речь, стало быть, шла не о собирании, а о захвате русских земель. Усиливалось в связи с этим и польско-литовское влияние в Великом Новгороде, в Рязани, в Пскове и Смоленске. Смоленск в 1405 году был захвачен главным образом при помощи польских войск.

Проникновению на восток мешали неотрегулиро-

ванные отношения с Орденом. Ягайло добился соглашения с Орденом, передав ему часть литовских земель и поделив планируемые захваты на Русской земле: Ордену — Псков, Литве — Великий Новгород.

Столь откровенную тенденцию поглощения Литовско-Русского княжества польским феодальным государством и подчинение Витовта королю Ягайлу не мог не заметить Василий Дмитриевич. Между ним и тестем раздвигалась все более широкая пропасть. Падали, несомненно, и симпатии Киприана к Литовско-Русскому княжеству, ибо в польском засилье он видел и начинающееся засилье католической церкви.

Естественно, что тенденция поглощения Польшей Литовско-Русского княжества породила в среде русских и литовских феодалов сильную оппозицию. Во главе оппозиции встал князь Свидригайло. В борьбе с Витовтом Свидригайло обратился за помощью к внешним силам. Он самостоятельно вступил в переговоры с Орденом и установил политические контакты с Ордой. Есть сведения и о прямых его переговорах с ханом Шадибеком. Думается, что не обязательно Свидригайло был инициатором этих переговоров. В Орде не могли спокойно смотреть на усиление Южной и Западной Руси даже за счет роста влияния польских феодалов.

Свидригайло пошел далее. В 1408 году он ушел со всем своим двором на службу к Василию Дмитриевичу. Задачи собирания русских земель объединяли в свое время всех наследников Ольгерда, теперь же Свидригайло, младший сын Ольгерда и тверской княжны Ульяны, перешел во владимирское княжение, надеясь таким путем возродить сотрудничество двух великих княжений.

Не замедлила и реакция в Великом Новгороде на переход в Москву литовских князей. Новгородцы проводили от себя литовского князя Семена Лугвеня и позвали княжить Константина Дмитриевича, младшего сына Дмитрия Донского.

К 1408 году урегулировались и дела рязанские. После того как между рязанским князем Федором, сыном Олега, женатого на дочери Дмитрия Донского, и Василием Дмитриевичем установился тесный союз, Рязань вошла в фарватер московской политики. Орда попыталась оторвать ее от Москвы. Осенью 1407 года князь Иван пронский явился из Орды с ханским послом, согнал с рязанского стола Федора и порвал союз с Москвой. Федор собрал рязанские войска, получил подмогу от Василия Дмитриевича и выступил против Ивана пронского. Федора Ольговича постигла неудача, но победа пронского князя не принесла ему торжества. Видимо, 1408 год был годом столь заметного усиления Москвы, что Иван поспешил заключить мир с Федором и порвал свои отношения с Ордой.

Итак, в Москву пришел князь Свидригайло Ольгердович на службу к Василию Дмитриевичу, Великий Новгород посадил у себя князем брата Василия, Рязань и Пронск целиком вошли в орбиту московского влияния. В Литовско-Русском княжестве встал раскол.

Столь резкое усиление Москвы вызвало крайнюю тревогу в Польше у Ягайла, у Витовта, а главное — в Орде. Явно с благословения ордынских политиков Витовт и Ягайло двинули против Москвы большое войско. Василий Дмитриевич встретил нашествие на берегу Угры. Казалось бы, оставался всего лишь один шаг до военных действий, противников разделяла неширокая река с удобными бродами. Однако до битвы не дошло.

Витовт, имея в составе своего войска большое число русских ратников, испугался, что они перейдут на сторону Москвы. К вящему неудовольствию ордынских политиков, несмотря на прямое подталкивание Едигеем московского князя на военные действия, противники помирились. Едигей прямо обещал Василию военную помощь. Мало того, даже совершил набег на южные земли Литовско-Русского княжества.

Подталкивая Москву против Литвы, ордынские послы в то же время побуждали Витовта к активным действиям против Василия Дмитриевича. «Повесть о нашествии Едигея» очень точно раскрыла эту провокационную политику Орды.

Когда все маневры ордынских политиков оказались напрасными, Едигей двинулся на Москву. «Повесть о нашествии Едигея» подробно обрисовывает принципы ордынской политики, направленной на разжигание вражды между Москвой и Вильно, и раскрывает весь замысел его похода: разорить земли, переданные Василием Дмитриевичем князю Свидригайлу, и этим подорвать основу московско-литовского сотрудничества под эгидой Москвы. Одновременно удар шел и по Рязани. Города, которые были даны Василием в кормление Свидригайлу: Переяславль, Юрьев-Польский, Ростов и Дмитров,— пылали в огне.

Следует особо отметить, что «Повесть о нашествии Едигея» впервые по-новому осмысливает взаимоотношения с Ордой. Ранее в литературных памятниках ордынские рати, все беды межкняжеской усобицы объяснялись «божьим гневом». В «Повести...» они объяснены злой волей Орды.

Едигей осадил Москву. Он надеялся, что на помощь придет тверской князь Иван Михайлович, сын знаменитого враждой к Дмитрию Донскому князя Михаила Александровича. «Сам бо Едигей князь ко граду Москве не приступаше, не посылаше, но хотяше зимовати и всячески взяти ю и гордяше и превъзносяшеся много, и посла во Тверь к великому князю Ивану Михайловичу Тферскому царевича Булата, да князя Ерикли Гоердея,

веля ему часа того быти на Москву с пушками, и с тюфяки, и с пищалями, и с самострелы» («Повесть о нашествии Едигея»).

И здесь расчеты Едигея не оправдались. Времена, когда по призыву Орды русские князья с легкостью поднимались один на другого, миновали. Иван Михайлович тверской Едигею на помощь не выступил.

Но тут еще одна новость в ордыно-русских взаимоотношениях. Василий Дмитриевич сумел поднять против хана Булат-Султана, ставленника Едигея, ордынских царевичей. В Орде началась междоусобица, и Едигей, сняв осаду Москвы, поспешил в Орду.

Урон, нанесенный его нашествием, был значителен, но политического выигрыша Едигей не достиг. С нашествием Едигея связывают уход князя Свидригайла в Литву. Летописцы отметили: князь Свидригайло «от Едигеевых татар утомился зело» и потому покинул Великое Владимирское княжение. Это событие ослабило Великое Владимирское княжение, возвращение же Свидригайла в Литву вновь усилило Витовта и Ягайла.

ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Пока на северо-востоке московский князь был занят нашествием Едигея, восстановлением разрушенного, пока все его внимание было поглощено ордынскими делами, король польский Ягайло и князь литовский Витовт поспешили развязать себе руки на западе для укрепления своих позиций на Руси.

Орден, несмотря на ряд перемирий и соглашений с польским и литовским князем, оставался опасным соседом и для Польши и для Литвы. В конце XIV века, в связи с «розмирием» с Василием Дмитриевичем, Витовт уступил Ордену Жмудь, формально отказавшись от своих претензий на эту область. Орден ввел свои войска на Жмудскую землю.

Жители побежали от крестоносцев в Литву. Витовт их принял. Орден по этому поводу выразил недовольство. Витовт отказал Ордену в выдаче жителей Жмуди. Этот отказ внушил жмудинам уверенность, что Витовт поддержит их восстание против Ордена. По всей земле встал мятеж, рыцарей изгоняли из поместий. Орден собирал силы для карательного похода на Жмудь.

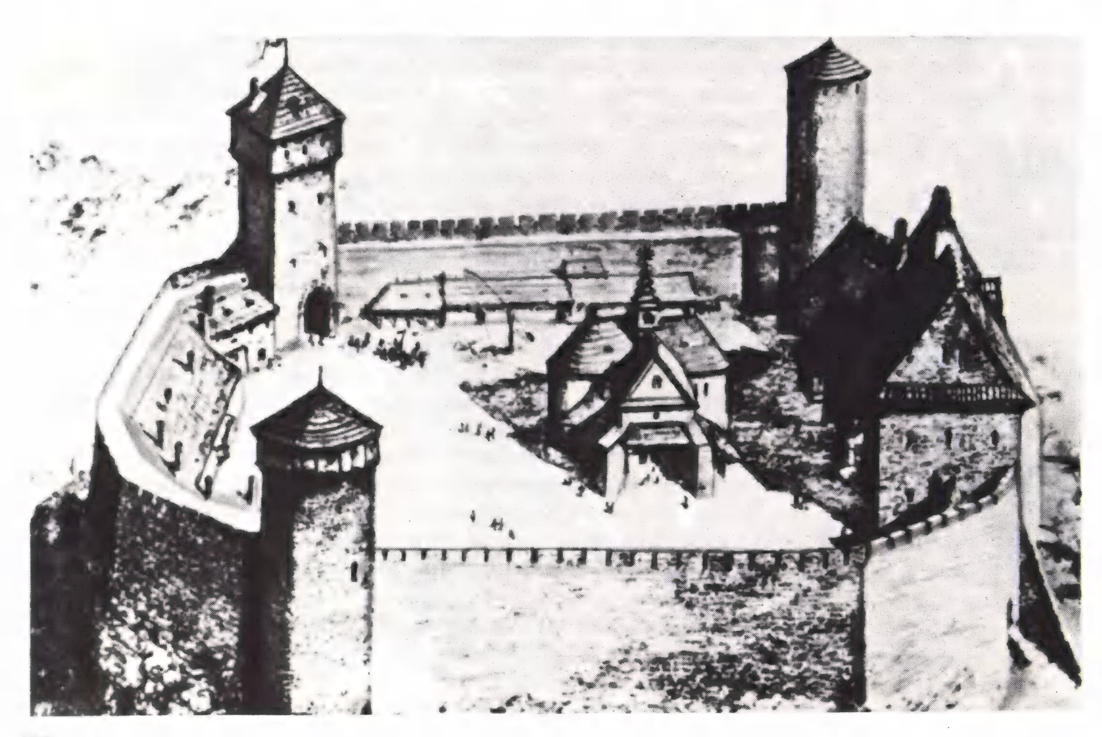
Восставшие обратились к Витовту и ко всем европейским государям с воззванием. Они писали: «Выслушайте нас, угнетенных! Орден не ищет душ наших для бога, он ищет земель наших для себя; он нас довел до того, что мы должны или ходить по миру, или разбойничать, чтобы было чем жить. Как они после того смеют называть себя братьями, как смеют крестить? Кто хочет других умывать, должен быть сам чист. Правда, что пруссы покрещены; но они так же ничего не

смыслят в вере, как и прежде: когда войдут с рыцарями в чужую землю, то поступают хуже турок, и чем злее свирепствуют, тем больше получают похвал от Ордена. Все плоды земли нашей и улья пчелиные рыцари у нас забрали; не дают нам ни зверя бить, ни рыбы ловить, ни торговать с соседями; что год, увозили детей наших к себе в заложники; старшин наших завезли в Пруссию, других со всем родом огнем сожгли; сестер и дочерей наших силой увлекли — а еще крест святой на платье носят! Сжальтесь над нами! Мы просим крещения, но вспомните, что мы люди же, сотворенные по образу и подобию божию, а не звери какие... От всей души хотим быть христианами, но хотим креститься водою, а не кровью».

Не мольбы о помощи побудили Ягайло и Витовта прервать перемирие и двинуть войска на Пруссию, а рыцарский набег на Гродно. Витовт в ответ опустошил в 1404 году Пруссию. Но война не разгорелась. Обе стороны, по-видимому, не считали себя готовыми к решающей схватке. Витовт опять пожертовал Жмудью.

6 августа 1409 года Орден нарушил мирный договор и вторгся в Добржинскую землю. В ответ Витовт привел войско на помощь восставшим в Жмуди и изгнал из городов рыцарские гарнизоны. Ягайло нанес удар Ордену под Быдгощью. И опять война не разгорелась. Было подписано перемирие на год до 24 июня 1410 года. Орден собирал войско для широкого втор-

Замок XV века.

жения, Ягайло и Витовт выверяли реакцию Москвы и Орды на возможное столкновение с Орденом.

Князь Василий, по-прежнему занятый ордынскими делами, был не против, чтобы во взаимной борьбе Орден и польско-литовский союз друг друга ослабили.

Едигей, ощущая в Орде давление Москвы, не прочь был на какое-то время заручиться поддержкой Витовта. Орда не только не воспрепятствовала столкновению Ордена с польско-литовским союзом, но и выделила отряд ордынских воинов в поддержку королю Ягайлу.

К концу июня магистр Ордена Ульрих фон Юнгенген собрал для того времени значительное войско. В него вошли не только рыцари и их кнехты, но наемники из Германии и прусские отряды.

Необычно большое войско было собрано и союзниками. Ягайло и Витовт привлекли русских ратников из земель, входивших в Литовско-Русское княжество, получили в подмогу смоленские полки под водительством князя Юрия Андреевича, сына Андрея Можайского, внука Дмитрия Донского, чешские и венгерские отряды. Чешским отрядом командовал Ян Жижка, будущий вождь гуситов.

Долгое время в историографии держалось мнение, что войско Ягайла и Витовта достигало 150—160 тысяч человек. Польский историк Стефан Кучинский в своей монументальной монографии о войне Польско-Литовского государства с Орденом пересмотрел эти цифры в более реальном плане. Он исчисляет союзное войско в 31 500 воинов.

Ранее историки исчисляли войско Ордена в 60—80 тысяч, признавая, однако, что орденское войско уступало в численности войску союзников. Стало быть, вносится поправка и в эти цифры в сторону их значительного уменьшения. Привязывая ход битвы к местности, мы должны согласиться с Кучинским: Грюнвальдская битва, как мы увидим ниже, состояла из сложных маневров и передвижений, что было бы невозможно совершать при огромных людских массах.

Соотношение сил сторон нельзя рассматривать только с точки зрения численного превосходства польско-литовской армии. Рыцарское войско имело значительное превосходство в вооружении и в боевой выучке. Так что силы были приблизительно равны.

Вопрос сводился не столько к искусству полководцев, ибо и Ульрих фон Юнгенген, и Ягайло, и Витовт были искусными полководцами. Польские, литовские и русские воины шли в бой с желанием покончить с агрессором, который на протяжении чуть ли не двух столетий беспощадно разорял их земли. Орденские воины шли с целями грабительскими. Мы можем считать, что войско союзников имело нравственный перевес над рыцарским войском.

Кучинский таким образом распределяет участие союзников в польско-литовском войске.

Польская кавалерия — 18 тысяч всадников.

Литовско-русская конница — 11 тысяч.

Польская пехота — 2 тысячи.

Литовская пехота — 500 воинов.

Чехи, венгры входили в польские хоругви, русские полки — в хоругви литовско-русские.

Известно, что обе стороны имели на вооружении бомбарды и пушки, стрелявшие дробленым железом.

Появление огнестрельного оружия вызвало утяжеление рыцарских доспехов. Конный рыцарь превратился как бы в маленький танк. На тонкую кольчугу надевали прочный панцирь, слитый воедино шлем с нагрудником. Для глаз оставалась узкая щель, руки и оплечья тоже закрывали железом, ниже панциря — набедренный пояс. У рыцарей на вооружении были приняты длинные копья с древком, окованным жестью, двуручные мечи, секиры и арбалеты. Кнехты имели более легкое вооружение.

Польские и литовские рыцари тоже имели железные доспехи, но не в таком количестве, как орденские. Вообще вооружение первой четверти XV века можно считать наиболее тяжелым в истории рыцарства.

Магистр сосредоточил основные свои силы в районе Тукола, чтобы оттуда начать наступление на Добржин и Куявию.

Союзники сводили свои войска на Вислу к Червинску. Стратегический замысел союзников, по-видимому, состоял в том, чтобы соединиться как можно ближе к столице Ордена Мариенбургу. В Червинске войска, следовавшие из Вильно, из Смоленска и из Орды, а также из Великой и Малой Польши, сошлись 1 и 2 июля.

Быть может, командование Ордена, выводя главные силы на среднее течение Вислы, намеревалось отсечь подход польских сил. Однако уже 3 июля союзники двинулись через Радзанув и Бендзин на Мариенбург. Магистр вынужден был поспешить наперерез. Маршем на Мариенбург Ягайло и Витовт вырвали инициативу из рук Ордена и навязали ему одно решающее сражение вместо разрозненных битв.

9 июля польско-литовско-русское войско перешло границу орденских владений и подошло к реке Дрвенце неподалеку от орденской крепости Кужентник. Магистр рассчитывал, что Ягайло и Витовт начнут переправу через Дрвенцу, и готовился ударить им во фланг. Однако Ягайло искал битвы в открытом поле, а не в лесистой и болотистой местности. Он повел войско вдоль берега Дрвенцы в обход выше истоков. По правому берегу Дрвенцы магистр двинулся параллельно его маршу.

Рыцарь.
1415—1417 годы.

Навязанные магистру маневры принудили его искать поле для битвы, ибо надо было преградить путь противнику к столице. 13 июля польско-литовско-русское войско захватило Домбровно. Магистр перешел Дрвенцу и встал на пути между селами Людвигово, Стембар и Грюнвальд, между речкой Маржанкой, озером Любень и Грюнвальдским лесом.

Рыцарское войско, пришедшее на поле первым, заняло наиболее выгодную позицию на всхолмье. Правый фланг его был защищен лесом и примыкал к селу Грюнвальд, левый фланг опирался на село Стембар (Танненберг) и был защищен болотами по берегу Маржанки. Рыцари поставили впереди войска артиллерию и пехоту, на поле вырыли волчьи ямы, замаскировали их, а в лесу сделали засеки.

Польско-литовско-русское войско подошло к Людвигову на рассвете 15 июля. Левым флангом оно примкнуло к тому же Грюнвальдскому лесу, правый фланг выдвинулся к Танненбергу.

В Грюнвальдской битве есть несколько моментов, которые дают возможность оценить превалирующее значение маневров над рукопашной схваткой.

Магистр Ордена был поставлен перед необходимостью построить войско как преграду на пути наступающего противника. Рыцари и ратники в доспехах, в боевом облачении заняли плотным строем пространство между Грюнвальдом и Танненбергом. Стояли они в открытом поле.

Наступающая сторона имела возможность маневра. Ягайло и Витовт расположили войска вдоль леса, в тени. Расчет был прост. Жаркое июльское солнце раскалит железные доспехи, и еще до боя рыцари будут разморены жарой. Польско-литовские войска рвались в бой, видя перед собой давних разорителей своих земель. Ягайло приказал отслужить две мессы, провел обряд посвящения в рыцари. Он ждал подхода отставших.

Три часа он томил крестоносцев ожиданием битвы, солнце накаляло их железные доспехи. Магистр занял позицию активной обороны, наступать не хотел. Движение орденского войска по полю могло подставить фланги под удар противника, теряли смысл засеки и волчьи ямы. Великий магистр послал к Ягайлу и Витовту глашатаев. Они принесли два меча, как символ вызова на бой, и от имени магистра заявили, что Орден отступает, чтобы освободить место для вступления в бой польско-литовско-русскому войску.

Отступив и тем приглашая противника к бою, крестоносцы оставили на месте пехоту и артиллерию сразу же за волчьими ямами. И Ягайло и Витовт, однако, не поспешили вводить в бой главные силы. Они послали на разведку боем легкую конницу и татарские отряды.

Разведка обнаружила волчьи ямы, прошла сквозь них и разгромила пехоту и артиллерию, действие которой оказалось в полевых условиях неэффективным.

Удар легкой кавалерии последовал в 9 часов утра. Сколько длилась ее атака, сказать трудно. Наверное, ушло немало времени и на ликвидацию волчьих ям и расчистку засек. Солнце продолжало свою работу. Это было первой фазой битвы.

Когда исчезли препятствия и была рассеяна орденская пехота, в бой двинулась тяжелая конница. Ее выхода ждали и крестоносцы. Они пошли навстречу.

В этой второй фазе битвы польско-литовско-русское войско почти полностью было выведено в поле и построено в три боевые линии. Учитывая, что польско-литовско-русское войско, по расчетам Стефана Кучинского, достигало 31 тысячи 500 человек, можно предположить, что каждая боевая линия состояла, по крайней мере, из 5—6 рядов. Такая глубина линии обеспечивала массированный, почти таранный удар.

Основная борьба во второй фазе битвы развернулась на флангах. Крестоносцы нанесли главный удар по правому флангу союзников, на котором были сосредоточены русско-литовские хоругви (хоругвь — боевая единица войска, со своим знаменем) и татары.

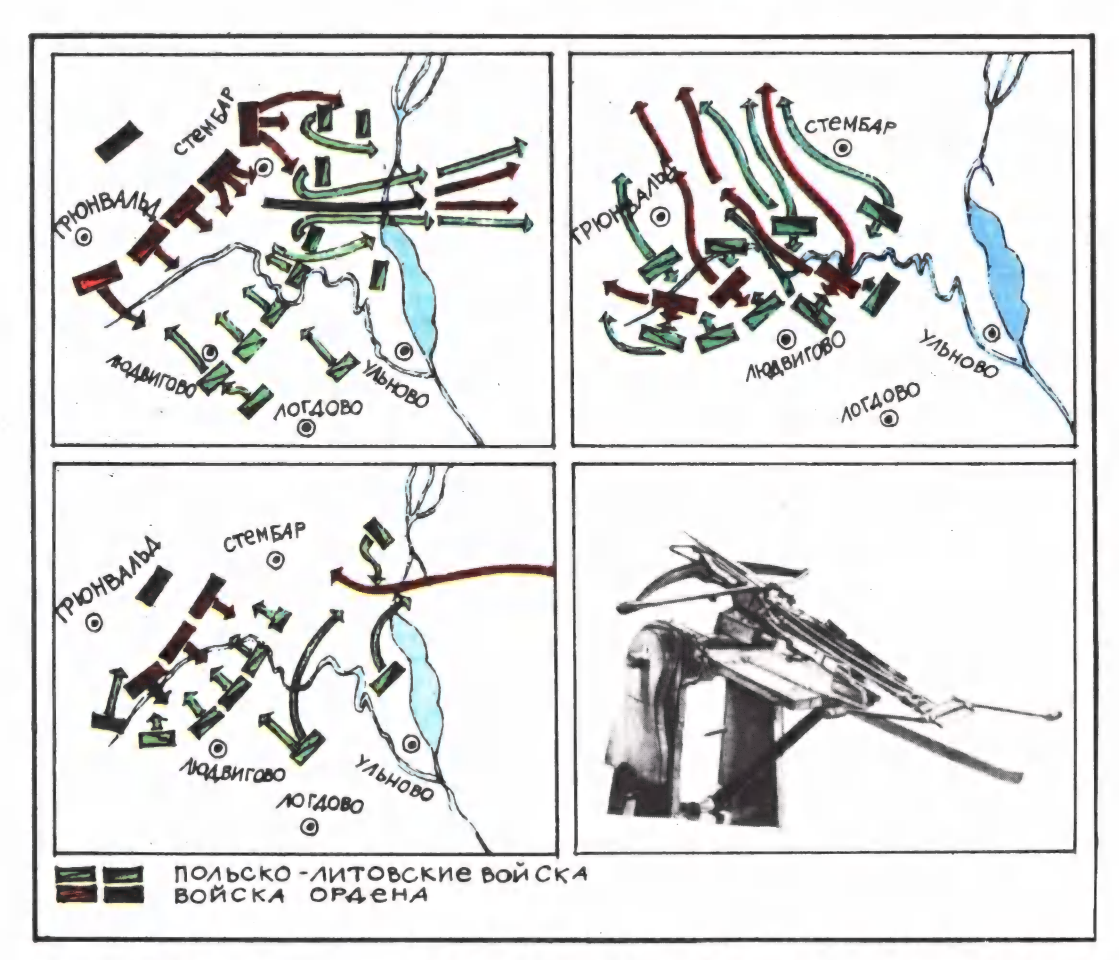
Легкая конница и татары встретили удар крестоносцев и кинулись в заманное бегство, выводя рыцарей под удар второй и третьей линий. Этот маневр был, возможно, позаимствован Витовтом у Дмитрия Донского, но применен он был в иных условиях. Дмитрий Донской отступлением перед ордынским крылом атаки выводил его под удар засадного полка, когда главные силы Мамая спешились. У магистра не было пехоты, и рыцари были на конях. Магистр мгновенно ввел в бой свой резерв, под его ударом хоругви второй и третьей линий вынуждены были отступить.

В это же самое время обозначился успех польских хоругвей на левом фланге. Казалось бы, возникло равновесие в ходе битвы.

Магистр усилил давление, и битва вступила в третью фазу. Правый фланг литовско-русских хоругвей оказался разорванным. Рыцари отбросили его к селу Ульневу и взяли в окружение. Пока сквозь окружение пробивались смоленские полки, магистр нанес удар по польскому флангу и приостановил его наступательные действия.

Литовско-русские полки в окружении вели тяжелый бой. Магистр сумел сосредоточить на этом участке превосходящие силы. Смоленские полки понесли огромные потери. Крестоносцы достигли литовско-русского лагеря. Однако им не удалось уничтожить окруженные смоленские полки. Они прорвали окружение, в прорыв пришли на подмогу польские хоругви.

Грюнвальдская битва.

Битва перешла в четвертую фазу. Часть крестоносцев попала в окружение, обострилась обстановка на польском фланге. Весь бой сдвинулся от Ульнева к Людвигову. Удар Ордена во фланг польской кавалерии принес успех. Крестоносцы уже уверились в победе. Они схватились с польскими ратниками за главное польское знамя и хором подхватили победную песню Ордена «Christ ist ersten den».

Но песня прозвучала преждевременно. Ягайло выдвинул из леса скрытые хоругви. Удар легкой кавалерии остановил рыцарей, часть хоругвей передвинулась к Ульневу, чтобы прочнее замкнуть окружение вокруг крестоносцев, которые прорвались прежде к литовско-русскому лагерю.

Тогда великий магистр Ордена Ульрих фон Юнгенген повел в бой свой главный резерв — 16 конных хоругвей тяжеловооруженных всадников. Трудно сказать, в котором часу битва вступила в пятую фазу. Началась битва в 9 часов утра и длилась до 7 часов вечера. Пятая

фаза была предпоследней, и можно предположить, что резерв Ордена двинулся значительно позже полудня. Вот когда обнаружилось воздействие солнца. Истомленные зноем, одетые железными доспехами кони не смогли в один темп пересечь все поле и остановились у взгорья, на котором был разбит шатер Ягайла.

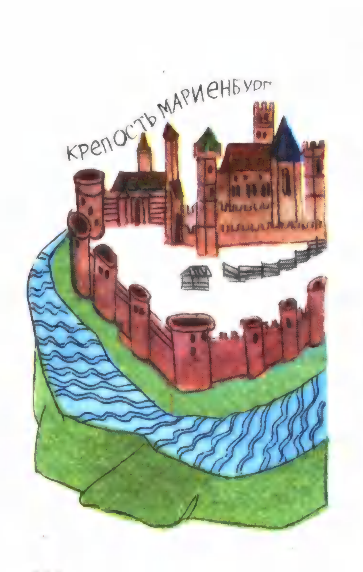

Передышка ничего не дала рыцарям. Король выставил против них на этот раз пешие полки смоленских и польских крестьян. Пешие полки остановили рыцарей фон Юнгенгена, заслонили им дорогу к крестоносцам, окруженным на русско-литовском фланге, в жестокой сече сокрушили их, часть перебили, многих захватили в плен. Пал в этом бою с пешими великий магистр и множество комтуров. К этому моменту было покончено и с рыцарями, окруженными под Ульневом. Бой медленно затухал, сдвигаясь к орденскому лагерю. Огромным усилием рыцари прорвались из окружения и побежали с поля боя. Грюнвальдская битва была одним из последних крупных конных сражений, запоздалая дань средневековью. Пехота прочно становилась хозяйкой полей.

Наступила шестая фаза битвы.

Польско-литовско-русское войско захватило лагерь крестоносцев и начало преследование бежавших к Мариенбургу. Погибло 18 тысяч крестоносцев, 14 тысяч попало в плен. Со времен Ледового побоища на Чудском озере Орден не переживал таких поражений. Слава о непобедимости Ордена раз и навсегда померкла.

Поражение в Грюнвальдской битве положило конец орденским захватам в Прибалтике. Тевтонский орден стал приходить в упадок, Ливонский перестал быть значительной силой в восточноевропейской политике.

Польско-русско-литовское войско подошло к Мариенбургу. Это была одна из самых неприступных крепостей в Европе, она располагала неограниченными запасами продовольствия. Стенобитные орудия средневековья не могли разрушить ее стен, артиллерия еще не достигла необходимой мощности. Король Ягайло распространил свою власть на все владения Ордена, но Мариенбург брать не стал и поспешил в феврале 1411 года заключить мир с Орденом.

Этому были чисто внутренние причины, повлияло и внешнеполитическое давление. Ни империя, ни венгерский, ни чешский короли не желали уничтожения Ордена, а с этим и чрезмерного усиления польского короля. Вместе с тем у Ягайла и Витовта оставались и свои расчеты на Ливонский орден, как на угрозу против несговорчивых Пскова и Новгорода.

Нельзя не сказать и еще об одном последствии Грюнвальдской битвы. Польские феодалы сумели использовать победу над Орденом для усиления своих

позиций в Великом Литовско-Русском княжестве. Под их воздействием круто меняется политика Витовта. После Грюнвальда он становится на позиции насильственного захвата русских земель, рассматривает русские земли как военную добычу княжеского литовского дома.

ПРОТИВОБОРСТВО РАЗЛИЧНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В РАЗВИТИИ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Грюнвальдская победа не могла не осложнить положения Великого Владимирского княжения. Ее следствием должно было стать усиление позиций Витовта в Великом Новгороде, предстояла сложная дипломатическая борьба за влияние в Орде. От Василия Дмитриевича требовались осторожность и выдержка, дабы избежать военного конфликта при самых неблагоприятных для Москвы обстоятельствах.

Надо признать, что сын Дмитрия Донского научился терпению у великого отца. В Москве понимали, что и Грюнвальдская победа не устранит внутренних противоречий в польско-литовском объединении, что время ослабит грозный союз, оно же создаст и благоприятную для Москвы обстановку в Орде.

Время, время... Великое дело создания могучего государства не могло решиться сразу.

Внешне, быть может, и не очень было заметно нарастание разногласий и противоречий между польскими феодалами и литовско-русскими. Но уже в хрониках того времени, в народных преданиях о Грюнвальдской битве мы можем уловить различие в тенденциях. Литовско-русские идеологи приписывали ведущую роль в разгроме Ордена князю Витовту, польские — королю Ягайлу. Литовско-русские феодалы объединились вокруг Витовта, и, хотя прямого разрыва с Ягайлом не состоялось, во внешнеполитических вопросах Витовт начинает действовать самостоятельно.

Прежде всего Витовт выступил с территориальными претензиями к Ягайлу, затем установил прямые контакты с венгерским королем, с императором Священной Римской империи, с Великим Новгородом и Псковом. В Орде Витовту удалось на некоторое время поддержать в борьбе за власть сына Тохтамыша и своего союзника Джелаль-Еддина.

В ответ польские феодалы всячески пытались утвердить приоритет короля над князем. В 1411 году, по всей видимости, именно они организовали совместную поездку Ягайла и Витовта по землям Литовско-Русского княжества от Жмуди до Киева. Во время поездки Ягайло вел переговоры с послами Рязани, Пскова и Новгорода. Ягайло сумел договориться с Новгородом, чтобы там приняли наместником его брата Семена Лугвень Ольгердовича. Вместе с тем Ягайло договором с импе-

ратором Священной Римской империи закрепил за Польшей Галицию и Подолию.

Этому настоятельному давлению польской стороны Витовт пытался противопоставить свой союз с тогдашним ханом Орды Джелаль-Еддином. Тот, опираясь на Витовта, захватил в 1411 году Крым. С одной стороны, у Витовта установилось подобие равновесия с Ягайлом, с другой стороны, наличие «своего» хана в Орде давало ему перевес в отношениях с польскими феодалами.

Наступил момент, когда совпали интересы Москвы и хана Едигея. Едигей, опираясь на поддержку Москвы, изгнал Джелаль-Еддина и поставил ханом Тимура. Тимур-хан не пожелал быть марионеткой Едигея. Он изгнал его из Орды, но тут же пал от удара Джелаль-Еддина и Витовта. В Орде воцарился на короткое время «злой недруг» Москвы.

Джелаль-Еддин вызвал к себе зимой 1410/11 года почти всех князей Северо-Восточной Руси и прежде всего Василия Дмитриевича, тверского Ивана Михайловича, кашинского Василия Михайловича, князей нижегородских и ярославских. Теперь уже не только в ордынских, но и в интересах Витовта, его ставленник попытался внести раздор между князьями Северо-Восточной Руси, дабы отнять у нее возможность противостояния захватническим устремлениям польских и литовских феодалов. Джелаль-Еддин успел сблизить тверского князя и Витовта, противопоставил нижегородских князей Москве.

В августе 1412 года Джелаль-Еддин был убит, ханский престол занял Керим-Берды, находившийся в Москве с 1408 года. Перемена ханов в Орде прямо увязывается с поездкой туда в августе 1412 года Василия Дмитриевича. В сентябре он уже вернулся назад с отменой всех ярлыков, пожалованных Джелаль-Еддином. Керим-Берды отдал Нижегородскую землю в полную волю московскому князю, и тот очень быстро вытеснил из Нижнего стародавних своих недругов, сыновей и племянников Семена и Василия Кирдяпы, предавших Москву в руки Тохтамышу.

Помог Василию Дмитриевичу новый хан и ослабить тверское противостояние, он даже задержал в Орде более чем на год Ивана Михайловича, отпустив в Тверь Василия кашинского и дав ему в подмогу ордынских всадников.

Незамедлительно в русле обычной ориентировки на усиление Москвы пресек свое сближение с Витовтом и Великий Новгород. Осенью 1412 года Семен Лугвень Ольгердович был изгнан из Новгорода, наместником сел Константин Дмитриевич, брат Василия.

Но этот успех Москвы не мог быть прочным в сложнейших политических движениях, создающих неустойчивость международной обстановки в Восточной Евро-

пе. Процесс централизации государств, процесс образования государств национальных и многонациональных вызывал все новые и новые изменения в соотношении сил.

Всякое движение Витовта к самостоятельности и обособленности от польской короны незамедлительно вызывало контрдействия Ягайла; всякое усиление Москвы объединяло Витовта и Ягайла и порождало новые и новые попытки усилить свои позиции в Орде.

Угроза усиления Москвы приостанавливала сепаратистские действия Витовта. И если внутренняя политика польских феодалов порождала оппозицию в Литве, то внешнеполитическая обстановка, напротив, связывала Польшу и Литву все более и более тесными узами.

В такой обстановке правящим кругам феодальной Польши сравнительно легко удалось закрепить унию более определенными соглашениями. В сентябре 1413 года в Городло встретились Ягайло и Витовт, а 2 октября 1413 года были подписаны три грамоты, которыми подтверждалось объединение обоих государств, предполагавшее проведение общей внешней политики и сближение внутриполитических форм правления Польши и Литвы, соединяемых в одно государство.

Практически устанавливался контроль польской стороны над политической деятельностью Витовта. Отныне избрание нового литовского князя требовало санкции польского короля. Четко проводилась разница между литовскими феодалами-католиками и православными. Католики получали преимущественное право на замещение государственных должностей в Литовско-Русском княжестве. Старые звания «литовские бояре» заменялись новыми — «бароны и нобили».

Городельская уния главными своими положениями была нацелена на будущее, открывая возможность постепенной полонизации Литвы. В момент ее подписания значение Городельской унии не выходило за пределы компромисса между разнодействующими силами. Феодальная Польша еще была не в состоянии поглотить Литовско-Русское княжество, Литовско-Русское княжество не могло идти на разрыв с Польшей.

Городельская уния заметно укрепила внешнеполитические позиции Польско-Литовского государственного союза. Витовт, имея поддержку Ягайла, возобновил борьбу с Москвой за влияние в Орде.

В Орде шла своя усобица между претендентами на престол. Витовт поддержал хана Кепека, не без его помощи тот подчинил своему контролю всю Орду. Это немедленно отозвалось на положении Великого Владимирского княжения.

Первыми подняли голову нижегородские князья. Заручившись поддержкой Орды, они попытались си-

Церковь Петра и Павла в Кожевниках. Новгород. 1406 год.

лой вернуться в Нижний Новгород. Василий послал против них своего брата Юрия Дмитриевича, который отогнал их за реку Суру.

Возобновился литовский нажим на Псков и Великий Новгород. В начале 1414 года Витовт провел устрашающую военную демонстрацию: он сжег Себеж и блокировал город Порхов. Новгород направил к Витовту послов. Уже летом 1414 года московский князь Константин Дмитриевич вынужден был уйти из Новгорода, его место занял Семен Ольгемунтович, племянник Витовта. В Псков явился наместник Витовта Юрий Нос. С епископской кафедры в Новгороде был удален сторонник Москвы Иоанн.

Витовт открыл враждебные действия против митрополита всея Руси Фотия и вернулся к замыслу Ольгерда создать независимую митрополичью кафедру в Литве. Созвал собор иерархов Литовской Руси, обвинил Фотия в пренебрежении к Киеву, как к подлинной столице русской церкви. На пост киевского митрополита был выдвинут Григорий Цамблак, племянник Киприана. Но в Константинополе это предложение приняли крайне нервозно, рассматривая создание второй митрополии на Руси как попытку раскола русской церкви в интересах католической Польши. Григорий Цамблак «был извержен синодом из сана и отлучен».

Между тем в Орде вновь сменился хан. Едигей вернулся в Орду, сверг хана Кепека и поставил Чингис-оглана. Орда снова стала противником Польско-Литовского государства. Все повторялось, будто бы время раскачивало маятник гигантских часов. Из Пскова изгнали Юрия Носа, туда пришел наместником ростовский князь.

Не так-то легко сдавал свои позиции в Новгороде Витовт. Он сумел в 1415 году созвать там церковный собор и провозгласить Григория Цамблака киевским митрополитом. Фотий предал Цамблака проклятию, патриарх отлучил литовского ставленника от церкви.

Тревога православных иерархов была не напрасной, ибо с Цамблаком в католическом мире связывались далеко идущие цели. Уже в январе 1416 года магистр Ливонского ордена писал великому магистру в Мальбург (Мариенбург): «Витовт выдвинул и избрал русского папу, или, как его называют, патриарха, в Литве и рассчитывает привести к послушанию этому патриарху московитов, новгородцев, псковичей — словом, все русские земли».

Однако римская церковь взглянула на это событие значительно шире. Митрополита, отлученного от церкви патриархом, поспешил прибрать к рукам папа римский. В мае 1417 года римский папа Мартин V утвердил Ягайла и Витовта в звании викариев римской церкви в Жмуди, Пскове, Новгороде и других русских землях,

Ключи. Новгород XIII—XIV веков.

Андрей Рублев. Троица. XV век.

хотя ни в Пскове, ни в Новгороде, а тем более на земле Великого Владимирского княжения не было ни одной римской церкви и трудно было бы найти среди местных жителей хотя бы одного католика.

В 1418 году Григорий Цамблак поехал на Констанцский собор римской церкви. Папа Мартин V был склонен расценивать эту поездку Цамблака как решительный шаг к церковной унии на территории Польши и Литовско-Русского княжества с дальнейшим продвижением католичества на Русь.

Но и здесь сказались противоречия между политикой польских и литовских феодалов. Ягайло рассматривал миссию Цамблака как переход к унии. Он поспешил оповестить об этом в послании папу Мартина V, но Витовт дал наказ Цамблаку всячески избегать каких-либо соглашений, которые могли бы привести к унии. Под нажимом польской стороны Цамблак дал согласие лишь на диспут об унии.

В Литовско-Русском княжестве очень хорошо понимали, что церковная уния приведет к захвату всех позиций польскими феодалами. И все же поездку Цамблака можно оценить как первую попытку Рима с помощью русского митрополита повернуть Русь к католицизму. Позже, когда падет влияние Константинополя и Литва будет поглощена Польшей, такие попытки станут более решительными.

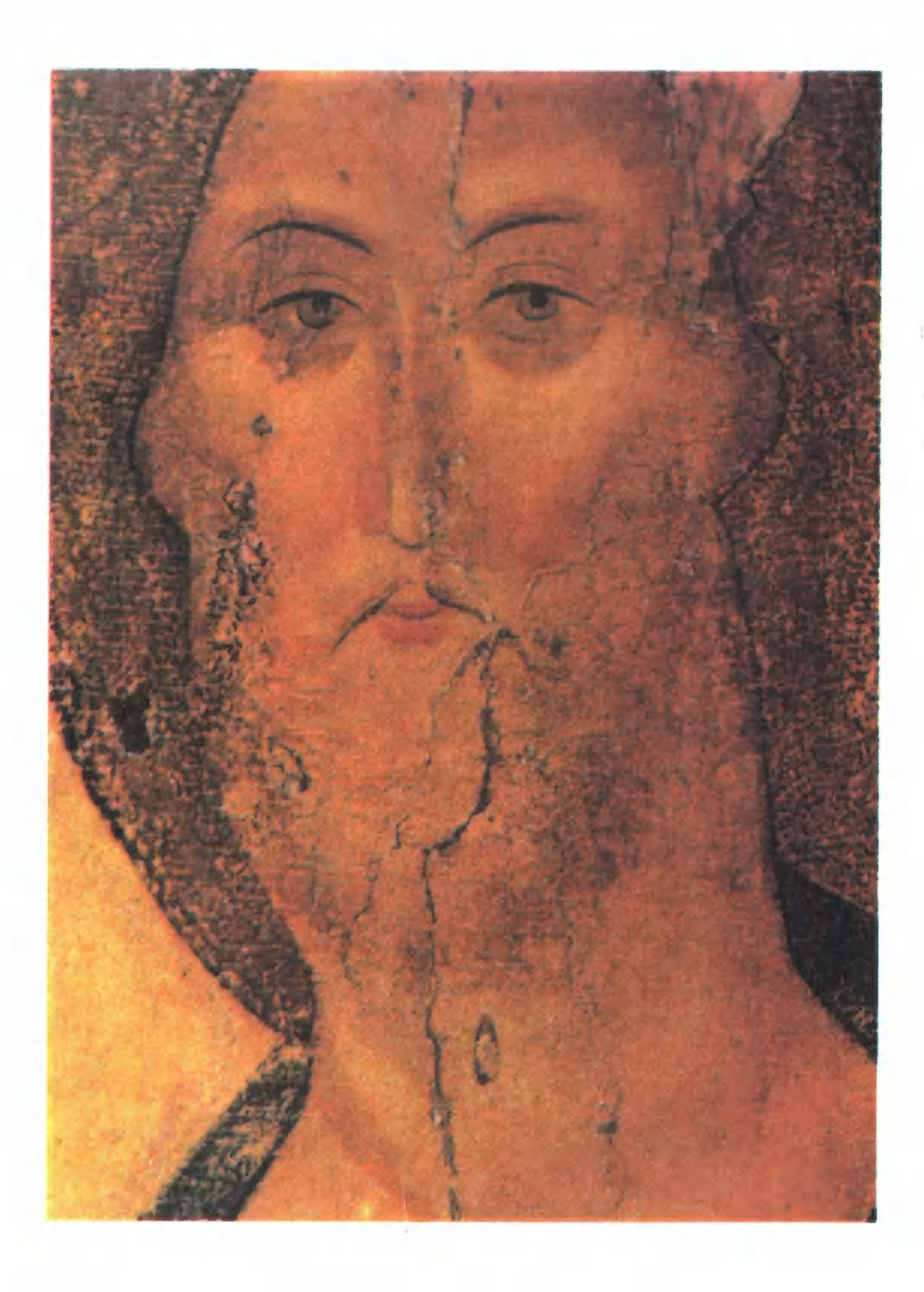

Каких-либо ощутимых результатов в захвате общерусских позиций, поставив своего митрополита, Витовт не добился и вновь обратил взгляд на Орду. Благоприятным толчком для примирения с Ордой явился внезапный побег князя Свидригайла, заключенного Витовтом в кременецком замке. Пленника сторожили крепко, он был опасен своими промосковскими настроениями и Витовту и Ягайлу.

Чудес не бывает. Без всякой помощи извне Свидригайло бежать не мог. Его побег вскрыл существование в Литовско-Русском княжестве оппозиции Витовту как проводнику польской политики. Это был даже не побег, а вооруженное нападение на крепость. У Свидригайла сразу же под рукой оказалось довольно значительное войско.

Витовт укрылся в Тракайском замке, им был утерян контроль над значительной территорией княжества. Резко усилилась в Литве оппозиция польскому влиянию. Это вызвало опасение в Орде.

Ослабление позиций Витовта в связи с побегом Свидригайла прямо связывалось в сознании ордынских владык с усилением Москвы. Едигей незамедлительно предпринял ряд мер, чтобы ослабить Великое Владимирское княжение давно испытанным способом «распыления» его сил, восстановлением против великого князя князей, попавших от него в зависимость.

Андрей Рублев. Спас Вседержитель. Начало XV века. Звенигород.

Под годом 1418-м читаем в Симеоновской летописи: «В лето 6926 князь Данило Борисович с братом Иваном Новгородские бежаша с Москвы от великого князя Василия Дмитриевича». Можно, и не без оснований, предположить, что Едигей связывал с нижегородскими князьями какие-то планы вторжения на Русь. Есть известие и о посольстве Едигея в Литву в 1419 году, хронисты приводят даже текст его послания к Витовту. «Не могу скрывать от внимания пресветлейшего князя,— писал Едигей,— что оба мы с тобой приближаемся к закату жизни. Не пристойней ли нам провести конец жизни в согласии и мире, чтобы кровь, пролитая в войнах между нами, впиталась в землю, чтобы ветер развеял взаимные упреки и проклятия, чтобы огонь уничтожил гнев и ожесточение между нами, чтобы пожары, все еще пылающие в наших странах, были погашены водой».

Вполне резонно заметить, что Витовта интересовала дружба не лично с Едигеем, а союз с Ордой для осуществления давних замыслов превращения Вильно в общерусский центр. В Орде разгорелась усобица, в которой погиб Едигей, на его место пришел Улуг-Мухаммед, ставленник Витовта. Московская Русь оказалась опять в изоляции.

Затем Витовт попытался восстановить отношения с митрополитом Фотием. Он порвал с Цамблаком, отлученный от церкви митрополит сошел с политической арены. Фотий, памятуя о посягательствах Рима через Цамблака, Ягайла и Витовта на православие на Руси, сблизился с литовским князем, чтобы не дать в обиду православных в Литве и Польше. В процессе сближения с Витовтом Фотий «потянул» в сторону Литовско-Русского княжества. В 1423 году обязал великого князя Василия Дмитриевича «приказать» (поручить руководство и заботу) в духовной грамоте «сына своего князя Василия и свою княгиню (Софью Витовтовну) и свои дети своему брату и тестю, великому князю Витовту».

Жизнь сына Дмитрия Донского, полная тяжких испытаний и тревог, приближалась к концу. Сын победителя Мамая, заложник Тохтамыша, беглец из Орды, зять литовского князя и своего соперника уходил из жизни в тревожное для Москвы и общерусского дела время.

Происходило дальнейшее сращивание Великого Литовско-Русского княжества и Польши. Несмотря на внутренние противоречия в этом крупнейшем феодальном объединении, несмотря на религиозную рознь, его создание определило весь ход политической жизни в Восточной Европе. Все еще высилась грозной силой Орда, восстановленная Тохтамышем и его сы-

новьями. У многих в Москве опустились руки, гасли надежды на полное освобождение от ордынской зависимости. Митрополит Фотий и тот колебался.

Силой разорвать союз Орды и Литвы Москва не могла. Дипломатическими маневрами Василий Дмитриевич несколько раз разрывал его, но и с ордынской помощью не видел возможности ослабить своего тестя настолько, чтобы приступить к воссоединению отторгнутых литовским княжеским домом земель.

Каждое время, каждая эпоха решают свои задачи. Отец нанес смертельный удар вековечному врагу, Орда смертельно ранена, она в агонии междоусобиц, но она страшна не столько сама по себе, сколько теми, кто использует ее затухающую, но все еще опасную силу, чтобы унизить Москву.

Ни в чем, казалось бы, не явил нам блестящих деяний сын Дмитрия Донского, нет выигранных битв, не прославлен походами, и все же он оказался достойным преемником своего отца. Он не растерял отцовского наследства, а почти незримой для нас деятельностью сохранил его и укрепил. Нет, не погибающей предстает Русь первой четверти XV века. Здесь закладывается ее будущий взлет.

При Василии Дмитриевиче расцвело могучее творчество Андрея Рублева. Здесь работали и другие талантливые художники, над возрождением общерусского летописания, над утверждением национального самосознания всего русского народа трудились летописцы. Это самосознание, общее понимание задач создания государства и было той силой, которая не дала растерзать Русь ни западным, ни восточным соседям.

Летописи — это хроники событий. Изредка упоминается в них о сооружении города, реже монастырей, еще реже о создании шедевров искусства и совсем не говорится о жизни народа. Но искусство Андрея Рублева не могло родиться из ничего. Оно, как в зеркале, отразило ту высоту, которой достигло Возрождение Руси после Куликовской битвы.

Нет, не случайно повернул Тамерлан прочь, узнав, что на Оке его ждет московское войско, и Едигей не взял Москвы, ибо у Орды уже не было той силы, и Витовт, подведя свое войско к Угре, не по родственному сочувствию уклонился от битвы. Москва стала неодолимой для врагов.

27 февраля 1425 года, после тридцатишестилетнего княжения, Василий Дмитриевич скончался, оставив после себя на княжении девятилетнего сына Василия Васильевича.

ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА НА РУБЕЖЕ XV И XVI ВЕКОВ

- Территория и границы Русского государства
- Русские земли, сохранившие в нач. XVI в. частичную самостоятельность
- Общая граница грузинских царств и княжеств, а также Армении
- Предположительные границы Казанского ханства
- Границы Польского королевства и Великого княжества Литовского
- Территория и границы Турции и ее вассальных владений
- Границы бывшей державы Тимура (1405 г.)

БОРЬБА ЗА ВЛАДИМИРСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Дмитрий Донской, дед Василия Васильевича, остался на княжении в том же возрасте, что и внук. Немедленно, как мы помним, его право на великокняжеский стол было оспорено Дмитрием суздальским. Дмитрию Ивановичу пришлось сесть на коня и выступить против суздальца во главе московского войска. Не успел отбиться от суздальца, поднялся с теми же претензиями тверской князь.

С той поры минуло шестьдесят лет. Против малолетнего Василия Васильевича никто из русских князей не посмел подняться. Суздаль и Нижний Новгород вошли в вотчину московского князя, потеряли силу тверской и рязанский князья. Ни один город Северо-Восточной Руси уже не мог противопоставить себя Москве, ни один княжеский род не смел оспаривать право потомков Ивана Калиты на великое княжение.

Только Орда и Литовско-Русское княжество, да к тому же в союзе, а не врозь, могли соперничать с Москвой. И не в открытой борьбе, а старым, испытанным способом, внося раздор в московский княжеский дом. Орда давала последний бой рождавшемуся Московскому государству, Витовт к концу жизни прилагал все усилия, чтобы вырвать у Москвы инициативу собирания русских земель, феодальный сепаратизм отживал последние свои годы.

Княжение Василия Васильевича не обещало быть спокойным. Признаки конфликта обнаружились еще при жизни Василия Дмитриевича. На этот раз соперники являлись и могли явиться только в роде Калиты. В их среде и предстояло ордынским владыкам искать соперника малолетнему князю.

В последней своей духовной грамоте, в завещании, Василий Дмитриевич приказал своего сына заботам тестя Витовта, братьям Андрею, Петру и Константину, а также сыновьям сподвижника Дмитрия Донского князя Владимира Андреевича Храброго. Ни в последней духовной, ни в тех, что были написаны ранее, не упомянут в поручителях его старший брат Юрий Дмитриевич. Юрий Дмитриевич и при жизни Василия отказывался признать его право занять место великого кня-

зя. Теперь же, когда великое княжение переходило не от брата к брату, а к сыну великого князя, настал час оспорить новый порядок наследования.

Право Юрия Дмитриевича основывалось на старинном обычае, который сам собой отменялся временем и волей московских князей. Не всегда межкняжеская борьба основывалась на праве, очень часто под те или иные претензии подводились и неправовые основы. На этот раз в обнаженном виде сталкивались законность старого и нового порядка: князь Юрий — наследник по старине, утвержденной Ярославом Мудрым, Василий получил старшинство по отцовскому завещанию, продиктованному княжеской волей, осмелившейся рассматривать Владимирское княжение как свою родовую вотчину.

Судьба поставила это столкновение правовых тенденций в особые условия. Старинное право наследования от брата к брату защищает князь, искушенный в политике, новое право представлено отроком, но не отрок его отстаивает, а весь установившийся новый порядок Русской земли.

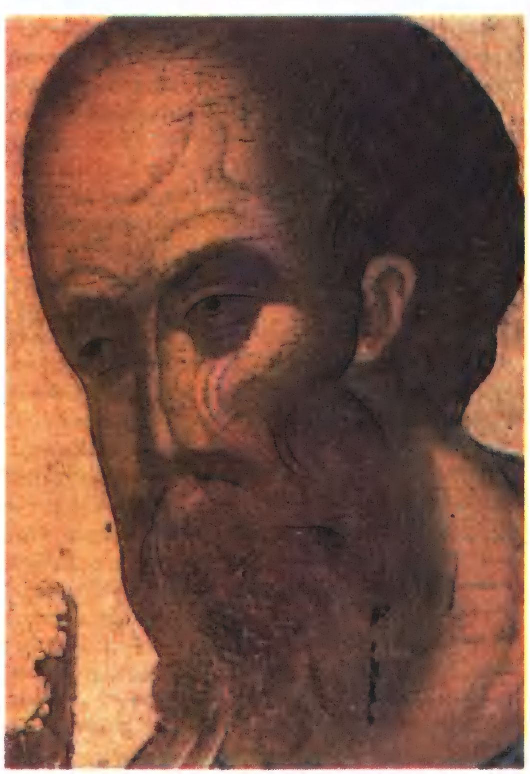

Опять придется здесь сказать о роли церкви. Митрополиты титуловали себя «митрополит всея Руси». Этот титул был не только формальным обозначением, он содержал в себе и фактическое распространение духовной власти на все земли, где жили русские люди, исповедовавшие греческую веру. Мы видели, что неоднократно в XIII—XIV веках отдельные князья тоже провозглашали себя князьями «всея Руси». Но эта приставка к титулу не отражала реальной действительности, а обозначала политическую программу великих владимирских князей слить воедино власть духовную над всеми русскими землями с властью светской.

Церковные иерархи точнее других на Руси понимали значение единодержавия. Церковная иерархическая лестница сложилась давно, в ее построении учитывался опыт Римской и Византийской империй. Русские митрополиты искали себе базилевса по образцу византийских. После победы на Куликовом поле обозначилось, что великий владимирский и московский князь Северо-Восточной Руси возвышается над всеми иными князьями. Литовский же князь-католик, несмотря на усиление Литовско-Русского княжества, несмотря на симпатии к нему Киприана, не мог рассматриваться иерархами греческой церкви как возможный базилевс — царь всея православной Руси.

Митрополит Фотий ни мгновения не колебался, кому приводить под крестоцелование князей, бояр, служилый и простой люд: после кончины Василия Дмитриевича, конечно же, его сыну! Не случайно в ночь, когда умер Василий Дмитриевич, Фотий послал скорых гонцов к Юрию Дмитриевичу в Звенигород звать его

Андрей Рублев.
Архангел Михаил.
Фрагмент.

Андрей Рублев.
Апостол Павел.
Фрагмент.

к присяге. Изо всех дядьев малолетнего князя он один вызывал опасения. И сразу же обнаружилось, что дядя не захотел признать племянника старшим. Он не поехал в Москву, а помчался в Галич, подальше от Москвы и поближе к своим союзникам — вятичам. Из Галича он прислал послов с требованием перемирия на несколько месяцев.

Перемирие понадобилось обеим сторонам, чтобы успеть собрать войска. Против Юрия Дмитриевича выступили его братья, подручные Москве князья, и двинулись к Костроме. Юрий Дмитриевич перебежал в Нижний Новгород, не усидел там, скрылся за Сурой, не исключено, что оттуда он снесся с Ордой, но подмоги на этот раз не получил.

Московское войско вернулось в Москву, Юрий Дмитриевич — в Галич и вновь запросил перемирия, на этот раз сроком на год. Признать племянника старшим над собой не спешил. Выжидал какого-либо изменения в соотношении сил. Быть может, ему была обещана поддержка в Орде, а может быть, надеялся на то, что в Литве сложится благоприятная для него обстановка?

В Москве, напротив, стремились поскорее решить дело и побудить Юрия Дмитриевича признать Василия

Васильевича великим князем. Витовт, великая княгиня Софья Витовтовна, братья Василия Дмитриевича уполномочили митрополита Фотия поехать в Галич и склонить князя Юрия к повиновению.

Витовта, конечно же, устраивал на московском столе внук, а не Юрий Дмитриевич, свояк его заклятого врага князя Свидригайла. Как раз в это время Витовт нуждался если не в поддержке Москвы в своем споре с Ягайлом за влияние в Польше и в Литовско-Русском княжестве, то хотя бы в благожелательном нейтралитете. Нужна была Витовту и поддержка Орды, он был против отвлечения ее сил на дела Северо-Восточной Руси. Быть может, этим объясняется возвращение Юрия Дмитриевича из-за Суры без ордынской поддержки.

Несмотря на явную изоляцию, Юрий Дмитриевич не внял уговорам митрополита. И единственно, на что согласился: перенести спор о великом княжении на усмотрение хана, хотя к этому времени Орда не играла решающей роли в назначении князей. Скорее наоборот. Сложилась обстановка, в которой московский, а также и литовский князья оказывали влияние на перемену ханов в Орде. Соглашение повисло в воздухе. Племянник не собирался в Орду, а без него там нечего было делать и дяде.

В то же время нарастало влияние Витовта на расстановку политических сил в Восточной Европе. Уже мало на что надеясь, страшась военной силы Василия Васильевича, Юрий Дмитриевич в 1428 году покорился и признал себя «младшим братом» племянника. Но смирение было вынужденным, Юрий Дмитриевич ждал, когда он сможет найти поддержку извне.

В 1426 году польские феодалы, обеспокоенные уходом с политической арены Василия Дмитриевича, который под конец жизни стал сдерживающей силой устремлений Витовта, собрались на сейм в Лигнице, чтобы определить, как воспрепятствовать отделению Литвы от Польши, как оставить Литву в сфере своего влияния.

Соглашение между Польшей и Литвой предусматривало, что в случае смерти Ягайла бездетным польский престол переходит к Витовту. Как раз в это время определилось, что Ягайло уходит не бездетным. От второго брака он имел двух сыновей, и королева готовилась родить третьего ребенка. Обычная выдержка и осторожность на этот раз изменили Витовту, и он обнаружил свой скрытый замысел. В 1427 году на сейме в Городне он обвинил молодую королеву в супружеской неверности, пытаясь доказать, что отец ее детей не король. Но Ягайло не захотел поверить обвинению.

Витовт понимал, что раскрыл свои замыслы, и поспешил с их исполнением. Воспользовавшись трудным

положением императора Священной Римской империи Сигизмунда, теснимого гуситами и турками, Витовт обещал ему поддержку. Взамен император должен вручить ему корону Литовско-Русского королевства.

В 1429 году в Луцке встретились император, Ягайло и Витовт. Сигизмунд склонил Ягайла дать согласие на провозглашение Витовта независимым королем Литвы и Руси. Согласие Ягайла вызвало взрыв негодования польских вельмож и прелатов католической церкви. Они покинули съезд, бежал вслед за ними из Луцка и Ягайло.

Опасаясь, что император без согласия Ягайла коронует Витовта, прелаты католической церкви обратились к папе, дабы тот запретил императору короновать литовского князя, убеждая его, что это приведет к искоренению католицизма в русских землях и в Литве. Однако император спешил привязать к себе Витовта теснейшим союзом и известил Вильно, что посылает корону. Коронация была назначена в праздник успения богородицы. На коронацию были приглашены соседние государи, в их числе и юный московский князь Василий Васильевич.

К успению императорские послы опоздали. Коронация была перенесена на праздник рождества богородицы — в сентябре месяце. Польские вельможи и прелаты послали сторожевые отряды на границы, чтобы перехватить Сигизмундовых послов с короной. На границе Саксонии схватили послов, которые шли к Витовту с известием, что корону, а с ней и грамоты на королевский титул несут знатнейшие посланцы императора. По одним сведениям, послы испугались сторожевых отрядов и вернулись назад с короной, по другим их будто бы перехватили во Львове, корону разрубили и половинки приложили к короне краковского епископа...

Витовт не дождался короны — 27 октября 1430 года он скончался.

Смерть могущественного литовского князя — победителя Ордена, союзника Орды, родственника московских князей Василия I и Василия II,— не могла не вызвать перемен в расстановке политических сил в Восточной Европе: в Литовско-Русском княжестве, в Польше, в Орде и в Москве. На место Витовта великим князем Литовского и Русского княжества был незамедлительно избран известный нам Свидригайло Ольгердович. Начинался новый этап борьбы между Польшей и Литвой за дальнейшую судьбу унии.

Юрий Дмитриевич, едва получив известие о смерти Витовта и о приходе к власти Свидригайла, свояка и побратима, тут же сложил крестное целование племяннику и поехал в Орду искать ярлык на Великое Владимирское княжение.

Приход к власти Свидригайла, имевшего сильную опору среди русской феодальной олигархии, тяга к нему Рязанского, Тверского княжеств и Великого Новгорода нарушали нужное Орде равновесие.

Приход к власти в Северо-Восточной Руси Юрия Дмитриевича, свояка Свидригайла, не устраивал Орду. Юрию Дмитриевичу трудно было рассчитывать на поддержку ордынских властей. Он искал пути воздействия на хана через влиятельнейшего ордынского мурзу Тегиню, подкупив его богатыми дарами, но ордынские владыки, принимая дары, вопреки своим собственным интересам не действовали.

Защищать интересы Василия Васильевича в Орде поехал знатный и могущественный в Москве боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, один из хитрейших политиков своего времени. Весной 1432 года в Орде состоялся суд между дядей и племянником.

Юрий обосновывал свои претензии на великое княжение древним родовым правом наследования братом брату, приводил ссылки на летописи, указывая, что никто не отменил это право.

За юного князя говорил в Орде боярин Всеволожский: «Князь Юрий ищет великого княжения по завещанию отца своего, а князь Василий по твоей милости; ты дал улус свой отцу его Василию Дмитриевичу, тот, основываясь на твоей милости, передал его сыну своему, который уже столько лет княжит и не свергнут тобой, следовательно, княжит по твоей же милости».

Состязание это любопытно как образчик толкования княжеского права и умения вести диспут людьми того времени. Но решение хана, конечно же, не было продиктовано какими-либо правовыми соображениями. Орде было безразлично, кто и кому наследует, смотрели на личность князя, на его внешнеполитические связи, на возможность держать его в повиновении. Юрий Дмитриевич на великокняжеском столе Орду не устраивал, но был нужен как соперник московского князя, поэтому хан своим решением постарался всячески унизить дядю перед племянником, разжечь ярость дяди на племянника, в утешение дал дяде в удел город Дмитров.

Юрий не решился сесть в Дмитрове, ушел в далекий Галич. Василий и московские бояре изгнали из Дмитрова его наместников, еще раз показав, что теперь слово хана на Руси мало значит. Создалась обстановка, в которой надо было ожидать новой вспышки войны за наследство. Любой предлог годился. И предлог нашелся.

Мать великого князя Софья Витовтовна обидела боярина Всеволожского. Боярин вел свой род от смоленских князей, сам был женат на внучке князя нижегородского и рассчитывал, что его служба в Орде будет

оценена по достоинству. Он сватал за юного великого князя свою дочь. Софья Витовтовна отвергла это сватовство. Всеволожский перебежал от Василия Васильевича к Юрию Дмитриевичу. Этим уже как бы был брошен меч между племянником и дядей.

В Москве играли свадьбу великого князя Василия и внучки Владимира Андреевича Храброго Марии Ярославны. На свадьбу приехали сыновья Юрия Дмитриевича, пока еще не вовлеченные в конфликт между дядей и племянником, Василий Косой и Дмитрий Шемяка.

Василий Юрьевич Косой явился на свадьбу в золотом поясе, унизанном каменьями — знаменитой драгоценности суздальских князей, что переходила из рода в род чуть ли не со времен Всеволода Большое Гнездо. Один из старых бояр, помнивших время Дмитрия Донского, рассказал Софье Витовтовне историю этого пояса.

Мы уже говорили о том, что Дмитрий Донской был великим умельцем врагов превращать в своих союзников. Первым его врагом был Дмитрий суздальский. Вступив в возраст, Дмитрий высватал его дочь Евдокию. Ранее на дочери Дмитрия суздальского Марии женился Николай Вельяминов, сын московского тысяцкого. Дмитрий суздальский подарил первому своему зятю золотой пояс, но значительно беднее того, который увидела Софья Витовтовна на Косом. Когда Дмитрий Иванович играл свадьбу в Коломне с Евдокией, тесть подарил ему золотой пояс, во много раз превосходящий по своей ценности пояс, подаренный Николаю Вельяминову. Московский тысяцкий Василий Вельяминов тайком заменил пояса: богатый — сыну, тот, что победнее,— великому князю. Маловероятно, что этот обмен не открылся тогда же, на свадьбе, но великий князь не захотел объявить вором тысяцкого, ибо дорожил единством своего боярства.

Софья Витовтовна, узнав, что золотой пояс Косого — принадлежность ее дома, прямо на свадьбе, при всем честном народе сорвала с Василия Косого золотой пояс. Оскорбление было тяжким.

Юрьевичи были нисколько не виноваты в краже пояса, совершенной более полувека тому назад. К Василию Косому пояс попал так: дочь Николая Вельяминова вышла замуж за Ивана Всеволожского и получила в приданое этот пояс. Всеволожский отдал его в приданое за своей дочерью, вышедшей замуж за князя Андрея, сына Владимира Андреевича серпуховского. После смерти Андрея отдал пояс в приданое его дочери и своей внучке, вышедшей замуж за Василия Косого.

Василий Косой и Дмитрий Шемяка покинули свадьбу и помчались к отцу в Галич. Предлог для военных действий был найден.

Рождественский собор. Звенигород. 1405—1406 годы.

Юрий Дмитриевич быстро поднялся и внезапно для Василия Васильевича явился с довольно значительным войском в Переяславль. К нему поскакали послы великого князя и нашли его уже в Троицком монастыре в одном переходе от Москвы. Юрий Дмитриевич к московским боярам не вышел, говорил с ними боярин Всеволожский. «И была,— пишет летописец,— между боярами брань великая и слова неподобные».

Василий Васильевич и московские бояре собрали ратников, что случились под рукой, ополчили горожан, ремесленников, торговых гостей и выступили навстречу Юрию. Встретились на Клязьме, верстах в 20 от города. Никоновская летопись сообщает: «А от москвич не бысь никоея же помщи, мнози бо от них пияни бяху, а и с собою мед везяху, чтоб пити еще». Юрьевы полки ударили, московская толпа разбежалась, Василий Васильевич побежал в Кострому, его догнали и взяли в плен. Юрий сел в Москве на великокняжеский стол.

Произошло это в апреле 1433 года.

На что мог рассчитывать Юрий Дмитриевич, садясь на великокняжеский стол?

Прежде всего, конечно, на свояка и побратима литовского князя Свидригайла. Но в это время положение Свидригайла значительно ухудшилось. Всего лишь два года назад, в 1431 году, он разговаривал с польскими послами с позиции силы, требуя у Польши уступки всей Подолии. Во время переговоров Свидригайло надавал пощечин польскому послу, затем бросил его в тюрьму.

Начались военные действия между Свидригайлом и королем Ягайлом. Война изобиловала жестокостями, расправами с мирными жителями и духовенством: католики избивали православных священников, православные вымещали свой гнев на католических ксендзах. Польскому войску пришлось отступить от Луцка, престарелый король предпочел заключить перемирие.

Не имея возможности сладить с литовским князем в открытом бою, польские вельможи прибегли к испытанному в феодальных усобицах маневру: выставили против Свидригайла литовского же соперника, брата Витовта, князя стародубского Сигизмунда Кейстутовича. Сигизмунд внезапным ударом выгнал Свидригайла из Литвы, и тому пришлось уйти в Смоленск. Естественно, что Свидригайло в это время не мог прийти на помощь Юрию.

Соотношение сил в Литве стремительно менялось, все было в движении. Исход борьбы между Свидригайлом и Ягайлом еще был неясен, поэтому в ордынских улусах не успокоились относительно Свидригайла, там же не хотели и Юрия на Великом Владимирском княжении, опасаясь его союза с литовским князем.

Юрий Дмитриевич не получил ордынской поддержки, что тогда было весьма важно. Не нашел он под-

держки и в Москве у простого люда, а московское боярство встретило его враждебно. Захват Юрием Дмитриевичем великокняжеского стола не обещал спокойствия и заводил в тупик.

Право Юрия на великокняжеский стол основывалось на старинном «наряде» от брата к брату, давно преданном забвению в Северо-Восточной Руси и никогда не осуществлявшемся в Москве. Восстановление этого права не вносило ничего, кроме путаницы, которая, в свою очередь, должна была привести к усугублению вражды в роде Калиты. Встал вопрос: Юрий Дмитриевич захватил княжение по праву брата умершего Василия Дмитриевича. Кто же был должен наследовать Юрию? Младший брат Константин Дмитриевич? Если переживет Юрия... Кто же наследует Константину Дмитриевичу или Юрию, если он переживет Константина? Согласно древнему княжескому праву наследует Василий Васильевич. Это по праву, но разве Василий Косой или Дмитрий Шемяка — сыновья Юрия — уступят без борьбы великокняжеский стол? Ничего, кроме мрачной смуты, вокняжение Юрия в Москве не сулило в будущем.

В Москве нарастало недовольство и возмущение, оно грозило мятежом. Только этим и можно объяснить, что Юрьевичи не уничтожили Василия Васильевича, а Юрий Дмитриевич будто бы по ходатайству своего боярина Семена Морозова вопреки настоянию сыновей и боярина Всеволожского отпустил племянника из плена и дал ему в удел Коломну.

Почему Коломну? Почему город, ближайший к Орде, а не какой-то из северных городов? Не стояла ли за этим точно выраженная воля Орды иметь под рукой Василия?

Прибыв в Коломну, Василий Васильевич тут же начал собирать силы для новой схватки с Юрием. К нему побежали князья, бояре, воеводы, дворяне из всех городов Великого Владимирского княжения, обнаружив явную враждебность к Юрию и его сыновьям. Юрьевичи, видя свое бессилие, сорвали зло на Семене Морозове. Они сказали: «Ты злодей, крамольный! Ты ввел отца нашего в беду и нам издавна крамольник и лиходей!» Василий Косой и Дмитрий Шемяка убили Морозова, обнаружив непонимание тех процессов, которые вынудили их отца отпустить Василия Васильевича на свободу.

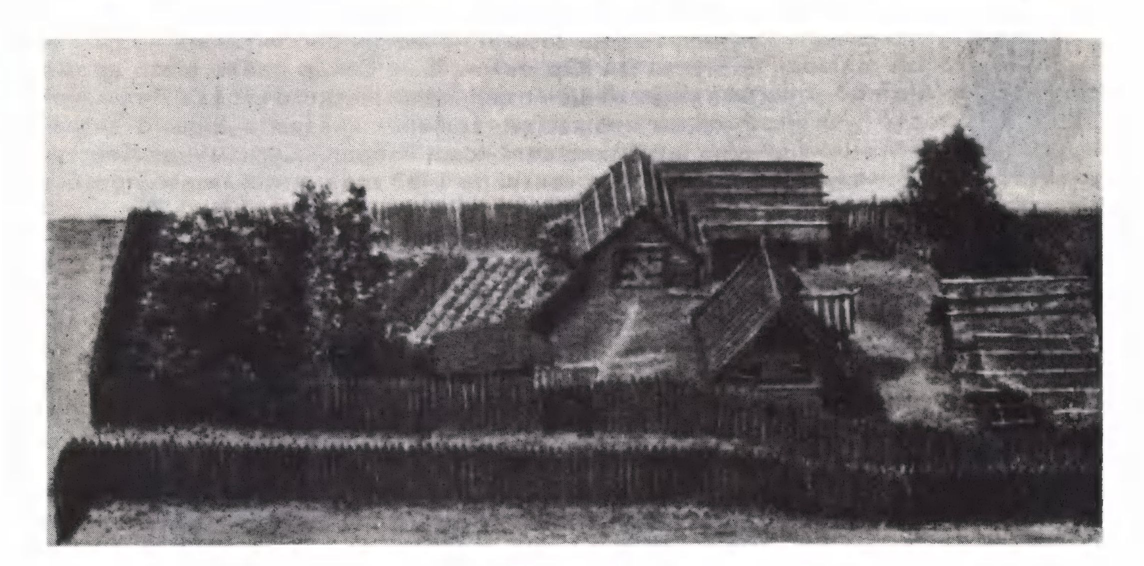
Юрий Дмитриевич был разгневан бессмысленным убийством боярина. Косой и Шемяка бежали из Москвы от отцовского гнева. Убийство боярина, надо полагать, повлекло за собой и уход тех, кто еще колебался. Юрий Дмитриевич остался в полной изоляции в Москве, ненавидимый москвичами и всеми на Владимирской земле, без поддержки Свидригайла и Орды. Он послал

послов в Коломну звать Василия Васильевича на великое княжение, а сам ушел в Галич.

И возраст и опыт подсказывали Юрию Дмитриевичу безнадежность его притязаний без сильной поддержки извне. Он подписал с Василием Васильевичем договор, признал племянника старшим братом, оставил за ним исключительное право «знать» Орду. Выговорил себе лишь право не садиться на коня, если Василий Васильевич поведет свои полки на Литву.

Ивану Всеволожскому пришел конец. Его схватили по повелению великого князя, ослепили, а села его взяли в великокняжескую казну.

Трудно сказать, какими путями шли тогда сношения Юрия и его сыновей с Ордой. Косой и Шемяка укрылись в Костроме. До Орды — рукой подать. Орда, конечно же, не хотела терять в них соперников Василию московскому.

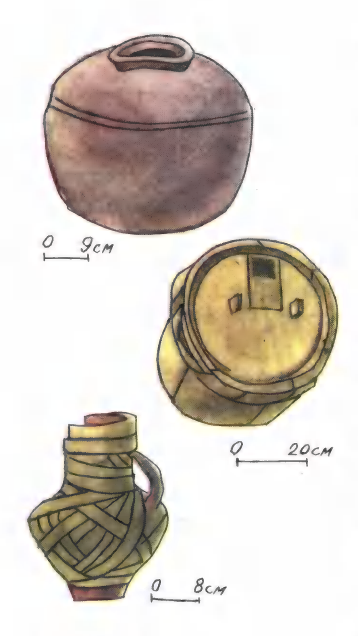

Макет усадьбы сапожника. XV век.

Василий Васильевич послал под Кострому воеводу Юрия Патрикеевича взять Косого и Шемяку. Но Юрий Дмитриевич прислал войско им на подмогу, и московский воевода был разбит. Василий Васильевич в 1434 году двинулся на Галич против дяди, сжег город, Юрий убежал на Белоозеро.

Но военное счастье Василия Васильевича не баловало. Великий князь вернулся в Москву, Юрий — в Галич, собрал сильное войско и двинулся на Москву.

Василий Васильевич призвал на помощь князя Ивана можайского (сына покойного Андрея Дмитриевича), оба внука Дмитрия Донского сошлись со своим дядей неподалеку от Ростова и были жестоко разбиты.

Корчага. XV век. Москва.

Бочонок для дегтя.

Кувшин, оплетенный берестой.

Василий Васильевич убежал в Новгород, Иван можайский — в Тверь, а вскоре переметнулся к победителю. Юрий вошел в Москву и взял в плен Софью Витовтовну, мать Василия Васильевича, и жену великого князя.

Василий Васильевич из Великого Новгорода ушел в Нижний, оттуда собрался в Орду, но пришла весть о внезапной смерти Юрия Дмитриевича. Великокняжеский стол занял его старший сын Василий Косой. Предприятие было настолько безнадежным, что против него объединились его же братья: Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Они заявили брату: «Если богу неугодно, чтобы княжил отец наш, то тебя сами не хотим!»

Если Юрий Дмитриевич питал надежду на помощь князя Свидригайла как его свояк и все же ее так и не получил, то уже совсем не могли рассчитывать на литовского князя Юрьевичи. Сам Свидригайло в это время был уже смещен с великокняжеского стола в Литовско-Русском княжестве, великим князем в Вильно литовские и русские вельможи избрали Сигизмунда Кейстутовича еще в сентябре 1432 года, что вызвало протест польских вельмож.

В ответ они пытались разделить власть в Литовско-Русском княжестве сначала между Сигизмундом и Свидригайлом, потом между Свидригайлом, Казимиром, Михаилом Сигизмундовичем и Болеславом Мазовецким. Литовско-Русское княжество углубилось в феодальную усобицу. Усиливался польский элемент. Литва, хотя и медленно, подпадала целиком под польское влияние.

Усиление Польши за счет Литвы не могло не вызвать тревоги в Орде. Надо полагать, что Орда не склонна была в этот момент ослаблять Москву. Юрьевичи не нашли поддержки в Орде. Потеря всякой внешней опоры заставила их просить на княжение Василия Васильевича. Взамен они выторговали увеличение своих уделов.

Так заканчивалась первая фаза усобицы в роде Ивана Калиты, у внуков Дмитрия Донского.

Собственно говоря, смертью Юрия Дмитриевича всякие тяжбы в роде Калиты за великокняжеский стол должны бы и закончиться. Ни по старине, ни по «Ярославову праву», ни по новому порядку дети Юрия Дмитриевича не имели никаких оснований претендовать на великое княжение. Не имели и силы, чтобы преступить право, не могли надеяться на какую-либо опору в городах Владимирского княжения. Оставалась надежда только на влияние извне. Литва молчала, надобно было бы искать опоры в Орде.

Василий Косой бежал из Москвы в Новгород Вели-

кий. Не случайно в Новгород. Там он надеялся получить поддержку, но расчеты его оказались тщетными. Новгородцам как раз в это время нужно было с Москвой замирение, ибо Ливонский орден не оставлял своих притязаний на новгородские земли, а ослабленная внутренними распрями Литовская Русь не вселяла больших надежд. Новгородцы не приняли Косого. Он вышел из Новгорода и двинулся берегами Мсты, Бежецким верхом и Заволочьем к Костроме. По пути пожег волости и к 1435 году успел собрать войско из любителей пограбить.

Василий Васильевич настиг его на берегу Которосли и разбил. Косой бежал с остатками своих сил, внезапно наскочил на Вологду, ограбил город и позвал на подмогу давних союзников отца. Василий Васильевич опять настиг его под Костромой.

На этот раз до битвы не дошло. Косой запросил мира и признал Василия старшим братом, обязался не брать великого княжения, если ему будет давать его Орда, и вернуть казну, увезенную из Москвы. Но едва отошел от войска Василия Васильевича, он, просидев на новом своем уделе Дмитрове месяц, вновь побежал в Кострому скликать вятичей.

Из Костромы послал великому князю разметные грамоты и пошел к Дмитрию Шемяке в Галич, оттуда ударил на Устюг, обманом овладел городом, убил московского воеводу князя Оболенского, многих устюжан перебил и перевешал.

Междоусобная война всегда носила характер разбоя, действия Косого к тому же были и бессмысленно жестоки. Имя его стало ненавистным во всех русских городах.

О чем он держал совет с братом Дмитрием Шемякой в Галиче, неизвестно. Позиция Дмитрия Шемяки во время разбоя в Устюге не ясна. Известно лишь, что он приехал из Галича в Москву звать Василия Васильевича на свадьбу. Воображение может подсказать, не было ли это попыткой заманить великого князя в западню. В ответ на приглашение Василий Васильевич велел схватить Шемяку и крепко сторожить в Коломне до окончания военных действий с Косым.

Под Ростовом опять сошлись на битву Косой и Василий Васильевич. Косой был разбит, взят в плен и доставлен в Москву. Великий князь приказал ослепить Косого.

Так закончилась вторая фаза борьбы между внуками Дмитрия Донского.

Шемяка был отпущен из Коломны на свой удел, казалось бы, вражде должен был наступить конец. Но тишины на Русской земле не хотела Орда. Видя, что власть Василия Васильевича утверждается неоспоримо, что один за другим его враги сошли со сцены, хан Улуг-Мухаммед предпринял набег на Москву, дабы заново

Шпоры.

разжечь междоусобицу. Москва была осаждена в 1439 году. До нас дошел договор великого князя Василия с Шемякой от 1440 года, где есть такие слова, обращенные в его адрес: «Также и теперь, что вы взяли на Москве нынешним приходом у меня, и у моей матери, и у моих князей, у бояр моих и детей боярских, и что будет у вас, то все вы должны отдать».

Эта статья договора наводит на мысль, что хан Улуг-Мухаммед действовал против Москвы в союзе с Шемякой, и не вместе ли они грабили московские волости? Хан ушел, не взяв Москвы, Шемяка замирился с великим князем, не уповая теперь и на ордынскую силу, отхлынувшую от Москвы, исподволь готовясь к решающей схватке.

Так завязался узел вражды для новой, третьей фазы борьбы внуков Дмитрия Донского. Теперь в их противоборство решительно вмешиваются ордынские силы, несмотря на внутреннюю ордынскую междоусобицу. Здесь важно заметить: стоял ли во главе один хан или Орда распадалась на несколько ханских улусов, каждый хан считал себя единственным властителем Орды. Поэтому, сколько бы ханов ни было, каждый из них, даже когда искал поддержку Москвы, не изменял выработанной издавна политике «разделяй и властвуй», ибо только во взаимной вражде русских князей ордынские политики видели залог своего господства над Русью. Если мы хотя бы на мгновение упустим из виду это соображение, очень многие события невозможно будет объяснить, ибо источники не всегда раскрывают подоплеку события, изложив его сюжет.

Итак, мы уже говорили о том, что один из ханов, Улуг-Мухаммед, подступал к Москве, по всей вероятности, при участии Дмитрия Шемяки, разорил ее волости, на обратном пути сжег Коломну и удалился в свои степи. В 1445 году он вновь появился в русских пределах. Ордынская усобица выбила его из Орды, он пришел в Нижний Новгород и засел там, распуская по ближним местам свои отряды на грабеж.

Великий князь Василий Васильевич собрал все свои силы, призвал своих союзников Ивана Андреевича можайского, Михаила Андреевича верейского, Василия Ярославича тверского, Дмитрия Шемяку и под Муромом настиг хана. Улуг-Мухаммед не принял боя, бежал в Нижний, передовые московские полки разбили ордынские отряды по дороге в Нижний.

Что-то остановило Василия Васильевича, он не стал брать Нижний Новгород, вернулся назад. Надо полагать, что он уже тогда угадывал какой-то разлад и неустойчивость среди своих союзников. Несомненно, что Улуг-Мухаммед искал у Шемяки поддержки, обещая ему помощь в получении великого княжения. И хотя мы не имеем прямых указаний в источниках о таком

сговоре, дальнейшие события целиком подтверждают это предположение.

Весной в Москву пришло известие, что из Нижнего Новгорода двинулись ордынские войска под началом сыновей Улуг-Мухаммеда. Московское войско во главе с Василием Васильевичем вышло навстречу и встало на реке Каменке неподалеку от Суздаля. 6 июля появились ордынцы. Московское войско изготовилось к бою, но ордынцы исчезли. Видимо, Василий Васильевич принял их за передовые разведывательные отряды и допустил оплошность. Он дал отбой, сам сел ужинать с князем и воеводами.

На рассвете пришло известие, что ордынцы появились во всей своей силе. Великий князь велел трубить тревогу, обрядился в доспехи и выступил в поле. Но войско к бою не изготовилось. Союзные князья Андреевичи и тверской князь не успели собрать свои полки, не явился и Шемяка. Явно Шемяка действовал по сговору с ханом. Московский полк был разбит, Василий Васильевич ранен и попал в плен, был ранен и пленен Михаил Андреевич верейский. Ивана Андреевича можайского сбили с коня, он сумел переменить коня и едва успел спастись бегством.

Где же в это время был Шемяка?

14 июля, уже после известия о поражении великого князя, загорелась и выгорела дотла Москва. Софья Витовтовна и Марья, жена Василия Васильевича, бежали из города в Тверь. Жители Москвы сели в осаду. По дороге в Тверь на семейство великого князя напали люди Шемяки, великие княгини кинулись будто бы в Ростов. По другим сведениям, повернули в Москву.

Улуг-Мухаммед, ограбив города и волости, засел в Курмыше и отправил оттуда посла к Шемяке. Шемяка, в свою очередь, послал своего дьяка к Улуг-Мухаммеду «со всем лихом на великого князя».

Посол Шемяки просил у хана не пускать пленного Василия Васильевича на великое княжение, но ордынские политики не собирались расчищать путь Шемяке на великокняжеский стол. Им нужно было держать борющиеся стороны в равновесии. Поразорив московские волости, назначив огромный выкуп за Василия Васильевича, Улуг-Мухаммед отпустил его в Москву в сопровождении свиты ордынских вельмож и всадников.

Василий Васильевич ослаблен, Шемяка усилен, борьба продолжается.

Не получив прямой поддержки от хана, Шемяка искал союзников среди московского боярства, на плечи которого лег выкуп Василия Васильевича. Найдя поддержку в Москве, решился наконец обманом и силой захватить великокняжеский стол. Вступил с ним в союз и Иван Андреевич можайский в надежде получить из рук Шемяки новые уделы.

В феврале 1446 года Василий Васильевич выехал из Москвы в Троицкий монастырь. Шемяка и Иван можайский внезапно ворвались в город, схватили Софью Витовтовну и княгиню Марью, разграбили великокняжескую казну, перехватали бояр, ограбили горожан и поскакали в Троицу. В монастыре, в церкви, схватили Василия Васильевича, увезли в Москву, 16 февраля ослепили и сослали в Углич с матерью и женой.

Шемяка сел на великокняжеский стол. Но тут же все обернулось, как и с его отцом. Его сторонники не составляли большинства ни в Москве, ни в других городах. Вырвав обманом великое княжество, Шемяка не мог не видеть, что опоры ни в одном из сословий он не имеет.

Более того, поднялось против Шемяки духовенство. Сбор епископов потребовал от Шемяки, чтобы тот освободил из заточения Василия Васильевича. Рязанский епископ Иона говорил ему: «Сделал ты неправду, а меня ввел в грех и срам; ты обещал и князя великого выпустить, а вместо того и детей его с ним посадил; ты мне дал честное слово, и они меня послушали, а теперь я остаюсь перед ними лжецом. Выпусти его, сними грех со своей души и с моей! Что тебе может сделать слепой да малые дети? Если боишься, укрепи его еще крестом честным, да и нашею братьею, владыками».

Не имея поддержки в Орде, получая из Литвы тревожные вести, что сторонники Василия, бежавшие туда, приняты с почетом, страшась восстановить против себя церковных иерархов, окруженный ненавистью москвичей, Шемяка освободил Василия Васильевича и назначил ему в удел Вологду.

Василий Васильевич дал Шемяке грамоты, что он не будет искать великого княжения. Но едва прибыл в Вологду, как к нему со всех сторон стали сходиться его сторонники и те, кого Шемяка успел сделать своими врагами.

В какой уже раз подвергался испытанию на прочность «наряд» Московского княжества, те отношения, из которых рождалась русская государственность. Захватив власть, Шемяка должен был расплачиваться за поддержку с союзниками. Он начал раздел великого княжения, что вызвало протест не только крупных феодалов, но и простого люда, ибо новое не несло облегчения, а только утяжеляло феодальный гнет.

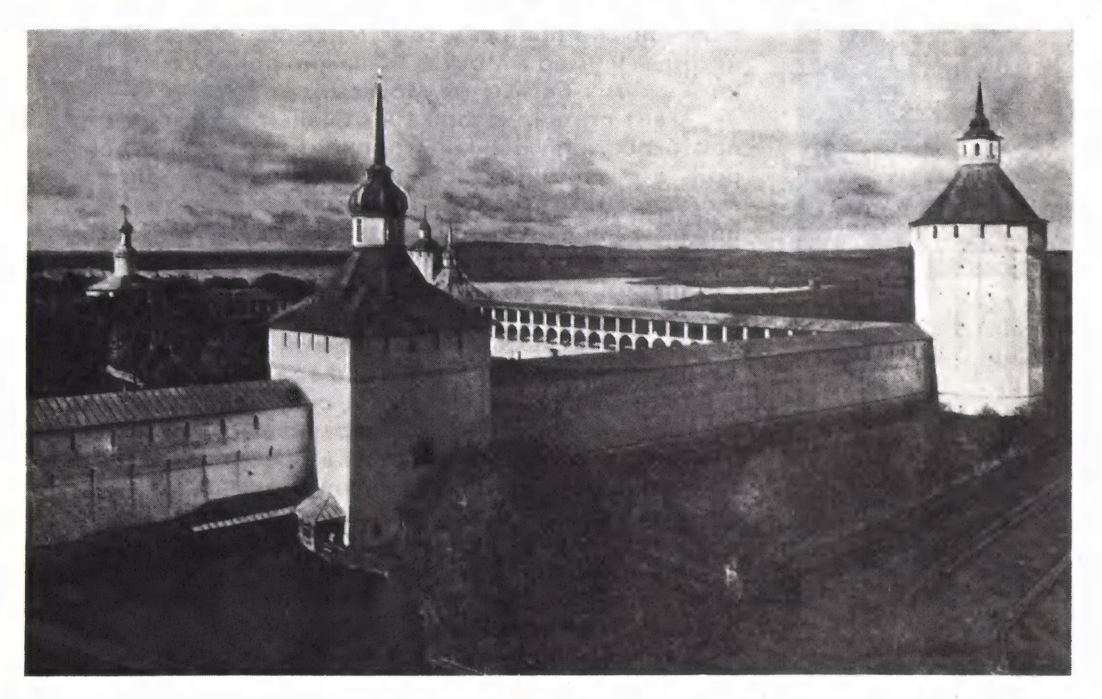
Очень скоро под Вологдой у Василия Васильевича собрались значительные силы. Оставалось препятствием для возобновления борьбы крестоцелование, данное Шемяке. Игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон «снял крестоцелование на себя». Из Кириллова монастыря Василий Васильевич двинулся к Твери и отторгнул тверского князя Бориса Александровича от Шемяки, обручив своего старшего сына Ивана с

тверской княжной Марьей Борисовной. Жениху было семь лет, невесте — пять.

Из Литвы на подмогу Василию Васильевичу шли князья, бежавшие из Москвы от Шемяки: Василий Ярославич, князь Семен Оболенский, князь Басенка из Брянска, присоединились к ним и татарские царевичи Касим и Эгун, сыновья Улуг-Мухаммеда.

Шемяка и Иван можайский двинулись с войском к Волоку-Ламскому, чтобы встретить союзников князя Василия, и сразу открылось, сколь непрочно было положение Шемяки в Москве. Тут же явился в Москву отряд Василия во главе с боярином Плещеевым и беспрепятственно вошел в город: горожане сами похватали наместников и бояр Шемяки. Василий повернул свое

Кирилло-Белозерский монастырь. XV—XVII века.

войско к Волоку. Шемяка и Иван можайский побежали прочь к Галичу, оттуда в Чухлому, в Чухломе схватили Софью Витовтовну и отошли в Каргополь.

Удаленность Каргополя от Москвы, заложница — мать великого князя давали возможность сделать передышку в борьбе и оглянуться: где искать помощи?

Конечно же, все свои надежды Шемяка возлагал на Литву, где великим князем в 1440 году стал Казимир. Будто бы наметилось осложнение отношений между Литвой и Москвой из-за Новгорода. В 1445 году осложнения эти вылились в вооруженные столкновения. Василий Васильевич разорил литовские города, в ответ Казимир совершил набег на русские города, под Ка-

лугу и Козельск. Но война не разгорелась. Казимир был занят своими делами с Орденом, Василий считал преждевременным выходить на битву с соседом, имея под боком врага внутреннего.

В 1449 году Василий и Казимир довольно неожиданно для тех, кто старался углубить между ними вражду, заключили мир. Значение этого события выходит далеко за рамки обычного замирения, оно даже не было понято и оценено тогдашними участниками состязания на политической арене Восточной Европы.

Условия мирного договора, которые в тот момент казались для всех соперничающих группировок самыми главными, оказались преходящими. Казимир обязывался не принимать к себе Дмитрия Шемяку, а Василий Казимирова врага — Михаила Сигизмундовича. Василий позже принял у себя Михаила Сигизмундовича, который и умер в Москве. Казимир принял сына Шемяки и других беглых из Москвы.

А вот статьи, которые не очень-то были замечены противоборствующими сторонами, сыграли огромную роль в развитии исторического процесса в Литве и в Москве. Этим договором завершилось длительное, на протяжении двух веков, встречное движение Москвы и Вильно по пути «собирания» русских территорий. Забегая вперед, заметим, что после 1449 года Великое княжество Литовско-Русское уже не «собирало» русские земли, а удерживало часть их силой ради дальнейшего освоения польско-литовскими феодалами и католической церковью. Иными словами, оно окончательно превратилось из государства, сохранившего тенденцию к равноправию литовских и русских феодалов, в государство, подвластное феодальной Польше, в котором русское население постепенно ставилось в подчиненное положение.

Значение этого договора было и в том, что он оградил земли Московской Руси от открытых посягательств польско-литовских феодалов, в особенности это касалось Новгорода Великого и Пскова. Казимир подписал статью, по которой он обязался не принимать в подданство псковские и новгородские города.

Вполне очевидно, что подписание такого договора начисто лишало Шемяку надежды на какую-либо поддержку Литвы.

Не лучше обстояли дела Шемяки и в Орде. Улуг-Мухаммед, теснимый своими противниками, пытался найти опору у Василия, отдал ему на службу и в помощь своих сыновей и хотя не искал полной гибели Шемяки, но на великокняжеском столе видеть его не хотел. Недолгое пребывание Шемяки в Москве восстановило против него все сословия. Никто не мог найти справедливости против притеснений его дружины, разрушалось право, «шемякин суд» стал обозначением суда

несправедливого. Феодальному разбою был вынесен народный приговор. Шемяка и Иван можайский запросили мира у великого князя.

Закончилась третья фаза междоусобицы внуков Дмитрия Донского.

Мир или перемирие было более выгодно московскому князю. Он получил передышку на устройство московских дел, на ликвидацию последствий разрухи и брал под твердую руку великокняжеской власти тех, кто еще мог оказаться в лагере Шемяки. В Орде не желали гибели Шемяки, и Василий Васильевич открыто руки на него не наложил. Он избрал иную меру.

После одной из попыток вновь разжечь войну Шемяка скрылся в Великом Новгороде.

Новгород тогда играл с ослабленной великокняжеской властью, как и Орда. Борьба внуков Дмитрия Донского порождала надежды у новгородской боярской олигархии взять первенство на Русской земле, выступать в роли города-господина, города-государя. Поэтому новгородцы не только поддерживали преуспевающие княжеские группировки, но и не прекращали политических контактов с теми княжескими домами, которые находились тогда в упадке. Не случайно они дали прибежище и Дмитрию Шемяке.

На этот раз великий князь достал Шемяку в Новгороде. В 1453 году прибыл из Москвы в Новгород дьяк Степан Бородатый, он подкупил шемякинского боярина Котова, тот подкупил повара, и Шемяку угостили отравленной курицей. С известием к великому князю о смерти его неутомимого врага поскакал подьячий Василий Беда. В Москве ждали этого известия и на радостях подьячего пожаловали в дьяки.

Война между внуками Дмитрия Донского завершилась, у великокняжеской власти развязались руки для ее укрепления, для разрушения последних очагов сепаратистских тенденций в среде крупнейших князей-феодалов.

ТОРЖЕСТВО СИЛ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

Много разорений претерпела Северо-Восточная Русь в первой половине великого княжения Василия Васильевича. Как уже говорилось, его ослепили, за что и прозвали Темным, он много скитался. Испытания и неудачи сформировали его характер. Залучив на службу ордынского царевича Касима и пожаловав ему Городец Мещерский, великий князь получил в свое распоряжение союзника, который был способен оказать ему политическую и военную помощь в обороне Московской Руси от ордынских набегов, а вместе с тем в какой-то мере участвовать в централизации Владимирского княжения.

Башня Часозвонья в Новгородском кремле. 1443 год.

Последнее десятилетие княжения Василия Темного являет нам государя, устанавливающего неограниченную власть над всей Северо-Восточной Русью.

Прежде всего Василий Васильевич наложил руку на союзников Шемяки. Главным среди них был Иван можайский, перекати-поле, перебегавший от одной стороны к другой. Василий Васильевич нашел предлог «неисправления» у Ивана можайского, выгнал его из Можайска, забрал в великокняжескую казну его «вотчину» и посадил там своих наместников. Иван бежал с семьей в Литву.

Закон удержания и укрепления монархической власти жесток. Настал час, когда и верный союзник Василия Васильевича князь Василий Ярославич серпуховской стал помехой. Можно предположить, что союзник слишком назойливо напоминал о былой поддержке и, конечно же, не хотел встать в полное подчинение великому князю. Василий Васильевич «поймал» его в Москве и сослал в Углич, отобрав в великокняжескую казну и его «вотчину». Сын и жена Василия серпуховского бежали в Литву.

Позже, незадолго до кончины Василия Васильевича, литовские беглецы подвигли серпуховских детей боярских и дворян на заговор, чтобы освободить Василия Ярославича из заточения. Расправа с заговорщиками была уже не княжеской, а государевой. «И повел князь велики имать их... казнити, бити и мучити и конми волочити по всему граду и по всъм торгомъ, а последи повелел им главы отсещи; множество же народа, видяще сие, отъ боляръ и отъ купецъ великихъ и отъ священников и отъ простихъ людей во мнозе быша в ужасе и удивлении... яко николи же таковая ни слышаша, ниже видоша в русскихъ князех бываемо».

Оставались Юрьевичи в Суздальской земле, их Василий Васильевич согнал с вотчин, покарал и верных союзников Шемяки—вятичей. Утвердилось неограниченное единовластие великого князя на всей земле Великого Владимирского и Московского княжения.

Василий Васильевич обратился к делам Великого Новгорода. Великого князя беспокоили не только сепаратистские устремления новгородского боярства, но главным образом стремление новгородцев отобрать у Москвы первенствующую роль в собирании русских земель.

В 1456 году Василий двинул на Новгород сильное войско, собранное со всего великого княжения, обвинив новгородцев в том, что держат у себя «его лиходеев и изменников». Новгороду нечего было противопоставить такой силе, до военных действий не дошло, кровь не пролилась. Новгородское боярство било челом великому князю, согласилось на огромную кон-

трибуцию, обещало держать великое княжение «честно и грозно», признало власть великокняжеских наместников. Пришлось подписать в Яжелбицах договор, скрепить условия возвращения Новгорода под власть великого князя по всей его воле.

И ранее московские князья Калита, Симеон Гордый и Дмитрий Донской утесняли новгородскую вольность, однако новгородцам удавалось ее возвращать, пользуясь осложнениями у великокняжеской власти, находя поддержку и в Литве и в Орде. И на этот раз новгородцы волновались, «вставали вечем» на великого князя, но извне подмога не приходила и великокняжеская власть не ослабляла своего мерного и тяжкого давления.

В 1464 году был посажен наместник великого князя в Пскове. Рязанский князь Иван Федорович, внук Дмитрия Донского, умирая, передал своего сына и рязанское княжение великому князю. Склонила голову Тверь, ее уже не могла держать в противостоянии Москве и литовская помощь.

Уладил свои дела Василий Васильевич и с Ордой. Распад ослабил Орду, усиление Москвы и ее войска удерживало ханов от набегов.

Вовремя утвердилось единовластие в Северо-Восточной Руси.

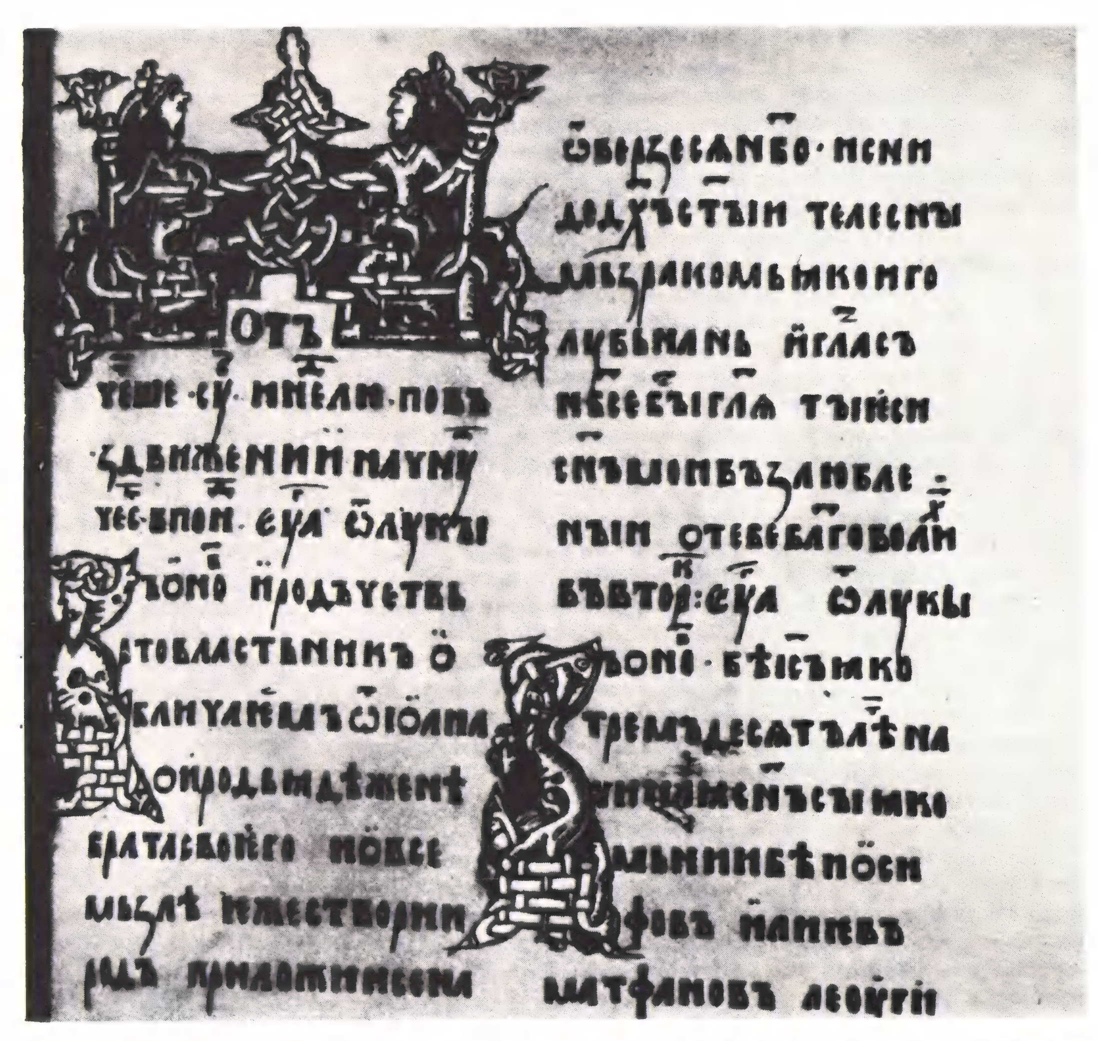

Вся внешнеполитическая обстановка в Восточной Европе резко менялась. На историческую арену, сотрясая былое равновесие, вступала новая сила — Османская империя. В 1453 году под ударами Магомета II пал Константинополь. Отныне и Польша, и Литва, и Венгрия, и Священная Римская империя, и Орда, и Москва не могли не считаться в своей политике с турецкими султанами.

Константинополь пал не сразу. Несколько лет османские войска отбирали одну за другой византийские провинции, сжимая кольцо вокруг второго Рима. Европейские королевства и римская церковь не могли безучастно смотреть на закат Византийской империи. Этот закат их и радовал и пугал.

Рождались надежды, что рухнет препятствие, как казалось Римской курии, распространению католичества среди народов, исповедовавших греческую веру, что патриархи передадут духовную власть, а с ней и неисчислимые церковные доходы папе римскому, что утерянное в ожесточенной борьбе с предреформацией и реформацией в Европе восполнят русские земли, населенные «схизматиками».

Пугало проникновение ислама в Восточную Европу. Устанавливающийся перевес турецкого флота в Средиземном море грозил венецианской и генуэзской торговле, торговые дома в Италии требовали от римских пап организации крестового похода против турок. Но

Страница из новгородской рукописной книги XIV века.

никто не спешил спасать итальянских купцов и банкиров, императора Священной Римской империи и далекую Польшу. Испания занята была своими делами; во Франции шли феодальные войны, склонялась к закату династия Валуа; чешские земли все активнее выступали против системы католического и имперского «универсализма».

Из Ватикана заметили, что рядом с турецкой империей в Восточной Европе растет реальная сила, рождается могущественное государство Московия, князь московский собрал в своих руках власть, превосходящую по своему единодержавию власть европейских королей.

В Риме возникают замыслы поставить Московию щитом для католической Европы от турецкого завоевания, как когда-то она стояла щитом от завоеваний мон-

голо-татар. Над этим трудились самые изощренные умы папского престола.

Между Византийским императором, восточными патриархами и папой начались переговоры о церковной унии, которая, по мысли римского первосвященника, должна была привести в повиновение восточную церковь, а через церковь поставить на службу интересов Европы и православное Московское государство.

Великий князь Василий Васильевич направил в Константинополь на поставление в митрополиты всея Руси рязанского архиепископа Иону. Патриарх и император под нажимом Рима утвердили митрополитом всея Руси Исидора, игумена монастыря святого Дмитрия Солунского.

Не впервые являлся грек в Москву на митрополичий престол, но этот грек был особым. Он был сторонником унии и подчинения восточной церкви римскому первосвященнику. Прибыв в Москву, Исидор сейчас же начал собираться на готовящийся в Италии Флорентийский священный собор. Князь Василий предупредил Исидора: «Смотри же, приноси нам древнее благочестие, какое мы приняли от прародителя нашего Владимира, а нового чужого не приноси, если же принесешь что-нибудь новое и чужое, то мы не примем!»

Внук Дмитрия Донского помнил, что католический мир оставил Русь один на один с Ордой и процветал за русским щитом. Он понял, что Константинополь неспроста не утвердил Иону: Рим и император на этот раз совместными усилиями спешат столкнуть Москву с турецким султаном.

Дела унии во Флоренции продвигались трудно. Римские епископы, чувствуя себя хозяевами положения и зная о наступлении турок на Константинополь, грубо теснили греческую веру, выставляли тяжкие требования императору и патриарху. Иоанн VIII Палеолог собрался покинуть собор.

И тут в полной мере обнаружилось двуличие Исидора. Митрополит всея Руси вместо того, чтобы поддержать императора и патриарха, толкал их под ноги папе: «Отказавшись от унии,— говорил он,— мы должны будем покинуть Италию. Нет ничего легче, как уехать. Куда?» Это действительно был сложный вопрос. Султан приближался к Константинополю.

Иоанн, сломленный угрозой остаться один на один с султаном, поддался на домогательства папы. 6 июля 1439 года собор принял унию. Греческие иерархи признали папу наместником апостола Петра, императоры, что провозглашали свою власть от бога, признали себя вассалами папы.

Ждали, чем же ответит католический мир.

Некий кавалер Торзелло, камерарий византийского императора, подал проект собрать против стотысяч-

ного войска султана ополчение всех стран Восточной Европы, Германии и Богемии. В письме к Вселенскому собору он писал: «Осуществить это мероприятие легко, и я укажу способ: пусть наш святой отец, папа, поручит это какому-нибудь благородному и доблестному князю, ревнующему о славе; пусть он распространит по всему миру индульгенции для сбора денег как на жалованье людям, так и на другие расходы».

Папы распространяли индульгенции, но деньги, полученные за отпущение грехов, предпочитали тратить на своих родственников, ибо не были столь наивны, как кавалер Торзелло, а с ним и император, понадеявшийся на помощь католической церкви.

Папы под видом спасения христианства решили, что настал час проникновения на Русь. Может, в Риме и надеялись, что Московия выступит против турок и оттянет их силы на себя, но в большей степени рассчитывали, что митрополит-униат приведет русскую церковь под власть папы. В Рим прибыл митрополит всея Руси Исидор, из Рима выехал в Москву Исидор — папский легат для Литвы, Ливонии, всея Руси и польских областей, кардинал церкви святых Петра и Марцелина в Риме.

Исидор вернулся в Москву на третьей неделе великого поста 19 марта 1441 года и незамедлительно направился в Благовещенский собор на торжественное богослужение. Перед митрополитом несли латинский крест и три булавы — знак кардинальского сана. Московские богомольцы, московская знать в немом ужасе взирали на шествие с латинским «крыжом».

Римская затея потерпела крах, когда Исидор провозгласил многолетие римскому папе Евгению. Исидор начал чтение папской буллы о единении католической и греческой церквей, но Василий прервал его: «Остановись, ересный переметник! Ты не пастырь, а хищный волк!» В наступившей тишине прозвучало повеление князя: «В темницу его! Под замок! На цепь!»

Исидора ободрали (сорвали одежды) и свели в подвал Чудова монастыря. Однако через некоторое время князь Василий поспособствовал побегу Исидора. Не хотелось обострять отношения ни с константинопольскими патриархами, ни с Римом ввиду надвигающихся событий на юге. Митрополит Василий своей властью и волей русских епископов поставил Иону.

6 апреля 1453 года войско Махмеда II Фатиха (победоносного) приблизилось к Константинополю и осадило город. В гавань вошли турецкие корабли, на земляных валах, которыми в несколько дней были обнесены стены города, появились турецкие пушки. Папа послал из Рима в Константинополь Исидора и с ним... 700 воинов.

29 мая 1453 года Константинополь пал.

Махмед приказал доставить ему голову папского

легата. Исидор спасся и на этот раз, бежал в Рим. Кто-то из его прозелитов принес султану мертвую голову в кардинальской шапке.

Стены Константинополя более не защищали католических государей от ислама. В Восточной Европе заявила о себе сила, которая на много лет стала определять все взаимоотношения европейских государств.

РАЗДЕЛЕНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Заключенный в 1449 году мирный договор между Василием Темным и новым польским королем Казимиром принес относительное успокоение на русско-литовско-польском пограничье. Польское королевство и Литовское княжество получили возможность развернуть решающую борьбу с Орденом за Балтийское побережье, Василий Темный доканчивал объединение русских княжеств вокруг Москвы.

Потерпев неудачу с водворением кардинала-митрополита, Рим через покорного теперь константинопольского патриарха, нашедшего убежище в Риме, решил расколоть единую митрополию русской церкви.

В 1458 году патриарх Григорий Мамма поставил митрополитом Руси Григория, ученика Исидора. Едва в Москве проведали об этом, Василий Васильевич послал сказать королю Казимиру, что митрополита из Рима не примет, просил не принимать и в Литве. Василий Темный разъяснил королю: «Старина же наша, которая ведется со времени прародителя нашего Владимира, крестившего Русскую землю, состоит в том, что выбор митрополита принадлежал всегда нашим прародителям, великим князьям русским, и теперь принадлежит нам, а не великим князьям литовским; кто будет нам люб, тот и будет у нас на всей Руси, а от Рима митрополиту у нас не бывать, такой мне не надобен; и ты, брат, ни под каким видом не принимай его, если же примешь, то ты церковь божию разделишь, а не мы».

Документ этот интересен несколькими позициями.

Прежде всего в нем ясно выражено желание светской власти поставить себя над духовной в противовес римской доктрине. В исторической перспективе Василий Темный преувеличил значение русских князей в поставлении митрополитов, хотя некоторая обособленность русской митрополии от греческой патриархии может быть признана. Но отнюдь не всегда великие князья ставили митрополитов.

Много раз митрополиты ставились в Константинополе без согласия великих князей. Письмо князя Василия высказывало больше претензий на будущее, чем констатировало прошлое. Важно отметить, что русский государь утверждал право ставить митрополитов за собой и своими наследниками.

В этом проглядывается главное расхождение с Римом: не обряд, а независимость княжеской воли от папы, подчиненное положение церкви государству — вот главный предмет разногласий с Римом.

В письме прозвучало опасение, что русские земли, отторгнутые Литвой, обретут своего митрополита, да еще римского ставленника, который будет тянуть к Флорентийской унии.

В Москве всполошились не менее, чем с Исидором. Созвали собор всех владык Северо-Восточной Руси. Собор принял важнейшее решение для русской церкви и московских государей. Если ранее намеченный князем кандидат в митрополиты ехал на поставление в Константинополь, то отныне было решено, что митрополит Московский и всея Руси ставится единой волей московского государя и собором русских епископов.

Собор обратился к владыкам Южной и Западной Руси, к владыкам черниговскому, полоцкому, смоленскому, туровскому, луцкому, а также к епископам литовским с увещеванием не принимать митрополитом Григория, Исидорова выученика.

Казимир, зная, что Григорий ставленник Рима, не мог его не принять. Принял и тем утвердился раскол русской церкви на две митрополии: Московскую, которая стояла крепко против католицизма, и Киевскую, которая уже в конце XVI века, спустя сто с лишним лет, привела к унии с римской церковью.

В этом акте разделения церквей можно усмотреть действие договора между Казимиром и Василием, который при подписании, быть может, и не рассматривался как некий раздел русских земель, но фактически на долгое время прочертил границы влияния польских феодалов и католической церкви на древнерусские территории и тем самым оказался тормозом воссоединения русских земель.

Итак, выйдя победителем из длительной и тяжкой кровавой междоусобицы, искусно лавируя между враждебными соседями, меж ордынскими владыками, польскими королями, подавив очаги опасных сепаратистских устремлений, превзойдя Литовско-Русское княжество в процессе собирания русских земель, утвердив независимость от Византии, а стало быть, от римского влияния церкви, Василий Васильевич Темный, ослепленный врагами государь, приблизился к смертному часу. Он и здесь все предусмотрел, понимая, что вопрос о престолонаследии стал важнейшим государственным вопросом, от которого прямо зависела прочность достигнутого единства Северной Руси. Еще при жизни он сделал своим соправителем старшего сына Ивана, еще при жизни своей назвал его великим князем. Всякое иное толкование наследственного права

было отклонено. Великий князь выступал владетельным государем над всем государством.

В 1462 году великий князь Василий Васильевич скончался.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИРСКИЙ И МОСКОВСКИЙ

Наступила вторая половина XV века. Василий Васильевич Темный, внук Дмитрия Донского, ушел из жизни, завершив завещанное ему дедом и начатое еще Юрием Долгоруким, Андреем Боголюбским, Всеволодом Большое Гнездо, Александром Невским и Иваном Калитой.

Мы называем здесь деятелей, отмеченных в летописях, но, как мы видели, все эти князья были выразителями надежд, чаяний оформившейся наконец политической программы всех сословий феодальной Руси. Интересы землепашцев, ремесленников, торговых и служивых людей объективно совпадали с централистскими устремлениями великодержавной власти, с попытками укрепить обороноспособность государства от внешних врагов, как от ордынцев, так и от западноевропейских феодалов. В единовластии великого князя они искали и военного вождя, и верховного судью, защитника против феодальной анархии.

Ивану Васильевичу шел двадцать третий год, когда власть над Северо-Восточной Русью перешла в его руки. Современники свидетельствуют, что он был высок ростом, худощав, с правильными, даже красивыми чертами мужественного лица. К концу жизни Иван III сосредоточил в руках необъятную власть, которой не обладал ни один европейский государь.

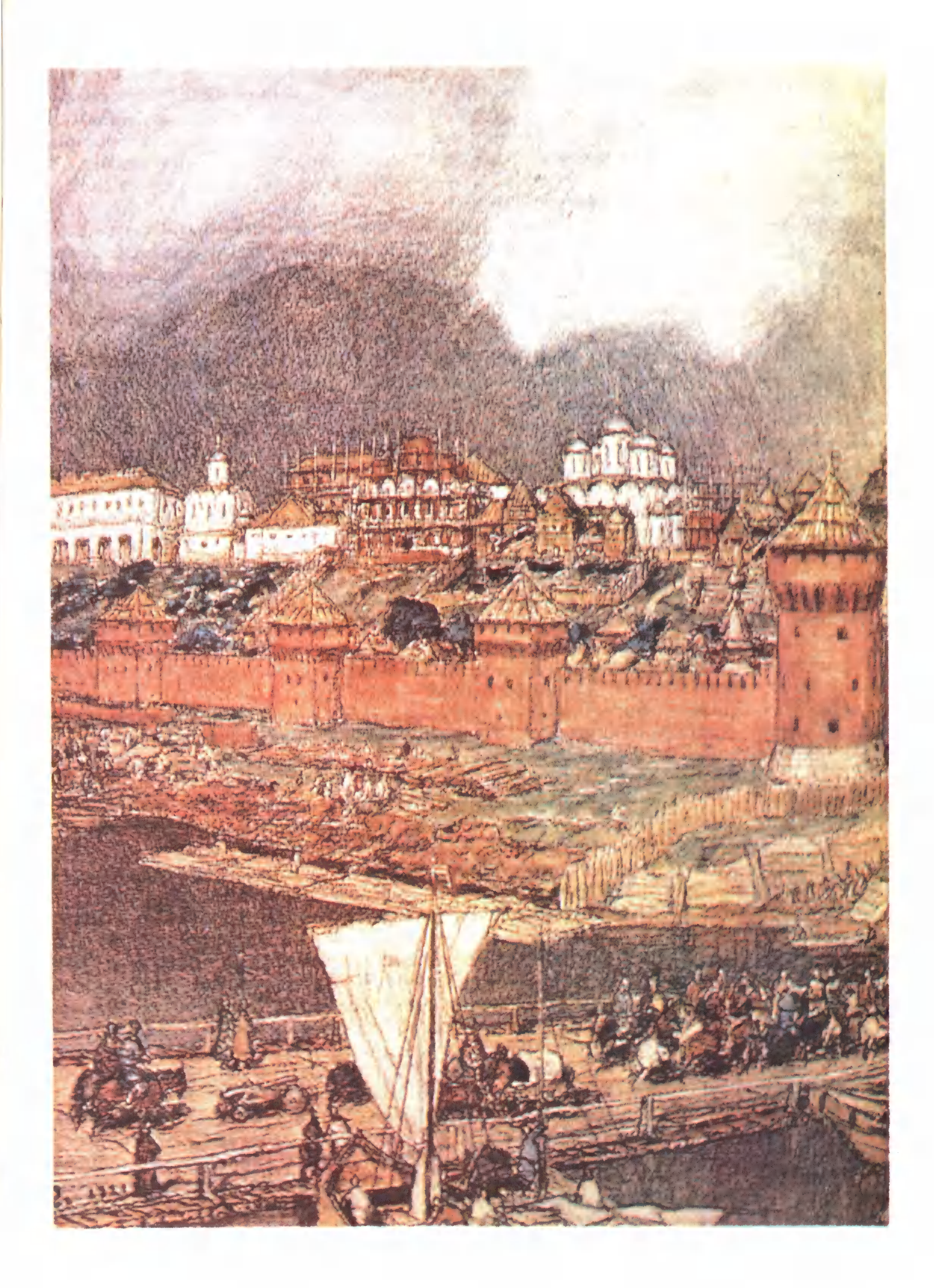
Наивно было бы полагать, что этому послужило только его честолюбие. Без прочной опоры на все слои тогдашнего русского общества ни один честолюбец не смог бы ее достичь. Поддержка всех сословий — это не фетиш. Ее нужно оправдать, стать деятелем, способным возглавить такое движение.

Создание могучего централизованного государства в процессе борьбы с сепаратистскими устремлениями требует умения ждать, умения вовремя нанести врагам удар, умения сделать из врага союзника.

Эпоха Ивана III — это эпоха сложнейшей работы русской дипломатии, эпоха укрепления русского войска, необходимого для обороны Русского государства и воссоединения русских земель. Всего лишь у прадеда, у Дмитрия Донского, соседи-князья оспаривали великокняжеский стол и в Орде у хана, и с оружием в руках. С отцом они уже не смели спорить, борьба развернулась в одном роде, на великокняжеский стол посягали дяди и братья.

Договор с Литвой 1449 года в какой-то мере прояс-

Московский Кремль при Иване III. Фрагмент картины А. Васнецова.

нил, кому быть собирателем Русской земли: Москве или Вильно. Мы это видим в исторической перспективе, но современники этого еще не понимали. Казимир по-прежнему считал за собой приоритет в собирании русских земель. Обстановка в феодальных республиках, Пскове и Новгороде, вселяла надежду, что спор с Москвой можно повернуть в свою пользу.

«Молодшие» новгородские и псковские люди давно «тянули» к сильной великокняжеской власти, боярская олигархия в сильной княжеской власти видела ущемление своих интересов. «Вольность» олигархией понималась как возможность свободно маневрировать своим правом силы в эксплуатации низших сословий.

Новгородская олигархия давно пришла к убеждению, что князя надо приглашать из сильного княжеского дома, но такого, который был бы послушен новгородским боярам. При этом надо было сохранить право: неугодного выгнать вон и взять более выгодного в данный момент. Но такая установка таила в себе и противоречие. Ведь сильный княжеский род отличался прежде всего стремлением к единодержавности, а это больше всего и пугало новгородскую олигархию.

В старые времена у новгородских бояр выбор был если и нешироким, то все же не ограничивался одним княжеским родом. С утверждением единовластия великого владимирского и московского князя и подчинения ему всех князей Северо-Восточной Руси выбор сузился: либо из рода московских государей, либо из рода князей литовских.

Московский князь пугал своим единовластием, литовские князья возможным проникновением в Новгород «латинства». Но они прельщали своими обещаниями большей терпимости к вольностям боярской олигархии. Трудно было современникам оценить, что такая терпимость — явление временное, обусловленное неустойчивостью литовских позиций на Новгородской земле, желанием замаскировать программу будущего наступления польско-католических сил.

Феодальная верхушка Новгорода раскололась надвое: одни тянули к Москве, не желая поддаться «чужизне», опасаясь засилья иноверцев и полагая, что есть еще возможность договориться с московским князем о сохранении некоторых феодальных вольностей. Другие искали поддержки в Литве и были готовы отойти от Русской земли. Естественно, что и та и другая феодальные группировки искали себе сторонников и в среде «молодших» людей: купечества, простых горожан, ремесленников и землепашцев. В этой среде перевес был за сторонниками Москвы и московского князя, ибо простой люд видел в единовластии защиту.

Хотя Казимира и отвлекали дела с Орденом и внутренние заботы, его прозелиты в Новгороде спешили

Нож и ножны. Москва. XIII—XIV века.

заполучить себе новых сторонников. Обстановка им благоприятствовала.

Иван Васильевич, зная о борьбе сторон в Новгороде, не спешил с открытым вмешательством, полагаясь на силу своих сторонников и на авторитет новгородского владыки, поставившего преграду проникновению католичества в Новгород. Москву в это время отвлекали от Новгорода дела с Казанским ханством.

Казанское ханство было беспокойным соседом и связывало силы Москвы, не давало возможности решать споры с Литвой, мешало собиранию русских земель. В 1467 году смута в Казанской орде дала московскому князю повод для вмешательства.

Служилый московский царевич Касим получил весть из Казани, что его хотели бы видеть ханом. Иван Васильевич поспешил воспользоваться этим обстоятельством и дал Касиму сильную рать во главе с князем Оболенским-Стригой. Однако в 1467 году поход Касима и Оболенского оказался неудачным: хан Ибрагим не дал им переправиться через Волгу. Но Иван Васильевич не отступил от своего намерения. Москва готовила новый поход на Казань.

Казимир и его сторонники в Новгороде решили, что, поскольку Москва ввязалась в войну с Казанским ханством, настало время для активных действий.

Весной 1469 года под Казань двинулись по рекам городовые полки под началом воеводы Беззубцева. Московский полк вел Оболенский-Нагой. Суда сплывались к Нижнему. Из Москвы — Москвою-рекою и Окой, коломенцы и муромцы — Окою, владимирцы и суздальцы — Клязьмой, все приволжане — Волгой. Вологодская и устюжская рати пришли к вятчанам и отрезали их от хана Ибрагима.

Весенний поход принес много тревог хану Ибрагиму, много разорения его землям, русские полки одержали несколько побед, но дело было не закончено. Летом на Казань князь Иван послал своих братьев Юрия и Андрея Большого. Хан Ибрагим «добил челом» по всей воле великого князя и возвратил всех пленных, взятых за сорок лет. Дальнейшие военные действия на время прекратились, ибо начались дела новгородские.

Казимир успел войти в соглашение с ханом Большой Орды Ахматом, сторонники Литвы в Новгороде затеяли мятеж. Рассчитывая на то, что Москва увязла в войне с Казанью, к великому князю явился новгородский посол — посадник Василий Ананьин. Держал он себя с князем дерзко, на все замечания о нарушении княжеского права в Новгороде ответил: «Великий Новгород об этом мне не приказал».

Иван Васильевич проявил большую выдержку. Не видя возможности отозвать главные свои силы с Волги,

Суздальские войска. Деталь иконы «Битва суздальцев с новгородцами». Конец XV века.

он наказал Ананьину передать новгородцам: «Исправьтесь, отчина моя, сознайтесь, в земли и воды мои не вступайте, имя мое держите честно и грозно по старине, ко мне посылайте бить челом по докончанию, а я вас, свою отчину, жаловать хочу и в старине держу».

Умеренность княжеских речей литовская сторона в Новгороде постаралась представить как слабость князя.

В ноябре 1470 года умер новгородский владыка Иона, крепко державший сторону Москвы. Тут же в Новгород в соответствии с давней традицией явился представитель киевского княжеского дома Михаил

Олелькович — ставленник Казимира. Спор быть Новгороду за Москвой или за Литвой обострился.

В узел московско-новгородских отношений завязан был и Псков. И Москва и Новгород в равной степени искали поддержки в Пскове. Но в Пскове, хотя город стоял и ближе к Литве, чем Новгород, литовская сторона тогда не имела такого влияния, как в Новгороде. В Пскове знали цену обещаниям литовских князей. Он находился на пути первого удара немецких рыцарей, в городе давно оценили, что реальной защитой от орденской агрессии может быть только великий князь владимирский и московский.

Хотя в Пскове, так же как и в Новгороде, с тревогой смотрели на подчинение города великокняжеской власти, но здесь с достаточной настороженностью относились и к стремлению некоторых кругов феодальной верхушки к союзу с Литвой против Москвы. Попытки Литвы отторгнуть Псков не столько военной силой, сколько созданием в ее олигархии сильной пролитовской ориентации начались еще в княжение Василия Темного.

В 1456 году во время конфликта с Новгородом, когда Василий Темный пошел на город, Псков выступил против московского князя. Ограничив самостоятельность Новгорода Яжелбицким договором, Василий Темный не посягнул на псковские вольности. Московские князья привыкли делать все основательно и неторопливо, дабы, поспешив, не потерять всего.

В 1456 году в Псков прибыл князь Александр Васильевич Чарторыйский, сподвижник Дмитрия Шемяки, враг Василия Темного и тайный союзник литовских феодалов. Псковская боярская олигархия заигрывала с литовскими князьями, готовилась к противостоянию московскому давлению, поэтому Чарторыйский был встречен с почетом и на вече был приглашен княжить. Это выглядело явной демонстрацией против Москвы.

Чарторыйский выставлял себя приверженцем псковской старины. Он укреплял город, восстанавливал разрушенные временем оборонительные сооружения, но подняться, как это умели делать великие владимирские князья, над интересами крупных феодалов не сумел, в Пскове углубился раскол между людьми «лучшими» и «молодшими». Конец пятидесятых годов был отмечен в Пскове мятежами «молодших» против феодальной олигархии.

Не сумел Чарторыйский решить и главный вопрос для Пскова: его обороны от вторжений ливонских рыцарей и шведских интервентов.

В 1460 году Василий Темный с сыновьями Юрием и Андреем явился в Новгород для разбора споров между великокняжеской властью и новгородцами. Если в 1456 году псковичи выступали единым фронтом с нов-

Церковь 12 апостолов на Пропастех. 1455 год.

городскими сепаратистами, то на этот раз они отрядили посольство к великому князю с просьбами «о жаловании и печаловании своея отчины».

Здесь, с одной стороны, псковичи признавали Псков отчиной великого князя, с другой стороны, подчеркивали добровольность этого признания, оставляя за собой право выбора князя. Эти же послы просили Василия Темного оставить им княжить Чарторыйского, «чтобы ему быти от тебя наместником, а во Пскове князем».

Весь этот маневр преследовал две цели: во-первых, поставить Псков под защиту Москвы от ливонских рыцарей и шведов; во-вторых, изъявлением внешней покорности выторговать «вольности» для боярской олигархии.

В Пскове видели, что непокорность новгородцев привела только к ограничению их вольностей, отсюда и попытка покорностью приостановить подчинение Пскова великому князю и в то же время сохранить мосты к Литве.

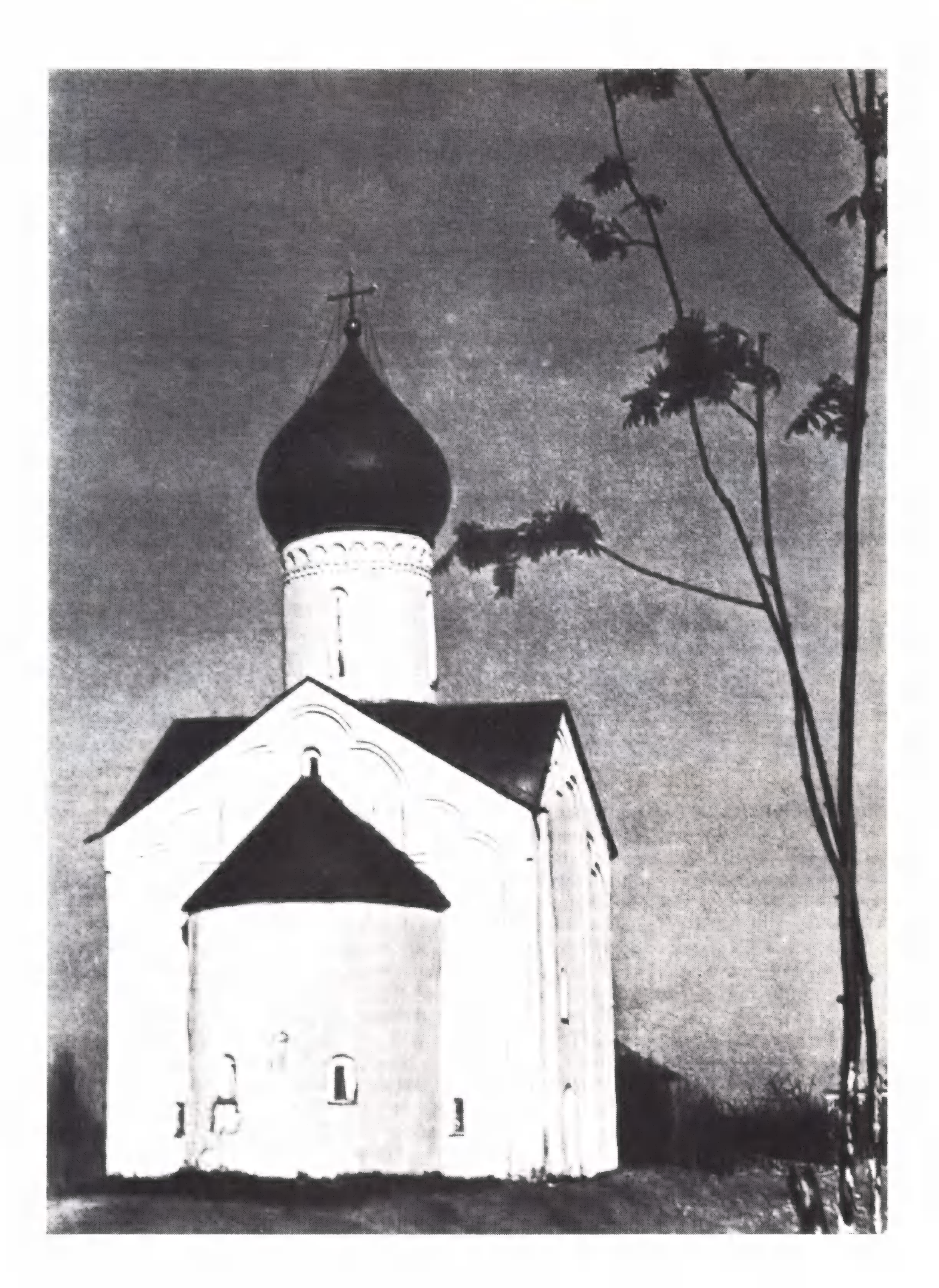
Но этот шаг к сближению с Москвой был истерически воспринят Чарторыйским и сторонниками отхода Пскова к Литве. Князь отказался присягать Василию Темному, собрав сторонников, ушел в Литву, открыв тем самым истинные мотивы своего пребывания в Пскове.

Получив этот урок, псковичи потянулись к Москве Когда у Ивана Васильевича возникло «размирие» с Новгородом, на подмогу к Новгороду не пошли, ибо им было видно, что новгородская непокорность питается из того же центра, в интересах которого действовал и Чарторыйский.

В Новгороде сторонников отхода к Литве возглавляло семейство Борецких: дети умершего посадника и его вдова Марфа. Что влекло к Литве это очень богатое, пользовавшееся большим почетом семейство, трудно сказать.

Можно предположить, что состояние иных новгородских семей из высшей феодальной олигархии было очень значительным по средневековым масштабам. Известно, что флорентийские, венецианские и генуэзские торговые дома были богаче иных королей и очень часто ссужали их значительными займами. Размах новгородской торговли, несмотря на все помехи, чинимые Ордой, шведами и ливонцами, был ничуть не меньшим, чем у итальянцев или в Ганзе. Торговый оборот шел по Балтийскому морю, вокруг Европы, а из Новгорода по Шексне на Волгу и вниз до среднеазиатских царств, по Северной Двине в глубины Заволочья.

Но это еще далеко не все. В Новгороде уже давно феодал, крупнейший землевладелец и купец часто выступали в одном лице. Достаточно взглянуть на кар-

ту новгородских волостей, простирающихся через Чудь Заволоцкую до отрогов Северного Урала, а по Печоре до пределов Северного Ледовитого океана, чтобы удостовериться, что иной новгородский боярин, феодал и купец владел землями, превосходящими по площади некоторые европейские королевства.

Гусли девятиструнные, шлемовидные. Новгород.

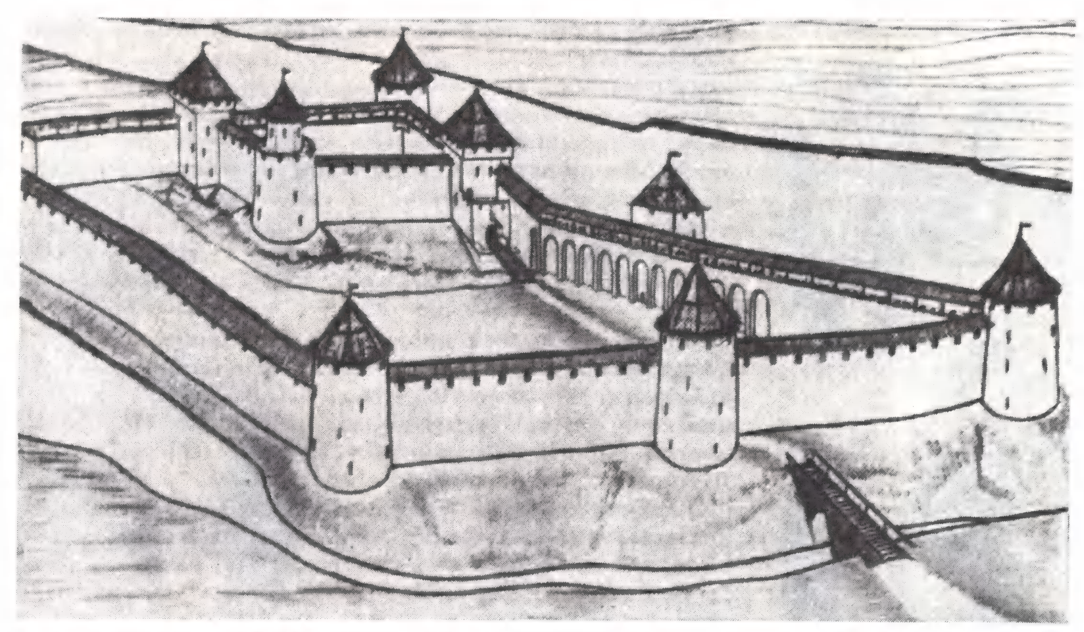
Великие князья давно начали проникновение в новгородские пределы, точнее говоря, в Чудь Заволоцкую, отбирая «за себя» города и земли у Новгорода. Естественно, что в среде новгородской феодальной олигархии не могло не найтись лично обиженных Москвой.

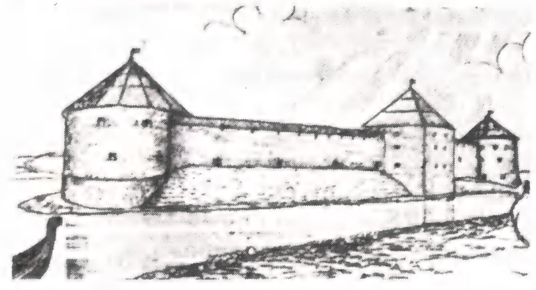
Тенденция Новгорода к сепаратизму уравновешивалась долгое время трудностями роста централизованного Московского государства. Великие князья не раз, как мы видели, оказывали значительное давление на Новгород, но из-за сложностей с Ордой и Литвой сдавали завоеванные позиции.

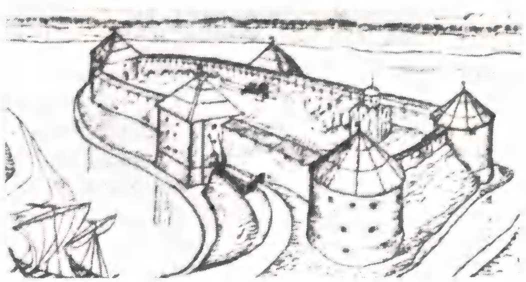
К концу шестидесятых годов XV века соотношение сил между Ордой и Москвой, Москвой и Литвой сложилось в пользу Москвы. Оппозиционные Москве феодальные группировки Новгорода поняли, что дальнейшее сопротивление великокняжеской власти становится невозможным. Теперь обращение их к Литве уже не было всего лишь политическим маневром, намечался разрыв с центром собирания русских земель, прямая измена и «старине», и делу Александра Невского, русскому народу и Русской земле. Пока великий князь Иван Васильевич был занят казанскими делами, пролитовская сторона новгородского боярства всячески обостряла отношения с Москвой.

Иван Васильевич действовал осторожно. Он искал пути для компромисса. В Новгород явились псковские послы и заявили: «Нас великий князь, а наш государь поднимает на вас; от вас же, своей отчины, челобитья хочет. Если вам будет надобно, то мы за вас, свою братью, рады отправить к великому князю бить челом о миродокончальной с вами грамоте: так вы бы послам нашим дали путь по своей вотчине к великому князю». Итак, в 1456 году псковичи были в одном стане с новгородцами, теперь, получив повеление великого князя идти с ним на Новгород, предложили всего лишь посредничество... в том, чтобы новгородцы покорились Москве.

Новгородские бояре пролитовской ориентации воспользовались псковским посольством, чтобы обострить обстановку. Несметные богатства Борецких и других бояр были пущены в ход. На вечевую площадь со всех концов кинулись нанятые крикуны. Они кричали: «Не хотим за великого князя московского, не хотим называться его отчиною, мы люди вольные; не хотим тер-

Крепость Ямгорода.
Около 1500 года.

Ладожская крепость.
XV век.
Вид с северо-запада.

Ладожская крепость.
Вид с юго-запада.

петь обиды от Москвы, хотим за короля Казимира» (Московский летописный свод).

Бывало, приглашали и литовских князей, приглашали и киевских, и владимирских, и черниговских, но связь с Русской землей не порывали, не рушили великий торговый путь из Балтики на Каспий. Не разрывали животворную артерию Северо-Восточной Руси, что помогла росту Владимиро-Суздальской земли, содействовала подъему Москвы и превращению ее в центр собирания русских земель.

На радость ослабленной, но все еще опасной Орде, на радость Римской курии, раздались на вече купленные отдельными боярами голоса за Казимира, за присоединение Новгорода к Литве. Однако эти голоса не получили широкой поддержки. Им ответили: «Хотим по старине, к Москве!»

Казалось бы, почему не на вече, не волеизъявлением народа определить судьбу Новгорода. Но демократичность вече и всегда-то была условной, а на этот

раз все было подготовлено, чтобы заглушить голос народа. Борецкие и иже с ними напустили на вече «худых мужиков вечников», для которых давно стало приработком кричать за тех, кто платит. В ход пустили силу, побили каменьями тех, кто стоял за Москву, и отправили по взятому силой «вечевому» приговору посольство с поминками и челобитьем к королю Казимиру. Король поспешил заключить договор с Новгородом «по всей его воле». (Почему бы на первых порах и не продемонстрировать новгородцам свою покладистость?)

Король обязался держать на Городище наместника греческой веры. А если пойдет великий князь московский на Великий Новгород, или сын его, или брат или которую землю поднимет на Великий Новгород, король должен был прийти на помощь со всею Радою Литовской. Король обещал не отнимать у новгородцев греческой веры, Новгород сам себе будет ставить владыку, где ему любо. Римских церквей король обязался не ставить ни в Новгороде, ни на земле Новгородской. Король обещал Новгороду «вольность» по старине и по крестной грамоте, но выговорил себе право раздавать волости на земле Новгородской.

Такого еще не бывало, чтобы Новгород заключил военный договор с польско-литовским королем против Москвы. В договоре проступала полная картина отторжения Новгорода от Москвы.

Первыми отозвались на эту «новизну» псковичи. Отправив послов к Казимиру, новгородцы послали сказать псковичам: «Вашего посла к великому князю не хотим поднимать, и сами ему челом бить не хотим; а вы бы за нас против великого князя на коня сели, по своему с нами миродокончанию». Псковичи в ответ объявили московскому послу, что будут помогать великому князю.

Казанские дела очень занимали Ивана Васильевича. Казанское ханство рассекало великий торговый путь. Но как ни важно было для московских целей обезопасить себя со стороны Казани, новгородские дела были ближе всего иного.

Медлить с новгородскими делами далее было нельзя. Но верный своим принципам использовать все средства, прежде чем поднять меч, Иван Васильевич, узнав о договоре новгородцев с Казимиром, еще раз попытался решить дело миром, усилить сторону московскую против литовской демонстрацией своей сдержанности и благожелательности. Иван Васильевич направил в Новгород посла передать волю великого князя, «чтобы отчина его, новгородцы, от православия не отступали, лихую мысль из сердца выкинули, к латинству не приставали и ему бы, великому князю, челом били,

да исправились, а он, великий государь, жалует их и в старине держит» (Московский летописный свод).

Есть предположение, что Иван Васильевич проявил при этом еще и особую гибкость. Будто бы он пожаловал сына Марфы, тогдашнего степенного посадника Дмитрия Борецкого, в московские бояре.

Обратился к новгородцам и митрополит Филипп. В своем послании он раскрыл опасность проникновения в Новгород католичества. «Много у вас людей молодых,— писал митрополит,— которые еще не навыкли доброй старине, как стоять и побороть по благочестии, а иные, оставшись по смерти отцов ненаказанными, как жить в благочестии, собираются в сонмы и поощряют на земское неустроение».

Однако уговоры не помогали. Казимир ободрял новгородцев обещанием своей помощи и приходом на Москву хана Ахмата.

Весной 1471 года великий князь созвал на думу своих братьев, митрополита, архиереев, бояр и воевод, хотя мог решить и единовластно поход на Новгород. Созывом думы он поднимал на переметчиков всю Северо-Восточную Русь, подчеркивал, что конфликт с Новгородом дело не только великого князя, а всей Русской земли.

Москву великий князь поручил своему сыну Ивану, с ним оставил своего брата Андрея Старшего, служилого татарского царевича Муртузу, в поход позвал братьев — Юрия, Андрея Меньшого, Бориса, князя Михаила Андреевича верейского с сыном и служилого татарского царевича Данояра. Для споров с новгородцами о «старине», точнее говоря, о правовых разногласиях, взял искушенного в летописях дьяка Степана Бородатого.

В Новгород поскакал гонец с разметными грамотами, в Тверь, Псков и Вятку — гонцы с повелением идти в Новгород.

Полки двинулись по всем путям, ведущим в Новгородскую землю, охватывая ее со всех сторон. Великий князь с главными силами выступил из Москвы 20 июня, 29 июня остановился в Торжке. Сюда пришли к нему тверские полки, явились послы из Пскова с известием, что Псков сложил крестное целование Новгороду.

Не тронулся на подмогу новгородцам их самозваный государь король Казимир. Новгородские сепаратисты запросили помощи у ливонских рыцарей, но и те, видя грозную силу московского князя, выступить не решились.

23 июня под Русой новгородские отряды встретились с передовыми полками Ивана Васильевича. Новгородцы потерпели поражение. В их рядах был отмечен явный разлад. Некоторые отряды не шли в бой, за-

являя, что владыка «не велел на великого князя рук поднимать».

На город медленно надвигались полки московского князя. 10 июля выступили со всей силой псковичи.

Пролитовская сторона в Новгороде еще занимала господствующие позиции. Она начала собирать войско против псковичей, но для этого нужны были не только «вечевые крикуны». Городские люди не хотели воевать за сторонников литовского короля. Тех, кто отказывался идти, грабили, избивали, топили в Волхове. Насильно согнанное войско выступило из Новгорода под водительством посадника Дмитрия Борецкого.

Дмитрий Борецкий шел навстречу псковичам, но встретился с передовыми полками Ивана Васильевича на берегу Шелони. Будто бы Дмитрий Борецкий вывел из города до 40 тысяч ратников. У московских воевод было всего 4 тысячи воинов. Сорок тысяч — это, конечно, обычное преувеличение, но несомненно, что новгородцы имели численный перевес над передовыми московскими полками. Однако этот численный перевес ничего не стоил, ибо рядовые новгородцы шли не по доброй воле.

Едва сойдясь с москвичами, новгородцы побежали. Дмитрий Борецкий был взят в плен, при нем нашли договорную грамоту новгородцев с Казимиром.

Получив известие о победе на Шелони, Иван Васильевич продвинулся ближе к Новгороду и 24 июля встал в Русе, ожидая новгородских послов с челобитьем. Видимо, он имел сведения, что в Новгороде опять встал раскол.

Действительно, в Новгороде вновь обострилась борьба сторон, но вместе с тем жителями овладела тревога, что великий князь идет чинить расправу. Город готовился к обороне.

Иван Васильевич счел нужным проявить власть. Он велел казнить Дмитрия Борецкого и еще трех знатных лиц из пролитовской партии. Не подействовало. Новгородцы пожгли посады, затворили город.

У великого князя, судя по всему, было достаточно сил, чтобы взять город приступом. Однако и тут он проявил себя тонким политиком. Приступ, захват города силой отбросил бы в лагерь противника и тех, кто «тянул» к Москве: тысячи «молодших» людей, ремесленников, торговцев, огородников.

Иван взял город в осаду. И этим довольно быстро изменил соотношение сил борющихся сторон. Немедленно вздорожал хлеб. Рожь, которую потребляло большинство новгородского населения, исчезла с рынка, пшеница была недоступна простому люду по цене.

Простой люд, все низшие сословия, поднялись на бояр, обвиняя партию Борецких, что это они «назвали» на Новгород великого князя со всей его силой. Мос-

«Одежда на престол». Конец XV века. Москва. Фрагмент.

ковская сторона взяла верх. Владыка Феофил поехал с челобитьем к великому князю.

Иван Васильевич принял Феофила на реке Коростыни при устье реки Шелони. Великий князь снял «гнев» на свою отчину — новгородцев и дал мир по «старине», взяв с Новгорода за непокорность 15 тысяч рублей деньгами «в отсчет» и серебром «в отвес».

Мирный договор, подписанный на Коростыни, во многом повторял Яжелбицкий. Все сводилось к пониманию «старины». Новгородцы толковали это понятие, как им было привычно, вкладывая в него обережение своей вольности. Великокняжеское понимание «старины» было иным. Здесь «старина» не уходила глубже Яжелбицкого договора, выражалась в признании Новгорода «отчиной» великих князей всея Руси.

Договор на Коростыни прежде всего закреплял принадлежность Великого Новгорода Москве, «быть от великих князей неотступными ни к кому». Новгород лишился права принимать не только литовских князей, но и русских, состоящих в «недругах» великому князю. Княжеский стол в Новгороде с судом и прочими правами Иван Васильевич перевел на себя. Восстанавливалась и полная зависимость новгородской церкви от московского митрополита. На этом великий князь пока и ограничился, предоставляя остальное времени и развязывая себе руки для укрепления позиций Москвы на юге и юго-востоке.

Нам же надлежит задуматься, почему Казимир не пришел на помощь новгородцам?

В польской исторической литературе высказывалось положение, согласно которому причиной пассивности Казимира являлось невыгодное для Польско-Литовского государства общее соотношение сил в Восточной Европе. Но анализ внешнеполитической обстановки 60-х и 70-х годов в Восточной Европе говорит о том, что обстановка, напротив, складывалась для Казимира благополучно. Продолжалось начатое в конце 60-х годов сближение с ханом Большой Орды Ахматом. Отношения с Крымом можно было считать формально мирными. Менгли-Гирей еще в начале 60-х годов выдал Казимиру ярлык на русские земли. Литовский митрополит Григорий не утратил к 1470 году влияния на некоторые круги Новгорода. Все это, вместе взятое, давало Казимиру перевес во внешнеполитическом балансе над Москвой.

Между тем в политической жизни Восточной Европы зрели силы, которые не всегда выступали на поверхность, но за которыми было будущее. Заслуга Ивана Васильевича состояла как раз в том, что он сумел нащупать эти скрытые рычаги своего возрастающего могущества. Силы эти — тенденция развития Москов-

ской Руси в централизованное государство, основанное на национальном и религиозном единстве.

Не обладая перевесом над Польшей, Литвой, Большой Ордой, Орденом и пролитовским боярством в Новгороде, вместе взятыми, Иван Васильевич сумел обойти все эти подводные камни, нашел точное направление между Сциллой и Харибдой, вовремя сосредоточил все силы на узком участке фронта, разгромил пролитовскую сторону новгородской олигархии, не обидев «молодших» людей, угадав в них сторонников идеи централизованной власти.

Ход всего «новгородского дела» в 1471 году показал, что затея перехода Новгорода под власть короля Казимира всего лишь авантюра, не имеющая корней в народной среде. Надо полагать, что неустойчивость своего положения в Новгороде видел и Казимир, потому и не выступил на помощь своим прозелитам.

СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Завершив первый этап покорения Новгорода и понимая, что на этом «новгородское дело» не закончено, Иван Васильевич занялся делами ордынскими.

Не видя возможности достичь взаимопонимания с ханом Большой Орды Ахматом и видя неизбежность решающего столкновения с ним, Иван Васильевич предпринимает шаги для сближения с его соперником Менгли-Гиреем и Крымской ордой. Для того чтобы нейтрализовать Казимира и его ставку на окатоличивание русской церкви в Польско-Литовском государстве, великий князь делает остроумнейший и совершенно непредугадываемый маневр. Он готовился еще в 1469 году, в преддверии новгородского похода. Не исключено, что и первые шаги на этом пути могли повлиять на Казимира.

В политической обстановке Восточной Европы давала себя почувствовать новая сила — Османская империя. Со дня падения Византии прошло еще не так-то много времени. Султан был занят на Балканах, но уже придвигался к границам католических королевств, и в Средиземном море его флот наносил удары по торговым путям Венеции и Генуи. Римская курия, весьма зависимая от банкирских домов итальянских торговых республик, искала силу, которую можно было бы противопоставить Османской империи.

Уже однажды, при Василии Темном, была совершена попытка втянуть Московию в орбиту римской политики. Неудача не обезоружила Римскую курию. В Рим приходили известия, что сын Василия Темного превзошел своего отца, что в его руках сосредоточилась необъятная власть: светская и духовная. Одного его слова могло быть достаточно там, где не помогли

ни походы крестоносцев, ни происки католических королей. В Риме лелеяли надежду обратить московского «базилевса» в католичество и заручиться надежнейшей защитой от султанов.

В 1469 году в Москву к великому князю Ивану Васильевичу прибыл грек Юрий, посланец кардинала Виссариона, одного из самых активных деятелей Флорентийской унии, которому, конечно же, было известно, как принимали в Москве униата Исидора. Предложение Виссариона выглядело и дерзким и необычным. Кардинал предлагал Ивану Васильевичу руку греческой царевны Зои, дочери Фомы Палеолога, брата византийского императора, погибшего на стенах Константинополя. Виссарион сообщал Ивану Васильевичу, что папа Павел II принимает живейшее участие в судьбе императорской племянницы, что к ней сватались король французский и герцог медиаланский, но она отказала им из-за приверженности к греческой вере.

Иван Васильевич понял замысел папы, конечно, не поверил, что его воспитанница отказала женихам из-за приверженности к вере отца, от которой тот сам отказался на Флорентийском соборе, увидел, какую игру затеял папа, и принял ее. Учитывая возникновение в Новгороде пролитовской группировки и зная о замыслах Казимира перетянуть Новгород к Литве, Иван Васильевич решил обезоружить Казимира с неожиданной для него стороны.

Однако этим расчеты Ивана Васильевича не ограничивались. Он уже давно, еще при жизни отца, с тревогой и вниманием следил за тем, что происходит в Константинополе, и предугадывал возрастание политической роли Османской империи. Он, разумеется, не мог защищать католическую Европу от ислама, но сближением с Римом через племянницу императора вознамерился пригрозить султану возможностью опасного для него союза.

Сватовство Виссариона не было отвергнуто.

В Москве в это время находилось уже немало итальянских мастеров, которые лили пушки, чеканили монеты, возводили новые храмы и перестраивали стены Кремля. Сам Иван Васильевич нисколько не был обеспокоен возможным влиянием на него невесты в делах веры, но отправлять послами православных бояр остерегся. Они могли испугаться великой княгини, воспитанной папой. Иван Васильевич послал в Рим вести переговоры о сватовстве итальянских мастеров Джьян Баттисту Вольпе, известного в Москве под именем Ивана Фрязина, и Антонио Джисларди, известного как Антон Фрязин.

Герб Вольпе — по голубому полю крадется серебряная лисица, герб Джисларди — медведь держит посох. Лиса и медведь решили, что им удастся свершить

то, чего не удалось ни Болеславу Храброму, ни тевтонским рыцарям, ни папе Гонорию III, ни Исидору, то есть послужить окатоличиванию московского государя, а за ним и всей Русской земли. Им и в голову не пришло, что сватовство Ивана Васильевича идет совсем не к окатоличиванию, напротив, к обузданию активности польских католиков на Русской земле.

Римская хроника сообщает: «25 мая послы князя появились в секретном заседании консистории и представили незапечатанную грамоту, написанную на небольшом листе пергамента. Она была снабжена подвижной золотой печатью и заключала только следующие слова на языке рутенов: «Князь Белой Руси Иван ударяя себя в лоб (в Ватикане не смогли перевести идиоматическое выражение «бьет челом») и шлет привет великому Сиксту, римскому первосвященнику, и просит оказать доверие его послам».

Вольпе и Джисларди оказались здесь кстати. Можно было представить, какое бы впечатление произвели бояре в горлантных шапках, которые бы чинились из-за каждого слова.

Хроника продолжает: «Московские гости начали с восхваления папы (уж этого-то от бояр он бы никогда не дождался.— Авт.), поздравили его с восшествием на престол. Затем рассказали о своем князе и от его имени повергли к стопам апостола свое благоговение. (Что за прелесть эти Вольпе и Джисларди! Угадал Иван Васильевич, кого послать! — Авт.) Наконец,— продолжает хроника,— они преподнесли папе подарки, заключавшиеся в мантии и семидесяти собольих шкурках. Первосвященник выразил одобрение князю как христианину. Он хвалил его за то, что тот принял Флорентийскую унию, никогда не ходатайствовал о назначении архиепископа у константинопольского патриарха».

И вообразить невозможно, какая бы последовала реакция великокняжеских послов православной веры на эти слова папы. «Лисица» и «медведь» и не подумали опровергать заблуждение папы: Иван Васильевич не только не принял Флорентийской унии, но потому-то и не обращался к константинопольскому патриарху, что считал его униатом.

Поведение послов, полное почтение к папе позволили хронистам далее записать: «Папа хвалил князя также и за то, что тот выразил римскому первосвященнику свое благоговение, равносильное, по понятиям рутенов, заявлению о полной покорности. Была выражена благодарность и за подарки. Послы неаполитанского короля, послы Венеции, Милана, Флоренции и герцога Феррарского, призванные к папскому двору ради других дел, присутствовали на этом торжестве».

И никто не заметил, что этот спектакль был целиком

Рождественский собор. Закомары. Звенигород.

срежиссирован из Москвы, за тысячи километров от Рима.

Папа поспешил дать согласие на брак воспитанницы, которой было не очень-то уютно в Риме на католических хлебах. Не она отказала королю французскому и герцогу медиоланскому, а они отказались от сватовства к бесприданнице. К тому же Зоя Палеолог была явно не по вкусу западным кавалерам. Перу одного из придворных поэтов Лоренцо Медичи Великолепного принадлежит ее сатирический портрет. «Я тебе кратко расскажу,— писал он своему покровителю,— об этом куполе, или, вернее, об этой горе сала, которую мы посетили. Право, я думаю, что такой больше не сыщешь ни в Германии, ни в Сардинии. Мы вошли в комнату, где сидела эта женщина. Ей есть на чем посидеть... Представь себе на груди две большие литавры, ужасный подбородок, огромное лицо, пару свиных щек и шею, погруженную в груди. Два ее глаза стоят четырех. Они защищены такими бровями и таким количеством сала, что плотины реки уступят этой защите. Я не думаю, чтобы ноги ее были похожи на ноги Джулио Тощаго. Я никогда не видел ничего настолько жирного, мягкого, болезненного, наконец, такого смешного, как эта необычайная benfanica. После нашего визита я всю ночь бредил горами масла, жира и сала, булок и другими отвратительными вещами».

Нет ничего удивительного в том, что поджарый поэт бредил салом и булками. Как потом выяснилось, Зоя Палеолог не угостила его ужином...

Папа и итальянцы форсировали события. Через несколько дней состоялся обряд бракосочетания, католический венчальный обряд. Да какой бы боярин православного исповедания не сорвал бы все дело.

Вольпе должен был представлять особу жениха. «Серебряная лисица» на все был согласен. Не случилось при нем обручального кольца, и здесь нашли выход.

Сопровождать невесту в Москву был назначен епископ Антонио Бонумбре. Папа пожаловал ему титул легата и нунция в Москве. Сикст IV наставлял его: «Мы ничего не желаем горячее, как видеть вселенскую церковь объединенной на всем ее протяжении и все народы, идущими по пути к блаженству. Вот почему мы охотно изыскиваем средства, при помощи которых наши желания могут быть осуществлены» (Женевский архив).

Яснее не выразишь намерения Рима в связи с этим сватовством. Осуществление этих намерений было еще весьма призрачно, а Иван Васильевич уже получил дивиденды от своего маневра. Послы европейских католических королей разнесли известие о переходе московского государя в лоно католической церкви. Усилива-

Рождественский собор. Резной пояс на северном фасаде.

лась позиция Москвы в глазах турецкого султана, Казимиру приходилось себя сдерживать.

Папский легат, полагаясь на россказни Вольпе и Джисларди, ехал с уверенностью, что московский государь горит нетерпением принять католичество. Зоя благодарила папу, не скупилась на обещания быть верной апостольской дочерью. Едва переступив границу и по московскому обычаю переменив имя Зоя на Софья, она оценила преимущества московской государыни над положением апостольской дочери. Когда папский легат попытался вести себя на Русской земле соответственно своему вероисповеданию, Софья грубо его одернула.

В Москве митрополит Филипп заявил великому князю: «Если епископ войдет со своим крыжем (так в православной церкви называли латинский крест.— Авт.) в одни ворота, я, отец твой, выйду в другие». Митрополиту не пришлось выходить из города, великий князь вовсе не собирался давать волю папскому посланцу и чем-то обнаружить свою благосклонность к католической вере. Дело было сделано, племянница императора несла благожелательное отношение папы.

12 ноября 1472 года Софья въехала в Москву и в тот же день была обвенчана с Иваном Васильевичем. Теперь надо было позаботиться, чтобы смягчить впечатление о суровой встрече, уготованной римскому епископу и папскому легату, а также снять опасения своих московских блюстителей чистоты православия. Здесь Иван Васильевич предстал перед нами не только как искусный дипломат, но и как тонкий и хитрый политик, умеющий в своих целях прибегать к очень разнообразным средствам.

Сейчас же по прибытии Софьи Палеолог в Москве резко усилилась антикатолическая пропаганда и одновременно появились неофициальные документы «пролатинского» характера, специально направленные на то, чтобы поддержать в Риме уверенность, что миссия Вольпе-Фрязина не была пустым звуком.

Первая тенденция явственно проглядывает в Московском великокняжеском летописном своде 1472 года, где выпады против католичества сопровождаются восхвалением истинного православия Московской Руси. Характерно и появление в эти годы антикатолического публицистического произведения «Словеса избранные», а также попытка тогдашних московских церковников изобразить Софью Палеолог, прибывшую из Рима с одобрения папы Сикста IV и кардинала Виссариона, как истинную гречанку, активную противницу католической веры и борца против римской церкви.

Однако, намереваясь сотрудничать с Римом на международной арене, поддерживая с Ватиканом те отношения, которые установились еще в 1469 году,

московский правитель одновременно должен был заботиться и о том, чтобы смягчить в глазах римских политиков значение антикатолических выступлений, создать в апостольской столице впечатление борющихся между собой направлений русской церкви: «православного» и «проримского». Попыткой реализовать эту цель, возможно, явилось создание особого документа, известного под названием «Послание папе Сиксту от российских славян, живущих в северной стране».

В исторической литературе есть предположение, что это «Послание» — документ действительно неофициального происхождения, что будто бы вытекает из факта существования среди какой-то группы русских церковников (может быть, в Новгороде, в кругах «литовской партии») униатских настроений. Такое предположение опирается на один из тезисов «Послания»: «несть бо разнствия о Христе греком и римлянам и нам сущим российским словяном, вси едино тоже суть». Тем не менее нам представляется, что «Послание российских славян» было скорее документом, подготовленным княжеской канцелярией, а не какой-либо организованной группой «русских униатов».

Предположение о том, что «Послание российских славян» составлено какими-то тайными униатами русского происхождения, выглядит неправдоподобным и в связи с самим характером памятника. Термин «российские славяне» вряд ли широко бытовал среди тогдашнего русского общества и духовенства; жители Москвы, Новгорода и других центров Русской земли в XV веке не могли думать о себе как о «российских славянах», живущих «в северной стране». Так думать о Руси мог только иностранец, выросший где-то на европейском юге, но в то же время хорошо знакомый с политической и этнической картой Северо-Восточной Европы. Следовательно, сама терминология «Послания» заставляет предполагать, что в составлении его принимал участие человек южного происхождения, находившийся на московской службе.

Это мог быть как раз Вольпе-Фрязин, несколько раз ездивший в Рим по поручению Ивана III. Если признать эту гипотезу реальной, то своеобразие и тонкость дипломатии московского князя становятся еще более очевидными.

Обезопасив себя на какое-то время от враждебных действий Римской курии и продолжая с ней игру «на повышение» акций католичества на Руси, Иван Васильевич предпринял энергичные меры, чтобы ослабить опасность от быстрого сближения Казимира с ханом Большой Орды Ахматом, понимая, что этот союз для него опаснее активности католиков на западных границах Московского государства.

Нужно было выставить противовес союзу Казимира с Ахматом. Иван Васильевич видел этот противовес в союзе Москвы с крымским ханом Менгли-Гиреем. Смотрел и еще дальше, предугадывая, что Крым послужит мостиком для установления связей с султанами.

В 1472 году Иван Васильевич через некоего Хозю Кокоса, жителя Кафы, дал знать Менгли-Гирею, что ищет с ним дружбы. Менгли-Гирей не замедлил прислать в Москву посла Ази-Бабу, уполномоченного заключить предварительное соглашение, в котором уже содержались положения военного союза: крымский хан и московский государь обязывались находиться в «братской дружбе и любви, против недругов стоять заодно».

В марте 1474 года из Москвы в Крым был направлен посол Никита Беклемишев, дабы утвердить соглашение, достигнутое с Ази-Бабой, и расширить сферу московско-крымского сотрудничества, имея в виду совместную борьбу против хана Ахмата и польского короля Казимира. Однако в 1474 году Менгли-Гирей воздержался включить Казимира в число «общих» врагов.

Переговоры продолжались. Они продолжались и после того, как Крым в 1475 году был завоеван Османской империей. Теперь эти переговоры приобрели еще более важное значение. Однако их ход был нарушен попыткой объединения Большой Орды с Крымом, в результате чего в 1476 году Менгли-Гирей был свергнут, и два года в Крыму сидел сын Ахмата — Джанибек.

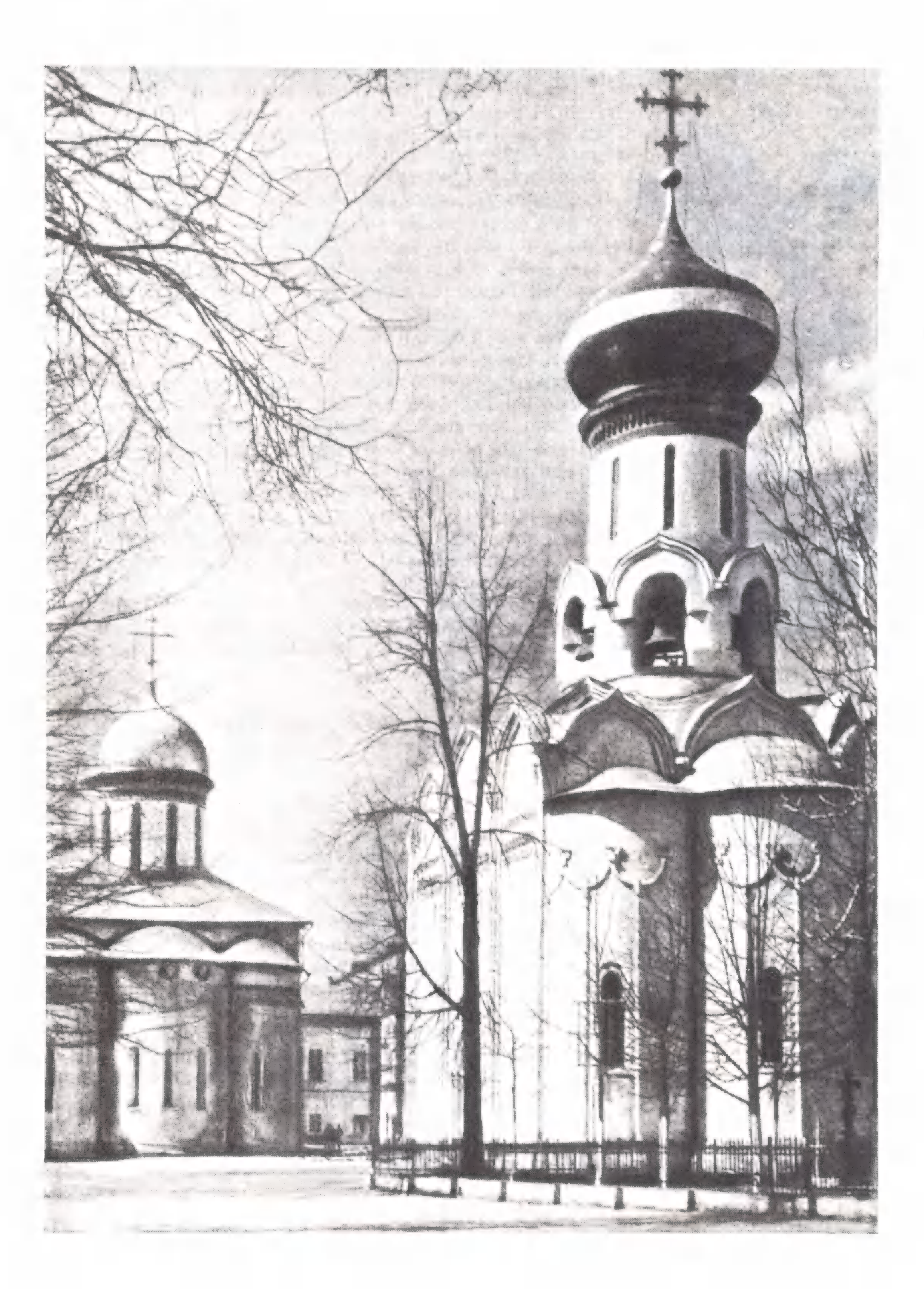
Обстановка на южных границах Московского государства осложнилась.

«ВЕЧЕВОМУ КОЛОКОЛУ В НОВГОРОДЕ НЕ БЫТЬ!»

Договор на Коростыни юридически закрепил власть великого князя над Новгородом, но с сепаратистскими настроениями высшего новгородского боярства не покончил.

На первый взгляд многим участникам дела могло показаться, что приход великого князя с войском всей земли не выходил из ряда обычных демонстраций силы. Начиная с Симеона Гордого, князья приходили и уходили, а порядки возвращались в обычное русло. Московский князь и его суд были далеко, власть на месте — в руках бояр. Несомненно, что пролитовская сторона принимала в расчет и трудности Ивана Васильевича на юге, и содружество Казимира с ханом Большой Орды Ахматом.

На этот раз оппозицию великокняжеской власти возглавил посадник степенный Василий Ананьин. Трудно сказать, насколько он лично «тянул» к Литве, но опирался он на Борецких и «пролитовскую сторону».

Троице-Сергиевская лавра. Духовская церковь. 1476 год.

Они всячески утесняли «житьих» и «молодших» людей, то есть те сословия, которые стояли за единовластие великого князя. Страсти постепенно накалялись, и дело кончилось побоищем, которое развязал и возглавил Василий Ананьин. Побили множество народа, пограбили дворы, словом, учинили погром сторонников Москвы.

В Москву побежали жалобщики. Псковский летописец прямо указывает, что «житьи» и «молодшие» люди призвали в Новгород великого князя. Для Ивана Васильевича это побоище стало новым предлогом для давления на Новгород.

22 октября 1475 года (заметим, что это было время окончательного подчинения Крыма Османской империи, а вместе с тем и время установления тесного сотрудничества Москвы с Менгли-Гиреем) Иван Васильевич выехал из Москвы в Новгород. В Вышнем Волочке великого князя встретил посол владыки Феофила с дарами, сюда же явились и первые жалобщики. Великий князь принимал челобитные от жалобщиков без гнева на них. А их собиралось все больше, они встречали князя чуть ли не на каждом погосте, отнюдь не стесняясь новгородских чиновников. Наконец в 90 верстах от Новгорода навстречу вышли посадник степенный Ананьин, а с ним и владыка Феофил.

21 ноября 1475 года Иван Васильевич вошел в Новгород. Был гневен, принимал жалобщиков, не «пожаловал» отобедать ни у владыки, ни у кого-либо другого. Вся эта медлительность была прекрасным спектаклем «государева гнева». «Потому что,— говорит летописец,— земля эта давно уже в своей воле жила, о великих князьях небрегла и не слушала их, и много зла было в ней: убийства, грабежи, домам разорение напрасное; кто кого мог, тот того и обижал».

23 ноября Иван Васильевич въехал в крепость, был встречен владыкой и духовенством, отстоял обедню у святой Софии, пожаловал владыку согласием отобедать у него. Еще два дня слушал жалобщиков, затем призвал владыку и посадников. То был его первый княжеский суд. Думается, что гнев и ярость владели Иваном Васильевичем немалые, но он всегда умел себя сдерживать и понимал, что малейший просчет принесет новых врагов, а строгость и справедливость оторвут от противной стороны на его сторону новых людей. Он заявил: «Ты, богомолец наш, и вы, посадники, объявите отчине нашей, Великому Новгороду, чтобы дали на обидчиков своих приставов, как я дал на них своих, потому что я хочу дело рассмотреть; и ты, богомолец мой, и вы, посадники, тогда у меня были; хочется мне обиженным управу дать».

Каждое слово здесь взвешено, за каждым оборотом глубокий политический смысл. Новгород всего

лишь «отчина» великого князя, а не равноправная сторона. Но суд великий князь из уважения к Новгороду творит с его владыкой и посадниками. Их право пока не узурпировано.

26 ноября обидчики и обиженные предстали перед великим князем на Городище. Великий князь признал жалобы справедливыми. Посадник степенный Ананьин, а также посадник Иван Афанасьев с сыном, что звали Новгород за литовского короля, тут же были схвачены.

Вспомним, что шел 1475 год. Большая Орда и Казимир были как бы отсечены друг от друга Менгли-Гиреем. Имелась возможность проявить милость. Остальных виновных великий князь отдал на поруки архиепископу Феофилу.

Обиженные были удовлетворены, обидчикам дана возможность по достоинству оценить отеческую милость нового государя. Иван Васильевич ждал, что последует: какая реакция будет в городе и в боярской среде и среди «житьих» и «молодших» людей. «Житьи» и «молодшие» не волновались. Боярская верхушка во главе с владыкой Феофилом явилась через три дня с челобитьем, дабы великий князь освободил схваченных на поруки.

Корни измены еще не вырваны, не покончено и со старыми представлениями о новгородской вольности. Не во все сплетения заговора проник князь. Его беспокоила позиция архиепископа. Видимо, в этот раз Иван Васильевич не вполне ее оценил, а принял приход Феофила как вынужденную уступку новгородскому боярству. Тогда еще ничто не говорило, что и сам архиепископ тянул к Литве.

Князь проявил твердость: «Известно тебе, богомольцу нашему,— заявил Иван Васильевич,— и всему Новгороду, отчине нашей, сколько от этих бояр и прежде зла было, а нынче, что ни есть дурного в нашей отчине, все от них; так как же мне их за это дурное жаловать?»

Ананьин и Афанасьевы были тут же отправлены в Москву. Тогда Феофил с посадниками и с многими новгородцами просили о помиловании тех, кто был взят на поруки. На этот раз князь принял челобитье, этим явно поддержав авторитет архиепископа. После суда Иван Васильевич провел в Новгороде более месяца, всячески показывая свое расположение к новгородцам.

Княжеский суд пришелся по душе новгородцам. Но князь уехал в Москву, ожидать его вновь можно было только через несколько лет. Сумятица же в Новгороде не улеглась. Пролитовская сторона не оценила княжеской милости.

Не исключено, что Иван Васильевич не очень-то и надеялся, что его противники утихомирятся. Скорее

всего он хотел, чтобы они были повергнуты руками самих же новгородцев. Так оно и вышло. В Москву потянулись жалобщики, чего раньше никогда не случалось и что стояло в прямом противоречии с новгородским понятием «старины».

В это время совершает свой очередной зигзаг политика Ивана Васильевича на юге. Выше упоминалось, что в 1476 году в Крыму на ханский престол сел сын хана Ахмата. Создавался неразрывный антимосковский фронт: хан Ахмат в Большой Орде, его сын Джанибек в Крыму, Казимир в Литве и Польше.

С приходом Джанибека в Крым Казимир решился активизировать свои происки в Новгороде. Иван Васильевич незамедлительно вступает в переговоры с Ахматом и спешит восстановить видимость былой зависимости Руси от ордынской власти. Он соглашается выплачивать ордынские «выходы», как прежде, и в 1476 году принимает из рук Ахмата ярлык на великое княжение.

Однако не только видимая покорность Ивана Васильевича побудила Ахмата на примирение с Русью. Воцарение в Крыму Джанибека вызвало раздражение в Османской империи. Надвигалась гроза из Константинополя, и Ахмат старался заручиться поддержкой Москвы, опасаясь двойного давления на Крым. Имея в виду обострение отношений Османской империи и Польско-Литовского королевства, хан Ахмат начал сворачивать контакты с Казимиром.

К 1478 году расстановка сил вполне определилась. Султан начал открытые военные действия против Джанибека в Крыму. Хану Ахмату было не до Москвы. Казимир лишился поддержки хана Ахмата и Джанибека. Образовалась брешь во враждебной Москве коалиции, наступил момент завершить дела с Новгородом.

Надо полагать, не без зова в марте 1477 года в Москву явились послами из Новгорода Назар Подвойский и Захар, вечевой дьяк. В челобитье они назвали Ивана Васильевича «государем», чего никогда ранее ни в одном новгородском документе не было. Летописи не сообщают, чья это была инициатива, но по тому, как цепко ухватился великий князь за это слово, есть основания предположить, что слово «государь» в челобитную попало по его подсказке.

24 апреля в Новгород отправились московские послы с поручением спросить новгородцев: «Какого они хотят государства? Хотят ли, чтоб в Новгороде был один суд государя, чтобы тиуны его сидели по всем улицам, хотят ли двор Ярославов очистить для великого князя?» (Московский летописный свод.)

Тонкий политик, умеющий рассчитывать свои дейст-

вия, Иван Васильевич, конечно, представлял себе, что после столь дерзкого запроса все враждебные Москве и его власти силы в Новгороде обнаружат себя.

Пролитовская сторона подняла мятеж. Опять побили много народу. Тех, кто ходил жалобщиками в Москву, изрубили топорами. Московских послов отправили назад с наказом великим князьям Ивану Васильевичу и его сыну: «Вам, своим господам, челом бьем, но государями вас не зовем; суд вашим наместникам на Городище по старине, а тиунам вашим у нас не быть, и двора Ярославова не даем; хотим с вами жить, как договорились в последний раз на Коростыни; кто же взялся без нашего ведома иначе сделать, тех казните, как сами знаете, и мы здесь будем их также казнить, кого поймаем; а вам, своим господам, челом бьем, чтобы держали нас в старине, по крестному целованию» (Московский летописный свод).

«Господам», но не «государям». Вызов сделан!

В Москву пришли и посадники, что держали сторону великого князя. Они поведали о новгородском мятеже. Дальше медлить было нельзя. Большая Орда была нейтрализована, без нее Казимир не мог вступиться за своих прозелитов, и Иван Васильевич объявил митрополиту, братьям и московским боярам: «Я не хотел у них государства, сами присылали, а теперь запираются, и на нас ложь положили».

Дано было повеление собираться полкам. Новгородцы поспешили прислать гонца с просьбой об «опасной грамоте». Иван Васильевич «опасной грамоты» не дал. 30 сентября послал в Новгород «складную грамоту» (грамоту об отмене прежних соглашений, «сложение» прежних обязательств). 9 октября выехал из Москвы, оставив город на сына. Опять, как в 1471 году, на Новгород со всех концов надвигались московские, тверские и татарские полки. На этот раз шли быстро и успели занять посады, Городище, монастыри, дабы новгородцы их не пожгли.

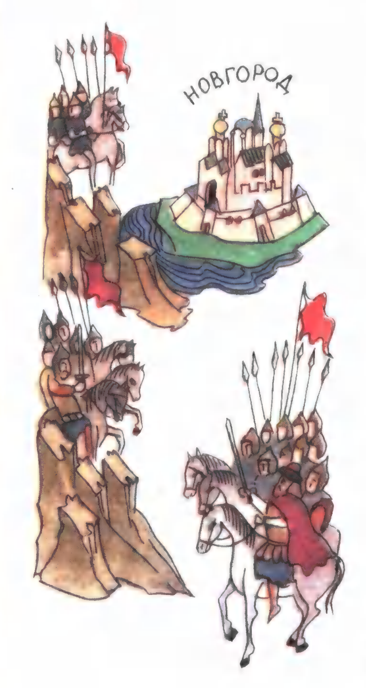
23 ноября в 30 верстах от Новгорода великого князя встретили Феофил и посадники. Архиепископ от имени Новгорода бил челом: «Господин государь князь великий Иван Васильевич всея Руси! Ты положил гнев свой на отчину свою, на Великий Новгород, меч твой и огонь ходят по Новгородской земле, кровь христианская льется, смилуйся над отчиной своею, меч уйми, огонь утоли, чтобы кровь христианская не лилась: господин государь, пожалуй!»

Столь смиренное обращение, казалось, выражало полную покорность. Но зачем тогда обращение в два слова «господин государь»? Это еще можно было както сгладить, но, начав с просьбы о милости, Феофил далее показал, что в Новгороде не оценили трезво происходящее, и закончил: «Да положил ты опалу на

бояр новгородских и на Москву свел их в свой первый приезд: смилуйся, отпусти их в свою отчину в Новгород Великий» (Московский летописный свод).

Иван Васильевич не ответил послам. На переговоры выставил бояр. И здесь позиция Новгорода прояснилась. Послы предлагали князю ездить в Новгород каждые четыре года, велел бы суд судить своему наместнику и посаднику совместно, если те не управятся, управу чинить великому князю по приезде в Новгород, а в Москву на суд на вызывал бы. И чтобы княжеские наместники не вмешивались в суды владычьи и посадничьи.

Получив эти условия от новгородских послов, Иван Васильевич опять же ничего не ответил, а приказал подвинуть полки к городу. И как только город был взят в плотную осаду, призвал послов и заявил им: «Сами вы знаете, что посылали к нам Назара Подвойского и Захара вечевого дьяка и позвали нас великих князей себе государями; мы, великие князья, по вашей присылке и челобитью послали бояр спросить вас: «Какого нашего государства хотите?» И вы заперлись, что послов с тем не посыловали, и говорили, что мы вас притесняем. Но, кроме того, что вы объявили нас лжецами, много и других ваших к нам неисправлений и нечести. Мы сперва поудержались, ожидая вашего обращения, посылались к вам с увещаниями; но вы не послушались и потому стали нам как чужие. Вы теперь поставили речь о боярах новгородских, на которых я положил опалу, просили, чтоб я их пожаловал, отпустил; но вы хорошо знаете, что на них бил мне челом весь Великий Новгород, как на грабителей, проливавших кровь христианскую. Я, обыскавши владыкою, посадниками и всем Новгородом, нашел, что много зла делается от них нашей отчине, и хотел их казнить; но ты же, владыка, и вы, наша отчина, просили меня за них, и я их помиловал, казнить не велел, а теперь вы о тех же виноватых речь вставляете, чего вам делать не годилось, и после того как нам вас жаловать? Князь великий вам говорит: «Захочет Великий Новгород бить нам челом, и он знает, как ему нам, великим князьям, челом бить» (Московский летописный свод).

Яснее не скажешь. Не силой оружия и даже не силой убеждения навечно присоединял Новгород к Москве Иван Васильевич, а ободрением тех, кто в Новгороде осознал необходимость этого акта.

Послов отпустили.

27 ноября Иван Васильевич перешел Ильмень по льду и встал со всеми полками у стен города. Новгородцы укрепили стены, но в городе шел раздор: боролись стороны, московская брала верх.

4 декабря Феофил с посадниками пришли к Ивану Васильевичу и просили указать, какого челобитья он

ждет от Новгорода. Князь ответил: «Захочет наша отчина бить нам челом, и она знает, как бить челом».

Пролитовская сторона не могла более держаться. Послы вернулись на другой же день и принесли повинную, что Новгород действительно посылал Захара, вечевого дьяка, назвать великого князя «государем». «Если так,— ответил великий князь,— если вы, владыка, и вся наша отчина, Великий Новгород, сказались перед нами виноватыми и спрашиваете, как нашему государству быть в нашей отчине, Новгороде, то объявляем, что хотим такого же государства и в Новгороде, какое в Москве» (Московский летописный свод). Теперь шла речь уже не только об интересах пролитовской стороны. Раздоры в Новгороде не утихали. Началась торговля, послы возвращались к великому князю с просьбой всяческих уступок, в особенности отстаивалось право судить посадникам совместно с наместниками и чтобы не было «вывода» и «позвов» из Новгородской земли.

Великий князь стоял на своем. Наконец последовало и разъяснение, как мнит великий князь свое государство Новгород: «Государство наше таково: вечевому колоколу в Новгороде не быть; посаднику не быть, а государство все нам держать; волостями, селами нам владеть, как владеем в Низовой земле, чтоб было на чем нам быть в нашей отчине, а которые земли наши за вами, и вы их нам отдайте; вывода не бойтесь, в боярские вотчины не вступаемся, а суду быть по старине, как в земле суд стоит» (Московский летописный свод).

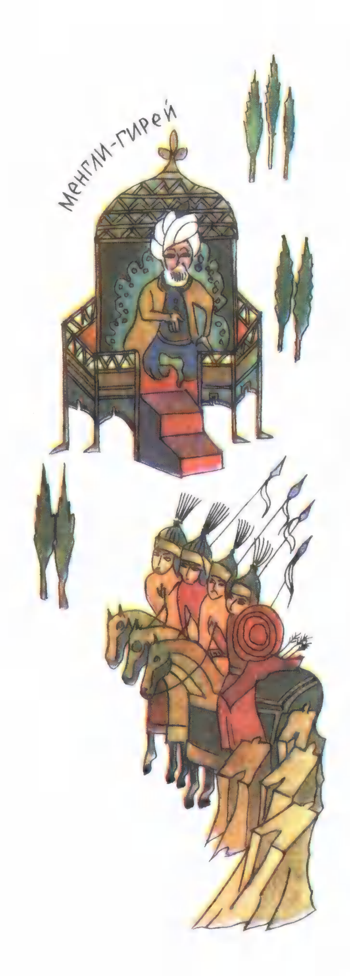
Новгородцы думали шесть дней. Явились к князю владыка и посадники, согласились снять вечевой колокол, отказались от посадника, лишь бы государь не вступался в их вотчины. Это уже был голос новгородского боярства.

После еще нескольких встреч с послами наконец пришли к соглашению.

Иван Васильевич «пожаловал новгородцев согласием» в имения и отчины людские не вступать, судить по старине, в низовскую землю не выводить и на суд в Москву не вызывать, выговорил себе десять волостей владычных и монастырских, к тому же все волости новоторжские, кому бы они ни принадлежали.

В обратный путь Иван Васильевич тронулся 14 февраля. Вслед за ним везли вечевой колокол. Ярославов двор занял великокняжеский наместник. Марфу Борецкую с ее внуком схватили, а их имение отписали на великого князя. Забрали в Москву все договоры, заключенные новгородцами с литовскими князьями.

Трудно сказать, считал ли Иван Васильевич на этом дела новгородские законченными. Ведь он сделал Новгороду ряд уступок и ограничился арестом лишь самых активных противников.

К 1478 году общая внешнеполитическая обстановка опять изменилась. Турецкие войска изгнали из Крыма Ахматова сына Джанибека и поставили ханом Менгли-Гирея. Менгли-Гирей, наученный горьким опытом, более решительно пошел на сближение с Москвой, теперь уже относя к общим недругам и Казимира. Формировался военный союз между Менгли-Гиреем и Иваном Васильевичем: оборонительно-наступательный по отношению к Казимиру, оборонительный по отношению к хану Ахмату. Намечалось сближение Москвы с Османской империей.

Управившись с Новгородом и начав сближение с Менгли-Гиреем, Иван Васильевич счел возможным нарушить свои обещания хану Ахмату. Дани ему не послал, уклонялся от выражения покорности. Хан Ахмат понял, что Русь окончательно ускользает из-под какой-либо даже относительной зависимости от Большой Орды. Опасен был для него и союз Москвы с Крымом.

Ахмат, а с ним и Казимир начали подготовку большого нашествия на Москву и, конечно же, поспешили заручиться союзом с противниками великокняжеской власти внутри Московского государства. Сепаратистским силам в Московском государстве предоставлялась возможность дать последний бой единодержавию великокняжеской власти.

Мы никогда не узнаем, сразу ли Иван Васильевич получил известия о всем объеме заговора против него или полная картина деятельности внутренних враждебных сил предстала уже в момент дознания. Некоторые намеки на то, что у него не все благополучно в семье, имелись и ранее. Опять, как это было в годы феодальной усобицы, поднялись на единовластие великого князя его родные братья. И опять, как и во все времена ордынского соседства, действия хана Большой Орды и княжеских братьев подозрительно совпали.

КОНЕЦ ОРДЫНСКОГО ИГА

Духовная грамота великого князя Василия Васильевича Темного в длинной череде завещаний московских князей довершила постепенное слияние их московской вотчины со всей территорией великого княжения. Государство стало как бы собственностью великого князя. Уже не княжеский род совместно владел землей, а один-единственный из всего рода.

Старший сын, Иван Васильевич, получил по благословению отца «отчину» — великое княжение. Территория великого княжения слита воедино с «уделом» великого князя. Это уже не удел, а собственность на государство.

«Уделы» даны и братьям Ивана: Юрию, Андрею большому, Борису и Андрею меньшому. По завещанию

это довольно значительные земельные и городские владения, но и взятые все вместе четыре удела несравнимы с тем, что получил великий князь.

В 1472 году умер Юрий Васильевич бездетным. По старому порядку княжеского права его вымороченный удел — Дмитров, Можайск, Медынь и Серпухов и ряд волостей — мог быть поделен поровну между братьями. Юрий в своей духовной сделал душеприказчиками свою мать и Ивана Васильевича. Движимое имущество поделил между родственниками, церквами и монастырями. Об уделе в завещании не помянул.

Великий князь присоединил его удел к своим владениям, ничем не оделив других трех братьев. Братья высказали обиду. Иван помирился с ними незначительными подачками.

Следом за этой обидой пришла другая. Издавна бояре имели право перехода на службу от одного удельного князя к другому, а удельные князья имели право принимать на службу перешедших. Иван Васильевич, поставив своих братьев в полную от себя зависимость, фактически сломал право перехода, хотя никаким особым государственным актом это не закрепил.

Словом, к моменту обострения политической обстановки, в канун подготовляемого ханом Ахматом нашествия на Русь, братья великого князя были готовы к переговорам с врагами великого князя. Правда, конфликт еще не вышел наружу.

Во второй половине 1478 года великому князю дали знать из Новгорода, что многие новгородцы пересылаются с Орденом и с королем Казимиром, призывая их на помощь в борьбе с Москвой. Казимир, в свою очередь, звал на Русь хана Ахмата и обратился к папе с просьбой помочь против Москвы. Папа назначил сбор средств со всех церковных владений в Польше и Литве.

Времени урезонивать новгородцев не оставалось. Иван Васильевич поднял наскоро тысячу всадников и, повелев сыну набирать войска и спешить к Новгороду, 28 октября выступил в поход.

Не вступая в переговоры, Иван Васильевич поставил против городских стен пушки и велел обстреливать город. Новгородцы попытались было завязать переговоры и запросили для послов «опасных грамот». Но они забыли, что Новгород отныне владение великого князя, а не равноправное государство. Иван Васильевич ответил: «Я сам опас для невиновных и государь ваш; отворите ворота: когда войду в город, невинных ничем не оскорблю».

Обстрел города продолжался. Противной стороне держаться было нечем. Ворота отворились, и навстречу великому князю вышли владыка Феофил, а с ним по-

садник и тысяцкий, упраздненные последним соглашением с великим князем.

Иван Васильевич благословился у архиепископа и объявил так, чтобы слышали и в народе: «Я, государь ваш, даю мир всем невинным, не бойтесь ничего!» По обычаю прошел в святую Софию, а затем в дом нового посадника Ефима Медведева. Тут же, до вечера, были схвачены 50 человек по обвинению в связях с королем Казимиром и срочно пытаны.

Раскрылась картина широкого заговора. На пытке выдали как участника заговора, даже как одного из главных действующих лиц архиепископа Феофила. Иван Васильевич, конечно же, помнил, с какой настойчивостью новгородский владыка испрашивал милости Борецким.

Пошли аресты. Было схвачено более сотни главных переметчиков к литовскому королю. Их казнили. Сто семей детей боярских и купцов разослали по низовским городам. Феофила отправили в заточение в подвал Чудова монастыря, его имущество было взято в великокняжескую казну. Скорее всего именно тогда вскрылось участие в заговоре братьев великого князя. Да они и сами поспешили это подтвердить своими действиями.

Перед походом на Новгород великий князь прогнал наместника в Великих Луках князя Ивана Лыко. Лыко не явился на суд к князю, а со своей дружиной начал грабить жителей в окрестностях Ржева. Великий князь велел его схватить. Лыко вспомнил о старинном боярском праве и «отъехал» к брату великого князя к Борису волоцкому.

Иван Васильевич уже не считался с этим правом, он послал в Волок схватить Лыко прямо на княжьем дворе, князь Борис прогнал посланных. Иван Васильевич потребовал выдачи перебежчика, Борис отказался выполнить это требование. Когда в Новгороде вскрылось участие братьев во враждебном заговоре, Иван Васильевич повелел боровскому наместнику Образцу найти и схватить Лыко, где бы он ни находился, применив вооруженную силу. Лыко схватили в его вотчине под Боровском.

Догадываясь, что великий князь поступил столь резко, имея на то основания, и угадывая, что в Новгороде раскрылась и их роль, князья Борис волоцкий и Андрей угличский сговорились выступить против великого князя с оружием в руках.

Расправившись с изменой в Новгороде, узнав о выступлении братьев через Ржев на тверские волости, великий князь поскакал в Москву. И пора! Со всех сторон шли известия, что хан Большой Орды поднимается на Русь. Для молодого Русского государства наступал решающий час испытания.

Успенский собор Московского Кремля. 1475—1479 годы.

Хан Ахмат действовал испытанным ордынским методом. Мамай, готовя нашествие на Москву, искал союза с литовским князем, с князьями рязанским и тверским. Ахмат вступил в сговор с королем Казимиром, и можно не сомневаться, что успел заручиться поддержкой братьев великого князя и новгородских крамольников.

В Новгороде Иван Васильевич успел управиться до того, как хан Ахмат собрал свои кочевья в поход. Обезопасить братьев у Ивана Васильевича достало бы силы, но по своему обычаю он предпочел их урезонить в переговорах. Благоприятствовала Ивану III и политическая обстановка в Восточной Европе. Позиция Крыма оказалась промосковской, поскольку союз Ахмата с Казимиром угрожал как московскому князю, так и крымскому хану. Тогда же активизировались промосковские настроения и в Среднем Поднепровье, чему содействовали «неожиданное» возвращение князя Михаила Олельковича из Новгорода в Киев и сам кризис пролитовской группировки бояр на Новгородской земле.

Закономерная тенденция становления Русского централизованного государства после присоединения Новгорода выдвигала задачу присоединения древнерусского Поднепровья. Иван III хотел превратить номинальный тогда уже титул «митрополита киевского и всея Руси» в реальный и уподобить этому церковному титулу и титул главы светской власти. Такой шаг был сделан, как известно, только в 1492 году, когда Иван Васильевич стал называться «государем всея Руси».

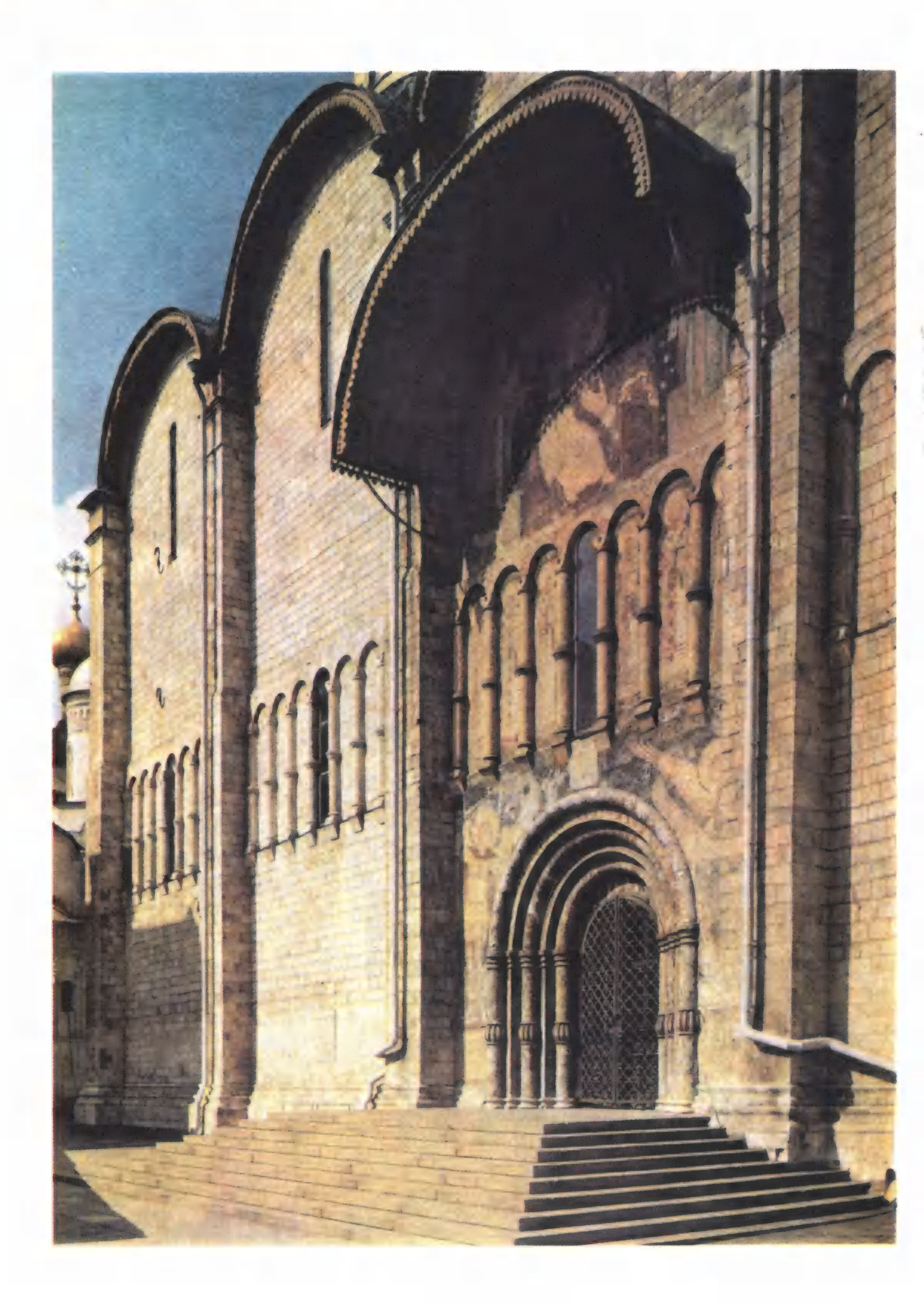
Поскольку задачу присоединения Киева в 1480—1481 годах решить не удалось, а подготовка к ее реализации проходила втайне, источники сохранили мало сведений об этих замыслах Ивана III и киевских князей Олельковичей.

Базой заговора князей Олельковичей и Ольшанских в Киеве являлись, по-видимому, определенные круги местных феодалов, у которых в это время окончательно исчезли старые иллюзии о создании Литовско-Русского государства, существовавшие в эпоху Ольгерда и Витовта. В условиях наступления польской шляхты и католической церкви для феодалов русского происхождения оставалось два пути: путь ополячивания и окатоличивания и путь ориентации на поднимавшееся Русское централизованное государство с его программой собирания русских земель, поддержанной московским митрополитом всея Руси.

«Заговор князей» имел место в 1480 году, для его осуществления не хватало только одного звена: начала военных действий между Литвой и Московским государством. По-видимому, Казимир располагал инфор-

Успенский собор.
Южный фасад.

мацией об общих настроениях в Поднепровье, хотя, может быть, и не знал конкретно о сговоре князей. Понимая, что в случае начала войны с Иваном III в Киеве могут повториться новгородские события 1470—1471 годов, он решил отказаться от совместных операций с Ордой против Москвы.

Так еще до решительного столкновения Иван Васильевич переиграл Ахмата в политической подготовке войны.

Иными, чем у Дмитрия Донского, были у Ивана Васильевича и чисто военные средства. Русское государство по всем признакам перешло к формированию войска на самой широкой основе, очень похожей на мобилизацию широких слоев населения, способных носить оружие.

Из летописных рассказов мы можем почерпнуть известия, что в великокняжеские походы ходили служилые люди в большом числе, бояре со своими дружинами и военными холопами, дети боярские и дворяне. Вместе с тем есть сведения, что формировались полки из горожан. Собирались и полки посошных людей. С четырех сох выставляли по коню и человеку, с 10 сох, по-видимому, тяжеловооруженного всадника в доспехах.

Может быть, такое войско и уступало по профессиональной подготовке войску Дмитрия Донского, но в целом оно находилось все же на более высоком уровне военного дела: основным средством боя служили теперь артиллерия и пищали. Именно артиллерия стала устрашающим оружием для ордынских всадников.

Еще Василий Васильевич Темный начал брать на службу ордынских царевичей. Иван Васильевич развил этот вид службы.

Новые мобилизационные возможности позволяли собрать многочисленное войско. Если численность войска Дмитрия Донского, называемая в летописях, вызывает очень серьезные сомнения, то численность войска Ивана Васильевича в 180 тысяч человек, указанная в летописи, вполне реальна. Действует эта огромная сила на большом пространстве, на Оке от Коломны и вверх до Калуги и от Калуги вверх по Угре.

Как только в Москве получили с Дикого поля точное известие, что хан Ахмат двинулся со всей своей силой к Дону, великий князь выставил полки по Оке. Сам пошел в Коломну, брата Андрея направил в Тарусу, сына Ивана — в Серпухов.

Хан Ахмат, узнав, что по Оке выставлены сильные полки, пошел к Калуге, ближе к литовской границе, надеясь, что туда поспешит со своим войском Казимир.

Русские внимательно следили за движением Орды. Когда определилось направление ее похода, Иван Васильевич приказал сыну и брату перехватить врага на

Интерьер Успенского собора.

Угре. Русские полки опередили Орду, захватили по Оке и Угре все броды и перевозы.

Ахмату пришлось совершить обходное движение. Он перешел Оку значительно выше Калуги, оттуда повернул к Угре и остановился, завидев на восточном берегу русское войско. Все происходило в конце июня и в первой половине августа.

Москва между тем села в осаду. Великую княгиню Софью Иван отправил вместе с казной на Белоозеро. Его мать, митрополит Геронтий, ростовский владыка Вассиан остались в Москве. Оборона Москвы была поручена московскому наместнику князю Ивану Юрьевичу Патрикееву.

В Москве царило волнение. Приезд князя из Коломны расценивался чуть ли не как бегство от войска. Все требовали битвы с Ордой. Объективно могло сложиться впечатление, что великий князь растерялся.

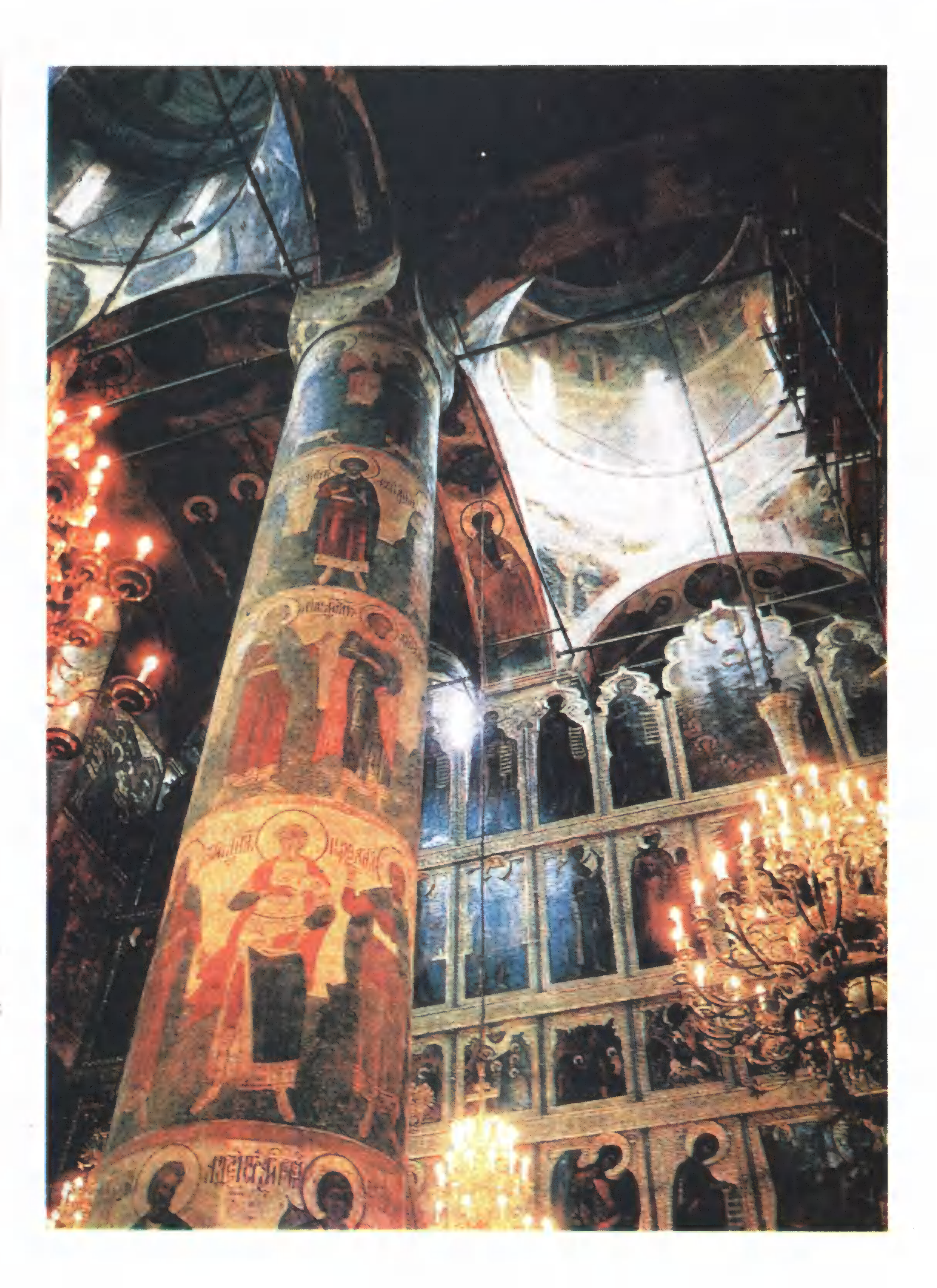
Летописцы единодушно приписывают Ивану Васильевичу значительные колебания, едва ли не возводя на него обвинение в растерянности и трусости. Будто бы он очень прислушивался к советам ближних своих Ощеры и Мамонова отвести войска за Москву, сдать город, а самому скрыться в Белоозерье, а то и на Северной Двине. Будто бы голоса советчиков и колебания великого князя были заглушены увещеваниями митрополита и упреками ростовского владыки Вассиана. Приводится текст обращения к князю этого незаурядного церковного оратора. Якобы он заявил великому князю, когда тот приехал из Коломны в Москву: «Вся кровь христианская падет на тебя за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь, бою с татарами не поставивши и не бившись с ними; зачем боишься смерти? Не бессмертный ты человек, смертный, а без сроку смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю; дай мне, старику, войско в руки, увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами!»

Летописцы сбили с толку и некоторых историков, которые изобразили Ивана Васильевича в деле с Ахматом и оробевшим и колеблющимся. Иные его поступки, продиктованные глубоким замыслом, истолковывались как желание уклониться от решающей битвы. Но этот образ Ивана Васильевича, созданный летописцами, а за ними и некоторыми историками, никак не согласуется ни со всей его деятельностью, ни с его талантом дипломата, властителя, организатора могучего государства.

В качестве доказательства его неустойчивой позиции приводится такой пример. Иван Васильевич послал на Угру к сыну грамоту, чтобы тот немедленно ехал в Москву. Сын не послушал отца. Когда к нему послали вторично, ответил: «Умру здесь, а к отцу не пойду».

Думается, что со стоянием на Угре все было слож-

нее, чем это передано летописцами. Летописи писались церковниками, их составители обычно держались в традициях старых повествований.

События на Куликовом поле и поход хана Ахмата во многом совпадают. В повестях о Мамаевом побоище много внимания уделено роли церкви, в особенности Сергию Радонежскому, как вдохновителю Дмитрия Донского. Понадобился и здесь церковный вдохновитель.

В повестях о Куликовской битве митрополит стоит на втором месте после Сергия, здесь на первое место выдвигается ростовский владыка Вассиан. Разница лишь в том, что Сергий всей своей деятельностью, предшествующей Куликовской битве, выступал как политический деятель, как организатор единства Северо-Восточной Руси, как организатор переселения русских людей с южных окраин на северные земли. Его значение как помощника великого князя в организации отпора Мамаеву нашествию никак не сравнимо с ролью церковных деятелей при Иване Васильевиче, и, чтобы ее подчеркнуть, не понадобилось ли показать великого князя колеблющимся?

Несомненно, могли найтись советчики, которые звали князя в отход, но, конечно, не было недостатка и в тех, кто раньше времени рвался в бой. На наш взгляд, и те и другие голоса советчиков потому и звучали громко, что Иван Васильевич не торопился раскрыть свой замысел. Он, как и прежде, битве предпочитал дипломатические маневры и отзывал сына от войска, опасаясь, что тот ввяжется в бой.

Иван Васильевич подготовил к осаде Москву, снесся еще раз с взбунтовавшимися братьями, нарядил посольство к Менгли-Гирею, дал знать в Киев своим сторонникам, что пора приступать к активным действиям против Казимира, и отбыл на Угру. Его всячески подталкивали на сражение, а он ждал известий из Киева, ждал, когда Менгли-Гирей выступит против находившихся в тесном союзе Казимира и Ахмата.

Иван III для своего времени был образованным человеком. Припомнив его походы к Новгороду, можно предположить, что Иван Васильевич знал великую тайну стратегии: сосредоточенное для удара войско, изготовленное к бою, для противника обычно страшнее войска, введенного в бой, так как неизвестна его боевая сила. Бой же, битва изобилуют случайностями, в которых может раствориться истинная сила.

Знал Иван Васильевич и еще один стратегический закон войны. Затеявший агрессию только тогда имеет успех, когда она начинается с удач в первых сражениях. Агрессор не вправе выжидать, наступление его должно быть непрерывным. Уже то, что Ахмат остановился на Угре, не решаясь начать битву, было его поражением.

Ничем: ни вооружением, ни численностью полков — не измерить морально-нравственное состояние войска. Если заколебался военачальник, то, стало быть, он увидел колебания и в своем войске. Если бы каждый ордынский воин, если бы ордынские воины во всей своей массе были уверены в победе, хан Ахмат не удержал бы их от переправы через Угру и битва развернулась бы и помимо ханской воли.

Не ударил в первый день, во второй, третий, не ударил в течение месяца. Можно быть уверенным, что так и уйдет восвояси, ибо время работало на Москву.

Началось вторжение Менгли-Гирея в Подолию, Казимир оказался обезоруженным. Разгорелся киевский мятеж, Казимиру стало не до Москвы. А тут братья, видя бессилие Ахмата, пришли бить челом великому князю, выпрашивая для себя волости и уделы. Волости можно было дать...

Ахмат грозился начать наступление, когда лед скует Угру. 26 октября Угра встала. Но Ахмат не поспешил переходить ее по льду.

Горячие головы призывали Ивана Васильевича к наступлению. Тогда он совершил необычный маневр, который привел к самому необычному в истории военного искусства результату. Он дал приказ войску отойти от Угры к Боровску. Цель ясна: не дать повода начать дело с Ордой, которая уже была готова к отступлению.

11 ноября хан Ахмат, несмотря на то, что все переправы через Угру были открыты, повернул прочь. Кинулся в бег через литовские волости, грабя земли своего союзника Казимира.

Где-то на зимовье в устье Северного Донца Иван Васильевич настиг его чужими руками. Не без его воздействия хан Шибанской или Тюменской орды Ивак с ногаями встретил Ахмата на зимовке и 6 января отрубил ему голову и отправил ее великому князю в доказательство, что его враг повержен. Иван Васильевич приветливо встретил послов Ивака, одарил их, одарил хана.

Большой Орде осталось существовать недолго...

11 ноября 1480 года, день ухода хана Ахмата с берегов Угры, принято считать днем полного освобождения Русской земли и русского народа от ордынского ига, от какой-либо зависимости от ханов Большой, или Золотой, Орды.

Собственно говоря, смертельный удар Золотая Орда получила на Куликовом поле. После куликовской победы в том объеме, в каком она была установлена со времен Батыя, власть Золотой Орды над Русью уже не возобновлялась. Короткая реконкиста Тохтамыша ничего не изменила. Русь стремительно, год от года рвала путы.

Золотая Орда после куликовского поражения все в большей мере должна была считаться с фактом сосу-

Клейма южных «Корсунских врат».

ществования двух набиравших силу государственных образований: Польско-Литовского королевства и Великого Владимирского и Московского княжения. Разбитая на отдельные улусы, Ордынская держава не представляла прежней угрозы, хотя от вмешательства в политическую жизнь восточноевропейских государств не отказывалась.

Обезопасив себя в какой-то мере со стороны Поволжья служилыми татарскими царевичами, покончив с крамольниками в Великом Новгороде, нейтрализовав на какое-то время Рим своим браком с Софьей Палеолог, использовав антикоролевские настроения в Среднем Поднепровье, заключив военный союз с Менгли-Гиреем, Иван Васильевич изолировал Большую Орду. И Большая Орда, теперь уже эфемерное государственное объединение разнодействующих сил, рухнула без пушечного грома.

Казимир еще некоторое время пытался гальванизировать эту силу, пересылаясь с сыновьями хана Ахмата, но попытки ни к чему не привели. В ответ лишь нараста-

ли для Польско-Литовского государства неприятности от Крымского ханства, поддерживаемого Иваном Васильевичем.

Орда строила свое вековое господство, разжигая вражду между русскими князьями, Иван Васильевич доканчивал разрушение Большой Орды руками крымских ханов.

Последние два десятилетия XV века отмечены постепенным изменением в расстановке сил в Восточной Европе. Москва сумела извлечь максимальные выгоды из этого изменения. Именно в эти годы определилось преобладание Московской Руси над Польско-Литовским государством и над Золотой Ордой.

После гибели Ахмата Золотая Орда некоторое время оставалась сравнительно большим государством, точнее, за ней удерживалась огромная территория. Отвоевать ее у сыновей Ахмата было не так-то легко, но и у них не было сил реально воздействовать на восточноевропейскую политику.

Казимир IV все еще искал в Орде поддержку против усиления Московской Руси, но надежды были тщетными. Иван Васильевич держал прочно союз с Крымом, рассекая этим союзом антирусский фронт польского короля и Ахматовичей.

В 1484 году Ахматовичи попытались вторгнуться в пределы Крымского ханства. На помощь Менгли-Гирею пришел турецкий султан. Иван Васильевич направил против Ахматовичей татарские отряды под командованием Нур-Девлета, брата Менгли-Гирея.

В ответ на диверсию Ахматовичей Менгли-Гирей открыл военные действия против Казимира. Вражда с Московской Русью дорого стоила Польско-Литовскому государству. Казимир искал союзников, чтоб отразить набеги крымского хана, но европейским государям в это время было не до польских феодалов. Турецкий султан Баязет II перешел Дунай и с помощью отрядов Менгли-Гирея захватил Килию и Белгород-Днестровский. Турецкие корабли бороздили Средиземное море.

Римская курия пыталась создать антитурецкую коалицию из католических королей. Были предприняты попытки втянуть в эту коалицию и Москву. Священная Римская империя во главе с императором Фридрихом III из дома Габсбургов, венгерский король Корвин, Казимир из дома Ягеллонов и Иван Васильевич. Слишком разными они были людьми даже по характеру, не говоря уже о несовместимости их политических целей.

Римская курия, дабы поднять Москву на султана, готова была увенчать голову Ивана Васильевича императорской короной. Но Казимир и Фридрих III не хотели победы над Турцией ценой превращения Московской Руси в империю. Однако Польша, Чехия и Венгрия,

Феофан Грек.
Апостол Павел.
Фрагмент.

несмотря на все усилия Ягеллонов, не объединились. Идея польско-венгерско-чешской унии устраивала Краков, но венгерские и чешские феодалы страшились усиления польских феодалов. Неудивительно, что в противовес Кракову сначала правитель Венгрии Матвей Корвин, а потом и Габсбурги выдвинули свои планы создания обширного многонационального государства в Центральной Европе. В этих условиях Габсбурги увидели больший для себя смысл в постепенном сближении с Москвой.

Не имея возможности ослабить какими-либо внешнеполитическими действиями Москву, Казимир последние годы своей жизни употребил на создание польским феодалам перевеса над литовскими и русскими. Участились совместные заседания коронного сената с литовской радой, а в 1501 году польский сенат и литовская рада слились воедино, была провозглашена общность политических задач, создано общее войско, началась чеканка общей монеты. Несколько ранее, в 1478 году, Казимир вынудил литовских феодалов присягнуть своему сыну Александру как наследнику великокняжеского стола в Литве.

Иван Васильевич, предвидя военный конфликт с Казимиром, укреплял дружественные связи с венгерским королем Корвином и с Габсбургами. Теперь уже не папа римский, а Фридрих III предложил московскому князю королевскую или императорскую корону. Иван Васильевич отклонил это предложение, он ни в чем не хотел зависеть от европейских государей.

Перед Москвой возникли и новые внешнеполитические проблемы вне польско-литовского круга. Присоединение Новгорода к Москве вывело Московскую Русь на Балтику. На Балтике скрещивались интересы Дании, Швеции, Ливонии и Ганзейского торгового союза. Иван Васильевич ориентировался на Данию и поэтому в 1493 году закрыл Ганзейский двор в Новгороде.

На юге Иван Васильевич опирался не только на Менгли-Гирея. Он имел дружественные союзные отношения с молдавским господарем Стефаном, в 1483 году он женил своего сына-наследника князя Ивана Ивановича на дочери Стефана Елене, а в 1488 году просил крымского хана о посредничестве в установлении прямых дипломатических отношений с Турцией.

Война между Московской Русью и Польско-Литовским государством началась в 1487 году и продолжалась до 1494 года. Военные действия развернулись в верховьях Оки, а также в районе Великих Лук. Во время войны умер Казимир, его сын Александр вынужден был в 1494 году заключить мир. По мирному договору польский король признавал все отъезды князей и феодалов из Литвы. Литва отказывалась на вечные времена от своих «прав» на Великий Новгород, Псков, Тверь,

Рязань. Верховья Оки и Волги вошли в состав Русского государства. Александр признал за Иваном III титул «государя всея Руси».

Отнюдь не из тщеславия добивался признания этого титула Иван Васильевич. Этот титул раскрывал его политическую программу воссоединения всех исконно русских земель. Все русские земли, которые были захвачены польскими и литовскими феодалами в годы Батыева и ордынских погромов, никогда не признавались «чужими», титул «государя всея Руси» подчеркивал временное их нахождение под юрисдикцией Польско-Литовского государства.

Изменение внешнеполитической обстановки в пользу Московского государства в конце XV века породило встречное движение в регионах с превалирующим русским населением. Именно в 80-х и 90-х годах начались массовые переходы в Московскую Русь и крупных русских феодалов, и людей иных сословий. В результате при жизни Ивана III в пределы Московской Руси вернулись города Новгород-Северский, Чернигов, Любеч, Стародуб, Рыльск, Гомель, Трубчевск.

В переписке с папой, в переговорах с королем Александром Иван Васильевич постоянно подчеркивал, что присоединением этих городов его задача не исчерпывается. Он объявлял, что и Киев и Смоленск тоже принадлежат ему по «отчине», оставляя за Польско-Литовским государством только те города и земли, которыми Польша и Литва располагали до монголо-татарского нашествия. «Вся Русская земля,— говорил Иван Васильевич,— должна по праву принадлежать московскому государю».

«Изумленная Европа,— писал К. Маркс,— в начале царствования Ивана едва замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи московита».

Основная причина этих важных сдвигов состояла в том, что путь развития феодальной формации в Московской Руси, завершившийся созданием Русского централизованного государства, в конце концов оказался эффективнее пути, по которому пошло развитие феодализма на землях, охваченных польско-литовской государственной организацией.

Московская Русь развивалась в основном как национальное государство, не знавшее национальных и религиозных противоречий, а Великое Литовско-Русское княжество, особенно после унии с Польшей, развивалось как государство многонациональное, в котором польско-литовские феодалы постепенно брали верх над русскими, а католическая церковь энергично насту-

Благовещенский собор Московского Кремля. 1487—1489 годы.

пала на православное население. И чем значительнее в этих условиях были успехи полонизации и окатоличивания русских земель, чем в большей мере глава Литовско-Русского государства превращался в польского короля, тем полнокровнее становился титул «государя всея Руси», тем легче протекало «собирание» русских земель вокруг Москвы.

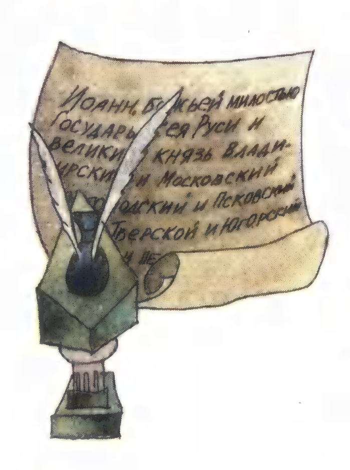
Таким образом, сам характер развития Московского и Литовского государств в известной мере предопределял исход соперничества Казимира IV и Ивана III. Но, кроме этих внутренних причин, определивших успехи Московской Руси и неудачи Литвы, были еще и факторы международного порядка, использо-

Грановитая палата Московского Кремля. 1487—1491 годы.

ванные Казимиром и Иваном Васильевичем далеко не одинаково.

Дипломатия Ивана III, единодержавного государя, оказалась значительно более гибкой, чем дипломатия Казимира IV, скованного зависимостью от польской феодальной олигархии.

ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

Подходил к концу век XV, Русь переступала в XVI век.

В Москве заканчивал свою жизнь великий владимирский и московский князь, теперь уже «Иоанн, божьей милостью государь всея Руси, и великий князь владимирский, и московский, и новогородский, и псковский, и тверской, и югорский, и пермский, и болгарский и иных». В переписке с Ливонией и немецкими князьями употреблялось выражение «царь всея Руси», в ответных грамотах его все чаще называли «царем» и даже «императором». К нему равно обращались с челобитными и знатный боярин, и простолюдин с предписанной формулой: «Государю великому князю Ивану Васильевичу, всея Руси холоп (такой-то) бьет челом».

Четырнадцатый век кончался для Москвы набегом Тохтамыша, поголовным избиением ее жителей, наше-

ствием Тамерлана и Едигея; междоусобная война, которую вел Василий Темный, ввергла государство в неисчислимые бедствия, ныне никто из удельных князей не смел не только поднять руку на Ивана Васильевича, но и в помыслах держать крамолу стало опасным. Раз и навсегда определился за Москвой перевес над соседями.

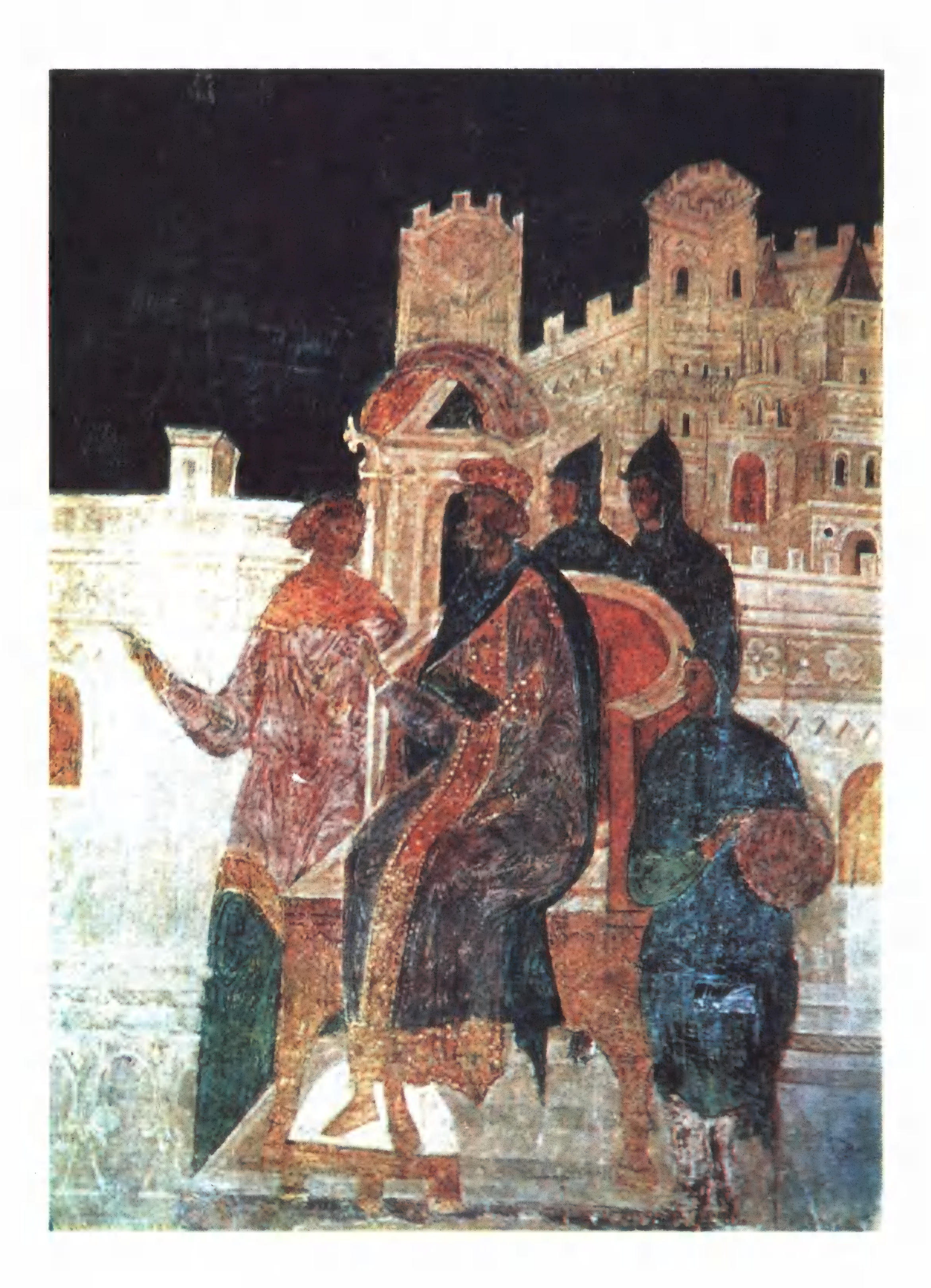
Одержав бескровную победу над Золотой Ордой, освободив Русь от какой-либо тени зависимости от векового разбоя, Иван Васильевич не гнался за завоеваниями, а согласно чаяниям русского народа возвращал отторгнутые земли.

Разрешив сложнейшие внешнеполитические вопросы, устроив «тишину» на Русской земле, Иван Васильевич нашел силы и возможности заняться укреплением и украшением Москвы, преобразованием управления и упорядочением законодательства.

Он приглашал из Италии и из других стран мастеров-умельцев чеканить монеты, лить пушки, обу-

Троице-Сергиевская лавра в Загорске. XIV—XVIII века.

Дионисий. Тимофей Ярец. Вавилонский царь Навуходоносор. Фрагмент стенописи Успенского собора. 1481 год.

чать артиллерийскому делу русских пушкарей. С женитьбой на Софье Палеолог связи с Италией расширились. Приехал Аристотель Фиорованти. Древний храм Успения богородицы, главный храм Москвы и всей Русской земли, построенный еще Иваном Калитой, пришел в ветхость. Фиорованти в течение четырех лет перестроил Успенский собор, лил пушки, учил стрелять из них.

В 1494 году в Москву приехал искусный мастер по сооружению крепостных стен, башен и палат Алевиз. Он начал перестройку каменных стен Кремля, с ним работали на сооружении кремлевских башен Антон и Марко Фрязины. Заново был заложен и Архангельский собор. Заново возводились государевы и митрополичьи палаты.

В 1497 году по повелению Ивана Васильевича дьяком Владимиром Гусевым был составлен «Судный устав», или Судебник. Это был свод законов, значительно расширяющий и уточняющий «Русскую Правду» Ярослава Мудрого, которая, конечно же, на протяжении столетий претерпела изменения.

Судебник определял прежде всего право суда. «Судить суд боярам, окольничим или детям боярским, за которыми кормления с судом боярским, а на суде быть у бояр и окольничих дьякам. Которого жалобщика управить будет нельзя, о таком говорить великому князю или отослать его к тому, кому надлежит ведать таких людей».

Уходя из жизни, Иван Васильевич четко наметил новый порядок в наследовании престола. В своем завещании он не дробил земли, хотя и оставил на кормление волости всем своим сыновьям. Но наследнику, Василию, сыну Софьи Палеолог, он отдал две трети всего государства. В свое время от отца Иван Васильевич получил только треть. Он передавал власть в одни руки, и эта власть была столь же необъятной, как и у него в руках.

Иван Васильевич умер 27 октября 1505 года, на 67-м году жизни, после 44 лет правления государством.

XVI век нес Русской земле немало тревог, волнений и испытаний, но наследовал он и могучую силу русского народа, способного преодолеть все трудности на пути к созданию одного из ведущих государств мира.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1176—1212 гг. Княжение Всеволода Юрьевича Большое Гнездо во Владимиро-Суздальской земле

1199—1205 гг. Княжение Романа Мстиславича в Галицко-Волынском княжестве

1206 г. Провозглашение Темучина главою монгольской державы и принятие им имени Чингисхана

1216—1218 гг. Княжение Константина Всеволодовича во Владимиро-Суздальской земле

1216 г. Липицкая битва

1218—1228 гг. Княжение Юрия Всеволодовича во Владимиро-Суздальской земле

1219—1221 гг. Завоевание монголами Средней Азии

1223 г. Битва на реке Калке

1227 г. Смерть Чингисхана

1237—1238 гг. Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь

4 марта 1238 г. Битва на реке Сити

1238—1246 гг. Великое княжение Ярослава Всеволодовича

1239—1264 гг. Княжение Даниила Романовича на Галицкой земле

15 июля 1240 г. Победа новгородского князя Александра Ярославича над шведами на реке Неве

1240—1242 гг. Поход Батыя в Южную Русь, Польшу, Венгрию и Моравию

6 декабря 1240 г. Взятие татарами Киева

5 апреля 1242 г. Ледовое побоище

Около 1243 г. Образование Золотой Орды

1249—1252 гг. Великое княжение Андрея Ярославича

1257—1258 гг. Ордынская перепись Русской земли

1259—1263 гг. Великое княжение Александра Невского

1265 (?) — 1300 гг. Существование Причерноморского улуса Ногая

1276—1303 гг. Княжение Даниила Александровича в Москве

1300 г.— Переезд митрополита Максима из Киева во Владимир

1301 г. Присоединение Коломны к Москве

1302 г. Присоединение Переяславского княжества к Москве

1303—1325 гг. Княжение Юрия Даниловича в Москве

1305 г.— Создание общерусского летописного свода в Твери

1309 г. Переезд митрополита Петра из Киева во Владимир-на-Клязьме

1316—1341 гг. Княжение Гедимина в Литве

1318—1322 гг. Великое княжение Юрия Даниловича (московского)

1326 г. Перенесение митрополии из Владимира в Москву

1327 г. Восстание против Щелкана в Твери

1328—1341 гг. Великое княжение Ивана Калиты в Москве

1341—1353 гг. Великое княжение Симеона Гордого

1345—1377 гг. Княжение Ольгерда в Великом княжестве Литовско-Русском

1349 г. Захват Галицкой земли польским королем Казимиром

1353—1359 гг. Великое княжение Ивана Ивановича Милостивого

1359—1389 гг. Великое княжение Дмитрия Ивановича Донского в Москве. Ярлык на великое княжение выдан Ордой в 1362 году

1367—1368 гг. Постройка каменного Кремля в Москве

1377 г. Начало княжения Ягайла в Великом княжестве Литовско-Русском (король польский с 1386 года)

11 августа 1378 г. Битва на Воже

8 сентября 1380 г. Куликовская битва

1382 г. Сожжение Москвы Тохтамышем

1385 г. Уния Великого княжения Литовско-Русского с Польшей

1389—1425 гг. Великое княжение Василия I Дмитриевича

1392—1430 гг. Княжение Витовта в Великом княжестве Литовско-Русском

1399 г. Битва на Ворскле

1408 г. Нашествие Едигея

15 июля 1410 г. Грюнвальдская битва

1413 г. Городельская уния Польши и Великого княжества Литовско-Русского

1425—1462 гг. Великое княжение Василия II Васильевича Темного

1439 г. Флорентийская церковная уния

1440—1492 гг. Княжение Казимира Ягайловича в Великом княжестве Литовско-Русском (король польский с 1447 года)

1462—1505 гг. Великое княжение Ивана III Васильевича

1472 г. Брак Ивана III Васильевича с греческой царевной Софьей Палеолог

1478 г. Присоединение Новгорода к Московскому государству

1480 г. «Стояние» на реке Угре. Гибель хана Ахмата

1485 г. Присоединение Тверского княжества к Московскому государству

1485—1516 гг. Постройка новых кремлевских стен в Москве

1494 г. Судебник Ивана III

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ РУСИ XIII—XV ВЕКОВ

Карамзин Н. М. История государства Российского. Спб., 1816, т. III.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, т. II, III.

Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1959, т. II.

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. П., 1918.

Шахматов А. А. Обзор русского летописания XIV—XVI вв. М., 1938.

Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947.

Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XIII вв. М., 1953.

Очерки истории СССР. Период феодализма XIV—XV вв. М., 1953.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. М., 1960.

Тихомиров М. Н. Древняя Москва в XII—XV веках. М., 1947.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957.

Очерки истории русской культуры XIII—XV вв. М., 1969—1970, ч. 1,2.

История русской литературы X—XIII веков. М., 1980.

Кирпичников А. И. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1976.

Котляр М. Ф. Галицкая Русь XIII—XV вв. Киев, 1971.

Ивакин Г. Ю. Киев и киевская земля в XIII—XV вв. Киев, 1982.

Беляева С. А. Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV в. Киев, 1982.

Веселовский Н. Н. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. П., 1922.

Любавский М. К. История Великого княжества Литовского. М., 1910.

Пашуто В. Т. Образование государства Литовского. М., 1959.

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Історія Української РСР, т. I, кн. 1 и 2. Київ, 1977, 1979.

История Белорусской ССР, т. I. Минск, 1977.

История Литовской ССР. Вильнюс, 1978.

Бартольд В. В. Улугбек и его время.—Сочинения. Т. 2, ч. 2. М., 1964.

Бартольд В. В. Чингисхан.— Сочинения, Т. V. М., 1968.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Насонов А. И. Монголы и Русь. М., 1940.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Федоров-Давыдов Г. Ф. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Каргалов В. П. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1968.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.

Кучкин В. А. Формирование территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.

Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф.

Г 80 Мир истории: Русские земли в XIII—XV веках / Худож. К. Сошинская.— М.: Мол. гвардия, 1986.— 334 с., ил.— (Эврика).

В пер.: 2 р. 20 к. 100 000 экз.

О пути, который прошла Русь на протяжении XIII—XV веков, от политической раздробленности накануне татаро-монгольского нашествия до победы в Куликовской битве и создания централизованного Русского государства, рассказывают доктор исторических наук И. Б. Греков и писатель Ф. Ф. Шахмагонов.

Г $\frac{0505010000-140}{078(02)-86}$ 275—85

ББК 63. 3(2)43
9 (с)13

Рецензент академик **Б. А. Рыбаков**

ИБ № 3864

Игорь Борисович Греков,
Федор Федорович Шахмагонов

МИР ИСТОРИИ
Русские земли в XIII—XV веках

Редактор
Л. Антонюк

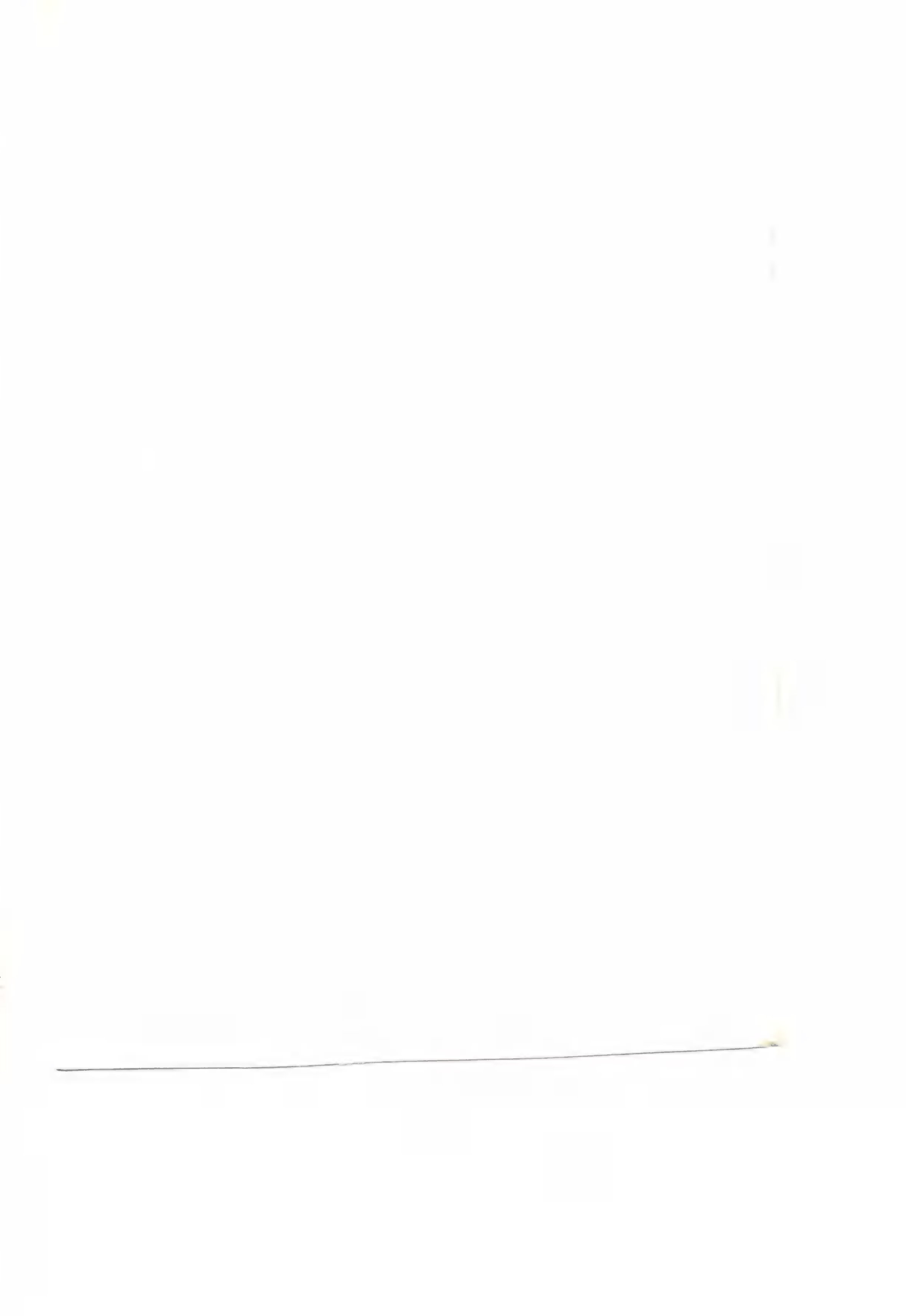
Художественный редактор
Т. Войткевич

Технический редактор
Р. Сиголаева

Корректоры
В. Авдеева, Т. Пескова, Т. Крысанова

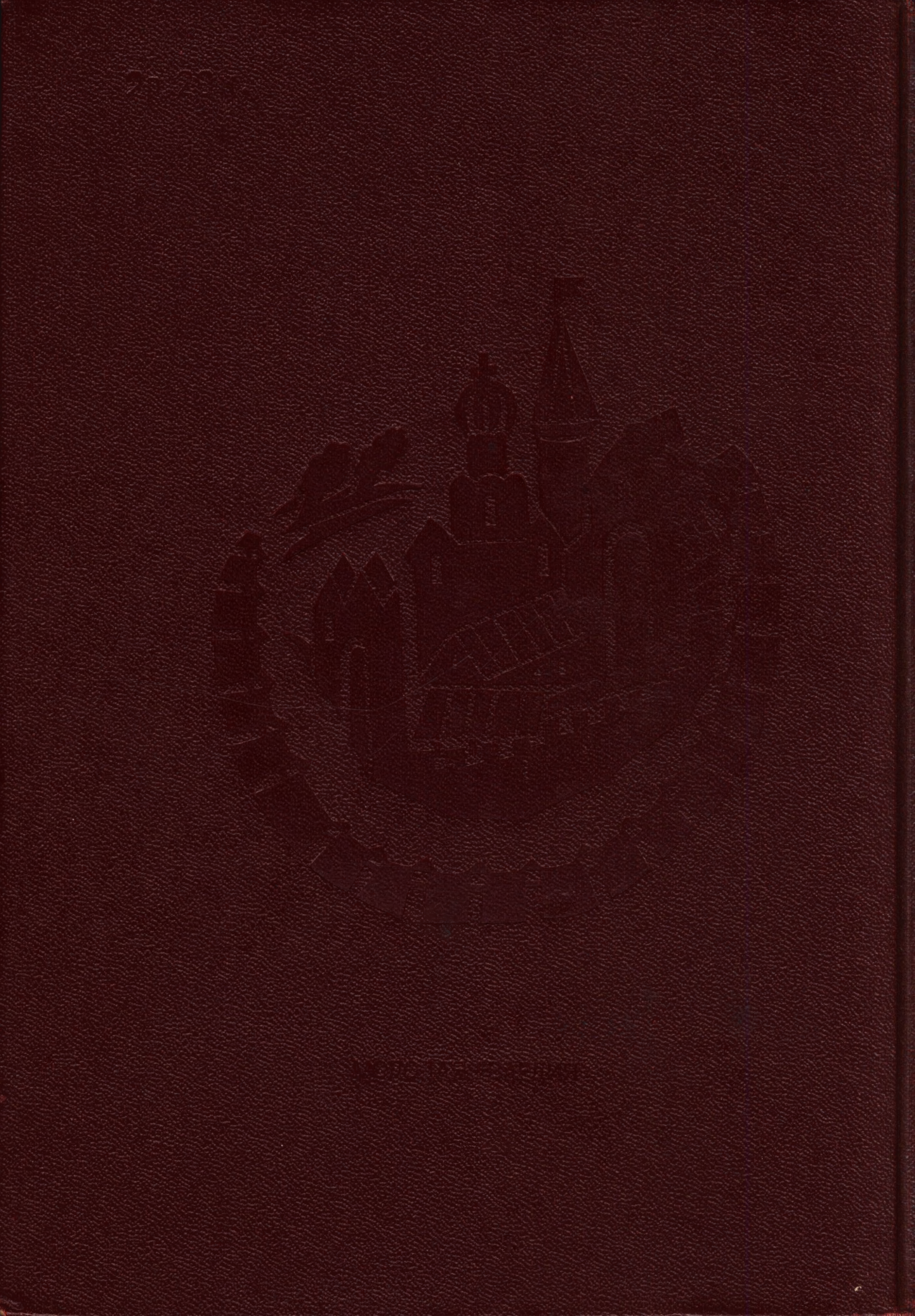
Сдано в набор 30.04.85. Подписано в печать 24.04.86. А08120. Формат $70 \times 100^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать офсетная. Условн. печ. л. 27,3. Усл. кр.-отт. 36,92. Учетно-изд. л. 24,8. Тираж 100 000 экз. Цена 2 р. 20 к. Заказ 663.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

И. ГРЕКОВ, Ф. ШАХМАГОНОВ • МИР ИСТОРИИ